

ИСТОРИКИ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ НАУКИ

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛАХ*

В статье анализируются все публикации российских историков в зарубежных исторических журналах, включенных в базу данных Web of Science в 1993–2008 гг. Наряду с количественными показателями числа публикаций и числа ссылок исследуются качественные характеристики статей российских историков: распределение по типам журналов, тематика публикаций, а также изменения в составе публикаций на протяжении рассматриваемого периода.

Ключевые слова: *зарубежные исторические журналы, российские историки, научные статьи, число ссылок, Web of Science (WoS).*

В последние годы тема «вклада» российских ученых в мировую науку активно обсуждается в российском научном и околонучном (административном, медийном и т.д.) сообществах. Впрочем, тема «присутствия» национальной науки в мировой обсуждается не только в России, но и во многих других странах, от Турции и Китая до Австралии и Великобритании.

Одним из наиболее популярных способов оценки национального научного «вклада» являются подсчеты числа статей, опубликованных в журналах, включенных в международные базы данных, а также числа ссылок на эти статьи в тех же информационных базах. В основном такого рода работы посвящены естественным наукам, но иногда в них включаются социальные и гуманитарные дисциплины¹.

Понятно, что при масштабных исследованиях, охватывающих большое число стран и множество наук, авторы не могут проводить

* Работа выполнена при поддержке Института общественного проектирования, индивидуальный исследовательский грант № 25-Г «Российская и мировая социально-гуманитарная наука: проблемы взаимодействия».

¹ См., напр.: *Гохберг, Сагиева. 2007.*

качественный анализ публикаций и вынуждены использовать чисто количественную информацию. Мы же хотим попытаться, ограничившись только российскими авторами-историками посмотреть более внимательно не только на количественные, но прежде всего на содержательные характеристики публикаций в зарубежных исторических журналах².

1. Характеристика источников

Анализ числа журнальных публикаций и уровня их цитируемости чаще всего проводится на материалах базы данных Web of Science (WoS), принадлежащей ныне компании Thomson Reuters Corporation. Эта информационная система является старейшей в мире — она была разработана в 1960-е годы в Институте научной информации (Institute for Scientific Information — ISI) в Филадельфии, который основал и в течение многих лет возглавлял Юджин Гарфилд. Первоначально в ISI была создана база данных по естественнонаучным журналам (Science Citation Index — SCI), в начале 1980-х годов начали развиваться базы данных по общественнонаучным (Social Science Citation Index — SSCI) и гуманитарным (Arts and Humanities Citation Index — A&HCI) периодическим изданиям, к которым относятся, в частности, и исторические журналы. Сейчас Science Citation Index Expanded охватывает около 6400 научных журналов (начиная с 1900 г.); Social Sciences Citation Index — около 1700 журналов (начиная с 1956 г.); Arts and Humanities Citation Index — около 1100 журналов (начиная с 1975 г.). При этом состав баз данных немного меняется во времени, в основном за счет включения новых журналов, но также за счет исключения из базы некоторых изданий, переставших выходить или изменивших свой статус.

В последние годы наряду с Web of Science стали создаваться и другие электронные базы данных, включающие общественные и гуманитарные науки — Scopus (издательство Elsevier); CSA Illumina (компания ProQuest, являющаяся частью Cambridge Information Group), а также базы данных по отдельным общественным наукам (например, по экономике — EconLit, RePEc; по психологии —

² О публикациях отечественных авторов в зарубежных журналах по экономике, социологии и философии см.: *Савельева, Полетаев. 2009.*

PsycINFO)³. По количеству учитываемых журналов по социальным и гуманитарным наукам база данных Scopus к настоящему времени уже превосходит WoS, но в Scopus используется сильно агрегированная классификация журналов по дисциплинам, не позволяющая выделить собственно исторические издания. Поэтому исходя из целей данной работы, анализируя публикации российских исследователей по истории, мы будем использовать базу данных WoS.

Первая проблема, которая возникает при использовании данных WoS: в какой мере включенные в нее журналы являются международными, а в какой — национальными. Вопрос о роли «национальной» науки и ее соотношении с «мировой» является непростым, как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения. Этот вопрос мы рассматриваем более подробно в другом месте⁴, а здесь ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями, частично характеризующими положение дел с историческими публикациями.

Состав исторических журналов, включенных в базу данных WoS, вызывает довольно много вопросов, связанных со степенью репрезентативности этого набора. Прежде всего это относится к страновому распределению — треть всех исторических журналов составляют американские издания, еще 22% — английские (табл. 1). Почти столько же приходится суммарно на долю Франции, Германии, Италии и Испании — около 26% всех журналов. Понятно, что, с одной стороны, не англоязычные страны представлены явно недостаточно: например, среди французских изданий в WoS отсутствует журнал «Анналы», хорошо известный российским историкам. С другой стороны, очевидно, что в WoS несоразмерно обильно представлены издания англоязычных стран, в первую очередь США.

Из 221 исторического журнала, включенного в WoS в настоящее время, 76 журналов (34%) издаются в США. Из них 15 — журналы по различным аспектам истории США (*American Heritage*, *American Historical Review*, *American History* и т.д.). Еще 18 журналов посвящены истории отдельных американских штатов или регионов США (*Appalachian Journal*, *Arkansas Historical Quarterly*, *California History* и т.д.).

³ Обзор существовавших на середину 2000-х гг. автоматизированных баз данных и возможностей их использования для библиометрического анализа см. в: Neuhaus, Daniel. 2008.

⁴ Савельева. 2010 (в печати).

Всего, таким образом, по меньшей мере 33 журнала из 76, т. е. 43% — чисто американские по тематике (см. табл. 2). Конечно, печататься в них могут не обязательно американцы, но почти исключительно — американисты. Этот пример важно иметь в виду для трезвой оценки возможностей публикации наших ученых в зарубежных журналах. На самом деле, многие из остальных выходящих в США исторических журналов по существу также являются американскими (т. е. изданиями американских профессиональных ассоциаций, университетов или исследовательских центров), но они хотя бы формально не ограничивают свою тематику лишь историей США.

Таб. 1. Распределение журналов по истории в базе данных WoS по месту издания (по состоянию на начало 2009 г.)

Страны	Число	Структура (%)
Всего	221	100
США	76	34
Великобритания*	49	22
Франция	19	9
Германия	15	7
Италия	10	5
Испания	10	5
Канада	7	3
Нидерланды	4	2
Россия	2	1
Другие страны	29	12

*В базе данных WoS — «England».

Таб. 2. Входящие в WoS исторические журналы, издаваемые в США (по состоянию на начало 2009 г.)

Журналы по истории США и отдельных американских штатов	Другие журналы
1. American Heritage	African Economic History
2. American Historical Review	Agricultural History
3. American History	Americas
4. American Indian Culture and Research Journal	Catholic Historical Review
5. American Jewish History	Chinese Studies in History
6. Civil War History	Church History
7. Journal of American Ethnic History	Colonial Latin American Historical Review

	Журналы по истории США и отдельных американских штатов	Другие журналы
8.	Journal of American History	Comparative Studies in Society And History
9.	Journal of the Early Republic	Environmental History
10.	Preservation Magazine	Ethnohistory
11.	Proceedings of The American Antiquarian Society	French Historical Studies
12.	Prologue — Quarterly of The National Archives and Records Administration	HAHR — Hispanic American Historical Review
13.	Religion and American Culture — A Journal of Interpretation	Harvard Journal of Asiatic Studies
14.	Reviews in American History	Historical Journal
15.	William and Mary Quarterly	Historical Methods
16.	Appalachian Journal	Historical Reflections — Reflexions Historiques
17.	Arkansas Historical Quarterly	History of Religions
18.	California History	Holocaust and Genocide Studies
19.	Journal of Southern History	International Journal of African Historical Studies
20.	Journal of the Southwest	International Labor and Working-Class History
21.	Journal of the West	International Review of Social History
22.	Michigan Historical Review	Journal of African History
23.	Montana — The Magazine of Western History	Journal of British Studies
24.	New England Quarterly — A Historical Review of New England Life and Letters	Journal of Early Christian Studies
25.	New Mexico Historical Review	Journal of Ecclesiastical History
26.	New York History	Journal of Economic History
27.	Oregon Historical Quarterly	Journal of Interdisciplinary History
28.	Pacific Historical Review	Journal of Military History
29.	Pacific Northwest Quarterly	Journal of Modern History
30.	Pennsylvania Magazine of History and Biography	Journal of Social History
31.	Southern Cultures	Journal of the History Of Sexuality
32.	Southwestern Historical Quarterly	Journal of Urban History

	Журналы по истории США и отдельных американских штатов	Другие журналы
33.	Western Historical Quarterly	Journal of Women's History
34.		Journal of World History
35.		Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History
36.		Late Imperial China
37.		Mexican Studies — Estudios Mexicanos
38.		Public Historian
39.		Publishing History
40.		Radical History Review
41.		Rhetorica — A Journal of The History of Rhetoric
42.		Sixteenth Century Journal
43.		Social Science History

Пример с историческими журналами является достаточно типичным: многие включенные в WoS периодические издания по социальным и гуманитарным дисциплинам являются не международными, а национальными, как по тематике, так и по кругу печатающихся в них авторов⁵. Поэтому в нашем случае при использовании данных WoS корректнее говорить о публикациях не в международных, а в *зарубежных* журналах.

Второй вопрос связан с оценкой «значимости» журналов, их «качества», «престижности» и т.д. В качестве показателя «важности» журналов обычно используется так называемый импакт-фактор, рассчитываемый для каждого года. Импакт-фактор равен частному, где в знаменателе — число статей, напечатанных в данном журнале за два года, предшествующие расчетному, а в числителе — общее число статей (из учтенных во всей базе данных WoS), опубликованных в данном году и содержащих ссылки на статьи, опубликованные в анализируемом журнале в течение двух предшествующих лет⁶. Однако в WoS

⁵ См., напр.: *Wormell*. 1998. В этой статье анализируется степень «международности» (по составу авторов, числу подписчиков и количеству ссылок) семи ведущих журналов в области Library and Information Science (LIS).

⁶ Например, если в некоем журнале в 2005–2006 гг. было суммарно опубликовано (во всех номерах) 80 статей, а в 2007 г. во всех включенных в WoS

импакт-фактор рассчитывается только для журналов по естественным и общественным наукам (входящих, соответственно, в базы данных SCI и SSCI), а для гуманитарных журналов (входящих в базу A&HCI) импакт-фактор *не рассчитывается*.

2. Методика оценки

В данной работе мы анализируем статьи российских авторов, опубликованные в журналах, включенных в базу данных WoS по истории за период 1993–2008 гг., т.е. за 16 лет (до 1993 г. учитывались авторы по СССР в целом). Все данные приводятся по состоянию на февраль 2009 г.; к этому моменту еще не все публикации 2008 г. были учтены в WoS, поэтому цифры за 2008 г. могут быть неполными.

В работах, посвященных оценке числа публикаций в базе данных WoS по странам, обычно используются «валовые» показатели». Эти «валовые» показатели, во-первых, включают работы, опубликованные в национальных журналах, учитываемых в этой базе. В частности, в базу данных WoS включены два российских журнала по истории («Вопросы истории» и «Отечественная история»).

Во-вторых, в WoS учитываются как статьи в журналах (articles), так и другие виды журнальных публикаций (discussions, book reviews, editorial materials, notes, letters, etc.), а также некоторое число не журнальных публикаций, в основном отдельных сборников материалов конференций (proceeding papers, meeting abstracts, etc.). Понятно, что основным показателем числа публикаций являются прежде всего журнальные статьи — другие виды журнальных публикаций играют вспомогательную роль, а материалы конференций вообще включаются в WoS случайным образом и не являются репрезентативными.

Использование «валовых» показателей числа публикаций, включенных в WoS, существенно искажает оценки международной научной активности. Если судить по «валовым» показателям, за 16 лет российские историки опубликовали в «международных» изданиях 1927 работ, т.е. в среднем 120 работ в год. Но 84% публикаций приходится на два российских журнала, еще 7% составляют заметки в зарубежных изданиях, а статей в зарубежных журналах было

журналах было зафиксировано 120 статей, содержащих ссылки на какую-либо из опубликованных в оцениваемом журнале 80 статей, то импакт-фактор данного журнала в 2007 г. будет равен $120/80 = 1,5$.

опубликовано всего 171, т.е. примерно 10 статей в год (см. табл. 3). На наш взгляд, если отбросить публикации в отечественных журналах на русском языке, а также «прочие» публикации (помимо журнальных статей), то рассмотрение такого «сухого остатка» позволяет более объективно проанализировать международную публикационную активность российских историков.

Таблица 3. Публикации российских авторов по истории, учтенные в базе данных WoS, 1993–2008 гг.

Показатели	Число	Структура (%)
Всего	1927	100
Статьи	1277	66
Прочие публикации	650	34
Российские издания*	1615	84
Статьи	1106	58
Прочие публикации	509	26
Иностранные издания	312	16
Статьи	171	9
Прочие публикации	141	7

* «Вопросы истории»; «Отечественная история».

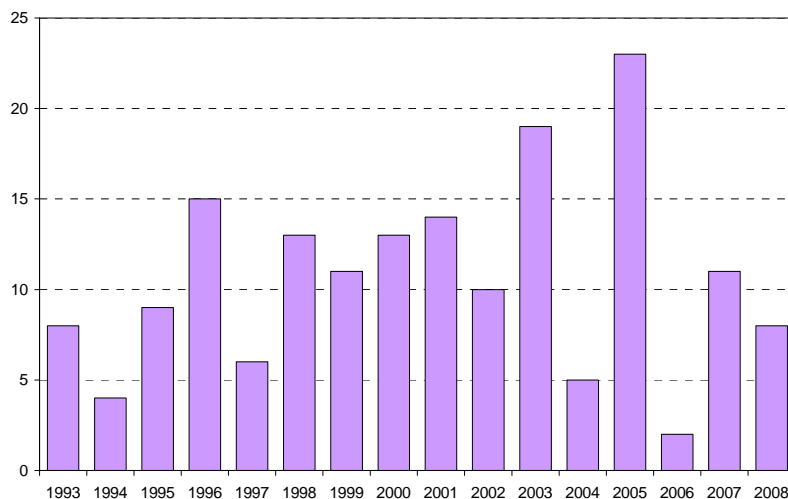

Рис. 1. Число публикаций российских авторов по истории в базе данных WoS, 1993–2008 гг.

В 1993–1997 гг. в зарубежных исторических журналах в среднем в год публиковалось 8 статей российских историков, в 1998–2002 гг. — чуть более 12 статей в год, в 2003–2008 гг. — в среднем почти столько же, 11 статей в год, но с гораздо большими, чем в 1998–2002 гг., годовыми колебаниями (см. рис. 1). Для сравнения укажем, что, по данным Росстата, в 2007 г. в России работало 4,3 тыс. штатных исследователей-историков, не считая преподавателей высших учебных заведений.

Говоря о публикациях *российских* исследователей, следует иметь в виду, что в базе данных WoS национальная принадлежность автора определяется по месту работы в момент написания статьи. При этом в сведениях об авторе может быть указано несколько мест работы (включая постоянные и временные), и поисковая система WoS в качестве «русских» публикаций выдает все статьи, в которых хотя бы у одного автора одно из указанных им мест работы находится в России. Поэтому, с одной стороны, в качестве «российских» историков фигурирует некоторое число иностранцев, временно работавших в России, с другой — в эти данные не включены российские граждане, работавшие в момент написания статьи за рубежом и *не указавшие* в качестве места работы какую-либо российскую организацию.

Определение места работы авторов статей является, конечно, достаточно субъективным, особенно в случае временной работы в какой-либо организации. Иностранцы, временно работающие в России и написавшие статью в период своего пребывания в нашей стране, обычно указывают в числе мест работы и российскую организацию. Российские же исследователи, временно работающие за границей, часто не указывают место своей постоянной работы в России, даже если собираются вскоре вернуться на родину. Исходя из этого мы не стали исключать из рассмотрения статьи, написанные иностранцами, но указавшими в качестве одного из мест своей работы российскую организацию, чтобы отчасти компенсировать существующее занижение числа работ собственно российских историков, временно работающих за границей.

3. Распределение по журналам

Одной из ключевых содержательных характеристик зарубежных публикаций российских историков является распределение статей по разным журналам, которое позволяет выявить основные интересы

российских исследователей, печатающихся за рубежом, а также их более узкую специализацию в рамках исторической дисциплины.

В отличие от большинства других социальных и гуманитарных дисциплин, история имеет отчетливо выраженный «национальный» характер — во всех странах, в том числе и в России, историки занимаются в первую очередь изучением *своей* истории. Но, справедливости ради, следует отметить, что и за рубежом есть множество исследователей, изучающих русскую историю и литературу. Например, в США большинство этих исследователей объединяет “American Association for the Advancement of Slavic Studies” (AAASS), насчитывающая в настоящее время более 3,5 тыс. индивидуальных и около 50 коллективных членов. В связи с этим не вызывает удивления наличие целого ряда солидных зарубежных изданий, посвященных истории России и славянских стран в целом. Понятно, что поскольку большинство российских историков занимается именно российской историей, они публикуются за рубежом в первую очередь в соответствующих специализированных журналах (табл. 4). Этим история отличается от большинства других социальных и гуманитарных наук, в частности, от экономики и социологии, в которых «национальная» или «страновая» тематика менее значима. В истории же, наоборот, работы общего характера, не посвященные конкретной стране или периоду (например, статьи по методологии истории), достаточно малочисленны и их пишет очень узкий круг авторов-теоретиков.

Таб. 4. Число публикаций российских авторов в исторических журналах WoS по типам журналов, 1993–2008 гг.

Журналы по региональной проблематике (Россия и Восточная Европа)	N	Другие журналы	N
Всего	102	Всего	69
Cahiers du Monde Russe	47	American Studies International*	10
Russian History — Histoire Russe	14	History Today	6
Russian Review	12	Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte	5
Jahrbücher für Geschichte Osteuropas	9	Mouvement Social	4
Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History	9	Historia — Zeitschrift für Alte Geschichte	3
Bulgarian Historical Review — Revue Bulgare d'Histoire	8	Mariners Mirror	3

Historický Časopis	3	Zeitgeschichte*	3
		Zeitschrift für Geschichtswissenschaft	3
		Annales Historiques de la Révolution Française	2
		Dix-Septième Siècle	2
		History	2
		Journal of American History*	2
		Trabajos de Prehistoria	2
Прочие (по 1 статье)	22		

* В т. ч. специальный выпуск с участием российских авторов.

Доминирование «национальной» тематики в данном случае обусловлено и некоторыми техническими обстоятельствами. Поскольку историки, как правило, работают с архивными материалами, и работа в архивах требует длительного времени, естественно, что используются в основном архивы, находящиеся в собственной стране — возможность провести несколько месяцев, а тем более лет, в зарубежных архивах появляется у историков очень редко.

Кроме того, в 2000-е годы доля статей, публикуемых в журналах, специализирующихся на российской истории, существенно выросла по сравнению с 1990-ми годами, прежде всего благодаря двум журналам — издающимся во Франции «Тетрадам русского мира» («Cahiers du Monde Russe», главный редактор — Владимир Берелович), а также начавшему выходить в 2000 г. в США журналу «Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History».

На самом деле, перевес работ по российской истории еще более значителен, чем это показывают приведенные в табл. 4 данные. Многие статьи, опубликованные в исторических журналах общего профиля, также посвящены России. В частности, некоторые зарубежные журналы готовят специальные выпуски по «русской тематике», к участию в которых привлекаются российские авторы. Например, в 1998 г. в австрийском журнале «Zeitgeschichte» (Bd. 25, N. 11–12) были опубликованы три статьи российских авторов, в 1999 г. в «Journal of American History» (vol. 85, no. 4) — две статьи, а в 2003 г. в «American Studies International» (vol. 41, no. 1–2) — сразу восемь статей российских исследователей.

Конечно, «в исторических» журналах WoS публикуются статьи не только по истории, но в целом, в отличие от экономики и социо-

логии, «исторические» публикации характеризуются большей «дисциплинарной чистотой» — большинство российских статей в зарубежных исторических журналах действительно посвящено истории.

4. Число ссылок

Если распределение статей по журналам отражает *интересы российских исследователей*, печатающихся за рубежом, то показатели числа ссылок на эти работы характеризуют в первую очередь *интересы западных исследователей* в отношении работ российских ученых. К настоящему времени число ссылок стало стандартным показателем, используемым в науковедении, но исследования с анализом ссылок на работы советских историков пока не появлялись⁷.

Как свидетельствуют многие исследования, показатель числа ссылок имеет целый ряд недостатков, и его следует использовать с большой осторожностью, особенно применительно к социальным, а тем более к гуманитарным наукам. В частности, как отмечалось выше, показатели числа ссылок в WoS, с одной стороны, являются ограниченными, так как учитывают ссылки только в журналах, представленных в этой базе, с другой стороны, они оказываются чрезмерно широкими, поскольку учитывают все журналы WoS, а не только относящиеся к данной дисциплине. Показатели числа ссылок сильно различаются в разных науках, как в принципе, так и из-за структуры базы WoS. В гуманитарных дисциплинах этот показатель вообще плохо работает, что связано с большой дисперсностью публикаций по разным изданиям, не вполне репрезентативным набором журналов, включенных в WoS, но главное — с тем обстоятельством, что в работах по гуманитарным дисциплинам основная часть ссылок приходится на книги, а на статьи вообще ссылаются относительно мало (даже в статьях, не говоря уже о книгах)⁸.

Еще одна причина «трудноуловимости» ссылок в исторической науке — специализация. В частности, зарубежные журналы по российской истории не структурированы по тематике и периодам, в то время как на самом деле историки работают в относительно узких областях (например, по социальной истории России XVII–XVIII вв.) и, соответственно, ссылаются почти исключительно на работы, посвя-

⁷ Анализ показателей цитируемости публикаций российских авторов по общественным наукам см., например, в: Соколов. 2009а; 2009б.

⁸ См., напр.: Hicks. 2005; Archambault et al. 2006.

ценные «своему» периоду и «своей» теме. Эти ссылки оказываются незаметными в силу их малого числа и небольшого удельного веса.

В этом разделе мы анализируем только статьи, опубликованные в 1993–2006 гг., т.к. публикации 2007–2008 гг. технически не могли еще получить сколько-нибудь значительное число ссылок.

Если говорить о количественных показателях, то публикуемые статьи российских авторов по истории остаются малозаметными. Ни одной ссылки не получают 80% опубликованных российскими авторами статей (табл. 5). На самом деле, такая ситуация является достаточно типичной для всех гуманитарных дисциплин и отнюдь не свидетельствует о низком качестве работ российских историков. Так, например, более 80% всех статей по гуманитарным дисциплинам, опубликованных в 2001 г. и учтенных в Arts & Humanities Citation Index, не получило ни одной ссылки в течение последующих пяти лет⁹.

Таб. 5. Распределение статей российских авторов по истории в базе данных WoS по числу ссылок, 1993–2006 гг.

Статьи по числу ссылок	Число	Структура (%)
Число опубликованных статей	152	100
Не получившие ссылок	121	79
Получившие 1–2 ссылки	24	16
Получившие 3 и более ссылок	7	5

Посмотрим теперь более конкретно, какие именно статьи российских авторов получили наибольшее число ссылок в журналах WoS. Приводимые ниже данные следует воспринимать как иллюстрацию, а не как некие «финальные рейтинги». Далеко не все зарубежные публикации российских историков учитываются в WoS, и наверняка имеются интересные работы, просто не попавшие в эту базу данных (в первую очередь это относится к книгам, которые здесь вообще не фигурируют). Еще более условный характер имеют количественные показатели числа ссылок. Число ссылок ничего не говорит и том, кто именно и в каком контексте ссылался на данную работу (в принципе, такое исследование может быть проведено, но оно требует больших затрат времени). Иными словами, и списки наиболее цитируемых статей, и показатели числа ссылок следует

⁹ Larivière et al. 2008.

воспринимать как достаточно условные и не интерпретировать их как абсолютные рейтинги авторов и безусловные оценки качества статей. Мы так настойчиво подчеркиваем условность показателя числа ссылок в зарубежных журналах, потому что в России в последнее время появилась тенденция к абсолютизации этого индикатора и превращению его в чуть ли не единственный критерий оценки качества научных работ. Тем не менее эти показатели все же несут в себе некоторую информацию о положении дел в дисциплине.

В 1993–2006 гг. в зарубежных исторических журналах WoS было опубликовано 15 статей, получивших затем две и более ссылки в этой базе данных. Из этих статей две были посвящены текущей политической ситуации в России и не имели отношения к истории, оставшиеся 13 работ приведены в табл. 6.

Таб. 6. Статьи российских авторов, опубликованные в зарубежных исторических журналах в 1993–2006 гг. и получившие 2 и более ссылок в WoS

Авторы	Название статьи	Журнал	Год	Cit.
Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N.	Victims of the Soviet Penal-System in the Prewar Years — A 1st Approach on the Basis of Archival Evidence	American Historical Review	1993	28
Kolonitskii B.I.	Antibourgeois Propaganda and Anti-Burzhuï Consciousness in 1917	Russian Review	1994	10
Danilov V., Berelowitch A.	Documents of the VCHK-OGPU-NKVD on the Soviet Rural World, 1918–1937	Cahiers du Monde Russe	1994	7
Livshin A.Y., Orlov I.B.	Revolution and Social Justice: Expectations and Reality ("Letters To The Authorities," 1917–1927)	Cahiers du Monde Russe	1998	2
Velikanova O.	Reports on the Mood of the Population — Origins of Political Surveillance of the Population in the Soviet Union	Jahrbucher für Geschichte Osteuropas	1999	3
Zubkova E.	The Soviet Postwar Society — The Standard of Living and Public Sentiment of the Russian People 1945–1946	Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte	1999	2

Авторы	Название статьи	Журнал	Год	Cit.
Bonwetsch B., Filitow A.	Khrushchev and the Building of the Berlin Wall — The Summit Conference of the Warsaw Pact Nations, August 3–5, 1961	Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte	2000	2
Budnitskii O.	Jews, Pogroms, and the White Movement: A Historiographical Critique	Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History	2001	5
Khlevniuk O.	Stalinism and the Stalin Period after the "Archival Revolution"	Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History	2001	2
Etkind A.	Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects	Russian Review	2003	2
Shevyrev A.	The Axis Petersburg–Moscow — Outward and Inward Russian Capitals	Journal of Urban History	2003	2
Dolbilov M.	Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s	Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History	2004	2
Sorokina M.	People and Procedures — Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR	Kritika — Explorations in Russian and Eurasian History	2005	3

* Штриховкой выделены статьи, не относящиеся только к советскому периоду.

Все статьи, получившие ссылки, посвящены российской истории. Это не удивительно — как отмечалось выше, число зарубежных российских публикаций по проблемам всеобщей истории или по методологии истории в принципе невелико и, судя по данным WoS, они не привлекают особого внимания зарубежных исследователей. Удивительно другое: основная часть российских статей, получивших ссылки, относится к истории только одного периода, а именно — советского (10 статей из 13). При этом, как показывает наш анализ, в общем числе публикуемых отечественными авторами за рубежом статей по истории России работы по истории СССР состав-

ляют менее половины публикаций. Видимо, хотя бы отчасти, объяснить повышенное внимание зарубежных историков к советскому периоду можно объяснить актуальностью интересов. Исторически он наиболее близкий, а потому позволяет строить рассуждения, интерпретирующие ситуацию в современной России, более убедительно, чем апеллируя к «татарскому игу» или крепостному праву.

Иными словами, хотя интересы российских историков достаточно разнообразны и охватывают самые разные периоды, видимо, исследования советского прошлого интересуют западных коллег в наибольшей степени. Представленные в табл. 6 данные отчасти свидетельствуют о том, что этот «перекос» в интересах западных историков-русистов начинает постепенно ликвидироваться (ср. данные за 1990-е и 2000-е годы), но в силу небольшого числа наблюдений пока об этом трудно говорить с какой-либо уверенностью.

* * *

За последние двадцать лет состояние исторической науки в России изменилось и в целом представляет собой совершенно иную картину в сравнении с концом советского периода. Значительная часть научного сообщества встроилась в конвенциональное пространство мировой науки и производит научные результаты, соотносимые с работами западных коллег. Одно из свидетельств произошедших изменений — наше присутствие в зарубежных научных периодических изданиях. Однако проведенный нами анализ публикаций отечественных историков в иностранных журналах, их тематики и реакции на них в форме ссылок дает основания говорить о том, что на страницах мировой научной периодики мы пока выступаем в ролях «второго плана». Констатируя эту ситуацию, мы вовсе не хотим возлагать вину за неё на зарубежных историков. Конечно, любое научное сообщество, с одной стороны, до известной степени закрыто, с другой — участвует в конкурентной борьбе с «чужаками». Но главная причина все-таки в содержании предложения и умении или неумении использовать достаточно сложные процедуры трансляции произведенного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гохберг, Леонид М.; Сагиева, Галина С. Российская наука: библиометрические индикаторы // «Форсайт». 2007. № 1 (1). С. 44-53.

- Савельева, Ирина М.* Присутствие и отсутствие... // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Ред. Е. Аксер, И. Савельева. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2010 (в печати).
- Савельева, Ирина М.; Полетаев, Андрей В.* Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным и гуманитарным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ ГУ–ВШЭ), 2009. Вып. 2 (39). 42 с. URL: http://new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/uvp/id/preprints/DocLib/WP6_2009_02%D1%84%D0%B8%D0%BD.pdf (время доступа 15.03.2010).
- Соколов, Михаил М.* Национальные и интернациональные репутации российских социологов: наукометрический анализ // «Социологические исследования». 2009а. № 1. С. 144–152.
- Соколов, Михаил М.* Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей: кто и почему оказался успешен? // Интернет-портал «ПОЛИТ.РУ», 21.05.2009б. URL: <http://www.polit.ru/science/2009/05/21/ideas.html> (время доступа 15.03.2010).
- Archambault, Éric; Vignola-Gagne, Étienne; Côté, Grégoire; Larivière, Vincent; Gingras, Yves.* Benchmarking Scientific Output in the Social Sciences and Humanities: The Limits of Existing Databases // «Scientometrics». December 2006. Vol. 68. No. 3. P. 329-342.
- Hicks, Diana.* The Four Literatures of Social Sciences // «Journal of Management and Social Sciences». Spring 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1-20.
- Larivière, Vincent; Archambault, Éric; Gingras, Yves; Wallace, Matthew.* The Fall of Uncitedness // Book of Abstracts of the 10th International Conference on Science and Technology Indicators. Vienna. September 2008. P. 279-282. URL: http://www.ost.uqam.ca/Portals/0/docs/articles/2008/Uncitedness_Vienna.pdf (время доступа 15.03.2010).
- Neuhaus, Christoph; Daniel, Hans-Dieter.* Data Sources for Performing Citation Analysis: An Overview // «Journal of Documentation». 2008. Vol. 64. No. 2. P. 193-210.
- Wormell, Irene.* Informetric Analysis of the International Impact of Scientific Journals: How “International” are the International Journals? // «Journal of Documentation». December 1998. Vol. 54. No. 5. P. 584-605.

Савельева Ирина Максимовна, д.и.н., ординарный профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ; isavelieva@hse.ru.

Полетаев Андрей Владимирович, д.э.н., ординарный профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, зам. директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ–ВШЭ, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН; apoletaev@hse.ru.

А. Ю. СЕРЕГИНА

ПЕРЕВОДЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВВ.¹

В статье анализируются переводы католической литературы XVI–XVII вв., адресованной английским католикам. Предметом исследования является корпус переведившихся текстов, а также персоналии переводчиков и патронов-мирян. Отбор книг для перевода свидетельствует, что английское католическое сообщество являло собой ранний пример усвоения идей пост-Тридентского реформированного католицизма духовенством и светской элитой.

Ключевые слова: Католическая реформа, религиозная полемика, история богословия, история религиозного образования, история церкви, история Англии.

Бурная эпоха Реформации и Католической Реформы сопровождалась волной публикаций религиозной литературы разных жанров — полемики, наставлений, богословских трактатов, церковных историй и т.п., не говоря уже о многочисленных молитвенниках и катехизисах. В период, когда конфессиональные и политические конфликты, охватившие Западную Европу, совпали по времени с одной из важнейших технологических революций в истории человечества — распространением книгопечатания, книги стали важным способом формирования этнополитических и/или конфессиональных сообществ. Poleмическая литература очерчивала границы сообществ, формулируя критерии для определения принадлежности к нему и формируя образ «чужого», — им, как правило, оказывались представители иных конфессий или даже члены других групп (например, монашеских орденов) внутри конфессии собственной. Наставительная литература, агиографические произведения, катехизи-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 10-01-00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

сы и др. были призваны определить приоритеты в религиозной жизни индивида и задать ее параметры. Эти функции литературы зачастую дублировались проповедью — ведь подавляющее большинство европейцев раннего Нового времени были неграмотными, и устное слово имело больше шансов «достучаться» до них, нежели письменное. Но и воздействие книги, в том числе печатной, не стоит преуменьшать, хотя бы потому, что практика чтения сильно отличалась от привычного нашим современникам способа. Для нас чтение — это занятие, которому предаются в уединении, а читаем мы, выйдя из детского возраста, про себя. Но в XVI–XVII вв. чаще читали вслух, для друзей, семьи, слуг и т.п. Поэтому аудитория книги, которую читали вслух, отнюдь не ограничивалась только грамотными людьми.

Для английского католического сообщества XVI–XVII вв. книги имели огромное значение, большее, пожалуй, чем для их собратьев на континенте. Ведь с 1559 г. Англия вновь (и на этот раз окончательно) стала официально протестантской страной. Проповедь католичества в стране была поставлена вне закона, а священники-миссионеры, действовавшие там нелегально, могли охватить относительно небольшое число слушателей. Остальные должны были полагаться на книги, которые они либо читали сами, либо слушали².

Книги играли и важную роль канала, по которому англичане приобщались к ценностям и приоритетам реформированного, пост-Тридентского католицизма. А для данной задачи большое значение имели переводы, знакомившие с ними англичан — прежде всего, мирян, не владевших латынью и не знавших иностранных языков (или же знавших их недостаточно). Переводная литература напрямую отражает приоритеты католической миссии, а также и аудиторию, на которую предполагалось оказывать воздействие.

В данной статье исследуются публикации переводов религиозной литературы на английский язык в 1559–1640 гг., то есть, с момента вступления в силу религиозного законодательства Елизаветы I и до начала Гражданской войны. Предпринятый впервые анализ динамики публикаций, языков, с которых осуществлялись переводы, круг авторов текстов, их жанров, а также и групп людей, так или иначе с переводами связанных — переводчиков, издателей и патро-

² *Walsham. 2000.*

нов — позволяет представить роль книги в формировании и функционировании английского католического сообщества³.

Издания переводов

Переводы составляли значительную группу — треть (34%) всей англоязычной книжной продукции (315 изданий из 930). Естественно, значительная доля публикуемых переводов — 24% или 74 издания — пришлось на долю переводов Св. Писания, Псалтири и молитвословов, предназначенных для мирян, которые порой оказывались надолго лишены доступа к католическим священникам, а, следовательно, и к таинствам. Своего рода заменой — хотя и отнюдь не адекватной — католической литургии было регулярное чтение молитв, ее составляющих. Предполагалось, что такое чтение станет способом организации религиозной жизни мирян в отсутствие священника, причем грамотные миряне — зачастую хозяева поместья — собирали слуг и родственников для совместной молитвы.

Остальные переводы распадаются на многочисленные жанры. Среди них были тексты, посвященные тому, как правильно молиться и медитировать, рассказывавшие о таинстве причастия и подготовке к нему, полемические сочинения и богословские трактаты, наставления в благочестивой жизни, жития святых и правила монашеских орденов, катехизисы, церковные истории, сочинения отцов церкви и др.

Публикация этих трудов распределялась весьма неравномерно по периоду, охватывающему около 80 лет. Большая часть переводов (как и книжной продукции вообще) приходится на первую половину XVII в., а число публикаций, появившихся в елизаветинский период, выглядит относительно скромным. В 1560-х гг. было издано 11 переводов (3,4%), в 1570-х — 15 (5%), в 1580-х — 10 (3%), в 1590-х — 21 (6,6%). Всего за 1559–1600 гг. вышло 57 изданий переводов (18% от их общего числа). Количество переводов постепенно росло. В 1600-х гг. вышло 29 изданий (9,2%), а уже в следующем десятилетии этот показатель резко подскочил: в 1610-х гг. вышло в свет 61 издание (19,3%). В 1620-х гг. было издано 80 переводов (25,3%), а в 1630-х гг. и того больше — 88 (28%). Всего в 1600–1640 гг. вышло в свет 268 изданий переводов католической литературы (85% от общего числа).

Неравномерность определялась целой группой факторов — политических, экономических и идеологических. В числе первых —

³ Все подсчеты выполнены автором по изданию: *Allison, Rogers*. 1994.

постепенное ослабление гонений на католиков к 1620-м гг. В правление Елизаветы католическое сообщество постоянно находилось под угрозой, так как правительство было склонно рассматривать его как своего рода «пятую колонну». Этому способствовало и Северное восстание 1569–70 гг., прошедшее под лозунгом восстановления «старой веры», и отлучение Елизаветы от церкви папой Пием V в 1570 г., и затяжная (1585–1604 гг.) война с католической Испанией. Взошедший в 1603 г. на английский престол Яков I заключил мир с Испанией и стремился поддерживать хорошие отношения с католическими соседями; он даже имел своего неофициального представителя в Риме. Несмотря на то, что антикатолические законы времен Елизаветы не были отменены, а Пороховой заговор 1605 г. вызвал в стране волну враждебности к католикам, в целом их положение при Стюартах улучшилось. Постоянно испытывавший нехватку денежных средств Яков I предпочитал не преследовать католиков (что вступило бы в противоречие с проповедовавшейся им терпимостью), а взимать с них денежные штрафы за отказ посещать приходские церкви. А после того, как в 1617 г. начались переговоры о браке принца Карла с испанской инфантой, действие законов против католиков неофициально прекратили. Хотя испанский брак и не состоялся, в 1625 г. Карл I женился на французской принцессе-католичке Генриетте-Марии, поэтому политика его отца в отношении католиков продолжалась. Естественно, в условиях большей терпимости XVII века стало безопаснее доставлять книги с континента в Англию и хранить их⁴.

Изменилась и структура самой миссии. Она выдержала несколько реорганизаций и выросла численно. Около 40 лет (1559–1598) английская миссия не имела четкой структуры; работавшие в стране нелегально католические священники-семинаристы (выпускники английских семинарий в Дуэ, Риме, Вальядолиде и Севилье) составляли небольшие группы, неформально подчинявшиеся работавшим в данной местности иезуитам, число которых в Англии в XVI в. было невелико. В 1598 г. управление иезуитами и священниками-семинаристами было разделено. Иезуиты оказались в подчинении префекта Английской миссии ордена (позднее миссия была преобразована в провинцию), а священники-семинаристы были переданы под начало архипресвитера. Позднее, в 1623 г., был воссоздан католиче-

⁴ См. подробнее: Серегина. 2006а. С. 58-63.

ский епископат. Реорганизация миссии способствовала большей эффективности ее работы, в том числе и увеличению числа ввозимых книг. Кроме того, постепенно улучшалось и финансирование миссии⁵.

Большое влияние на рост книжной продукции имело и увеличение числа издательских центров. В XVI – начале XVII вв. английские католики, как правило, издавали свои книги за пределами страны, на континенте, во Франции или Испанских Нидерландах. Именно там (за редкими исключениями)⁶ появились и все рассматриваемые переводы. Основным издательским центром эмигрантов-англичан во Франции был Руан. Он был тесно связан с английским книжным рынком еще с начала XVI в., когда английские печатники еще не в состоянии были полностью обеспечить спрос на книжную продукцию. Руан находился в Нормандии: оттуда было сравнительно легко доставить тираж в Англию. К тому же Нормандия была одним из центров, где сосредотачивались владения Гизов и, соответственной, базой Католической Лиги. А в XVII столетии провинция стала одним из центров Католической Реформы. В Руане англичане издавали свои книги в типографиях Жардэна Амильона и Жоржа Л'Уазле, печатников, работавших в городе в 1566–1614 и 1584–1599 гг. соответственно⁷. В XVII в. к ним прибавились также печатник и книготорговец Жан Кутюрье (работал в Руане с 1609 г.) и печатник Николя Куран (1621–1635; после этой даты предприятие возглавила его вдова)⁸.

В Париже было издано сравнительно мало английских книг. Здесь контрагентами англичан были печатники Жером Блажар и его вдова, братья Жан и Николя де ла Кост, а также печатник и книготорговец Себастьян Крамуази⁹.

Сообщество печатников и книготорговцев, работавших с английскими католическими переводами в Нидерландах, было более многочисленным. В его состав входили англичане или натурализованные

⁵ Там же. С. 47-48.

⁶ Одним из таких исключений был опубликованный анонимно (без указания имен автора и переводчика) в Лондоне в 1560 г. перевод с латыни трактата о молитве кардинала Джона Фишера (католического мученика, казненного Генрихом VIII в 1535 г.). Перевод традиционно приписывается перу Энтони Брауна, виконта Монтегю (1527–1592).

⁷ См.: *Aldis, Bowes and Plomer*. 1910. P. 122, 182.

⁸ *Ibid.* P. 78-79.

⁹ *Ibid.* P. 80, 88.

иностранцы, которые с приходом к власти протестантов предпочли эмигрировать. К их числу относятся печатники Джон Фаулер, типография которого работала в Лувене (1565–1570), Антверпене (1570) и Дуэ (1578–1579) и Джон Лайонс, также трудившийся в Лувене (1580) и Дуэ (1580–1581). Другой печатник, Лоренс Келлэм, начал работу в Лувене (1598–1604), а затем тоже перебрался в Дуэ (1607–1614; после его смерти дело в 1614–1661 гг. продолжала вдова). Еще один англичанин, Джон Хейэм, открыл типографию в Дуэ, где работал с 1609 по 1622 г., а затем переехал в Сент-Омер. Там он выступал в роли книготорговца (1622–1639), а затем и печатника (1631). В Антверпене в 1576–1603 гг. действовал печатник Ричард Верстеган, а в Дуэ около 1624 г. жил книготорговец и печатник Генри Тайлор¹⁰.

Впрочем, эмигранты имели дело отнюдь не только с соотечественниками. Много книг для них издал антверпенский печатник Арно Конъюнкс (работал в 1579–1608 гг.), а также Жан Богар, имевший типографии в Лувене (1564–1567) и Дуэ (1574–1626). Ему наследовал его сын, Мартин, а затем и вдова последнего, издававшие книги вплоть до 1635 г.¹¹ В Дуэ действовал и Шарль Боскар (1596–1610), впоследствии перенесший свою типографию в Сент-Омер (1610–1619). Как и в предыдущем случае, его дело продолжила вдова, издававшая книги до 1652 г.¹² Другими издателями англичан-католиков были печатники из Дуэ Жерар Пинсон (работал в 1609–1634) и Марк Вийон (1609–1630; вдова издавала книги до 1659 г.)¹³.

Перемещение печатников между Антверпеном, Лувеном, Дуэ и Сент-Омером отражала перипетии войны между католиками и протестантами, охватившими Нидерланды после 1568 г. Стабилизация ситуации в южных провинциях под властью инфанты Изабеллы (с 1598 г.) и заключение перемирия между Испанией и северными провинциями (1609 г.) способствовала расцвету деловой активности в Нидерландах, включая и книгоиздательство.

Однако одним из самых важных факторов, повлиявшим на выпуск английской книжной продукции, стало создание типографии в английской коллегии ордена иезуитов в Сент-Омере. Основанная в 1593 г. Робертом Парсонсом коллегия предназначалась для обучения

¹⁰ Ibid. P. 107-108, 134, 163, 263, 275.

¹¹ Ibid. P. 40, 74-75.

¹² Ibid. P. 43.

¹³ Ibid. P. 215, 304-305.

мальчиков из католических семей¹⁴. В 1608 г. там начала работу типография, быстро превратившаяся в главный издательский центр английской католической миссии. Его возникновение позволило увеличить как количество издаваемых книг, так и их тиражи, а близость к Ла-Маншу — Сент-Омер находится в 24 милях от Кале — облегчало транспортировку книг в Англию.

Тексты переводов

Самые многочисленные — переводы с латыни. 74 из них, как уже говорилось, приходится на переводы Св. Писания и молитвословы, и в данной статье не учитываются. Но и помимо них католики-эмигранты издали 102 перевода с латыни (32,3% от общего числа), которые, в свою очередь, распадаются на более мелкие группы в соответствии с жанрами. Самая большая группа — 21 издание — относится к жанру религиозных наставлений, следующая за ней — 19 изданий — переводы полемических сочинений. 16 изданий приходится на жития святых, 8 — на руководства, посвященные молитве и медитации, 7 — на богословские трактаты, по 6 — на монашеские правила и сочинения отцов церкви. 5 изданий посвящены переводам сочинений о Страстях Христовых. По 4 издания приходится на богословские труды и сочинения отцов церкви, по 3 — на катехизисы и церковные истории, по 2 — на труды, посвященные почитанию Девы Марии, публикацию документов (например, папские бреве) и на мартирии. Один текст посвящен тщете всего мирского, и, наконец, еще один представляет собой военную историю — описание осады Бреды.

Эти цифры, кажется, свидетельствуют о некоем разном и несогласованности в отборе текстов для перевода. Тем не менее, в них можно усмотреть некие общие принципы и подходы. Совершенно очевидно, что большая часть текстов, за исключением, пожалуй, монашеских правил, предназначались для мирян, а также для монахинь. Подразумевалось, что будучи женщинами, монахини не получили столь же хорошей филологической подготовки, как монахи-мужчины, и их латынь оставляла желать лучшего. Поэтому для их удобства предназначались переводы монашеских правил и, отчасти, наставительные сочинения и руководства, посвященные молитве. Ведь Три-

¹⁴ За свою многовековую историю школа многократно переезжала. Сейчас она находится в Стоунхёрсте (Англия, графство Ланкашир).

дентский собор предписывал монахиням отказаться от подвижничества в миру и затвориться в стенах обители, проводя время в молитве.

Что касается мирян, то обилие наставительной и агиографической литературы вряд ли может удивить. Примечательно, однако, что мирянам предназначалось и сравнительно большое число полемических произведений, изданных как в XVI, так и в XVII в. Объяснение, видимо, заключается в практике английских церковных судов, которые обладали правом вызвать любого совершеннолетнего католика, мужчину или женщину и потребовать от них участия в диспуте с протестантским священником. Поэтому представление о догматических различиях между концессиями, а также об основах полемического богословия было немаловажным и для мирян¹⁵.

Важно также отметить и отношение переводчиков к средневековому наследию католической церкви. Большая часть переведенных текстов принадлежала их современникам, авторам XVI – начала XVII в., или же отцам церкви, творившим в первые века христианства (здесь наибольшей популярностью пользовался Св. Августин). Собственно средневековых сочинений среди них очень мало, что отражает как аудиторию переводов (а ею были миряне, а не ученые богословы, в переводах с латыни и не нуждавшиеся), так и явный скептицизм по отношению к средневековому благочестию, в котором поколение католических реформаторов усматривало опасную близость к язычеству. Не случайно среди переводов нет ни одного издания средневековых сборников житий святых. Все переводы житий, были либо «одобрены» и отредактированы в XVI в. — например, культ Св. Франциска был значительно переосмыслен, и англичанам представили уже новую версию — либо представляли собой жития новых святых, канонизированных в начале XVII в., в том числе основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, миссионеров в Мексике и далекой Японии. Чаще всего переиздавалась коллекция житий «современных» святых — *«Цветок святости»* (1609, 1610, 1611, 1615).

Собственно средневековых текстов было немного. Это — трактат Альберта Великого о слиянии души с Богом (1617) и самый популярный в раннее Новое время в Европе религиозный труд — *«Подражание Христу»* Фомы Кемпийского¹⁶. Написанное в XV в., это

¹⁵ См.: *Questier*. 1996. P. 154-156.

¹⁶ Фома Кемпийский (Томас Хэмеркен) (ок. 1380–1471), монах монастыря Св. Агнессы в Зволле, мистик и религиозный писатель.

сочинение было призвано наставлять христианина в его трудном пути к Богу. Оно предназначалось всем христианам, и, прежде всего, мирянам и почти сразу обрело большую популярность. Реформация не изменила ситуации — «*Подражание Христу*» читали католики и протестанты, а издания исчислялись сотнями. Уже в XVI в. существовало несколько английских переводов этого труда. Самый первый был сделан в 1502 г., а впервые напечатан был перевод монаха-бригеттинца Роберта Уитфорда¹⁷ (1531). Эмигранты-католики переиздали его в 1575 и 1585 гг., а в XVII в. появился новый перевод иезуита Энтони Хоскинса (издавался в 1613, 1615, 1616, 1620, 1624, 1633 и 1636 гг.).

Но подавляющее большинство текстов было написано в XVI в. Они представляли собой плоды нового, пост-Тридентского благочестия, которые и адаптировались для английской аудитории. Им предназначались переводы катехизисов Петра Канизия¹⁸, сочинений кардинала Роберто Беллармино¹⁹, полемистов Леонарда Лессия и Мартина Бекана. Все эти авторы были иезуитами, как и переводчики их трудов. Однако большая часть этих произведений имела всего одно издание. В отличие от них, некоторые произведения наставительного жанра, или же руководства, посвященные молитве и медитации, переиздавались многократно. Спрос на них определялся аудиторией, и не случайно именно светские лица порой становились их переводчиками. Так, труд немецкого монаха-картузианца Иоанна Герехта из Ландсберга²⁰ о любви человеческой души к Богу был переведен на английский Филиппом Ховардом, графом Эренделом²¹, когда тот находился в Тауэре, и издан в Лондоне в 1593 г. Перевод был переиздан в английской столице сразу после смерти графа в 1595 г., а затем еще раз на континенте, в Сент-Омере, в Английской коллегии (1637).

¹⁷ Роберт Уитфорд — монах бригеттинской обители Сион близ Лондона, автор популярных наставительных сочинений и переводчик.

¹⁸ Петр Канизий, Питер Канис (1521–1597) — иезуит, уроженец Нидерландов (Гельдерн), богослов, автор катехизисов, святой католической церкви.

¹⁹ Роберто Беллармино (1542–1621) — иезуит, католический богослов, кардинал, святой католической церкви.

²⁰ Иоанн Герехт из Ландсберга (1489–1539) — немецкий монах-картузианец (Кёльн), автор богословских сочинений.

²¹ Филипп Ховард, граф Эрендел (1557–1595) — английский аристократ-католик, почитается католической церковью как мученик за веру. См.: *Pollen and MacMahon*. (eds.).1919.

Следующую по численности группу составляют переводы с французского языка. Их было 54 (17 % от общего числа). Переводы с французского языка стали относительно новым явлением — всего 4 из них появились до 1600 г. — что явилось отражением как смены политической ориентации многих эмигрантов с испанской на французскую, так и оживления религиозной жизни католической Франции после завершения эпохи религиозных войн. Вполне очевидно, что с новых языков, включая французский, переводили современные переводчикам тексты, труды, написанные в XVI – начале XVII вв. Как и в случае с переводами с латыни, самую большую группу — 22 издания — представляют собой наставления в религиозной жизни. К этой же группе примыкают несколько изданий, посвященных почитанию Девы Марии (3), таинству причастия (2), благой смерти христианина (1), руководства по молитве и медитации (2). За этой группой следуют полемические сочинения (17 изданий). 5 изданий было посвящено житиям святых, а еще два представляли собой богословский труд и публикацию эдикта Карла IX против протестантов.

Самыми популярными переводами с французского оказались сочинения Св. Франциска Сальского²² (1613, 1614, 1617, 1622, 1630, 1632, 1637), иезуита Николя Коссэна (1626, 1631, 1632, 1634, 1638), а также произведения итальянки Изабеллы Кристины Беллинзаги²³ (1612, 1625, 1628, 1631), с которыми английские авторы познакомились во французском переводе. Переводы с итальянского менее многочисленны — их 33 (10,4% от общего числа изданий). Как и переводы с французского, они представляли собой сочинения авторов XVI–XVII вв. и довольно пестры в отношении жанровой принадлежности. По 7 текстов относятся к жанрам наставлений и катехизисов (причем последние принадлежат перу иезуита — Роберто Беллармино — 1604–1605, 1611, 1614, 1617, 1624, 1633 гг.). К первой группе примыкают также сочинения, посвященные благой смерти (5), Страстям Христовым (3), почитанию Девы Марии (2), таинству

²² Св. Франсуа де Саль, Франциск Сальский (1567–1622), епископ Женевский, богослов, проповедник, основатель ордена визитатинок.

²³ Изабелла Кристина Беллинзага (1551–1624) — визионерка из Милана, принадлежавшая к знатной семье. Ее труды, отредактированные ее духовным наставником, иезуитом Акилле Гальярди (1538–1607), были популярны во Франции — их, в частности, пропагандировал кардинал де Берюль.

причастия (2). 4 издания представляют собой жития святых, причем одно из них — Св. Екатерины Сиенской — средневековое, принадлежащее перу Раймонда Капуанского²⁴, а остальные были посвящены «современным» святым — например, итальянскому иезуиту Алоизию (Луиджи) Гонзага²⁵. Помимо Беллармино, популярностью пользовались и сочинения другого итальянского иезуита, Луки Пинелли²⁶ (издания 1598, 1618, 1623, 1624 гг.).

Переводы с испанского представляют собой более гомогенную группу. Она состоит из 50 изданий (15,8% от общего числа), причем больше половины из них — 30 — относятся к жанру религиозных наставлений. К ним примыкает еще 10 руководств, посвященных молитвам и медитациям, 2 издания о таинстве причастия и 1 текст о Страстях Христовых. Кроме них, с испанского были переведены 4 жития святых и 2 мартирии, а также всего одно полемическое произведение. Все без исключения испанские оригиналы принадлежали перу авторов XVI в. и составляли своего рода «классику» благочестивой литературы этого периода. Среди наиболее популярных у переводчиков испанских авторов — францисканец Диего де Эстелла²⁷ (1577, 1554, 1622), иезуиты Гаспаро Лоарте²⁸ (1579, 1596, 1613), Луис де ла Пуэнте²⁹ (1586, 1610, 1612, 1619, 1625), Франсиско Ариас³⁰ (1602, 1620, 1621, 1630, 1638), Алонсо Родригес³¹ (1630, 1631, 1632) и доминиканец Луис де Гранада³² (1584, 1633, 1634).

Кроме этих основных языков, вышло два перевода с португальского и один — с голландского (все три — жития святых).

²⁴ Раймондо Капуанский, Раймондо дела Винья (1330–1399) — богослов, генерал ордена доминиканцев, духовный наставник Св. Екатерины Сиенской.

²⁵ Алоизий (Луиджи) Гонзага (1568–1591) — итальянский иезуит, святой католической церкви.

²⁶ Лука Пинелли (1542–1607), итальянский иезуит, богослов.

²⁷ Диего де Эстелла (1524–1578) — монах-францисканец (Саламенка), испанский богослов и мистик.

²⁸ Гаспаро Лоарте (1498–1578) — испанский иезуит, богослов.

²⁹ Луис де ла Пуэнте (1554–1624) — испанский иезуит, богослов и аскет.

³⁰ Франсиско Ариас (1533–1605) — испанский иезуит, богослов и аскет, в Севилье почитался как святой.

³¹ Альфонсо (Алонсо) Родригес (1526–1616) — испанский иезуит, автор богословских сочинений.

³² Луис де Гранада (1505–1588) — испанский доминиканец, богослов и церковный историк.

Как явствует из анализа текстов, отобранных для перевода, они представляли собой «последние достижения» пост-Тридентского благочестия, каким его себе представляли руководители миссии. А поскольку среди них было немало иезуитов, неудивительно, что и среди авторов переводимых текстов иезуиты тоже доминировали. Впрочем, сами иезуиты старались сделать доступными для английского читателя то, что они считали лучшим, даже если эти сочинения принадлежали перу представителей других орденов. Один из самых ярких примеров тому — издание английского перевода трактата «*О презрении к миру*» францисканца Диего де Эстеллы, вышедшее в свет благодаря стараниям иезуита Роберта Парсонса (Руан, 1584).

Переводчики и патроны

Кто определял «литературную» политику миссии? Для ответа на этот вопрос, необходимо проанализировать состав группы переводчиков, работавших в Англии и за ее пределами в XVI — первой половине XVII вв. Часть из них осталась анонимной — из 106 переводчиков 10 скрываются за инициалами, и установить их личность оказалось невозможным. Что касается остальных, то, как и следовало ожидать, большая их часть — клирики, священники-семинаристы и иезуиты. Представителей других орденов среди переводчиков немного. В их числе было три францисканца — Артур (в монашестве Фрэнсис) Белл, Ричард Мейсон и Люк Уоддинг. Артур Белл (1591–1643), уроженец Вустершира, учился в коллегии Св. Альбана в Вальядолиде, а затем вступил в орден Св. Франциска. Белл был блестящим лингвистом, а приобретенное за годы жизни в Испании знание языка способствовало тому, что он впоследствии оказался в состоянии переводить с него на английский духовную литературу (2 издания 1624 г.)³³. Ричард Мейсон (1600–1678) был ученым богословом, и позднее в жизни стал главой английской провинции своего ордена. Большая часть его литературного наследия предназначалась студентам или богословам и написана на латыни, однако его перу принадлежит перевод Правил Св. Франциска (1635), адресованный английским монахиням-клариссинкам. Ирландец Люк Уоддинг (1588–1659) большую часть жизни провел в Испании, где основал

³³ Здесь и далее биографические сведения, за исключением специально оговоренных случаев, приводятся по изданию: Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford univ. press, 2004.

ирландскую францисканскую коллегию Св. Исидора Мадридского. Он — автор довольно большого числа трудов, но перевод среди них всего один (житие Св. Клары, 1635).

Кроме них, среди переводчиков присутствует всего один кармелит — Томас Дути; один монах-бригеттинец (Роберт Уитфорд) и один доминиканец (Уильям Перин), причем два последних автора создавали свои переводы с латыни в католической Англии (1531 и 1557 гг. соответственно), а их труды были впоследствии переизданы.

Безусловное доминирование иезуитов и священников-семинаристов, объясняется, на мой взгляд, весьма просто. Они переводили предназначенную мирянам литературу, поскольку это была важная часть их миссионерской деятельности. Представители других орденов хотя и присутствовали в Англии, но были весьма немногочисленны, так что основная пастырская работа доставалась именно иезуитам и выпускникам руководимых ими семинарий.

Не случайно самыми плодовитыми переводчиками были священники Энтони Батт (издания 1622, 1631, 1633 [две книги] и 1638 гг.) Джон Уилсон (издания 1617, 1620, 1621, 1623, 1626, 1634 и 1635 гг.), Майлс Пинкни (издания 1630, 1632 [2 книги], 1635, 1636 гг.) и Джон Яксли (издания 1613, 1614, 1622 и 1637 гг.), а также их собратья по миссии — иезуиты. Среди членов Общества Иисуса стоит выделить Томаса Эверарда (1560–1633)³⁴. Он издал 9 переводов (1606 [2 издания], 1617 [2 издания], 1618, 1623, 1624, 1638 [2 издания]) «классики» иезуитской духовной литературы — сочинений Луки Пинелли, Св. Франсиско де Борхи, Франсиско Ариаса, Луиса де ла Пуэнте, Фульвио Андроцци и Игнасио Бальзамо. Все переводы были опубликованы в типографии иезуитской коллегии в Сент-Омере.

Эверард был младшим современником и последователем других переводчиков-иезуитов, издававших свои труды в Сент-Омере. Среди них — Ричард Гиббонс (1547/1553–1632), переведивший труды испанских и итальянских богословов и мистиков — Луки Пинелли, Луиса де ла Пуэнте, Луиса де Гранады, Винченцо Бруно и Роберто Беллармино (издания 1599, 1604, 1610, 1614 и 1633 гг.) и подавший им всем пример Генри Гарнет (1555–1606)³⁵, в течение 20 лет (1586–1606) совмещавший заботы главы иезуитов-миссионеров в Англии с

³⁴ Allison. 1953–1954. P. 188-215.

³⁵ Caraman. 1964.

работой над памфлетами и переводами сочинений Франсиско Ариаса, Винченцо Бруно, Петра Канизия, Джакомо Ледисмы, и Луки Пинелли (издания 1597 [2 книги], 1598 [2 книги], 1602, 1620 и 1622 гг.).

В отличие от них, иезуит Уильям Райт (1563–1639) переводил, в основном, полемические сочинения, созданные в 1606–1623 гг. в ходе охватившей половину Европы дискуссии о присяге католиков на верность Якову I, а точнее, о содержащейся в ней фразе, объявлявшей учение о том, что папа имеет право смещать светских государей с престола. В полемике участвовали не только английские богословы, но также и французы, испанцы, голландцы³⁶. Райт стремился познакомить своих собратьев-католиков с доводами ученых иезуитов, отстаивавших официальную позицию, принятую Римом. Его перу принадлежат переводы трактатов Мартина Бекана и Леонарда Лессия.

Помимо клириков, значительную группу переводчиков (17 человек) составляли светские лица. Поскольку они, в отличие от миссионеров, не были связаны политикой руководства в отношении того, что именно следовало переводить, их выбор в большей степени отражает вкус аудитории, ее пристрастия и предпочтения в религиозных практиках, а круг авторов определялся не орденой принадлежностью, но личным чувством.

Так, Энтони Браун, виконт Монтегю³⁷ издал в 1560 г. уже упоминавшийся трактат Джона Фишера об умственной молитве. А в 1610 (переиздан в 1635 г.) появился перевод Жития Св. Франциска, принадлежавший перу его внука, Энтони Марии Брауна, второго виконта Монтегю. В выборе текста отчетливо отразилось свойственное всей семье почитание святого. А пребывавший в заключении в Тауэре в конце 1570-х гг. Джордж Коттон перевел — вполне уместно — трактат Диего де Эстеллы о презрении к миру. Оказавшийся в Тауэре чуть позже, в 1580 – начале 1590-х гг., граф Эрендел перевел уже упоминавшийся трактат о пути человеческой души к Богу.

Впрочем, было бы неверным считать, что выбор мирян так уж сильно отличался от того, что им предлагали их священники-миссионеры. Некоторые из переводчиков-мирян вообще были тесно

³⁶ Серегина. 2006б. С. 54-58 и 65-69.

³⁷ О семье Монтегю см.: *Questier*. 2006; Серегина. 2007г. С. 213-225; *Она же*. 2007б. С. 328-351; *Она же*. 2007а. С. 5-32; *Она же*. 2007в. С. 357-373; *Она же*. 2008а. С. 342-372.

связаны с руководством миссии. Они сами были эмигрантами и работали в тесном контакте с лидерами английской миссии на континенте. В первую очередь это относится к печатникам и книгоиздателям. Джон Фаулер (1537–1579), перебравшийся на континент в 1560-е гг., с первой волной эмигрантов, издавал многочисленные полемические и наставительные произведения и сам перевел некоторые из них (издания 1566, 1568, 1576 гг.). А печатник и книготорговец Джон Хейэм (ок.1568-ок.1634)³⁸ специализировался в основном на молитвословах и наставительной литературе, причем и сам ее переводил. Он подготовил к изданию и перевел несколько сборников религиозных наставлений, включавших в себя сочинения Луиса де ла Пуэнте, Карло Борромео, Луиса де Гранады (издания 1604, 1611, 1614, 1618 и 1624 гг.). Еще одним переводчиком с испанского был Ричард Хопкинс (ок.1546-1596), учившийся в свое время в Оксфорде (колледж Модлин), а затем завершивший свое образование в Испании. Ему принадлежат несколько переводов сочинений Луиса де Гранады (издания 1582 и 1586 гг.).

Оставшиеся в Англии миряне не отставали от эмигрантов. Так, поэт и переводчик сэр Томас Хокинс (1570–1640?) издал несколько переводов сочинений французского иезуита Николя Коссэна (в 1626, 1631, 1634 и 1638 гг.), а один из самых плодовитых переводчиков XVII века, «блудный» сын англиканского архиепископа и обращенный католик, сэр Тоби Мэтью (1577–1655), переводил испанских мистиков и духовных писателей — Франсиско Ариаса, Хуана де Авилу, Алонсо Родригеса (издания 1619, 1620 [3 книги], 1621, 1630 и 1631 гг. [3 книги]). Его же перу принадлежит и первый перевод на английский язык «Исповеди» Бл. Августина (Сент-Омер, 1620; дважды переиздано в Париже в 1638 г.).

Таким образом, можно констатировать, что образованная элита католического сообщества в своих приоритетах была близка религиозной программе лидеров английской католической миссии, так что светские и духовные лидеры сообщества выступали сообща, стараясь преобразовать религиозные практики своих единоверцев в соответствии с духом реформированного католицизма, очищенного, как им казалось, от суеверий.

³⁸ Allison. 1957–1958. P. 226-242.

Особую группу составляют женщины-переводчики. Их было совсем немного — всего 6, и подавляющее большинство их (5) принадлежали монашеским орденам. Доминирование переводчиков-мужчин, безусловно, объясняется особенностями женского образования, ограничивавшего их лингвистические познания; кроме того, для женщины выступить в роли автора или переводчика все еще считалось пусть уже и не неслыханной, но все же дерзостью. Переводы монахинь предназначались для «внутреннего пользования» их монашеской общины, хотя порой оказывались такими популярными, что выдерживали не одно издание и выходили далеко за пределы монастырских стен. Так, сборник сочинений уже упоминавшейся итальянской визионерки Изабеллы Кристины Беллинзаги был переведен в 1612 г. настоятельницей бенедиктинской обители в Брюсселе леди Мэри Перси (1570–1642), обрел большую популярность и выдержал 4 переиздания (1625, 1628 и 1632 гг. [дважды]). Известны еще три переводчицы-бенедиктинки — Пуденциана Дикон (1581–1645), Алексия Грей и Кэтрин Гринбери, и одна клариссинка, аббатиса монастыря в Эйре — Элизабет Эвелинг (1597–1668)³⁹.

Единственной переводчицей-мирянкой была Элизабет Кэри (1585–1639), виконтесса Фолкленд⁴⁰, издавшая в 1630 г. перевод кардинала дю Перрона о властях светских и духовных. Созвучная позиции английских католиков в споре о праве папы смещать государей, эта речь имела политическое значение, а переводить ее (да еще и посвящать королеве Генриетте-Марии) было рискованным занятием. Большая часть тиража книги была арестована и уничтожена по приказу короля. Виконтессе, впрочем, дерзости было не занимать: она была первой женщиной, чья пьеса — трагедия «*Мириам*» — была опубликована (1612) в Англии. Она же вопреки мнению родственников обратилась в католичество, едва не разрушив при этом собственную семью и лишившись средств к существованию. Ее перу принадлежала также «*История правления, жизни и смерти короля Эдуарда II*», известная при жизни автора только в рукописи (издана в 1680 г.).

Но если переводчиков-женщин и было немного, то вот с патронами, которым эти переводы посвящали, дело обстоит совсем на-

³⁹ Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines... P. 25-173.

⁴⁰ Weller and Ferguson M. W. (eds.). 1994; Серегина. 2003. С. 121-144.

оборот. Из 45 посвящений⁴¹ 13 адресованы мужчинам, и 32 — женщинам. Среди патронов-мужчин фигурирует всего одно духовное лицо. Это — Томас Голдуэлл (ум. 1585), епископ Сент-Азафа в Уэльсе и один из лидеров английской католической эмиграции. Оксфордский ученый, он в конце 1530-х гг. покинул Англию и странствовал по Европе в качестве капеллана кардинала Реджинальда Пола. При Марии Тюдор он вернулся в Англию и стал епископом (1555–1559), а после того, как Елизавета в 1559 г. восстановила в стране протестантскую церковь, он вновь бежал на континент. Голдуэлл был единственным английским епископом, присутствовавшим на Тридентском соборе (1562 г.), а позднее стал генеральным викарием архиепископа Миланского Карло Борromeо — «образцового» прелата Католической Реформы. Голдуэллу, впрочем, посвящен только один, ранний (1570 г.) текст. Позднее подавляющее большинство посвящений адресовалось мирянам.

Среди адресатов неизбежно оказывались монархи члены правительства, не имевшие отношения к католическому сообществу — например король Яков I или Джордж Кэри, лорд Хансдон (1547–1603) — но зато прекрасно подходившие на роль «фиктивных» патронов. Этот прием широко использовался полемистами, когда необходимо было подчеркнуть полную лояльность католиков правительству и несправедливость испытываемых гонений.

Другую группу составляли титулованные дворяне, придворные, сами, как правило, официально остававшиеся протестантами, но имевшие большой круг католической родни. Они являлись потенциальными (в случае обращения в «истинную веру») или даже реальными покровителями английских католиков. Это — придворный Карла I Джеймс Стюарт, граф Морей (1591–1638), супруга которого Энн Гордон, принадлежала к католической семье графа Хантли, лидера шотландских католиков; Эдвард Сэвилл, граф Дорсет (1570–1652), сын католички Маргарет Ховард (сестры мученика за веру Филиппа, графа Эрендела)⁴²; а также Джон Тэлбот, граф Шрусбери (1601–1654), внук ревностного католика — рекузанта, сэра Джона Тэлбота из Графтона (1535?–1607?) и супруг представительницы другого католи-

⁴¹ Есть еще 4 «коллективных» посвящения — всем иезуитам, а также английским монахиням — клариссинкам, бригеттинкам и бенедиктинкам.

⁴² *Smith*. 1992. P. 105-124; *Idem*. 1991.

ческого клана, Мэри Фортеस्कью, правнучки католического мученика, сэра Эдриана Фортеस्कью (казнен в 1539 г.).

Наконец, остальные адресаты посвящений были собственно, католиками. Одни явно приходились друзьями и родственниками переводчикам — например, Ричард Банистер из Лондона и эсквайры Генри Мэнфилд и Уильям Стэнфорд, другие же были аристократами-католиками, настоящими лидерами гонимого сообщества. В числе последних — родственник графа Дорсета Генри Невилл, лорд Абергавенни (ок. 1580–1641) и представители одного из самых влиятельных католических семейств страны — Антони-Мария Браун, второй виконт Монтегю (1574–1629), и его сын и наследник Фрэнсис Браун, третий виконт (1610–1682). Ряд переводов был посвящен потомку заговорщиков, придворному и католику-интеллектуалу XVII столетия, сэру Кенельму Дигби (1603–1665)⁴³.

Неудивительно, что среди женщин-патронесс нашлись представительницы этих семейств, и их родственницы. Это — дочь второго виконта Монтегю Мэри Браун, леди Питер (1603–1685), его сестра Джейн Браун, леди Инглфилд (1580–1650), и жена двоюродного брата, сэра Томаса Эренделла из Уордура (1560–1639), Энн (урожденная Филипсон), а также дочь лорда Абергавенни Сесили Невилл.

Помимо этих аристократок в числе адресатов посвящений оказались и другие дамы-католички (не считая самой королевы Генриетты-Марии) — Мэри Ропер, леди Ловел (1564–1628)⁴⁴, основательница и патронесса конвента английских кармелиток в Антверпене, ее сестра Элизабет, леди Вокс из Хэрроудена (ок. 1564 – после 1625) и невестка последней Энн Вокс (1562–1637). Обе они были известными покровительницами иезуитов, немало за то пострадавшими после Порохового заговора. Другие патронессы — леди Элизабет Херберт, дочь известного католика, сэра Эдварда Херберта из Поуис-Касла, Элизабет Дарси, виконтесса Сэведж (1581–1651), Энн Корваллис, графиня Аргайл (ум. 1635), Алтея Ховард, леди Фейрфакс из Эмли (ум. 1677) и Энн Пакингтон, леди Одли из Бирчёрч.

Дочь ревностного протестанта и фаворита Елизаветы, графа Эссекса, Дороти Деверо, леди Ширли (во втором браке Стаффорд; 1600–1636) была обращенной католичкой. Кэтрин Мэннерс, герцогиня Бе-

⁴³ *Foster*. 1988.

⁴⁴ *Hardman*. 1936.

кингэм (1603–1649), была одной из самых влиятельных дам при дворе Карла I⁴⁵. Вернувшись к католицизму своей юности после гибели первого мужа⁴⁶, она покровительствовала единоверцам и способствовала не одному обращению в «римскую веру» (в т.ч. своей невестки Сьюзен Вильерс, леди Денби, и Элизабет Кэри, виконтессы Фолкленд). Еще одна дама — Джейн Дормер, герцогиня Фериа (1538–1612), долгие годы являвшаяся неформальным лидером английских эмигрантов в Испании и их покровительницей при испанском дворе⁴⁷.

Целая группа текстов была посвящена монахиням. Впрочем, простых сестер среди адресатов не было. Все посвящения адресованы главам женских монашеских общин — аббатисам клариссинок из Гравелина Маргарет (1582/5–1654) и Элизабет Рэдклифф, и Элизабет Тилдсли (1586–1654), приорессе дочерней обители в Сент-Омере Мэри Гуч⁴⁸, настоятельнице обители Св. Моники (того же ордена) в Лувене Дороти Клемент; аббатисе бригеттинского монастыря Сион, перенесенного в Дормант (Фландрия) Кэтрин Палмер и ее сестре по ордену, настоятельнице обители в Лиссабоне Барбаре Уайзмен (ум. 1649); аббатисам английских бенедиктинок в Брюсселе Джоан Беркли (1555–1616) и Мэри Перси (1570–1642), и настоятельницам английских аббатств в Камбрэ и Генте леди Фрэнсис Гауэн (ум. 1629) и Люси Натчбулл (1584–1629) соответственно⁴⁹.

Наконец, несколько изданий было посвящено дамам, пытавшимся воссоздать активную модель иезуитского служения в женском варианте. Антония Луиса де Карвахаль-и-Мендоса (1566–1614), хотя и давала монашеские обеты, не следовала правилам женских орденов. Отправившись в качестве миссионера в Лондон, она основала там небольшую женскую общину, члены которой помогали католическим священникам и фактически выполняли всю пастырскую работу, за исключением отправления таинств⁵⁰.

⁴⁵ *Hibbard*. The role of a queen consort: the household and court of Henrietta Maria, 1625–42; *Asch and Birke*. (eds.). 1991. P. 393–414.

⁴⁶ В 1635 г. Кэтрин Мэннерс вышла замуж за Рэнделла Макдоннела, графа Антрима в Ирландии (1609–1683), однако ей было позволено пользоваться герцогским титулом.

⁴⁷ См.: *Серегина*. 2008б. С. 62–65.

⁴⁸ *Registers of the English Poor Clare nuns at Gravelines...* P. 25–173.

⁴⁹ *Neville*. 1909. P. 1–72.

⁵⁰ *Redworth*. 2008.

Мэри Уорд (1585–1645), монахиня-клариссинка, основала Институт Блаженной Девы Марии, занимавшийся образованием девочек и подготовкой их к активному служению в миру. Институт задумывался как женская параллель ордена иезуитов и именно поэтому впоследствии был запрещен, однако его основательница сыграла большую роль в распространении Католической Реформы, как в Англии, так и за ее пределами⁵¹.

Подавляющее большинство текстов, посвященное патронам, имело характер религиозных наставлений, что отражало как их принадлежность к мирянам, либо женским монашеским общинам, так и функцию самих книг: стать пособиями или заместить порой недоступную проповедь, помочь читателям в той работе, которую, как подразумевалось, они на себя брали — организации религиозной жизни английских католиков, будь то монахини на континенте, или же члены католических семей, домочадцы, слуги и арендаторы на родине.

Именно этим обстоятельством и объясняется большое количество дам-патронесс. В условиях гонений именно женщины — жены и матери — использовали свой юридически неполноправный статус, чтобы, нарушая закон, обустроить религиозную жизнь своих единоверцев. Именно они, укрывая в домах священников, или приглашая их, обеспечивали своей семье и местным католикам доступ к таинствам их веры. Они же наставляли детей и взрослых в вере, организовывали религиозные братства, оказывали финансовую и иную поддержку миссионерам и монастырям. Книжные посвящения отражают тот факт, что важная роль женщин в жизни английского сообщества признавалась и высоко оценивалась лидерами английской миссии.

* * *

Анализ публикаций переводов католических книг на английский язык в конце XVI – начале XVII в. четко указывает на особый характер английского католического сообщества, который ему стремились придать — и довольно успешно — его лидеры из числа духовенства и светской элиты. Отбор книг для перевода демонстрирует, что перед нами — один из ранних примеров усвоения идей пост-Тридентского реформированного католицизма английским духовенством и католической аристократией и попытки распространения этих идей среди своих единоверцев. Из всего богатого наследия католической духов-

⁵¹ *Chambers*. 1882–1885; *Littlehales*. 1998.

ной литературы XVI в. отбирались те тексты, возникновение которых было связано с монашескими орденами — преимущественно иезуитов, но также и францисканцев, доминиканцев и кармелитов. Этот отбор лишь отчасти объясняется орденской принадлежностью переводчиков. Еще одним важным фактором было то, что в Англии после Реформации исчезла привычная структура католических приходов и епархий — влиятельная, но и неповоротливая, — а проповедь «истинной веры» и распространение идей реформированного католицизма было возложено на плечи миссионеров. Структура миссии была более гибкой, легче приспосабливалась к местным условиям, в силу чего в XVII столетии проповеднические миссии начали действовать и в официально католических странах⁵². Парадоксальным образом протестантская Англия оказалась одним из полигонов, на которых «обкатывалась» такая модель миссионерской церкви.

Книга играла большую роль в жизни английских католиков, зачастую заменяя им священника и/или проповедника. Эту роль признавали и лидеры английской миссии — свидетельством тому является многочисленная книжная продукция. Однако в условиях преследований и небольшого числа католических миссионеров, работавших в Англии, распространение даже «книжной» проповеди — не говоря уже о физическом распространении книг — возлагалось, по большей части, на мирян. Поэтому роль мирян (в том числе женщин) в английском католическом сообществе была велика, а светская элита во многих аспектах контролировала деятельность миссии, поскольку без ее поддержки она оказалась бы попросту невозможной.

Таким образом, можно констатировать, что английское католическое сообщество представляет собой особый, парадоксальный вариант пост-Тридентского католицизма — миссионерскую церковь в Европе, которая отличалась как ранним усвоением идей Католической Реформы, так и влиянием мирян в сообществе, что этим идеям отчасти противоречило⁵³.

⁵² О миссиях в католической Европе см.: *Châtellier*. 1993; *Gentilcore*. 1994. P. 269-296; *Johnson*. 1996. P. 183-202; *Soerleg*. 1993.

⁵³ Как в других католических общинах, религиозная жизнь английского католического сообщества представляла собой сплетение новых и традиционных, средневековых черт, а деятельность миссионеров была одновременно и борьбой с «суевериями», и переосмыслением традиционных религиозных практик. Однако этот сюжет невозможно рассмотреть в рамках данного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Серегина А. Ю.* «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII вв. // *Адам & Ева*. Вып. 12. М.: ИВИ РАН, 2006а. С. 118-144.
- Серегина А. Ю.* Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.) // *Средние века*. Вып. 68(2). М.: Наука, 2007а. С. 5-32.
- Серегина А. Ю.* Католик или политик? [с приложением транскрипции и перевода парламентской речи виконта Монтегю (1604)]. Диалог со временем. Вып. 25(2). М.: «ЛИБРОКОМ», 2008а. С. 342-372.
- Серегина А. Ю.* Католическая знать в протестантской Англии: виконты Монтегю (вторая половина XVI – начало XVII вв.) // *Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян* / Под ред. О. В. Дмитриевой. СПб.: Алетейя, 2007б. С. 328-351.
- Серегина А. Ю.* Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы I в Каудрей (1591 г.) // *Мир Клио. Сборник статей в честь Л. П. Репиной*. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2007в. С. 357-373.
- Серегина А. Ю.* Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI – начала XVII вв. // *Социальная идентичность средневекового человека* / Под ред. А. А. Сванидзе и П. Ю. Уварова. М.: Наука, 2007г. С. 213-225.
- Серегина А. Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб.: Алетейя, 2006б.
- Серегина А. Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI – XVII веков // *Адам & Ева*. Вып. 15. М.: ИВИ РАН, 2008б. С. 53-99/
- Серегина А. Ю.* Смиренная мятежница: обращение в католичество Элизабет Кэрри // *Адам & Ева*. Вып. 5. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 121-144.
- Aldis H. G., Bowes R., and Plomer H. R.* (eds.). *Dictionary of printers and booksellers in England, Scotland and Ireland, and of foreign printers of English books, 1557–1640*. Mansfield: Martino Publishing, 1910.
- Allison A. F.* An early 17th-century translator: Thomas Everard. *Biographical Studies*. Vol. 2. Catholic Record Society, 1953–1954.
- Allison A. F.* John Heigham of S. Omer (c. 1568 – c.1632), *Recusant History*. Vol. 4. CRS, 1957–1958.
- Allison A. F., Rogers D. M.* The contemporary printed literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. Vol. II: Works in English. Aldershot: Ashgate, 1994.
- Caraman P.* Henry Garnet, 1555–1606, and the Gunpowder plot. London: Longmans, 1964.
- Chambers M. C.* The life of Mary Ward. 2 Vols. London: Burns & Oates, 1882–1885.
- Châtellier L.* La religion des pauvres: les missions rurales en Europe et la formation du catholicisme moderne, XVIe–XIXe siècle. Paris: Aubier, 1993.
- Foster M.* Sir Kenelm Digby as man of religion and thinker. *Downside Review*. Vol. 106. Bath, Downside Abbey, 1988.

- Gentilcore D.* Adapt yourselves to the people's capabilities: missionary strategies, methods and impact in the kingdom of Naples, 1600–1800 // *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 45. Cambridge, Cambridge univ. press, 1994. P. 269-296.
- Hardman A.* English Carmelites in penal times. London: Burns, Oates and Washbourne, 1936.
- Hibbard C. M.* The role of a queen consort: the household and court of Henrietta Maria, 1625–42. *Asch R. G. and Birke A. M.* (eds.). Princes, patronage and the nobility: the court and the beginning of the modern age, c.1450–1650. Oxford: Oxford univ. press, 1991. P. 393-414.
- Johnson T.* Blood, tears and Xavier-water: Jesuit missionaries and popular religion in the Eighteenth-century Upper Palatinate // *Scribner B. and Johnson T.* (eds.). Popular religion in Germany and Central Europe, 1400–1800. London: Palgrave Macmillan, 1996. P. 183-202.
- Littlehales M. M.* Mary Ward: pilgrim and mystic, 1585–1545. Tunbridge Wells, Kent: Burns & Oates, 1998.
- Neville A.* English Benedictine nuns in Flanders, 1598–1687. *Miscellanea V. CRS*. Vol. 6. 1909. P. 1-72.
- Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford univ. press, 2004.
- Pollen J. H. and MacMahon W.* (eds.). The venerable Philip Howard, earl of Arundel, 1557–1595: English martyrs. Catholic Record Society. Vol. 21. 1919.
- Questier M. C.* Catholicism and community in early modern England: politics, aristocratic patronage and religion, c. 1550–1640. Cambridge: Cambridge univ. press, 2006.
- Questier M. C.* Conversion, politics and religion in England, 1580–1625. Cambridge: Cambridge univ. press, 1996.
- Redworth G.* The She-Apostle: the Extraordinary Life and Death of Luisa de Carvajal. Oxford: Oxford univ. press, 2008.
- Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines, 1608–1837. *Miscellanea IX*. Catholic Record Society. Vol. 14. 1914. P. 25-173.
- Smith D. L.* Catholic, Anglican or Puritan? Edward Sackville, fourth earl of Dorset, and the ambiguities of religion in early Stuart England, *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th series. Vol. 2. Cambridge, Cambridge univ. press, 1992. P. 105-124.
- Smith D. L.* The fourth earl of Dorset and the personal rule of Charles I // *Journal of British Studies*. Vol. 30. Chicago, Univ. of Chicago press, 1991.
- Soerleg P. M.* Wondrous in His Saints: Counter-Reformation propaganda in Bavaria. Berkeley: Univ. of California press, 1993.
- Walsham A.* “Domme Preachers”? Post-Reformation Catholicism and the Culture of Print // *Past and Present*. Vol. 168. 2000.
- Weller B. and Ferguson M. W.* (eds.). The Lady Falkland: her Life by one of her daughters. Berkeley: Univ. of California press, 1994.
- Серегина Анна Юрьевна**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра гендерной истории ИВИ РАН; aseregina@mail.ru.

М. М. СИРОТИНСКАЯ

ГОРОД В ВОСПРИЯТИИ «МОЛОДОЙ АМЕРИКИ» (середина XIX в.)

Прослеживается восприятие «Молодой Америкой» проблем общественно-политической, культурной жизни города в середине XIX в. Особое внимание уделено оценкам журнала “Democratic Review”, а также сочинениям писателя и драматурга К. Мэтьюза, убежденного в превосходстве цивилизации над дикостью. Согласно П. Миллеру, Мэтьюз стремился показать безликость «великого города». Как представляется автору статьи, тему урбанизма, в современном смысле, скорее, можно связывать с творчеством Г. Мелвилла. Странники «Молодой Америки» подчеркивали огромное политическое и культурное влияние Нью-Йорка на жизнь страны, и это была заявка на его *Manifest Destiny*.

Ключевые слова: Молодая Америка, Герман Мелвилл, Корнелиус Мэтьюз, история Нью-Йорка.

В 1840–1850-е гг. общество на Северо-Востоке США претерпело глубокие изменения, обусловленные урбанизацией. Промышленный переворот, строительство железных дорог и каналов, массовая эмиграция из Европы в Америку дали толчок бурному росту городов. Особенно быстрыми темпами увеличивалось население Нью-Йорка: в первой четверти XIX столетия он обогнал Филадельфию, став самым большим городом Соединённых Штатов. Если в 1840 г. нью-йоркское население насчитывало около 313 тыс. человек, то в 1850 г. — уже более 515 тыс. К 1850-м гг. почти половину его жителей составляли те, кто родился за пределами североамериканской республики. Росту его экономического значения способствовало сооружение в 1817–1825 гг. Эри-канала, соединившего систему Великих озер с Атлантическим океаном. Выгодное географическое положение превращало Нью-Йорк в крупнейший порт мира, «ворота» в Европу — большая часть импорта поступала в «великий город»; через него, наряду с Новым Орлеаном, осуществлялся экспорт американских товаров в Старый Свет. Нью-Йорк становился важным торговым, финансовым, культурным центром. Получили развитие такие отрасли промышленности, как судостроение, производство модной одежды, мебели. Прибыльным бизнесом стало издательское дело. В значительной степени

именно с Нью-Йорком связывается возникновение в 1830–1840-е гг. дешевой прессы, т.н. «пенни-пресс» (газеты продавались за 1 цент, т.е. пенни), ориентированной на широкого читателя. Именно в период, предшествовавший Гражданской войне, на Севере формировалась урбанистическая культура современного типа.

Большое значение жизни города в середине XIX в. придавали сторонники «Молодой Америки». Это литературно-политическое объединение берет начало от «Тетрактис-клуба», образованного весной 1836 г. четырьмя молодыми нью-йоркцами. В их числе был Эверт Дайкинк, видный литературный критик, консультативный редактор серии «Библиотека избранного чтения» и «Библиотека американских книг». Затем к молодым литераторам присоединился также проживавший в Нью-Йорке Корнелиус Мэтьюз — ныне уже позабытый, но в свое время известный в Нью-Йорке писатель, поэт, эссеист, редактор (в 1841–1842 гг. он редактировал совместно с Дайкинком журнал “*Arcturus*”, в 1846–1847 гг. писал статьи в юмористический еженедельник “*Yankee Doodle*”, отражавший устремления «Молодой Америки»), активный поборник принятия закона об авторском праве. По отзывам современников, это был человек со сложным, неуживчивым характером (всю жизнь он был холостяком). Действие многих его произведений — романтической повести «Большой Авель и Маленький Манхэттен» (1845), сборника «Панорама Нью-Йорка, нарисованная пером» (1853), политической сатиры «Карьера Пуффера Хопкинса» (начала печататься в 1841 г. в журнале “*Arcturus*”, в 1842 г. вышла отдельной книгой), пьесы «Политики» (опубликована в 1840 г., ни разу не исполнялась) — происходит в Нью-Йорке. Некоторые исследователи считают Мэтьюза одним из родоначальников жанра городского романа в США, усматривают в его идеях и творчестве истоки урбанизма¹. К младоамериканцам в конце 1840-х гг. был близок Герман Мелвилл. Он стал посетителем дома братьев Дайкинков в Нью-Йорке на Клинтон-Плейс, 20, пользовался их знаменитой библиотекой. Дайкинк и Мэтьюз покровительствовали молодому писателю. Будущий автор мирового шедевра «Моби Дик» (1851) еще не пользовался широкой популярностью (слава придет к Мелвиллу лишь в XX в.) — в 1846 г. в серии «Библиотека американских книг» вышла его первая повесть «Тайпи».

¹ Ковалев. 1971. С. 25, 63; Miller. 1956. P. 93-94.

Приверженцы «Молодой Америки» высказывались в защиту национальной литературы, отечественных художников, актеров, музыкантов, поддерживали либеральное движение в Европе. К середине 1840-х гг. их печатным органом являлся журнал джексонских демократов “United States Magazine and Democratic Review”², или просто — “Democratic Review” (его литературным редактором весной 1845 г. стал Э. Дайкинк), на страницах которого летом 1845 г. впервые было употреблено, предположительно его редактором Дж. О’Салливаном, выражение «предопределение судьбы», или «явное предначертание» (Manifest destiny)³. Младоамериканцы отстаивали идею молодости, прогресса. Ряд современников считали Мэтьюза основателем «партии Молодая Америка» (впрочем, словосочетание «Молодая Америка» носилось в воздухе), ее «центурионом». Выступая в июне 1845 г. перед Эвклидовым обществом Нью-Йоркского университета, Мэтьюз сделал акцент на различиях поколений: «Нам известны достижения прошлого поколения государственных деятелей, юристов и писателей», однако «наш долг и наша судьба отличаются», «мы являемся еще Молодой Америкой... новым поколением...»⁴.

В данной статье предпринята попытка обратить внимание на тему Города в творчестве К. Мэтьюза, Г. Мелвилла, в восприятии “Democratic Review” в середине XIX в.

Младоамериканцы, радикальные демократы, последователи Т. Джефферсона и У. Леггетта, проявляли большой интерес к нью-йоркской политической жизни. В “Democratic Review” подвергалась критике практика политического патронажа, система, при которой государственные должности представляются сторонникам победившей партии. Она, как утверждалось, наносит удар по демократическим институтам, способствуя коррупции, выдвижению не профессионалов, а шумных политиканов. В целях «здоровой ротации» предлагалось ввести систему ежегодных перевыборов президента⁵.

Мэтьюз отмечал неэффективность городского управления, невнимание «отцов города» к нуждам простого народа, злоупотребления

² Основан в 1837 г. в Вашингтоне, с 1841 г. выходил в Нью-Йорке.

³ О «Молодой Америке» см. напр.: Ковалев. 2003; Николокин. 1977. С. 13-14; Яценко 1980. С. 29-36; Stafford. 1952.

⁴ Цит. по: Widmer. 1999. P. 60.

⁵ Democratic Review (далее — DR). Sept., 1845. Vol. 17. N 87. P. 163-172; Apr., 1845. Vol. 16. N 82. P. 315-318.

и коррупцию во время избирательной кампании, вскрывал лицемерие, демагогию нью-йоркских политиков. В статье «Политическая жизнь» в первом номере “*Arcturus*” (декабрь 1840 г.) писатель осудил погоню за должностями, приветствуя «римскую простоту». Подлинный государственный деятель, убежден он, — выходец из самой гущи народных масс, он приходит к власти благодаря упорному труду. Автор комедии «Политики» негодует. Чтобы завоевать голоса избирателей, кандидаты на должность олдермена не брезгают ничем: один из них, Бриск, решает использовать в день выборов церковную колокольню в партийных интересах, другой, Гуджеон, размышляет о возможности своего появления в обществе двух «работяг»-алкоголиков, что, по мысли его помощника, привлечет всеобщее внимание. С одной стороны, избиратели смогут заметить в карманах Гуджеона трактаты в защиту трезвости. Но в то же время на соседнем заборе будут развешаны большие плакаты, демонстрирующие его поддержку магазинов, осуществляющих розничную торговлю алкогольными напитками. Бриск также абсолютно беспринципен и циничен. Он и его помощники рассуждают о том, что они «любят пауперов», говорят о необходимости избрания подлинно народного городского управления, регулярно появляются в рабочих пивных в целях привлечения избирателей. Но как только Бриск узнает, что на руку его дочери претендует бедный театральный музыкант Блэндинг, он категорически возражает, ибо последний ему «не ровня». Однако переодетого Блэндинга, выдающего себя за родственника известного washingtonского сенатора, он встречает с распростертыми объятиями⁶. Писатель возмущен методами, используемыми в политической борьбе. Пуффера Хопкинса, идеалистичного молодого человека из провинции, искренне выступившего на политическом митинге в Нью-Йорке, сразу же замечает некий Хобблшэнк и наставляет, как ему следует себя вести, чтобы достичь успеха. Необходимо, чтобы куртка была застегнута доверху, что свидетельствует о решимости, твердости политика, целесообразно во время выступления глядеть «поверх толпы», а затем «поклониться публике», нельзя быстро покидать платформу, и т.п.⁷

Конечно же, Мэтьюз — не защитник революционного переустройства общества. Нарисованный им идеальный государственный

⁶ *Mathews*. 1863. URL: http://www.archive.org/details/variouswritings_01mathgoog. P. 324-325, 120-123, 127-128, 135; *Stein*. 1974. P. 130-136.

⁷ *Mathews*. Op. cit. P. 170-174.

деятель, как Пуффер Хопкинс и «реформатор» в его «Стихах о человеке»⁸, — политики, не прибегающие к радикальным методам. Пьеса «Политики» завершается хэппи-эндом. Сами жители города, уставшие от беспринципных политиканов, выдвигают кандидатуру честного и неподкупного «старшины Крамба», и он одерживает победу. Дочь Бриска Кейт выходит замуж за Блэндинга.

Центральная тема повести «Большой Абель» — проблема «цивилизации — дикости». Подлинные «хозяева» Нью-Йорка, два молодых паренька, — Абель Генри Хадсон (по устаревшей транслитерации Гудзон) по прозвищу «Большой Абель», будто бы правнук английского мореплавателя Генри Хадсона (Гудзона)⁹, и Лэнки Фогль (он известен как «Маленький Манхэттен»), потомок индейского вождя, продавшего голландцам остров Манхэттен, после длительных судебных тяжб приходят к полюбовному соглашению и делят между собой город. Каждая глава книги начинается утром нового дня и представляет их путешествие по разным районам Нью-Йорка. Последняя, десятая, глава завершается пиршеством героев и их друзей на крыше старого банковского дома на Юнион Сквер (одна из главных площадей Манхэттена, где Бауэри соединяется с Бродвеем). Автор недвусмысленно указывает на того, за кем будущее Америки. Большой Абель воплощает энергию, предприимчивость, любовь к коммерции. Он идет по улицам города твердой поступью, восхищается суетой улиц, кораблями, пристанями, верфями, лавками. Даже внешний вид Хадсона говорит в его пользу: «На него приятно было посмотреть» — «новая шляпа — она сияла как кошачья спина на свету..., новая синяя куртка, с медными пуговицами: брюки бледноватого оттенка: ботинки, которые, когда он двигался, приятно поскрипывали, напоминая о магазине, где они недавно продавались...»¹⁰. На «Маленьком Манхэттене», напротив, поношенная,

⁸ *Idem.* 1843. P. 85-87. URL:

<http://www.archive.org/details/poemsonmaninhis00mathgoog>.

⁹ В 1609 г. Хадсон на трехмачтовом корабле «Халфмун», принадлежавшем голландской Ост-Индской компании, в поисках северо-западного прохода из Атлантического в Тихий океан достиг восточного побережья Северной Америки, открыл остров Манхэттен и прошел по реке, впоследствии получившей его имя, до точки, где ныне расположен город Олбани.

¹⁰ *Mathews.* 1970. P. 9, 92. Пунктуация авторская: она подвергалась критике в “American Whig Review” (далее — AWR). Nov., 1845. Vol. 2. N 5. P. 535.

легко продуваемая куртка, с вытертыми рукавами. Он сдержан, молчалив («настолько молчалив, что казался частью самой Природы»), все время думает о «больших, зеленых лесах», «буйных реках». По словам рецензента вигского журнала “American Whig Review”, главного противника “Democratic Review” в Нью-Йорке, «нашептывания ветра и деревьев постоянно возвращают его к мыслям о своей расе и о прежней дикости...» (в один момент у него даже возникает желание, чтобы на город была ниспослана гибель). Даже спят герои по-разному: «Лэнки как старый темный лес, чьи листья неподвижны», а Большой Авель «как великан». В конечном итоге, как и следовало ожидать, Хадсону достаются все «цивилизованные» места Нью-Йорка, его процветающая часть — банки, конторы, магазины, пристани, склады, корабли, школы, церкви, мосты, тюрьма, здание городского совета. Толчок развитию коммерции, подчеркивает автор, был дан «торговцем капитаном Хадсоном». С последним связывается и распространение «христианской веры и полезных знаний». Как заключает писатель, мечтаниям «Маленького Манхэттена» не суждено сбыться, рост города неотвратим: прогресс — на стороне Большого Авеля. Возвращение в «дикость» невозможно: «я боюсь, бедный Лэнки! Город растет, а ты терпишь поражение ...»¹¹.

В пьесе «Политики» Блэндинг и Кейт Бриск (к ним присоединяется жена Гуджеона) ведут полемику о преимуществах и недостатках цивилизации. Кейт — сторонница жизни в сельской местности, с ее спокойствием, «зелеными полями» и чистым воздухом, простыми нравами. Блэндинг же убежденный урбанист. Он — и, по видимому, взгляды музыканта разделяет автор, — боготворит Нью-Йорк, с его темпом жизни: здесь делается История, здесь сама многообразная действительность наталкивает на философские размышления. По словам г-жи Гуджеон, в городе для «спокойствия души» можно заняться реформаторской деятельностью по нравственному совершенствованию общества, а для отрады глаз можно полюбоваться Сити-холл. «Столица» Соединенных Штатов уже начинает ассоциироваться с материальным благосостоянием, определенными потребительскими запросами. Для удовлетворения полета фантазии, замечает г-жа Гуджеон, здесь можно приобрести кашемировую шаль за 100 долл., а сельским жителям, как утвержда-

¹¹ Mathews. 1970. P. 11-13, 22-25, 38, 50, 91-93; AWR. Nov., 1845. P. 533.

ет Блэндинг, приходится довольствоваться «одной парой брюк». Жизнь в Нью-Йорке — это еще и дополнительные удобства, комфорт, большие возможности «великого города». Нью-Йорк — город для влюбленных, где они могут совершать совместные походы в театры, на концерты и выставки, обсудить прослушанную лекцию¹².

Младоамериканцы, в частности “Democratic Review”, придавали большое значение распространению в массах достижений культуры, деятельности «Американского Союза поощрения изобразительного искусства» (American Art Union), главной целью которого была пропаганда американской школы живописи, новым нью-йоркским театральным постановкам. В журнале регулярно публиковались отчеты о заседаниях «Нью-йоркского исторического общества», уделявшего значительное внимание приобретению новых книг, документов, произведений искусства, в особенности проливающих свет на колониальную историю Нью-Йорка, — тому, что бы мы сейчас охарактеризовали как увековечивание исторической памяти. Подчеркивалась необходимость совершенствования театрального искусства, основания новых картинных галерей, организации публичных концертов, благоустройства «столицы» США — строительства парков, «ухоженных садов с фонтанами», что, в частности, будет способствовать здоровью людей, возникновению своеобразной атмосферы «демократии ума». Содержались призывы усилить, как мы бы сейчас сказали, образовательную и воспитательную роль национальных праздников¹³.

Нью-Йорк связывался Мэтьюзом с суетой улиц, шумом, омнибусами, пароходами на Гудзоне, ресторанчиками, тавернами и пивными, разноликостью и многоголосицей — он красив. Меню одного из завтраков героев покорило бы современных активистов в защиту окружающей среды: им подали «жареную утку, застреленную неподалеку, на реке» и большой кусок острой оленины¹⁴.

Город романтизируется. Повесть начинается (первая глава была опубликована в “Democratic Review”¹⁵) с встречи «Маленького Манхэттена» с «Большим Авелем» у дроболитейной башни (shot tower),

¹² Mathews. 1863. P. 124-126, 132, 136.

¹³ DR. Aug., 1843. Vol. 13. N 62. P. 196, 205; June, 1847. Vol. 20. N 108. P. 568-569; Nov., 1847. Vol. 21. N 113. P. 468; см. также: Widmer. Op. cit.; Bender. 1987. P. 146-147.

¹⁴ Mathews. 1970. P. 18.

¹⁵ DR. Jan., 1845. Vol. 16. N 79. P. 10-13.

находившейся в то время на Третьей авеню. Сама Башня одушевляется. О ней говорится то как о «странном пареньке», который никогда не спит: «куда бы вы ни пошли, она будет вас преследовать», то как о злобно-равнодушном существе. Это «призрак Нью-Йорка». Даже шум улиц приобретает особую прелесть. Вот, например, герои отправляются спать, но не могут какое-то время погрузиться в сон, ведь их таверна находится на улице, где проживают извозчики, возвращающиеся с работы. Можно определить по звучанию, какая повозка едет: иногда едущая медленно, ведомая усталой лошастью, «потом быстро, с грохотом мчащаяся повозка, которую можно услышать издали», «затем три или четыре повозки вместе, с извозчиками, переговаривающимися друг с другом; они движутся с умеренной скоростью», «потом пара гонщиков, на полной скорости, одна за другой...», от их езды трясутся окна, нет, даже сами дома», а вот повозка, едущая поздно ночью, «вся улица принадлежит ей»¹⁶.

Автор проводит Хадсона и Фогла по Манхэттену: его деловой, торговой части, по Бродвею. Создается определенный образ нью-йоркских улиц. Писатель, к примеру, говорит от лица Саут-стрит, недалеко от которой расположен морской порт: «Вот я, Саут-стрит: и тут я предполагаю находиться в течение многих лет. Не бойтесь пришвартовываться здесь: суда, бриги, шхуны, шлюпы...; английские, французские, голландские, русские, норвежские, с Камчатки — я готова...» (со второй половины XIX в. порт у Саут-стрит стал терять былое значение ввиду конкуренции со стороны крупных паровых судов, сейчас здесь находится морской музей). Мы ощущаем, как в будний летний день район Бэттери (расположен на южной оконечности острова Манхэттен, отсюда открывается красивый вид на гавань) заполняется «дородными пожилыми джентльменами и молодыми худыми джентльменами с тростью под мышкой, мастерами и подмастерьями, владельцами лавок и продавцами, толпами их...». Короткие восклицательные предложения передают энергию, ритм жизни центральной улицы «столицы» в будничное утро: «Город, просыпайся снова!.. Вставай, Бродвей! Вставай! Вставай!». В «Панораме Нью-Йорка» Мэтьюз отмечает: Бродвей — это своеобразный «тест на респектабельность». Здесь в выходной день можно увидеть нью-йоркских жителей в одежде самых модных фасонов:

¹⁶ Mathews. Op. cit. P. 1-2, 8, 26.

«если у вас старая шляпа или поношенная куртка, если у вас вид неудачника, ... избегайте Бродвея как огня»¹⁷.

Однако Мэтьюз, уделявший, как и “Democratic Review”, значительное внимание жизни простых тружеников, социальным проблемам, описывает и Нижний Манхэттен, улицу Бауэри, район Пяти точек — знаменитые Файв Пойнтс, где проживала беднота (образован пересечением пяти улиц, большая часть которых ныне не существует — сейчас здесь находится Чайнатаун). Как отмечалось в “American Whig Review”, «г-н Мэтьюз подлинный житель Нью-Йорка, и у него пристрастие ко всему, что характеризует Нью-Йорк, в особенности к жизни его дна», он «сует нос в каждую пивную и таверну»¹⁸. У Авеля и его спутника там множество друзей. В «диком и темном» районе Пяти точек героям бросаются в глаза старые дома с покосенными дымоходами, открытыми настежь дверьми, окна с красными занавесками и, рядом с ними, «бесчисленные желтые бутылки с длинными горлышками», «таинственные» лестницы, начинающиеся на улице и уходящие куда-то ввысь, праздно шатающиеся женщины. Восточная Бауэри пользуется дурной славой: когда какой-либо «смелый джентльмен» с Бродвея возьмет кэб и окажется здесь, он возвращается «с волосами, вставшими дыбом», от испуга и изумления¹⁹ (восточная Бауэри достается, конечно же, Лэнки Фоглу).

Однако главное, что отличает Нью-Йорк, по Мэтьюзу, это его люди, вернее, определенные типажи, которые можно встретить только в «великом городе». Один из его атрибутов — мальчишки-продавцы газет, оглашающие улицы своими криками. Мэтьюз, как и все младоамериканцы, которые придавали огромное значение дешевой прессе, считая ее отражением «духа времени» (в “Democratic Review” был помещен карандашный портрет паренька-разносчика газет и рассказ о нем Дж. Нила²⁰), отводит им значительное место в своих романах. На мальчишке — разносчике газет — кепка и брюки, он никогда не носит костюм, ботинки или чулки, не следит за модой; его лицо всегда грязное. Внешний облик соответствует характеру: мальчишки часто сквернословят, пьют, вступают в драки, любят дешевые театральные

¹⁷ Ibid. P. 67-68, 40, 46; Stein. Op. cit. P. 80.

¹⁸ AWR. Nov.? 1845. P. 532.

¹⁹ Mathews. 1970. P. 56-57, 73.

²⁰ См.: Мифы и реалии американской истории... Т. 1. С. 136.

эффекты, карточные игры. Даже на картах в их колодах — названия городских утренних и вечерних газет и ежемесячников: проигравшие оплачивают еду и напитки. Колоритные персонажи Нью-Йорка — «парни Бауэри» (b'hoys). Это преимущественно молодые рабочие, формирующие собственную культуру в противовес Бродвею (они любят ночную жизнь с ее развлечениями — театры, танцполы, салуны, публичные дома). Бродвейский дэнди, замечает Мэтьюз, как бы «уменьшает себя», стягивая корсетом, облегающими сюртуком, брюками, перчатками. Дэнди с Бауэри поражает своим размахом, мужественностью: поля его шляпы большие, его широкие брюки заправлены в ботинки на высоком каблуке. Он никогда не носит перчатки — его мускулистая рука говорит сама за себя. На нем яркие рубашка или сюртук, его волосы коротко пострижены на затылке, изящно завитые пряди волос на висках смазаны мылом или жиром. Во рту у него сигара; он проносится по Бауэри «метеором». Мэтьюз описывает тяжелую жизнь нью-йоркской швеи, чей труд один из самых низкооплачиваемых в городе: она встает «чуть свет», вынуждена экономить на самом необходимом, таскать нелегкие грузы. Запоминается «маленький Трэппен» («Панорама Нью-Йорка»), библиотекарь в газетном зале Нью-Йоркского исторического общества, ведущий постоянную борьбу с залетающими насекомыми и мечтающий о создании библиотеки, достойной «великого города», — для этого он все свои сэкономленные средства отдает на приобретение новых книг²¹. На страницах «Большого Авеля» также появляются лодочник Барскин, торговка г-жа Сэлтус, «бедный ученый», мечтающий издать свою книгу, «индейский доктор», а также пожарные, мясники, модистки, евреи с «темными, как ежевика, бакенбардами», торгующие одеждой на Чатэм-стрит: сам воздух «пах старыми пальто и шляпами».

С симпатией отзываясь писатель о жизнерадостном, добросердечном Помпее, черном мальчике из Бауэри («Большой АVELЬ»). Трогательна-сентиментальна история его дружбы с белым мальчуганом Недди Меллишем (прелестна сцена запуска ими бумажных змеев), заканчивающаяся болезнью и смертью Помпея. Недди тяжело переживает утрату; он — единственный белый среди тех, кто провожает Помпея в последний путь.

²¹ Mathews. 1970. P. 14-16, 219-223; Stein. Op. cit. P. 81-85; Burrows, Wallace. 1999. P. 753; Adams. 2005.

Современники упрекали автора «Большого Авеля» в идеализации Нью-Йорка. Хотя ему не удалось скрыть некоторые «печальные» факты нью-йоркской действительности, утверждал публицист фурьеристского журнала “Harbinger” (возможно, Ч. Дейна) в октябре 1845 г., писатель увидел процветающий «великий город» и предпочел отвернуться от мрачных сторон его жизни, которые не вписывались в общую благостную картину²². Критика, по-видимому, была справедливой. Как показали исследователи, экономический кризис 1837–42 гг. привел к массовой безработице в Нью-Йорке, ухудшению положения трудящихся. Особенно тяжелой была участь многих ирландских, итальянских иммигрантов, афроамериканцев, которые проживали в трущобах Нижнего Манхэттена в районе Пяти улиц в условиях нищеты, крайней скученности, в грязи. Это место у современников имело дурную репутацию и считалось средоточием порока: пьянства, азартных игр, проституции, нелегальных салунов, преступности (район контролировался ирландскими бандами). Именно здесь, в салунах Пяти точек, полагают историки, родилась чечетка²³.

Ни о каком реальном равенстве всех жителей города, равных возможностях для начала предпринимательской деятельности не могло быть и речи. Мэтьюз же, и об этом свидетельствует, в частности, его «бедняк» в «Стихах о человеке», советовал пауперу уповать на себя, Бога и удачу, по существу выражая веру в капиталистические ценности, возможность успешного продвижения каждого индивида по социальной лестнице. Ответственность за тяжелое материальное положение возлагалась на самого бедняка²⁴.

Вряд ли идиллическая «дружба» черных и белых, белых и индейцев характеризовала в этот период нью-йоркскую действительность. Как известно, Нью-Йорк явился ареной классовых, этнорелигиозных (вспомним хотя бы один из последних фильмов Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка», сюжет которого, основанный на книге Г. Осбери 1927 г., — столкновения в районе Пяти улиц между протестантами, «коренными» американцами и католиками, главным образом ирландскими иммигрантами), расовых конфликтов²⁵. По-

²² Цит. по: Mathews. 1970. P. xiii; AWR. Nov., 1845. P. 532.

²³ Осбери. 2004; Anbinder. 2001.

²⁴ Mathews. 1843. P. 91-93.

²⁵ См., напр.: Болховитинов. 1980. С. 275-280; Исаев. 1993. С. 45-56; Pes-
sen. 1969; Spann. 1981. P. 67-91.

следную проблему писатель вообще обходит стороной: кроме Помпея, в романе практически нет упоминания о черных (вообще многие младоамериканцы с неприязнью относились к аболиционистам).

В целом заключения Мэтьюза вписываются в пресловутую концепцию американской исключительности, проводившуюся в “Democratic Review”. Особый акцент журнал делал на уникальности политического строя США: каждый сын Адама, будь то «солдат, моряк, сапожник, крестьянин, рабочий» якобы, как утверждалось, может принять участие в управлении государством. Постоянно велась полемика с «аристократической» Англией, подчеркивались ее социальные бедствия, в противовес Соединенным Штатам. Категорически отвергалась идея целесообразности социального законодательства. Рецензент книги известной участницы аболиционистского и женского движения в США Л. М. Чайлд «Письма из Нью-Йорка» (июнь 1845 г.) упоминал о ее призывах оказать помощь голодным детям в бедных нью-йоркских семьях, но не одобрял ее «частое стремление к благотворительности, в ущерб справедливости». Зато приводились длинные цитаты из «Писем» Чайлд о культурной жизни города²⁶.

Эдгар По в своей рецензии на книгу «Большой Абель» в женском журнале “Godey’s Lady Book” (ноябрь 1845 г.), достаточно высоко оценивая повесть, главный недостаток усмотрел в ее «неопределенности»: «девять из десяти читателей будут абсолютно не в состоянии понять ее смысл». То, что По принимал за «неопределенность», по мнению известного литературоведа П. Миллера, на самом деле — урбанистическая безликость, современная проблема отчуждения художника в крупном мегаполисе; она отражает «апокалиптическое» видение Мэтьюзом Города²⁷. С данной точкой зрения трудно согласиться: роман Мэтьюза действительно характеризовали некоторые новаторские приемы, интересна его основная идея. Но все же тему урбанизма, в современном смысле, в частности, проблеме «маленького человека в большом городе», как представляется, скорее, можно связывать с именем Г. Мелвилла.

²⁶ DR. Jan., 1844. Vol. 14. N 67. P. 30-33; Febr., 1845. Vol. 16. N 80. P. 181; June, 1845. Vol. 16. N 84. P. 573; *Child*. Op. cit. P. 19-20.

²⁷ *Poe*. 1845. URL: <http://www.eapoe.org/works/criticism/glb45mc1.htm>; *Miller*. Op. cit. P. 141.

Нью-Йорк, жизнь его простых тружеников присутствует в произведениях Мелвилла. Роман «Моби Дик» начинается с описания Нью-Йорка. В первой главе автор призывает обратить взор на «город-остров Манхэттен, словно атолл коралловыми рифами, опоясанный товарными пристанями, за которыми шумит коммерция кольцом прибоья», на деловой центр города. В «Белом бушлате» (1850) Мелвилл сравнивает жизнь военного корабля с жизнью города. По его словам, «поистине военный корабль — это плавучий город с длинными проспектами (только вместо деревьев по сторонам его красуются пушки), с многочисленными тенистыми переулками, дворами и проходами...». А «длинным рядом портов-окон, откуда выглядывают дула орудий», он напоминает ему трехэтажный дом, «расположенный в сомнительной части города, где из окон на вас поглядывают всякие подозрительные личности». Этот дом — не что иное, как старая пивоварня — сердце Пяти улиц, самое известное многоквартирное здание в истории города. По некоторым сведениям, здесь до 1850-х гг., когда пивоварня была ликвидирована, в абсолютно антисанитарных условиях проживало около 1 тыс. человек.

Молодой матрос Редберн в одноименной повести Мелвилла 1849 г. (это в значительной степени автобиографическое произведение, где писатель использует обстоятельства своего плаванья в Ливерпуль в качестве юнги), как и “Democratic Review”, противопоставляет республику Нового Света старушке-Англии: в Нью-Йорке, убежден он, нет и не может быть пауперизма²⁸.

Чуть позднее так называемая «малая проза» писателя открывает нам иного Мелвилла. Проблема духовного кризиса творческой личности в крупном социуме, «одинокое бунтаря», «маленького человека» в Городе (невольно напрашиваются параллели с гоголевским Акакием Акакиевичем Башмачкиным²⁹) была поднята писателем в одной из его главных малых повестей «Писец Бартлби» (впервые опубликована в 1853 г. в журнале “Putnam’s Monthly Magazine”, вошла в сборник «Рассказы на веранде», увидевший свет в 1856 г.). Некий юрист, чья контора располагается на Уолл-стрит, рассказывает о работавшем у него писце по имени Бартлби — странном моло-

²⁸ Мелвилл. 1987. Т. 1. С. 49; Он же. 1973. С. 65-66; Melville. 1983. P. 221-222; Bergmann. 1995. P. 65-66.

²⁹ Старцев. 1981. С. 80; Мелвилл. 1988. Т. 3. С. 447.

дом человеке, который не соглашался выполнять ни одно поручение, отклонял все просьбы и не отвечал ни на какие вопросы, повторяя: «Я бы предпочел отказаться». Угрюмый, бездомный, он ни с кем не общался, не обедал и даже не выходил из конторы. Он отказывался быть уволенным за невыполнение служебных обязанностей, не пытался дать объяснение своим поступкам. В конечном итоге несчастный Бартлби оказался в городской тюрьме.

В повести постоянно возникает образ стены, что, как полагают некоторые исследователи, подчеркивает одиночество человека и, возможно, бесцельность человеческого существования. С одной стороны, — это сама Уолл-стрит, центр делового Нью-Йорка, с другой, — высокая кирпичная стена у окна, около которого располагался стол Бартлби в конторе. Это еще и двустворчатая дверь с матовым стеклом, отделявшая комнату переписчиков от комнаты хозяина юридической конторы, которую он держал то отворенной, то закрытой. Когда владелец конторы, от чьего имени ведется рассказ, пришел в Гробницу (уголовную следственную тюрьму Нью-Йорка) для встречи с писцом, он нашел последнего в самом пустынном дворике, «повернувшись лицом к высокой стене». И свою смерть в тюрьме «бледный, исхудавший» Бартлби также находит «у самой стены», «головой касаясь холодного камня»³⁰ (по мнению современного исследователя, Мелвилл широко использует уличный «слэнг», игру слов³¹).

Но существует и множество других интерпретаций повести: к примеру, под углом зрения структурализма, психоанализа и т.п. Ее сравнивают с произведениями Ф. Кафки³².

Повести «Пудинг бедняка и крошки богача»³³, «Рай для холостяков и Ад для девиц» (1855), кажется, опровергают тезис об американской исключительности. Прекраснодушные рассуждения поэта Блэндура о бедняке в первой повести расходятся с действительностью, когда рассказчик посещает дом простого труженика, где царит нище-

³⁰ Мелвилл. 1988. Т. 3. С. 21-56; Bernstein. 1964. P. 169-170; Marx. 1987. P. 11-29; etc.

³¹ Fafluk. 2003. P. 86-87.

³² Fisher. 1977. P. 182. Список новейших трудов американских исследователей см. например: Reed. 2004. P. 247-268; Foley. 2000. P. 87-116.

³³ Повесть появилась в 1854 г. в "Harper's Monthly Magazine". На русский язык, насколько нам известно, не переводилась.

та, и отведывает настоящий «пудинг бедняка», состоящий из риса, молока и соли. Он приходит к выводу, что нищета и низость практически всегда были и будут одинаковыми «в Индии, Англии и Америке». Во втором очерке «Крошки богача» (контраст используется как художественный прием) описывается посещение благотворительного обеда для бедных в Лондоне в 1814 г., состоявшегося на следующий день после грандиозного банкета «императоров, регентов и королей», устроенного в честь победы над Наполеоном при Ватерлоо. Подчеркивается унижительность такого рода благотворительности — бедняки должны довольствоваться остатками со стола коронованных особ — она лишь ожесточает толпу, пробуждает в массах самые низменные чувства. Рассказчик всячески пытается отделить себя от неистовства толпы и в конце благодарит Бога за то, что тот избавил его как от «пудинга бедняка», так и от «крошек богача»³⁴.

В повести «Рай для холостяков и Ад для девиц» город ассоциируется с фабрикой (правда, это бумажная фабрика в Новой Англии). Повесть можно рассматривать как протест против безжалостной эксплуатации женского труда в условиях капиталистической системы, которая убивает женское начало, — это «темная сторона американской мечты». Автор очерка видит на фабрике «бледных, как полотно» (слово «бледные» повторяется много раз) девушек: здесь работают, по 12 часов в день, только незамужние девицы. Они выступают придатком машин: на фабрике ничего не слышно, «кроме низкого, упорного, всевластного урчания железных зверей», «машин — хваленые рабы человека — здесь обслуживались людьми, и люди служили им молча и подобострастно, как раб служит султану». Мелвилл сопоставляет «ад для девиц» в Новой Англии и «рай для холостяков» — восхитительный холостяцкий обед в Темпл-Баре в Лондоне, где все присутствующие «вкусили хорошей еды и питья, дружеских чувств и дружеской беседы», все «были братьями»³⁵.

Однако это лишь одно, возможно, простейшее объяснение повести. Само ее название, композиция, проводимые аналогии и антитезы демонстрируют еще раз сложность, неоднозначность творчества Мелвилла. На данное произведение можно взглянуть и в контексте обстоятельств личной жизни писателя, его переживаний и фантазий

³⁴ *Melville*. 1997. P. 286-299.

³⁵ *Мелвилл*. 1988. Т. 3. С. 243-264.

интимного характера (в период подготовки этих очерков жена Мелвилла Э. Шоу ждала четвертого ребенка), понимания им проблем взаимоотношений мужчины и женщины, а также учения З. Фрейда³⁶.

Некоторые современники и литературоведы проводили параллели между Мэтьюзом и Диккенсом, явно не в пользу первого. Автора «Большого Авеля» упрекали в том, что характеры его героев недостаточно прописаны, отмечали искусственность и условность повести³⁷. Безусловно, Мэтьюз как писатель несопоставим с Мелвиллом, с аллегориями, символическими абстракциями последнего, обращенными, скорее, к читательской аудитории XX – начала XXI в. Тем не менее, городская жизнь, запечатленная в романах Мэтьюза, выведенные им нью-йоркские типажи, думается, представляют немалый интерес.

Город, в его изображении и в восприятии младоамериканцев, выступает как воплощение самой американской действительности, активности американцев. Взоры отечественных литераторов, подчеркивал Мэтьюз в предисловии к пьесе «Политики», должны быть обращены на природу Соединённых Штатов, а также на «оживленную жизнь городов, обычаи, нравы и действия людей, живущих вместе..., объединенных в тесное, но неоднородное общество»³⁸. Нью-Йорк, считали сторонники «Молодой Америки», стал «столицей» Соединённых Штатов и призван оказывать решающее политическое и культурное влияние на жизнь нации. Мэтьюз верил в то, что «великому городу» уготовано «славное будущее» — собственно, на этой оптимистичной ноте и заканчивается его «Большой Абель». Нью-Йорк — это подлинно «град на холме», приходил к выводу публицист «Democratic Review». Именно здесь бьется пульс реальной жизни, «революционных и реформаторских доктрин», здесь «находится соль земли первоизданной», здесь пресса начинает свою деятельность и здесь «следует искусству поднять свое красивое лицо и улыбнуться на улицах, в парках и на публичных площадках». Этот «улей» дает толчок событиям, которые накладывают отпечаток на весь мир³⁹. То была заявка на *Manifest destiny* города Нью-Йорка.

³⁶ См., напр.: Rogin. 1987. P. 117-123; Fisher. Op. cit. P. 70-72; Rowland. 1988. P. 155-171; Robertson-Lorant. 1996.

³⁷ AWR. Nov., 1845. P. 533-534; Ковалев. 1971. С. 62-63; Miller. Op. cit. P. 93.

³⁸ Mathews. 1863. P. 120.

³⁹ Idem. 1970. P. 93; DR. June, 1845. Vol. 16. N 84. P. 574.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алентьева Т. В.* Американская журналистика в первой половине и середине XIX века. Курск: Курский государственный университет, 2008. 132 с.
- Болховитинов Н. Н.* «Джексоновская демократия»: историографический миф и реальность // Вопросы истории. 1978. № 12. С. 83-98.
- Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 403 с.
- Зукерман М.* Введение к парадоксам американской исключительности. Пер. с англ. // Американский ежегодник 1995 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1996. С. 19-41.
- Исаев С. А.* Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб.: Наука, 1993. 142 с.
- Исаев С. А.* О месте «джексоновской демократии» в истории США // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время / Отв. ред. А. А. Ярыгин. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 1991. С. 22-37.
- История литературы США / Гл. ред. Я. Н. Засурский. Т. 3. Литература середины XIX в. (поздний романтизм) / Отв. ред. Е. А. Стеценко. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 614 с.
- История США: В 4-х тт. / Гл. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 1. 1607–1877 / Отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 1983. 687 с.
- Ковалев Ю.* Герман Мелвилл и американский романтизм. Л.: Художественная литература, 1972. 279 с.
- Ковалев Ю. В.* «Молодая Америка». Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. 119 с.
- Ковале Ю. В.* От «Шпиона» до «Шарлатана». Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 258 с.
- Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / Отв. ред. Ю. К. Мельвиль, Е. Ф. Язьков. М.: Изд-во Московского университета, 1993. 301 с.
- Мелвилл Г.* Белый Бушлат / Пер. с англ. Л.: Наука, 1973. 392 с.
- Мелвилл Г.* Билли Бадд. Рассказы и повести / Пер. с англ. / Предисл. Ю. В. Ковалева. Л.: Лениздат, 1986. 350 с.
- Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3-х т. / Пер. с англ. / Вступит. ст., послесл. и сост. Ю. Ковалева. Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1987–1988. Т. 1. Моби Дик, или Белый Кит. Л., 1987. 639 с.; Т. 3. Повести и рассказы. Стихотворения. Л., 1988. 479 с.
- Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. А. Коленко: В 3-х тт. Т. 1. М.: ИВИ РАН, 2008. 262 с.; Т. 2. М.: ИВИ РАН, 2009. 257 с.
- Николюкин А. Н.* Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 409 с.
- Осбери Г.* Банды Нью-Йорка. Пер. с англ. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 349 с.

- Согрин В. В.* Важные аспекты изучения истории США XIX века // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 41–56.
- Согрин В. В.* Политическая история США. XVII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 391 с.
- Старцев А.* От Уитмена до Хемингуэя. 2-е изд. доп. Л.: Советский писатель, 1981. 374 с.
- Эстетика американского романтизма. Пер. с англ. / Сост., комм. и вступит. ст. А. Н. Николокина. М.: Искусство, 1977. 464 с.
- Яценко В. И.* У. Г. Симмс и «Молодая Америка» // Филологические науки. 1980. № 2. С. 29–36.
- Яценко В. И.* Южная школа американского романтизма. Иваново: Ивановский государственный университет, 1983. 87 с.
- Adams P.* The Bowery Boys: Street Corner Radicals and the Politics of Rebellion. Westport: Praeger Publishers, 2005. 168 p. URL: http://books.google.ru/books?id=wXk2dJ8CWf0C&pg=PA140&lpg=PA140&dq=Adams+P.+Bowery+boys&source=bl&ots=Qt06-mFrY&sig=AuyDZyh3QTYOgsADiGyglUD3k0A&hl=ru&ei=00qZS5v3JMOOjAfA8Iz4Dw&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=2&ved=0CBIQ6AEwAQ#v=onepage&q=Adams%20P.%20Bowery%20boys&f=false
- American Whig Review. N.Y., 1845–1847.
- Anbinder T.* Five Points: the 19th Century New York City Neighborhood That Invented Tap Dance, Stole Elections, and Became the World's Most Notorious Slum. N.Y.: Free Press, 2001. 532 p.
- Arvin N.* Herman Melville A Critical Biography. N.Y.: Viking Press, 1957. 312 p.
- Ashworth J.* 'Agrarians' & 'Aristocrats': Party Political Ideology in the United States, 1837–1846. L.; New Jersey: Humanities Press Inc., 1983. 327 p.
- Bender Th.* New York Intellect A History of Intellectual Life in New York City, from 1750 to the Beginnings of Our Own Time. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1987. 422 p.
- Bergmann H.* God in the Street: New York Writing from the Penny Press to Melville. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1995. 260 p. URL: http://books.google.ru/books?id=nSNAJtGT9VUC&pg=PA233&lpg=PA233&dq=Bergmann+H+God+in+the+street&source=bl&ots=8l36ZpskpV&sig=wnw0CF3vYtm6wz64iUQ-HrxY1aY&hl=ru&ei=0kqZS73oDYYX54AaZsLD-Cg&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=1&ved=0CAYQ6AEwAA#v=onepage&q=Bergmann%20H%20God%20in%20the%20street&f=false
- Bernstein J.* Pacifism and Rebellion in the Writings of Herman Melville. L.; The Hague; Paris: Mouton and Co, 1964. 232 p.
- Burrows E. G., Wallace M.* Gotham: A History of New York City to 1898. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 1413 p.
- Child L. M.* Letters from New York. N.Y.: C.S. Francis; Boston: J.H. Francis, 1845. 287 p. URL: <http://www.archive.org/details/lettersfromnewy02chilgoog>.
- Delbanco A.* Melville: His World and Work. N.Y.: Knopf, 2005. 415 p.
- Eyal Y.* The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861. Cambridge, etc.: Cambridge Univ. Press, 2007. 252 p.
- Faflik D.* Young American Puns: Antebellum Wordplay and Democratic Manhattan // American Literature. Spring 2003. Vol. 78. N 1. P. 75–92.

- Fisher M.* Going Under Melville's Short Fiction and the American 1850s. Baton Rouge; L.: Louisiana State Univ. Press, 1977. 216 p.
- Foley B.* From Wall Street to Astor Place: Historicizing Melville's 'Bartleby' // *American Literature*. March, 2000. Vol. 72. N 1. P. 87-116.
- Gilmore M. T.* American Romanticism and the Marketplace. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1985. 177 p.
- Harper's New Monthly Magazine. N.Y., 1853-1854.
- Marx L.* Melville's Parable of the Walls // *Herman Melville's Billy Budd, Benito Cereno, Bartleby the Scrivener and Other Tales* / Ed. and with an Introduction by H. Bloom. N.Y.; Philadelphia: Chelsea House Publishers, 1987. P. 11-29.
- Mathews C.* Big Abel and the Little Manhattan / With a New Foreword by D. J. Yannella, Jr. N.Y.: Garrett Press, Inc., 1970. 93 p.
- Mathews C.* Poems on Man, in His Various Aspects Under the American Republic. N.Y.: Wiley and Putnam, 1843. 112 p. URL: <http://www.archive.org/details/poemsonmaninhis00mathgoog>.
- Mathews C.* The Politicians // *Mathews C. The Various Writings of Cornelius Mathews*. N.Y.: Harper and Brothers, 1863. P. 119-150; The Career of Puffer Hopkins. // *Ibid.* P. 169-292; Miscellanies // *Ibid.* P. 295-3316; Selections from Arcturus // *Ibid.* P. 319-352; International Copyright // *Ibid.* P. 355-370. URL: <http://www.archive.org/details/variouswritings01mathgoog>.
- Melville H.* Poor Man's Pudding and Rich Man's Crumbs // *Melville H. The Complete Shorter Fiction* / With an Introduction by J. Updike. L.: Everyman's Library, 1997. P. 286-299.
- Melville H.* Redburn His First Voyage; White Jacket or the World in a Man-of-War; Moby-Dick of the Whale. N.Y.: The Library of America, 1983. 1436 p.
- Melville H.* Representative Selections with Introduction, Bibliography and Notes by W. Thorp. N.Y.; etc.: American Book Company, 1938. 437 p.
- Melville H.* The Letters of Herman Melville / Ed. by M. R. Davis and W. H. Gilman. New Haven: Yale Univ. Press, 1960. 398 p.
- Meyers M.* The Jacksonian Persuasion. Politics and Belief. Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1968. 302 p.
- Miller P.* The Raven and the Whale: The War of Words and Wits in the Era of Poe and Melville. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1956. 355 p.
- Parker H.* Herman Melville A Biography. Vol. 1, 1819-1851. Baltimore; L.: Johns Hopkins Univ. Press, 1996. 941 p.
- Pessen E.* Jacksonian America. Society, Personality, and Politics. Revised Edition. Urbana; Chicago: Univ. of Illinois Press, 1969. 379 p.
- Pessen E.* The Egalitarian Myth and the American Social Reality: Wealth, Mobility, and Equality in the Era of the Common Man // *American Historical Review*. Oct., 1971. Vol. 76. N 4. P. 989-1034.
- Poe E. A.* Review of Mathews' *Big Abel and the Little Manhattan* // *Godey's Lady's Book*. Nov. 1845. URL: <http://www.eapoe.org/works/criticism/glb45mc1.htm>.
- Reed N. C.* The Specter of Wall Street: "Bartleby, the Scrivener" and the Language of Commodities // *American Literature*. June, 2004. Vol. 76. N 2. P. 247-268.

- Reflections on American Exceptionalism / Ed. by D. K. Adams and C. A. Van Minnen. Staffordshire: Keele Univ. Press, 1994. 256 p.
- Reynolds D. S.* Beneath the American Renaissance The Subversive Imagination in the Age of Emerson and Melville. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1988. 625 p.
- Robertson-Lorant L.* Melville: A Biography. N.Y.: Clarkson Potter, 1996. 736 p.
- Rogin M. P.* Melville and the Slavery of the North // Herman Melville's Billy Budd... Op. cit. P. 117-123.
- Rogin M. P.* Subversive Genealogy The Politics and Art of Herman Melville. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1983. 354 p.
- Rosenberry E. H.* Melville. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979. 170 p.
- Rowland B.* Melville's Bachelors and Maids: Interpretation Through Symbol and Metaphor // On Melville. The Best from American Literature / Ed. by L. J. Budd and E. H. Cady. Durham; L.: Duke Univ. Press, 1988. P. 155-171.
- Schlesinger A. M., Jr.* The Age of Jackson. Boston: Little, Brown and Company, 1945. 577 p.
- Spann E. K.* Ideals & Politics New York Intellectuals and Liberal Democracy 1820–1880. Albany: State Univ. of New York Press, 1972. 269 p.
- Spann E. K.* The New Metropolis New York City, 1840–1857. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1981. 546 p.
- Stafford J.* The Literary Criticism of “Young America” A Study in the Relationship of Politics and Literature 1837–1850. Berkeley: Univ. of California Press, 1952. 154 p.
- Stein A. F.* Cornelius Mathews. N.Y.: Twayne Publishers, Inc., 1974. 175 p.
- United States Magazine and Democratic Review. Washington, N.Y., 1837–1846.
- Widmer E. L.* Young America. The Flowering of Democracy in New York City. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1999. 290 p.
- Wilentz S.* Against Exceptionalism: Class Consciousness and the American Labor Movement, 1790–1920 // International Labor and Working Class History. Fall 1984. N 26. P. 1-24.
- Wilentz S.* Chants Democratic New York City & the Rise of the American Working Class, 1788–1850. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1984. 446 p.
- Wilentz S.* On Class and Politics in Jacksonian America // Reviews in American History. Dec., 1982. Vol. 10. N 4. P. 45-63.
- Wilentz S.* The Rise of American Democracy Jefferson to Lincoln. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2005. 1044 p.

Сиротинская Мария Моисеевна, к.и.н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; masha_sirotskaia@mail.ru.

А. В. ФЕДИН

ИДЕЯ «БЛАГОРОДНОГО ДИКАРЯ» В «ИЕЗУИТСКИХ РЕЛЯЦИЯХ» XVII в.

Статья посвящена проблеме становления и развития одной из важнейших философских концепций Нового времени — идеи «естественного человека», точнее ее историко-этнологической версии — «благородного дикаря». Специально рассматриваются «Иезуитские реляции» из Канады, которые периодически публиковались во Франции в XVII в. и стали для современников и последующих поколений мыслителей важнейшим источником сведений о жизни и обычаях коренных народов Северной Америки.

Ключевые слова: иезуиты, Новая Франция, миссионерство, реляции, дикарь, янсенизм, аккомодация.

Одна из важнейших философских концепций Нового времени, идея «естественного человека», полностью оформившаяся в XVIII в. в трудах Вольтера и Руссо, начала свое развитие столетием раньше, вырастая из первых попыток осмысления «Другого» в условиях культурного шока, порожденного освоением вновь открытых земель, прежде всего, Американского континента. Если результатом великой полемики XVI века о природе людей, населявших эти территории, стало признание человеческой природы индейца, то на долю века XVII-го выпало определение его места среди других народов и культур. Одновременно европеец определял и свое место в мире, соотнося себя с этим «Другим», тем самым, закладывая основы новой исторической и антропологической науки¹.

Но это осмысление себя и других развивалось исключительно на основе противопоставлений, по средневековому томистскому образцу универсальной иерархии от высшего к низшему, обретшее свое выражение в оппозиции «цивилизации» и «дикости». И именно американские индейцы стали наиболее популярным символом дикаря². Одно-

¹ «Идея Дикаря — краеугольный камень эволюционистского мифа» (Jacob. 1991. P. 24). См.: Sea. 1984. С. 51-53, 99-100.

² Ellingson. 2001. P. xiii.

временно с этим новые народы и их культуры «ассимилировались» Европой, «прочитывались» посредством уже знакомых терминов и концептов, наделялись понятными чертами и характеристиками. Так, американский «дикарь» принял на себя наследие европейской мифологии: образ «варвара», «лесного человека», жителя «блаженных островов» и, конечно, «монстра». С самых ранних этапов колонизации коренной житель Америки рассматривался в двух аспектах: как счастливый обитатель земного рая, живущий в Золотом веке, и как дикий лесной полузверь-получеловек³. Но как бы ни воспринимал «цивилизированный» европеец «дикого» индейца, негативно или позитивно, основной целью восприятия и изучения оставался он сам — субъект познания, который искал смысл существования, растворявшийся в открывшемся многообразии мировой культуры, стремясь преодолеть и подчинить его. С одной стороны, рассматриваемые как «дикари», радикально отличные и низшие по отношению к европейцам, они могли быть поработаны. С другой стороны, расцениваемые как похожие, они могли ассимилироваться. Но «дикари», «благородные» или «подлые», никогда не принимались в их собственных терминах — иных, но равных. «Различие, — писал Ц. Тодоров, — превратилось в неравенство; равенство в идентичность»⁴.

Эта традиция создала схему, по которой исследователи описывали свой реальный опыт в Новом Свете, часто смешивая истину со своими представлениями о ней. Рождались утопии, в которых «дикари» (утопийцы, солярии, атланты и т.д.) играли роль эталонов, к которым должен был стремиться европеец XVI–XVIII вв., потерявший в результате «цивилизационного» развития некие достоинства и добродетели. Но, даже демонстрируя эти достоинства, неевропейские народы оставались неполноценными, неким «реликтом», имевшим лишь одну функцию: напомнить европейцам о чем-то позабытом, потерянном, чтобы вновь обрести его⁵. «Представление об индейцах как зеркальном отображении европейского прошлого исключало их из куль-

³ М. Элиаде: «Миф о благородном дикаре был лишь возрождением и продолжением мифа о Золотом Веке, то есть о совершенстве начала вещей» (*Eliade*. 1955. P. 229-249). См.: *Hodgen*. 1971. P. 389, 405-406; *Pagden*. 1993. P. 21; *Moffitt, Sebastien*. 1996. P. 73. См. также: *Кофман*. 2001.

⁴ *Todorov*. 1985. P. 146.

⁵ *Moffitt, Sebastien*. Op. cit. P. 116.

турного настоящего», — отмечал Т. Эллингсон⁶. На этом пути американские индейцы стали частью идеи Благородного Дикаря.

Энциклопедия «Британника» определяет понятие «Благородного Дикаря» следующим образом: «идеалистическая концепция нецивилизованного человека, который символизирует врожденное совершенство, не подвергшееся развращающим влияниям цивилизации»⁷. Хотя истоки этого образа уходят глубоко в мифологию, окончательное его оформление происходит лишь в Новое время, в результате Великих географических открытий и колонизации XVI–XVIII вв.

Термин «Благородный Дикарь» был изобретен в 1609 г. Марком Лекарбо, французским адвокатом-этнографом, как понятие в сравнительном праве, основанное на модели европейского «благородства» (*noblesse*). То есть, сугубо феодального понятия, связанного не столько с правом рождения, сколько с образом жизни: основным занятием индейцев были война и охота, которые в Европе считались привилегией аристократии⁸. Здесь нет никакой идеализации дикаря: Лекарбо рассуждает как юрист, рассматривающий любопытный правовой казус. Благородство дикаря не сущностное, моральное, а внешнее, статусное, проявляемое в определенных чертах быта и типах поведения. В дальнейшем, идеалы божественного права и аристократического патернализма будут заменены идеалом «естественных прав», и аристократическая парадигма благородства уступит новой, буржуазной идее «общественного договора», который подчеркивал равенство сторон. Термин «благородный», как его использовал Лекарбо, исчезает: появляется *le bon sauvage* («добрый дикарь»)⁹.

Именно таким «добрым дикарем» и предстает коренной житель Канады перед читателем *Иезуитских реляций*, одного из первых литературных источников этой концепции, ежегодно публиковавшихся в Париже с целью освещения работы миссионеров Общества Иисуса в Новой Франции¹⁰. Эти многотомные отчеты (с 1632 по 1673 гг. было издано 40 томов) были наполнены благожелательными описаниями коренных американцев и их образа жизни с целью приобретения вкладов для миссионерской работы от благочестивой публики

⁶ Ellingson. Op. cit. P. 26.

⁷ <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/416988/noble-savage>.

⁸ Lescarbot. 1907. Vol. I. P. 32-33; Vol. III. P. 230-231.

⁹ Ellingson. Op. cit. P. 34.

¹⁰ The Jesuit Relations and Allied Documents. 1896–1901 (далее — *JR*).

и полемики против янсенистов и атеистов. Можно предполагать, что именно *Реляции* сыграли основополагающую роль в создании образа «Благородного Дикаря», столь важного для дальнейшего развития философии и антропологии¹¹. Хотя иезуитские миссионеры в целом находили свою канадскую паству скорее дикарями, чем благородными, их сообщения о ней послужили основой для деистов и философов XVIII в. в использовании описаний естественного состояния, в котором жили племена Новой Франции.

Несмотря на то, что *Реляции* по праву считаются ценнейшим этнографическим источником, этнология не была целью их написания: варвар *этический* в сознании миссионера-литератора доминирует над варваром *этническим*¹². В идеале, «благородный» (*noble*) и «подлый» (*ignoble*) дикари — это разные персонажи. Благородный индеец дружелюбен, учтив и гостеприимен. Наряду с красотой телосложения и лица, он проявляет стойкость, скромность, благородное достоинство, даже под пыткой. Храбрый в бою, он нежен в семье. Независимость сочеталась с простым существованием и здоровым наслаждением дарами природы. Индеец, короче говоря, жил жизнью свободы, простоты и невинности. Его антагонист, «подлый» индеец, открыто демонстрирует наготу и разврат, страсть и тщеславие, ведущие к полигамии и сексуальной невоздержанности, к постоянной войне и жестокой мести против своих врагов, вплоть до каннибализма и человеческих жертвоприношений. Грязь, странная еда, леность, воровство и предательство — характерные черты жизни «подлого дикаря». Венцом падения выступает власть суеверия и идолопоклонства, сопротивляющихся истинной вере¹³. Такой дуализм наиболее характерен для XIX в. (например, у Фенимора Купера).

Однако реальность миссионерского поля в Канаде XVII в. продемонстрировала более сложную картину. Иезуитский «дикарь» сочетал как позитивные черты, так и негативные одновременно, хотя тенденция наблюдалась явно в пользу благородства. Вот ранняя характеристика гуронов отца Дюперона (1639): «Дикарь по природе терпелив, щедр, гостеприимен; но назойлив, мечтателен, инфантилен, вороват, лжив, ненадежен, распущен, горд, ленив; среди них много глупцов,

¹¹ Berkhofer. 1974. P. 73-74.

¹² Грацианская. 2002. С. 4; JR. Vol. I. P. 40.

¹³ Berkhofer. Op. cit. P. 28.

или скорее сумасшедших и безумных людей»¹⁴. Перед нами очень характерная для ранней европейской этнографии диалектика достоинств и недостатков. Подобный метод в публикациях *Реляций*, одна из целей которых состояла в том, чтобы найти финансовую поддержку для миссий, представлял индейцев и положительными, и отрицательными персонажами, чтобы вселить жалость и ревность в читателей. Такой портрет дикаря получался более правдоподобным, чем одностороннее описание полностью благородного или злого дикаря¹⁵.

Однако, степень «плохого» и «хорошего» в «дикарях» различна, и в зависимости от ориентации миссионера на первый план будут выступать либо пороки, либо достоинства. Это хорошо видно в сравнении деятельности двух групп французских миссионеров в Канаде: иезуитов и реколлектов. В обоих случаях наблюдается эволюция образа «дикаря»: от довольно резкой и согласованной первоначальной критики иезуиты двигались к не менее несдержанным дифирамбам, тогда как реколлекты — к ужесточению образа. Причины расхождений представлений этих двух орденов связаны с их конкуренцией на миссионерном поле Северной Америки. Но были важные философские различия между двумя орденами: иезуиты, опираясь на гуманистическую традицию (представленную, прежде всего, в утопической литературе XVI–XVII вв. и у Монтеня¹⁶), поддерживали идею естественного состояния и естественного совершенства; а реколлекты склонялись к янсенизму, с его бескомпромиссным осуждением греховности естественного человека. Иезуитов это вело к все более положительным конструкциям разных аспектов индейского характера и культуры и к приобретению более глубокого этнографического знания о них. Реколлекты, стремясь к «цивилизации» индейцев прежде христианизации, считали их культуру безнадежно греховной и не достойной изучения.

Основой отношения французских иезуитов к коренным жителям Северной Америки стали: общая миссионерная концепция Общества Иисуса, формировавшаяся в XVI–XVII вв.¹⁷; особенности французской колониальной политики в Канаде; и непосредственный опыт иезуитских миссионеров в Новой Франции.

¹⁴ *JR*. Vol. XV. P. 155; Vol. VI. P. 233.

¹⁵ *Sayre*. 1997. P. 126; *Ellingson*. Op. cit. P. 29.

¹⁶ *Мараваль*. 1991. С. 228; *Jaenen*. 1982. P. 45-46.

¹⁷ Об этом подробнее см.: *Федин*. 2005.

Основой всей деятельности ордена является т. н. «Фундамент» Игнатия Лойолы: «Человек сотворен для того, чтобы хвалить Господа Бога своего, почитать Его и служить Ему, и чрез то спасти свою душу»¹⁸. Помимо всего прочего, это означало признание за *всеми* людьми и народами общего качества — наличие души, и одной общей цели — ее спасение. «Все люди созданы, чтобы знать, любить и наслаждаться их Богом; все способны к этому, но весьма разным образом», — утверждал суперитор Канадской миссии о. Жером Лалеман в *Реляции* за 1647 год¹⁹. Лойола призывал «искать Бога во всем», в том числе и в язычнике. Призвание истинного «рыцаря Христа» — помочь в этом ближнему, и единственным средством для этого является любовь, которая заключается в том, что «любящий дает любимому и преломляет с ним то, что имеет»²⁰. Миссионер, таким образом, должен соблюдать эту заповедь любви по отношению к христианизируемому им народу, на какой бы стадии развития тот не находился. «Я люблю вас больше, чем своих братьев», — говорит первый настоятель канадской миссии о. Поль Ле Жен своим индейским подопечным, и, «поскольку у нас один отец, мы все — братья, и должны все признавать одного Бога и одного Капитана»²¹. С этой точки зрения, единственное, что разделяет людей и на земле, и на небе — грех, степень его наличия и стремления к очищению.

Уже к концу XVI века в ордене укрепилось мнение, что природа человека притеснялась намного меньшим количеством непреодолимого зла, чем считали протестанты, и поэтому он был достаточно свободен, чтобы обрести благодать собственными естественными усилиями. Для Ф. Суареса человеческая природа столь же телесна, сколь и духовна, и лишь в этом единстве обретает спасение²². Молинизм в XVII веке постулировал идею о «состоянии чистой природы», в котором человек рождается сразу свободным от первородного греха, лишенным как сверхъестественной жизни, так и подчинения смерти и всем другим бедствиям жизни. И хотя чистую природу официально считали гипотетическим состоянием, в котором Бог создал человека, но реально не дал ему, иезуитская мысль, однако,

¹⁸ Лойола. 1991. С. 23.

¹⁹ JR. Vol. XXXI. P. 231.

²⁰ Лойола. Указ. соч. С. 77.

²¹ JR. Vol. VII. P. 99-101.

²² Шмонин. 2006. С. 232.

понимала ее как истинное и фундаментальное положение человека перед получением благословений благодати и принятием в Церковь. Акцент, таким образом, смещался от «падшего» к «просто естественному» человеку. Отсюда следовал вывод, что «добрый язычник» не был проклят просто фактом его нахождения вне Церкви. Человек, хоть и удаленный от божественного покровительства, всегда сохраняет как часть врожденной природы потенциальную добродетель, даже если она не обеспечивала ему достижение вечной жизни²³.

Опираясь на эту (томистскую) традицию, величайшие миссионеры ордена (прежде всего, Хосе де Акоста), резко критиковали распространное в XVI в. предубеждение, что естественные буйство и дикость делали варварские нации непригодными к христианству²⁴. В своей *Естественной и моральной истории Индии* Акоста утверждал, что природа была театром творения, где Божьим трудом нужно восхищаться. Ее познание могло принести только пользу конверсионному проекту, ибо любое знание об этих нецивилизованных народах, которые все еще жили «в природе», давало преимущество. Акоста описывал эту жизнь как первую стадию человеческого развития или «время Естественного Закона». В их естественном неевангелизованном состоянии, дикари подчинены законам природы, будучи лишь немногим выше зверей, так как они долго были изолированы от откровения и оказались во власти дьявола. Их естественная история стала частью их моральной истории, или свидетельств их продвижения к цивилизованному состоянию христианского совершенства. И это необходимо учитывать при оценке того уровня, на котором они находились при первой встрече с Евангелием²⁵.

Однако большую часть XVII века во Франции превалировала иная оценка аборигенов Америки, опирающаяся не на Аквината, а на Августина и более пессимистично настроенная в отношении способностей туземцев воспринять и христианство, и цивилизацию. Наиболее резко ее выразил Сен-Сиран: «Ни единой капли благодати не падает на язычников»²⁶. И первые «*Реляции*» французских иезуитов подчеркивали моральную историю туземца, и обращали сравнительно мало внимания на ту среду, в которой он жил и развивался.

²³ Healy. 1958. P. 147.

²⁴ Schmidlin. 1931. P. 104.

²⁵ Acosta. 1880. Vol. I. P. 104-105; Vol. II. P. 325. См.: Goddard. 1995. P. 47-48.

²⁶ Цит. по: Лопту.

Отказ канадских миссионеров от «естественной» концепции Акосты, по крайней мере в первой половине XVII в., связан с особенностями становления и развития Общества во Франции. Религиозные войны и конфессиональное разделение требовали идеологической жесткости. В условиях укрепления национализма и его религиозного выражения — галликанизма, французские иезуиты отказались следовать испанской «партии», что могло привести к их дискредитации галликанской оппозицией. С точки зрения августинианского богословия, естественный мир, с его дикостью, животными качествами, противопоставлялся разумной душе и духу цивилизованного человека. Обращение и цивилизация зависели от трансформации естественного до полного его подчинения. Благодать играла небольшую роль в природе: оставленный своим естественным способностям, человек был столь же благ, сколь и потерян. Истинная добродетель была, таким образом, невозможна в естественном состоянии. Развитие в соответствии с природой рассматривалось как деградация²⁷. Одним из главных проявлений дикости считалось отсутствие разума, что было естественным следствием нехватки знания Бога, главной предпосылки для умственной деятельности, согласно Св. Августину²⁸.

В этой связи, одним из важнейших непосредственных источников первоначального пессимистического восприятия иезуитскими миссионерами канадских индейцев явилась «Духовная наука» Луи Лалемана, профессора моральной теологии и духовного наставника иезуитов первого и второго поколений в Новой Франции (1611–1650). Для Лалемана простых актов добродетели, как внешних дел, было недостаточно; они не были существенным элементом христианской добродетели, которая заключается в подражании Христу и божьей любви. Единственное, что придавало совершенство деяниям добродетели — это душа. Лалеман придавал особое значение чистоте души, которую, в отличие от Суареса, полностью «очищал» от тела, и направленности намерения. Согласно его доктрине, «нечистое» намерение (похвальба или тщеславие, удовольствие, корыстные побуждения или личная выгода и т.д.) портило доброе действие.²⁹ Отсюда происходила критика Лалеманом восхищения чисто внешними достоинствами и добродетелями, которые были присущи древним язычникам,

²⁷ *Goddard*. 1998. P. 663; *Goddard*. 1995. P. 48-49.

²⁸ *Jaenen*. Op. cit. P. 65.

²⁹ *Lallemant*. 1855. P. 104, 117.

как порождения природы: «После воплощения, мы не должны ничем больше не восхищаться. Опасно обращать наше восхищение на тварное. Есть только воплощенный бог, который его заслуживает». Язычник-дикарь (как и крестьянин) — «естественные люди», физическая и географическая изоляция которых ввергла их в невежество и духовные страдания (дикаря в лесу) или бедность (крестьянин в деревне)³⁰. И Ле Жен, старательный ученик Лалемана, также сравнивал канадских туземцев с необразованными французскими крестьянами, но считал, что «индейцы более разумны, чем наши крестьяне»³¹.

Лалеман соответственно видел цель миссионерской работы в Канаде не в расширении знаний или просвещении, а скорее в поиске духовных наград. Канадская миссия «плодотворнее в трудах и в кресте; будучи менее яркой [чем в испанской Америке], она способствует более других святости этих миссионеров»³². Соответственно, немного текстов ранних *Реляций* выражают удивление и очарование страной или ее народами; по большей части, Канада — безотрадная пустыня, изобилующая физическими и психическими препятствиями для апостольской миссии, место, где можно наблюдать пропасть между тварным и божественным, а также работу благодати, единственно возможного искупителя этой суровой земли: «Новая Франция — воистину то место, где каждый учится в совершенстве искать одного лишь Бога, желать одного лишь Бога, искренне стремиться к Богу, и доверять и полагаться исключительно на его божественное и отеческое провидение».³³ Работа по обращению индейцев была связана исключительно с собственным совершенствованием миссионера: «Варварство, невежество, бедность и горе, которыми наполнена жизнь этих Дикарей, более скорбная, чем смерть, являются непрерывным напоминанием нам, чтобы оплакать падение Адама, и верить нас полностью тому, кто все еще так впечатляюще наказывает неповиновение своих детей», писал Бребеф из Гуронии³⁴.

³⁰ Ibid. P. 232, 334. Насколько все это расходилось с игнатианским пониманием духа апостола показывает факт расследования комиссией теологов ордена положений «Духовной доктрины» по приказу генерала Общества Вителлески, впрочем, без всяких последствий для автора (*Bangert*. 1972. P. 209-210).

³¹ *JR*. Vol. VI. P. 229-231.

³² *Lallemant*. Op. cit. P. 12.

³³ *JR*. Vol. VIII. P. 169.

³⁴ Ibid. Vol. X. P. 111-113.

Носителями августицианства (янсенизма) в Новой Франции были реколлекты, сменившие иезуитов в 1615–25 гг., но не добившиеся больших успехов, что сказалось на их отрицательной оценке канадского «дикаря». Такие реколлекты, как Сагар, отмечали, что «в каждом племени есть люди, выдающиеся в совершенстве и честности, и другие, превосходящие всех во зле»³⁵, но, в целом, их сообщения содержат больше отрицательных, чем положительных оценок дикарей. Сагар находил их церемонии «смешными», «абсурдными» и «омерзительными и злыми»³⁶. Его коллега д'Айон вторит ему: «Их настоящее занятие — охота и война. Поэтому они очень ленивы, и выглядят подобно нищим во Франции, когда они, насытившись, лежат на своих животах на солнце. Их жизнь, как и жизнь Гуронов, очень грязна, а их манеры и нравы — весьма похожи»³⁷.

Первые иезуиты демонстрировали в целом то же отношение, однако, ни на минуту не сомневаясь в возможность спасения этих людей³⁸. Отец Пьер Бьяр оценивал «дикарей» в резко отрицательных терминах, с такой же подспудной критикой европейских порядков: «Нация эта дикая, бродячая и полная дурных привычек. Они... скрываются в лесу, без смысла, без закона и в грубости: как люди они... чрезвычайно ленивы, ненасытны, богохульны, ненадежны, жестоки в своей мести, и привержены всем видам разврата. При всех этих недостатках, они чрезвычайно тщеславны... Они считают себя лучше, чем французы: “Ибо”, говорят они, “Вы всегда сражаетесь и ссоритесь между собой; мы же живем мирно. Вы завистливы и все время клеветаете друг на друга; вы — воры и обманщики; вы жадны; что касается нас, если мы имеем кусок хлеба, мы поделим его с нашим ближним”»³⁹. Характер этого раннеиезуитского представления о «диком благородстве» (или его отсутствии) можно лучше оценить, если знать, что описанные Бьяром люди — микмаки, которых Лекарбо называл «истинно благородными» лишь двумя годами ранее.

³⁵ *Sagard*. 1939. P. 142.

³⁶ *Ibid.* P. 120, 185.

³⁷ *Le Clercq*. 1881–1882. Vol. I. P. 270–271.

³⁸ «Наши Дикари не настолько варварские, чтобы не суметь стать Божьими детьми» (*JR*. Vol. VI. P. 141).

³⁹ *JR*. Vol. I. P. 173–175.

Иезуиты рассматривали всю традиционную религиозную жизнь индейцев как результат работы Сатаны: «все их действия диктуются им самим дьяволом»⁴⁰. Обычаи и культовая практика туземцев (шаманизм, полигамия, каннибализм, праздники и т.д.) «всегда казались нам подобно застоявшимся, дурно-пахнущим водоемам... Но, проникнув в глубину, чтобы очистить этот коллектор, нельзя и представить, какие зловоние и скверну мы нашли там»⁴¹. Тема грязи очень характерна для раннего иезуитского опыта в Канаде. Грязны были не только жилища и одежды дикарей («Они грязны в своих привычках, в своих позах, домах и еде»⁴²), но и их поступки, мысли и сам язык: «между собой их язык имеет грязный аромат нечистот», и это сказано о женщинах-индианках⁴³.

Иезуиты руководствовались традиционными для католицизма концепциями греха как восстания не только против Бога, но и против природы. Подавляющее большинство пост-тридентских моралистов приняло томистское разделение противоестественных грехов на четыре категории: мастурбация, скотство, содомия и неподходящие способы соития⁴⁴. Все это наличествовало (или приписывалось) в большей или меньшей степени у их индейских подопечных⁴⁵. Здесь важно отметить, что концепция греха у теологов Общества Иисуса различала сознательность и неосознанность греховного деяния, что приводило к возможности прощения даже непростительных грехов, совершенных невежественным (диким) человеком⁴⁶. В силу этого, подобные преступления подлежали не столько осуждению, сколько исправлению путем совершенствования христианского образа жизни, к которому (иезуиты были убеждены в этом) индейцы способны.

Необходимо отметить, что для французского миссионера положительный эффект его работы возможен лишь при постоянном пастырстве, а в случае с кочевыми охотниками и собирателями микмаками это было невозможно. Поэтому иезуиты и отказались от побережья ради глубинных районов Канады, где проживали оседлые

⁴⁰ Ibid. Vol. XV. P. 177.

⁴¹ Ibid. Vol. XVII. P. 145.

⁴² Ibid. Vol. VI. P. 261.

⁴³ Ibid. P. 255.

⁴⁴ Hurteau. 1993. P. 8.

⁴⁵ JR. Vol. VI. P. 255; Vol. VIII. P. 125-127.

⁴⁶ См. подробнее: Суворов. 1889. С. 482.

гуроны и ирокезы, которые стали истинными представителями «благородных дикарей» в *Реляциях*. Их можно было считать благородными, так как они практикуют оседлую жизнь и являются «более цивилизованными», и «менее дикими», чем кочевые племена охотников-собирателей. Последние, именно потому, что они являются самыми близкими к «естественному состоянию», являются, таким образом, обязательно «наименее благородными». Это, во многом, реколлектская (янсенистская) точка зрения. Как писал тот же самый Сагар, «я считаю Гуронон и другие оседлые народы Благородными, Алгонкинскую Нацию — Буржуа, а других Дикарей, соседствующих с нами, таких, как Монтанье и Канадцы, деревенщиной и бедными людьми этой страны». Ему гуроны напоминали французскую аристократию, «ибо они имеют истинно благородную осанку и поведение, занимаются только охотой и войной, мало работают и всегда имеют что-то для жизни»⁴⁷. Этот пассаж, по сути, есть развитие того вида статусного, а не морального, благородства, который ранее был представлен Лекарбо, но специфически миссионерского рода.

Для учеников Луи Лалемана «дикарь» оставался воплощением греховной природы, орудием Сатаны, «похожим на Демона»⁴⁸, но именно они стали постепенно изменять эту точку зрения на более позитивную. Они все еще были убеждены, что «зло всего зла — внутри этих бедных созданий»⁴⁹, и вместе с тем, разглядели в них нечто ценное, более того, отсутствующее у их собственных соплеменников, и со временем ставшее основой образа настоящего «благородного дикаря». «Не разума недостает Канадским Дикарям, — отмечал в 1632 г. Ле Жен, разрушая один из августинианских столпов “дикости”, — а образования и наставления»⁵⁰.

Поль Ле Жен в своих *Реляциях* (1633–1641) представил наиболее последовательно августинианскую тенденцию в миссионерской практике иезуитского ордена в Канаде, он же начал и ее ревизию. Его взгляд на природу и состояние туземных народов весьма пессимистичен: «Ложь, брань, обжорство, лень — четыре недостатка... укоренены в этих Людах, которые являются ленивыми и развратными в выс-

⁴⁷ *Sagard*. Op. cit. P. 39.

⁴⁸ *JR*. Vol. IX. P. 197.

⁴⁹ *Ibid*. Vol. XVII. P. 131.

⁵⁰ *Ibid*. Vol. V. P. 33.

шей степени... Суеверие, ошибка, варварство и, следовательно, грех, — как будто создали свою империю здесь»⁵¹. С точки зрения Ле Жена главным злом и препятствием в деле христианизации и цивилизации дикаря была его «свобода без воздержания». В результате, он не способен совладать со своими страстями сам, и лишь дисциплина и отеческий контроль со стороны миссионера ведут его по пути самосовершенствования⁵². Ведь даже «лучшие из них наполнены с колыбели множеством ошибок, которые уничтожаются лишь постепенно, по мере того, как свет и благодать вступают в их души»⁵³.

В *Реляции* 1634 г. он создает своеобразный диптих, описывая положительные и отрицательные качества индейцев в двух контрастирующих главах: «Достоинства, Найденные в Дикарях» и «Их Недостатки и Пороки». Какие «достоинства» он нашел в них? Он создает самый благородный физический портрет: «Они высоки, стройны, сильны, хорошо сложены, проворны...». Ле Жен также хвалит их интеллект: «Что касается ума Дикаря, то он имеет хорошее качество. Я полагаю, что все души сделаны из одного материала, и существенно не различаются; следовательно, если эти варвары имеют правильно сложенные тела и органы, хорошо действующие и правильно размещенные, их умы должны работать легко. Недостаёт лишь образования и наставления». Более того, «Дикари более умны, чем наши обычные крестьяне»⁵⁴. Давая моральный портрет «дикарей», Ле Жен подчеркивает их терпение, союз, согласие, щедрость и великий дух соучастия: они живут «в совершенной гармонии» и «любят друг друга. Вы не увидите никаких споров, ссор, вражды или упреков среди них»⁵⁵. Для французов XVII века, измотанных непрекращающимися гражданскими конфликтами, это был несомненный показатель здоровья социального организма, а значит, его «истинности», адекватности закону, пусть даже только естественному. Она станет основой приобщения этих людей к высшим, божественным законам.

⁵¹ Ibid. Vol. IX. P. 223; Vol. XIV. P. 125.

⁵² Ibid. Vol. XII. P. 61-63; Vol. XVI. P. 179. И в XVIII в. эта точка зрения на свободу индейца как главное препятствие его обращения сохранялась. Ср., о. Марет (1712): «та независимость, в которой они живут, отдаёт их в рабство самым грубым страстям» (Vol. LXVI. P. 221).

⁵³ Ibid. Vol. XVI. P. 39.

⁵⁴ Ibid. Vol. VI. P. 229-231.

⁵⁵ Ibid. Vol. X. P. 211.

Ле Жен заявляет, что их единственное занятие было весьма прозаично: выживать в условиях нищеты и враждебной среды. В своей *Реляции* он рассматривал эту бедность, отсутствие многих удобств как причину их свободы от пороков. Индейцы, с его точки зрения, были свободны от «великого зла», двух пороков, которые поработили «множество наших европейцев»: «в их больших лесах» не было «амбиций и жадности». Они повиновались только из благосклонности; они никогда не убивали, чтобы приобрести власть; удовлетворяясь простой жизнью, они никогда не продавали свои души Дьяволу, чтобы приобрести богатство. В результате, его вывод кажется плачевным для соотечественников: «Дикари превосходят нас до такой степени, что мы должны стыдиться. Я видел их в трудностях и заботах, претерпеваемых с готовностью»⁵⁶.

«И все же», продолжает Ле Жен, «я не смел бы утверждать, что видел какой-либо акт *истинной моральной добродетели*, осуществленный Дикарем. Главным для них является только их собственное удовлетворение. Вот, что побуждает их в действиях» (курсив мой — *А. Ф.*)⁵⁷. Перечисляя далее «пороки» и «недостатки» индейцев, Ле Жен располагает их в связи с ранее описанными достоинствами, демонстрируя классическую схему «ренессансной этнографии» — диалектику положительных и отрицательных характеристик. С его точки зрения, первый и главный недостаток дикарей — гордость: «Дикари, будучи переполненными ошибками, также полны надменности и гордости. Смирение рождается из истины, тщеславие из ошибки и неправды. Они пусты в знании истины, и поэтому весьма полны собой»⁵⁸. Следуя Августину, Ле Жен утверждает, что христианская добродетель смирения никогда не показывалась ни древними, ни настоящими язычниками, ибо смирение основано на истине, им не известной. Именно из этого порока вытекают все остальные «недостатки»: неповиновение, связанное с их вкусом к свободе и как проявление гордыни (при этом он не повторяет позитивное следствие этого зла, упомянутое ранее: отсутствие необузданной амбиции); насмешка и клевета, хотя «их клевета и высмеивание не исходят от злонамеренных сердец или нечистых уст, но от ума, который говорит то, что

⁵⁶ Ibid. Vol. VI. P. 231-233.

⁵⁷ Ibid. P. 239-241.

⁵⁸ Ibid. P. 243. Для Св. Августина, первородный грех был, прежде всего, грехом гордыни (см.: *Principe*. 1990. P. 36).

думает, и который ищет выгоды от всего, даже от клеветы и осмеяния»⁵⁹; мстительность и пытки, причем женщины еще более жестоки, чем мужчины; нехватка сострадания и любви к больным (но они будут тащить больного с собой, пока человек мог есть и пить); лживость, которая «столь же естественна для Дикарей, как речь» (добавив сразу, «не между собой, но с чужими») ⁶⁰; обжорство; непристойность и разврат словом и делом, обычные и для мужчин, и для женщин; назойливость; неспособность хранить тайны, держать слово, и любить с постоянством⁶¹.

Эти «недостатки», хоть и не были явными грехами, препятствовали религиозному совершенству, понимаемому Ле Женом в лалемановско-августиновском духе. В данном случае, Ле Жен был убежден, что канадские дикари не были добродетельны с христианской точки зрения, ибо мотивации их, даже благородных, качеств и поступков лежали вне религиозной сферы. С августинианской точки зрения, чтобы действие было истинным и полностью благим, оно должно быть вдохновлено сверхъестественной любовью божьей, истекающей от благодати. Без благодати падший человек был неспособен к деланию добра. Будучи рабой греха, свободная воля могла вершить лишь зло. Что касается язычников, лишенных веры, и, следовательно, благодати, Августин допускал, что если их деяния и не были злыми в их объекте, они были таковыми из-за намерения, искаженного страстью, особенно тщеславием и гордостью. Истинная добродетель была, таким образом, невозможна в естественном состоянии. Но Ле Жен признавал, что моральные и религиозные традиции народов должны непрерывно обновляться в каждом отдельном человеке, и испытываться ежедневно через бесчисленные моральные и религиозные акты. Здесь христианин мог быть более безнравственен, неверен и еще более ответствен за ошибки, чем «язычник», который не знает истинного Бога и Иисуса Христа⁶².

Итак, если иезуитский и реколектский миссионеры разделяли тенденцию к одинаково отрицательным представлениям об индейцах в начале XVII в., в течение его их взгляды разойдутся почти диаметрально. Ла Онтан, один из известных французских путешественников

⁵⁹ *JR*. Vol. VI. P. 243-247.

⁶⁰ *Ibid*. P. 247.

⁶¹ *Ibid*. P. 251-255.

⁶² *Ibid*. P. 253-55; Vol. VII. P. 83. См.: *Principe*. Op. cit. P. 38-39, 41-42.

и литераторов, отметил это различие в конце столетия: «Реколлежеры клеймят Дикарей как глупых, грубых и простоватых Людей, неспособных к Мысли или Размышлению; но Иезуиты имеют о них высказывания иного сорта, ибо они упоминают об их здоровом Смысле, стойкой Памяти, и быстром Понимании, вместе с твердым Суждением. Первые утверждают, что бессмысленно проповедовать Евангелие такого рода Людям, которые имеют меньше Знания, чем Скоты. С другой стороны, последние подчеркивают, что эти Дикари получают Удовольствие в слушании Слова Божьего, и с готовностью понимают значение Священных писаний». Причем причины подобных расхождений Ла Онтан видел исключительно в конкуренции между двумя этими орденами: «Тайна легко будет раскрыта теми, кто знает, что эти два Ордена не могут поставить своих Лошадей вместе в Канаде»⁶³.

Большое влияние на эту смену акцентов оказал характер французской колониальной политики в Канаде, основанной на мирном и взаимовыгодном экономическом и культурном сотрудничестве между туземцами и колонистами. В частности, уже современники первых шагов освоения Северной Америки отмечали возникновение естественной симпатии между французами и индейцами⁶⁴ (в терминах Л. Н. Гумилева — комплиментарности⁶⁵), ведущей не к расовой предубежденности, а к настоящей интеграции, и культурной, и этнической. Основатель Квебека Шамплен заложил фундамент такого понимания франко-индейских отношений, заявив вождям местных племен: «наши юноши возьмут в жены ваших дочерей, и мы станем одним народом»⁶⁶. В результате слабости или отсутствия расовых предубеждений процесс постижения и приспособления к аборигенному образу жизни у французских колонистов и миссионеров про-

⁶³ *La Hontan*. 1905. Vol. 2. P. 413.

⁶⁴ Например, Антуан де Монкретьен в «Трактате политической экономии» (1615). Сандерс связывает это с активизацией у первых французских колонистов архаических воспоминаний, связанных с их кельтским происхождением, «внутреннего кельтского чувства солидарности с североамериканским дикарем» (*Sanders*. 1978. P. 202-203). Во второй половине XVII в., благодаря работам таких авторов, как Жан-Батист Дю Тертр, этот мотив взаимной симпатии стал элементом формирования антииспанской Черной легенды; см.: *Dickason*. 1984. P. 180; *Jaenen*. Op. cit. P. 45.

⁶⁵ *Гумилев*. 1994. С. 282-284; *Он же*. 1997. С. 273.

⁶⁶ *JR*. Vol. V. P. 211.

ходил достаточно быстро и безболезненно. И тем более объективно (и даже благожелательно) становилось их отношение к нему.

На этой основе формировалась политика «францизации», провозглашенная в 1627 г., и определявшая отношение французов к индейцам, по крайней мере, официально, вплоть до английского завоевания в XVIII в. Суть ее заключалась в формировании из «дикарей» цивилизованных людей, истинных подданных французского короля и граждан французского государства, во всем равных своим белым братьям⁶⁷. Эта программа была сначала принята реколлектами, а вслед за ними и первыми иезуитами: «Быть Варваром и добрым христианином, жить как Дикарь и как дитя Бога, — две абсолютно разные вещи», — таково было мнение Ле Жена в 1636 г.⁶⁸.

С этой программой была связана и сугубо патерналистская идея инфантильности дикаря, низведения его до уровня ребенка. Эта концепция, с одной стороны, признавала неполноценность индейца и объясняла трудности его обращения, но, с другой, подразумевала возможность его воспитания и духовного «взросления»⁶⁹, превращения в «полноценного» человека (католика и гражданина). Поэтому уже Бьяр считал неблагоприятным ожидать быстрых результатов в апостолате среди дикарей, так же, как «требовать мудрости и зрелости от ребенка»⁷⁰. Они «истинные дети», вторил ему Ле Жен⁷¹. Тем не менее, в дальнейшем иезуиты увидят в своих подопечных не столько недостатки, сколько достоинства, присущие детскому возрасту: «эта Нация очень послушна», писал в 1636 г. Жан де Бребеф о гуронах⁷².

Поворотным моментом можно считать яркий, но не долгий триумф иезуитского апостолата среди гуронов (1634–1650)⁷³. Успех в обращении в христианство за неполных 15 лет почти всей 10-тысячной нации приписывался не только помощи свыше, но и особым качествам характера гуронов. Они, в контрасте с общим для них

⁶⁷ Groulx. 1919. P. 23-25; Jaenen. 1984. P. 65-67.

⁶⁸ Hennepin. 1880. P. 338; JR. Vol. IX. P. 91; Campeau. 1979. Vol. II. P. 54*; Axtell. 1985. P. 54-55.

⁶⁹ JR. Vol. VII. P. 93; Арьес пишет об «открытии детства» и развитии репрессивного воспитания именно в XVII в. (Арьес. 1992. С. 11). См. о сравнении дикарей и детей: Коул. 1997. С. 29-32.

⁷⁰ JR. Vol. I. P. 183.

⁷¹ Ibid. Vol. VI. P. 243.

⁷² Ibid. Vol. X. P. 41.

⁷³ Подробнее о Гуронской миссии ордена см.: Федин. 2009. С. 145-165.

и французов врагом — ирокезами, предстают на страницах *Реляций* доброжелательными и миролюбивыми людьми («они имеют мягкость и любезность, почти невероятную для Дикарей»⁷⁴), а по сравнению с кочевыми алгонкинами р. Св. Лаврентия — более развитыми морально и интеллектуально («Гуроны достойны похвалы за их человечность, по сравнению с алгонкинами»⁷⁵).

Первый настоятель Гуронской миссии Жан де Бребеф увидел у гуронов «пока еще только естественный свет», что уже предполагало отказ от безапелляционного подхода к природному, «естественному» человеку, «дикарю» как безвозвратно падшему и неспособному к совершенствованию. В отличие от Ле Жена, Бребеф готов признать наличие нравственного благородства у дикарей — «сияющие среди них некоторые благородные моральные добродетели», и, прежде всего, «любовь и союз» среди них и гостеприимство к чужакам, «честность и благопристойность», а также спокойствие и твердость Гуронов перед лицом смерти. И «на таких склонностях и основах... мы надеемся... построить здание христианской Религии среди этих людей»⁷⁶. Последний настоятель Поль Рагено отзываясь о своих подопечных еще более благожелательно: «Дикари не настолько дики, как считают во Франции; и я могу заверить, что интеллект многих ни в чем не уступает нашему. Я признаю, что их обычаи и их естественные тенденции чрезвычайно отвратительны, — по крайней мере, для тех, кто не привык к ним, и кто отклоняет их слишком быстро, не узнав их достаточно. Но... вера, входя в разум варвара, исправляет в нем все порочное, и дает ему чувства разума и благодарности, которую испытывают те, кто рождается в Христианстве... Хотя они живут в лесу, они, тем не менее, люди»⁷⁷. И он начинает критику ранней августинианской традиции у иезуитов в Канаде: «мы были слишком строги...»⁷⁸.

⁷⁴ *JR*. Vol. X. P. 211.

⁷⁵ *Ibid*. Vol. XV. P. 135.

⁷⁶ *Ibid*. Vol. VIII. P. 129-131, 163-167; Vol. X. P. 17. Ш. Принсип считает, что подобные расхождения между Ле Женом и Бребефом можно объяснять и их личными качествами: Ле Жен был обращенным гугенотом, а Бребеф происходил из ревностной католической семьи (*Principe*. Op. cit. P. 45).

⁷⁷ *JR*. Vol. XXIX. P. 281-283.

⁷⁸ *Ibid*. Vol. XXXIII. P. 145. Подобная ревизия будет продолжена в XVIII в. Лафито в «*Moeurs des sauvages*» (1724) упрекал своих коллег-иезуитов за неверное представление об индейцах: в ранних «Реляциях» варварские народы были представлены миру, как абсолютно не обладающие религиозным чувством,

Здесь хорошо заметен новый аспект оценки дикаря: его статусное благородство может смениться моральным, но главным условием этой трансформации является принятие христианской веры. «Благодать сильнее, чем природа», заявляет Ле Жен в 1639 г.⁷⁹. Новообращенные «отвергли природу... и чувствуют только ужас перед земными удовольствиями», — вторит ему второй настоятель Гуронской миссии Жером Лалеман⁸⁰. Именно в крещении иезуиты, в том числе последователи Луи Лалемана, увидели путь к нравственному совершенствованию дикаря. Отец Пижар настолько был поражен казавшейся внезапной переменой грубого дикаря в истового христианина, что не мог сдерживать эмоций: «В моей памяти возникло то, что я когда-то слышал о древних христианах, обращенных из Идолопоклонства; крещение... дарует новым христианам внешнюю мягкость в их манерах и речи». Это произвело на иезуита такое впечатление, что он готов был «броситься к его ногам, чтобы целовать их»⁸¹.

Среди миссионеров все больше укреплялось мнение, что американские индейцы по природе своей способны и к пониманию истин веры, и, соответственно, к спасению. «Они почти все показывают больше интеллекта в своих делах, речах,... общении, уловках и тонкостях, чем проникательнейшие из граждан и коммерсантов во Франции», — говорил Дюперон о гуронах⁸², тех, кого несколькими годами считали равными по интеллекту лишь грубым крестьянам. Более того, стало формироваться представление о них как о носителях большего морального и интеллектуального потенциала, чем анемичная, потерявшая веру Европа. Тем самым закладывалась будущая традиция противопоставления «благородной дикости» и «безнравственной цивилизации», которая и определила сущностные характеристики Благородного Дикаря в эпоху романтизма. «Кажется, будто невинность, изгнанная из большинства Империй и Царств Мира, ушла в эти великие леса, где живут эти люди. Их природа имеет нечто... от праведности Земного Рая прежде, чем грех вошел

знанием божественного, объектами почитания; как люди, в которых не было ничего человеческого, кроме облика (*Lafitau*. 1974. Vol. 1. P. 25-29).

⁷⁹ *JR*. Vol. XVI. P. 83.

⁸⁰ *Ibid*. Vol. XXVIII. P. 65.

⁸¹ *Ibid*. Vol. XII. P. 241.

⁸² *Ibid*. Vol. XV. P. 157.

туда. Их практикам не свойственны роскошь, амбиции, жадность или удовольствия, которые развращают наши города», — писал тот же самый Ле Жен, который всего лишь десятилетием ранее предполагал, что эти дикари стоят чуть выше животных⁸³. Роль же «подлого дикаря» окончательно закреплялась за оставшимися в язычестве: «Неверный Гурон всегда — варвар», заключает Ж. Лалеман⁸⁴.

Действительно, на глазах иезуитских отцов выростала новая церковь, чистая от всех ересей и схизм, воплотившая не только контрреформационные идеалы, но выходящая далеко за их рамки, ближе по духу и формам к церкви времен апостола Павла. И благотворное влияние этой новой церкви обязательно коснется и церкви старой: «Эта простота создает для нас Золотой Век»⁸⁵, — восклицал Ле Жен, наблюдая как первые люди Новой Франции во главе с губернатором вместе с индейскими неофитами присутствуют на мессе, крадут их, омывают их большим ноги по праздникам.

Аборигенные формы духовности подчас демонстрировали такое рвение, которое шло в разрез даже с требованиями орденской дисциплины в делах аскезы: неофиты бичевали друг друга кнутами и цепями, носили власяницы и железные пояса, подмешивали пепел в свою еду, часами простаивали голыми в покрытых льдом водоемах или во время метелей, клали пылающие угли между пальцами ног, и катались на циновках из терновника. Ослабленная такими излишествами, девушка-могаук Катерина Текаквита, объявленная иезуитами святой, умерла в возрасте двадцати шести лет (1680 г.), как и несколько других девушек до и после нее. В тех племенах, где иезуиты достигли наибольшего успеха (гуроны и ирокезы), в среде женщин распространилось движение девственности и целомудрия в подражание деве Марии. Чтобы избежать мужских домогательств, они уродовали себя, срезая свои волосы, воздерживаясь от богатых одежд, драгоценностей и косметики, и разбивали носы любому, кто пытался обольстить их. Молодые и старые одинаково посвящали свои тела Христу, сторонясь секса и брака в целом или, если уже были семейными, живя «как братья и сестры»⁸⁶. Их «светлое зеркало

⁸³ Ibid. Vol. XXXII. P. 283.

⁸⁴ Ibid. Vol. XIX. P. 101.

⁸⁵ Ibid. Vol. XVIII. P. 89; Vol. XXXV. P. 37.

⁸⁶ Axtell. Op. cit. P. 125-126.

целомудрия столь чисто», писал отец Шомоно в 1681 г., «что люди... не могут вынести даже пятнышка на нем»⁸⁷.

В дальнейшем эта идея еще больше укрепилась в условиях растущего противостояния между орденом и колониальными властями, которые, опираясь на традиционную политику «францизации», стремились сделать сначала из индейцев подданных, а уж затем католиков. Иезуитские миссионеры, напротив, все дальше отходили от этой программы по мере роста французского населения и влияния его отнюдь не христианских привычек на неофитов (прежде всего, алкоголизм), что и порождало конфликты с администрацией, особенно в конце XVII века. К этому времени в среде канадских иезуитов окончательно укрепилась идея «парагвайского проекта» изоляции индейской паствы от европейского общества.

В результате, французские иезуиты с середины XVII в. все сильнее дрейфовали от ригоризма Луи Лалемана к гуманизму Мишеля Монтеня и Хосе де Акосты, от представления о туземцах как о «рабах природы» к ее «детям». Для Монтеня, американские дикари «дики в том смысле, в каком дики плоды, растущие на свободе, естественным образом», и варварство их лишь в том, что «их разум еще мало возделан, и они еще очень близки к первоизданной непосредственности и простоте... Философы не были в состоянии вообразить себе столь простую и чистую непосредственность, как та, которую мы видим собственными глазами». И уже в XVI в. Монтень предупреждал о неизбежном разращении этой чистоты европейскими пороками⁸⁸.

Разочарование отцов-иезуитов в «цивилизаторских» проектах и в самих «цивилизаторах» подчеркивало именно чистоту и благочестие «диких» христиан: «в целом, наши Ирокезы намного лучшие христиане, чем французы»⁸⁹. В них они видели «прекрасные остатки человеческой природы, которая полностью разращена в цивилизованных странах»⁹⁰. По сути, иезуитские миссионеры возвращались к ренессансной концепции природы как одного из путей приближения

⁸⁷ *JR*. Vol. LXIII. P. 19.

⁸⁸ *Монтень*. 1992. Кн. 1. С. 228.

⁸⁹ *JR*. Vol. LXVIII. P. 269. Позднее, к середине XVIII в., в среде иезуитов даже формируется нечто вроде «пророческого движения», грозящего Божьей карой французам за их отношение к индейской пастве (по всей вероятности, в лице Англии), см.: *Healy*. Op. cit. P. 147.

⁹⁰ *Ibid*. Vol. LXIV. P. 131.

к Богу. Следовательно, дикари способны и в своем естественном состоянии познать истины христианской религии, без предварительной цивилизации. Иезуитский историк Шарлевуа подвел итог отношению иезуитов Новой Франции к программе «цивилизации» в первой половине XVIII в.: «Лучший способ христианизации [индейцев] заключается в том, чтобы избежать их офранцуживания»⁹¹.

Эта политика вызвала резкую критику со стороны реколлекско-янсенстской партии. В ответ на описания *Реляций* изолированных индейских общин неофитов как воплощение благочестивой простоты и ревности ранней Церкви, янсенисты утверждали, что эти индейцы жили «отрезанные от общения, по своим обычаям, несоместимым с реальным Христианством». Более того, несмотря на заверения иезуитов, «эти народы остаются все столь же дикими, так же приверженными своим старым принципам, повседневным обычаям, ненасытности, клевете, гордости, пьянству, жестокости, непокорности». Причем, виноваты в этом сами индейцы, ибо «если эти народы отворачиваются от благодати искупления, предложенной им, наша вера предоставляет возможность оставить их непрощенными, и Бог справедлив в своем осуждении этих дикарей»⁹².

Вере иезуитов в естественную способность индейцев (под духовным руководством миссионеров) достичь истинного состояния христианина и тем самым спастись, реколлект Эннепин в конце XVII в. противопоставлял чисто янсенистские концепты: «Один из главных Принципов Веры [гласит], что Призвание и истинное Обращение Людей и Наций, является великой Работой и Милостью Силы Божьей... Но если это верно для Наций, которые, будучи Неверующими и Идолопоклонниками, находятся уже под властью неких Законов и Правил, и таким образом лучше подготовлены для получения Наставления в христианской Религии; [то] Апостольский Человек должен намного лучше осознать эту зависимость от Господа Бога тех варварских Наций, которые не имеют вообще никакой Религии, верной или ложной, кто живет без Правления, без Порядка, без Закона, без Бога, без Вероисповедания, где Разум похоронен в Материи, и неспособен к пониманию самых общих вещей Религии и Веры. Таковы Люди Канады...»⁹³. Его отношение к аборигенам Америки лучше все-

⁹¹ *Charlevoix*. 1902. Vol. IV. P. 198.

⁹² *Le Clercq*. Op. cit. P. 256, 402-403.

⁹³ *Hennepin*. 1903. Vol. I. P. 616.

го характеризует следующий пассаж, конкурирующий с худшими произведениями расистских авторов XIX в.: «Они едят, сопя и пыхтя как животные... из мисок, из которых ели их собаки, не вытирая их. Когда они едят жирное мясо, они вытирают свои руки о лицо и волосы... Они постоянно рыгают. Те, которые выменяли рубашки у европейцев, никогда не стирают их; они обычно позволяют им гнить на своих задних частях. Они редко стригут ногти. Их хижины... грязны. Я был удивлен однажды, увидев, что старуха кусает волосы ребенка, и ест вшей. Женщины не стыдятся изливать воду перед всем миром. Можно часто видеть, что они едят лежа, подобно собакам»⁹⁴.

Такая критика стимулировала иезуитов приводить все больше доказательств естественной добродетели и благородства у их индейской паствы. Описанные иезуитами проявления христианского благочестия со стороны примитивных дикарей становились эффективным полемическим оружием в памфлетной войне, которую орден вел в Европе с янсенистами, протестантами и атеистами. Убедившийся на примере индейских неофитов, что «благодать сильнее, чем природа», Ле Жен заявляет, что теперь можно «упрекнуть Еретиков и плохих Католиков стократно, говоря им, что Дикари соблюдали Великий пост, в то время как они ели мясо, как собаки»⁹⁵.

Вот конкретный пример оценки реколлектским и иезуитским миссионерами одного и того же народа — племени иллинойс в конце XVII в. Реколлект Эннепин: «Иллинойс, как и большинство Дикарей Америки, жестоки, дики и глупы, а их Обычаи, столь противны Морали Евангелия, что в их Обращении должно отчаяться, пока Время и Торговля с европейцами не изменят их естественные Свирепость и Невежество, и таким образом сделают их более склонными заметить Очарование Христианства»⁹⁶. Сравните этот пассаж с замечанием иезуита Клода Даблона, сделанном в то же время о вожде иллинойс: «Его лицо... столь же кротко и привлекательно, насколько это возможно; и, хотя он известен как великий воин, оно имеет мягкость выражения, которое восхищает всех наблюдателей. Внутренняя природа не противоречит внешнему виду, поскольку его отношение нежное и любящее. И то, что мы говорим относительно вождя, может быть сказано относительно всей остальной части этой

⁹⁴ Ibid. Vol. II. P. 548-549.

⁹⁵ JR. Vol. XVI. P. 83.

⁹⁶ Hennepin. 1903. Vol. I. P. 168-169.

нации, в которой мы отметили такое же расположение, вместе с послушанием, которое не имеет никакого варварского привкуса»⁹⁷.

Большое влияние на эволюцию взглядов французских иезуитов на дикаря оказала ситуация в восточных миссиях ордена (в Китае). Во второй половине XVII в. там и в Европе разворачивается полемика о «китайских ритуалах», то есть результатах практики аккомодации, разработанной иезуитскими миссионерами с целью более полной интеграции с христианизируемым обществом, допускающей сохранение некоторых элементов традиционной религии, не противоречащих католицизму. С точки зрения ортодоксов, подобное соединение вело к «хриstopаганизму» (синкретизму) и противоречило целям христианской миссии. Для иезуитов же конфуцианский культ не имел религиозного значения, да и в целом достижения китайской философии и этики произвели на них огромное впечатление, укрепив традиционную для ордена идею о присутствии божественного откровения во всем мире. В результате к концу XVII в. формируется такое направление иезуитской мысли как фигуризм⁹⁸. Французские «фигуристы» провели громадную работу по сбору доказательств присутствия откровения в религиях всего мира, и прежде всего представленных в *Реляциях* из Канады, ибо если даже дикий индеец, изолированный от всего мира, знал о сотворении мира, первородном грехе, потопе, смешении языков и т.д.⁹⁹, то утверждение о подобных элементах в развитых религиях Китая и Японии выглядело более убедительным¹⁰⁰.

На основе *Реляций* можно составить список «ментальных характеристик» индейцев Новой Франции, упомянутых в текстах, и разделенные на положительные (216) и отрицательные качества (306):

⁹⁷ *JR*. Vol. LV. P. 211-213.

⁹⁸ От названия теологического метода истолкования, при котором библейский текст и его очевидный смысл подчинялись фигуративному, символическому значениям (*Rowbotham*. 1956. P. 471-485).

⁹⁹ *JR*. Vol. I. P. 287; Vol. II. P. 70-89; Vol. III. P. 133-135; Vol. IV. P. 201; Vol. V. P. 153-159; Vol. VI. P. 157ff.; Vol. VIII. P. 117, 121, 151, 161; Vol. X. P. 125; Vol. XIV. P. 191-193; Vol. XXII. P. 289; Vol. XXIX. P. 225-227; Vol. XXXIII. P. 225-227; Vol. LIV. P. 183.

¹⁰⁰ *Healy*. Op. cit. P. 158-159. Роль полемики о ритуалах в эволюции взглядов иезуитов в Новой Франции хорошо видна в последних *Реляциях* (1672-1673), которые были подвергнуты тщательной цензуре в Париже: например, был отвергнут пассаж, утверждающий, что «Ирокезы не способны к рассуждению так, как китайцы и другие цивилизованные нации». *JR*. Vol. LVII. P. 127-128.

- положительные качества: великодушие и щедрость (31), мужество и стойкость (21), миролюбие в общественной жизни (15), терпение (15), любезность (15), гостеприимство (14), скромность (1), верность (1);

- отрицательные качества: непристойность и бесстыдство (34), воровство (20), нечестность и хитрость (20), гордость и высокомерие (19), пьянство (16), лень (13), мстительность (13), инфантильность (1), жадность (1)¹⁰¹.

Таким образом, иезуитская литература, в целом, не представляла индейца в благородном положении, как иногда предполагается. Любкой количественный анализ показывает, что большинство считало языческую индейскую жизнь жалким существованием. И в XVIII в. иезуитские миссионеры в Северной Америке порой демонстрировали сугубо отрицательное отношение к аборигенам, возрождая августирианский подход к христианизации. Так, Марет (миссионер в Иллинойсе в начале XVIII в.) утверждал, что «мы должны сначала из них сделать людей, и лишь затем — христиан»¹⁰².

Все же контраст между ранними представлениями иезуитов и реколлектов, с одной стороны, и более поздними взглядами первых действительно поразителен. И те, и другие отправились в Канаду с уже сложившимися убеждениями относительно возможностей и качеств коренного населения (как правило, весьма скептическими); но если реколлекты так и остались непроницаемы для непосредственного опыта и привержены старым догмам, то иезуиты сумели почти кардинальным образом изменить их. Во многом именно благодаря иезуитам в европейском сознании началась трансформация от в целом негативного представления о «дикаре», характерного для эпохи Ренессанса, к более позитивному его восприятию в эпоху Просвещения¹⁰³.

Парадоксально, что, выступая одними из последних в Европе Нового времени наследниками Аристотеля, с его застывшими видами, четким противопоставлением разума и чувства, общества и природы, «цивилизации» и «варварства»¹⁰⁴, иезуиты своей концепцией дикаря, руководствующегося собственной природой, но в то же время обладающего массой достоинств и добродетелей, постепенно подготовили

¹⁰¹ *Jacob*. Op. cit. P. 29.

¹⁰² *JR*. Vol. LXVI. P. 219-221.

¹⁰³ *O'Gorman*. 1961. P. 134; *Dickason*. Op. cit. P. 57.

¹⁰⁴ См.: *Аристотель*. 1983. Т. 4. С. 377.

низвержение античного авторитета и торжество эволюционного подхода. Уже к XVIII в. окончательно оформляется идея стадийного развития человеческого вида и общества, в котором американский индеец занял подобающее место предшественника более развитых биологических и социальных форм (например, у Локка, Линнея, Бюффона, де Пау и др.)¹⁰⁵. А во второй половине столетия Благородный Дикарь стал главным элементом уже анти-иезуитской кампании просветителей (таких как Руссо или, позднее, Реклю), представлявших *от природы* благородного и свободного индейца жертвой физической и духовной эксплуатации со стороны церкви.

Отметим идеологические последствия «иезуитской этнографии», представленной в *Реляциях*. Благородный Дикарь был плодом воображения, но влияние концепции на европейскую мысль эпохи Просвещения было реальным. Идеализированное представление индейского общества, живущего в социальной и политической гармонии, неизбежно становилось критикой европейских порядков¹⁰⁶. Но для просветителей, в отличие от миссионеров, ключевым было понятие «благородства», а не «дикаря»; идея «естественного человека» использовалась ими для осуждения претензий европейской аристократии на естественное превосходство¹⁰⁷. Начиная с заявления Гоббса о том, что «природа создала людей равными»¹⁰⁸ и до лозунгов Французской революции, концепция «благородного дикаря» перестала служить спасению души, превратившись в еще один стереотип, легший в основу различных политических концепций и идеалов.

Созданный образ Благородного Дикаря был, как это ни парадоксально, и больше, и меньше, чем действительность. Больше, потому что он приписал туземцам больше жизни, свободы и счастья, чем многие из них обладали, создавая миф, представлявший автономного дикого человека леса, игнорируя сложные социальные соглашения и традиции, по которым коренные американцы строили свою жизнь;

¹⁰⁵ См.: Бидни. 1997. С. 79-80.

¹⁰⁶ «Из этих материалов Монтескье частично получил вдохновение для «Духа законов», и из тех же самых источников появился «Общественный договор» Руссо... Французская Революция была всего лишь еще одним звеном в цепи влияния, которая протянулась от западных границ до столиц Европы... Индеец, поэтому, был фактором огромной важности в XVIII в.» (Boyd. 1943. P. 219).

¹⁰⁷ White. 1976. P. 131.

¹⁰⁸ Антология мировой философии. 1970. С. 334.

меньше, потому что образ Благородного Дикаря объединил множество народов и религиозных систем в одно родовое целое.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Ред. В. В. Соколов. М., Мысль, 1970. 776 с.
- Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М., Мысль, 1983.
- Арьес Филипп*. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенской С. В. М., Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- Бидни Дэвид*. Концепция культуры и некоторые ошибки в ее изучении // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры / Редактор Е. Н. Балашова. СПб., Университетская книга, 1997. С. 57-90.
- Грацианская Л. И.* Варвар этнический и варвар этический (проблемы источниковедения) // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 3-4.
- Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало / Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М., Институт ДИ-ДИК, 1997. 544 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли / Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 544 с.
- Коул М. К.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 432 с.
- Кофман А. Ф.* Америка несбывшихся чудес. М., ООО «Профобразование», 2001. 348 с.
- Лойола И.* Духовные упражнения // Символ. № XXVI, 1991.
- Лортц Й.* История Церкви // URL: <http://www.krotov.info/history/04/rudokvas/lortz04.html>
- Мараваль Х.* Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. / Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М., Прогресс, 1991. С. 210-232.
- Монтень М. Э.* Опыты. Кн. I-III. М., Голос, 1992.
- Сей Л.* Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, 1984. 352 с.
- Суворов Н.* Казуистика и пробабиллизм // Юридический Вестник. 1889. № 11. С. 467-491.
- Федин А. В.* Гуронская миссия Общества Иисуса в Канаде: 1634–1650 годы // Всеобщая история: современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. Брянск, 2009. С. 145-165.
- Федин А. В.* Формирование концепции миссионерской деятельности Общества Иисуса // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005. С. 265-286.
- Шмонин Д. В.* В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 277 с.

- Acosta J. de.* The natural and moral history of the Indies / Ed. by Clements R. Markham. Vol. I-II. London, Hakluyt Society, 1880. 295 p., 256 p.
- Axtell James.* The Invasion Within: The Contest of Cultures in Colonial North America. New York, Oxford University Press, 1985. 389 p.
- Bangert W. V.* A History of the Society of Jesus. St. Louis, Institute of Jesuit Sources, 1972. 558 p.
- Berkhofer R. F., Jr.* The White Man's Indian. Images of the American Indian from Columbus to the Present. N. Y., Knopf, 1974. 261 p.
- Boyd J.* Dr. Franklin: Friend of the Indian // Meet Dr. Franklin. Philadelphia, The Franklin Institute, 1943. P. 201-220.
- Campeau L., ed.* Monumenta Novae Franciae. Vol. I-VIII. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967-1996.
- Charlevoix P.-F.-X.* History and General Description of New France / Transl. and ed. by John Gilmary Shea. Vol. I-VI. N.Y., Francis P. Harper, 1900-1902.
- Dickason O. P.* The Myth of the Savage: And the Beginnings of French Colonization in the Americas. Edmonton, University of Alberta Press, 1984. 372 p.
- Eliade M.* Le mythe du bon sauvage ou les prestiges de l'origine // La nouvelle revue française, 1er août, 1955. P. 229-249.
- Ellingson T.* The Myth of the Noble Savage. Berkeley, University of California Press, 2001. 445 p.
- Goddard P. A.* Augustine and the Amerindian in Seventeenth-Century New France // Church History, 67, 4, December 1998. P. 662-680.
- Goddard P. A.* Science and Scepticism in the Early Mission to New France // Journal of the CHA, new series. Vol. 6. 1995. P. 43-58.
- Groulx L.-A.* La naissance d'une race. Montréal, Conférences prononcées à l'Université Laval, 1919. 294 p.
- Healy G. R.* The French Jesuits and the Idea of the Noble Savage // William and Mary Quarterly, 15 (2), 3d ser., April 1958. P. 143-167.
- Hennepin Louis.* A Description of Louisiana / Ed. by John Gilmary Shea. New York, J. G. Shea, 1880. 407 p.
- Hennepin Louis.* A New Discovery of a Vast Country in America. Vol. I-II. Chicago, A. C. McClurg & Co., 1903.
- Hodgen M. T.* Early anthropology in the sixteenth and seventeenth centuries. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1971. 525 p.
- Hurteau P.* Catholic Moral Discourse on Male Sodomy and Masturbation in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Journal of the History of Sexuality, Vol. 4. Issue 1. 1993. P. 1-26.
- Jacob A.* Le Sauvage américain et l'idée de civilisation // Anthropologie et Sociétés, Vol. 15. N 1. 1991. P. 13-35.
- Jaenen C. J.* The French Relationship with the Native Peoples of New France and Acadia. Ottawa, Research Branch, Indian and Northern Affairs Canada, 1984. 215 p.
- Jaenen J. C.* "Les Sauvages Américains": Persistence into the 18th Century of Traditional French Concepts and Constructs for Comprehending Amerindians // Ethnohistory. Vol. 29. No. 1, Winter, 1982. P. 43-56.

- La Hontan L. A.* New Voyages to North-America. Vol. I-II. Chicago, A. C. McClurg & Co., 1905.
- Lafitau J. F.* Customs of the American Indians compared with the customs of primitive times / Champlain Society, 48. W. N. Fenton and E. L. Moore, trans. Vol. I-II. Toronto, The Champlain Society, 1974.
- Lallemant L.* The spiritual doctrine of Father Louis Lallemant, of the Company of Jesus. L., Burns & Lambert, 1855. 351 p.
- Le Clercq C.* First establishment of the faith in New France. Vol. I-II. New York, J. G. Shea, 1881–1882.
- Lescarbot M.* The History of New France. Vol. I-III. Toronto, The Champlain Society, 1907–1914.
- Moffitt J. F., Sebastien S.* O Brave New People: The European Invention of the American Indian. Albuquerque, University of New Mexico Press, 1996. 399 p.
- O'Gorman E.* The invention of America; an inquiry into the historical nature of the New World and the meaning of its history. Bloomington, Indiana University Press, 1961. 177 p.
- Pagden A.* European Encounters with the New World. From Renaissance to Romanticism. New Haven and London, Yale University Press, 1993. 216 p.
- Principe C.* A Moral Portrait of the Indian of the St. Lawrence in One Relation of New France, Written by Paul Le Jeune, s.j. // Canadian Catholic Historical Association Historical Studies. 57. 1990. P. 83-108.
- Rowbotham A. H.* The Jesuit Figurists and Eighteenth-Century Religious Thought // Journal of the History of Ideas. XVII, Oct. 1956. P. 471-485.
- Sagard G. T.* The Long Journey to the Country of the Hurons. Toronto, Champlain Society, 1939. 488 p.
- Sanders R.* Lost tribes & promised lands. The origins of American racism. Boston, Little, Brown, 1978. 443 p.
- Sayre G. M.* Les Sauvages Américains: Representations of Native Americans in French and English Colonial Literature. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1997. 379 p.
- Schmidlin J.* Catholic mission theory. Techny, Mission Presses. V. D., 1931. 544 p.
- The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610–1791 / Ed. by Reuben Gold Thwaites. 71 vols. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896–1901.
- Todorov T.* The Conquest of America. N.Y., Harper & Row Publishers, 1985. 265 p.
- White H.* The Noble Savage Theme as Fetish // First Images of America: The Impact of the New World on the Old. Vol. 1. Berkeley, University of California Press, 1976. P. 121-135.

Федин Андрей Валентинович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского; avfedin@yandex.ru.

О. В. ЗАИЧЕНКО

**“BIEDERMEIER” И “VORMÄRZ”:
РОССИЯ КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ
«ДРУГОЙ» В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ
НА ОСНОВЕ ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКОВ
НЕМЕЦКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Автор рассматривает этапы формирования образа России в германских землях в период Реставрации (1815–1848) в контексте общественно-политических дискуссий между представителями консервативного и либерального течений. В основу исследования положен анализ большого массива сочинений немецких авторов о России первой половины XIX в. из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки, в основном написанных в жанре путевых дневников.

***Ключевые слова:** образ России, Германия, общественно-политическая борьба, либеральная русофобия, консервативная русофилия.*

С середины прошлого века в англоязычной историографии используется взятое из социальной психологии положение о том, что для консолидации и самоидентификации любой общественной группы необходим «образ другого» как внешней антитезы, часто трансформировавшейся в образ врага. Для Германии в качестве такого конституирующего «другого» в процессе формирования собственного образа с конца XVIII в. важную роль играли Франция и Россия как геополитические соперники, наиболее активно влиявшие на положение в германских землях. После завершения наполеоновских войн, а затем окончательного утверждения в Европе принципов политики Реставрации, созданный в немецкой литературе образ России постепенно начал трансформироваться в идеологему, все чаще выступая в качестве абстрактного символа, аргумента в общественно-политических дискуссиях того времени. Став в 30-е гг. XIX в. частью противоборствующих мировоззрений и основой для создания различных утопий и антиутопий, миф о России в рассматриваемый период приобрел исключительную значимость для процесса формирования национальной и политической идентичности у немцев.

Создание Священного Союза было воспринято большинством населения Германии как начало новой исторической эпохи, призванной поднять политическую и духовную жизнь Европы на высшую ступень. Однако после Венского конгресса начался период Реставрации (1815–1848), отмеченный наступлением реакции по всей Европе и дальнейшим распространением принципов политического обскурантизма. В результате были надолго похоронены мечты немецких патриотов и либеральных реформаторов о национальном единстве и конституционном правлении. Но при этом, времена опустошительных войн и «великого страха» перед анархией и революционным хаосом, длившиеся с 1792 г. и принесшие столько бедствий Германии, казалось, закончились. С одной стороны немцы получили долгожданный мир и внешнеполитическую стабильность, с другой — подавление любых проявлений оппозиционного мышления внутри германских государств. Двойственность политической ситуации не могла не сказаться на интеллектуальной жизни немецкого общества. Особенностью ее развития в период Реставрации была резкая поляризация идеологий и политических мнений при почти полном взаимном отчуждении либеральной и консервативной мысли. Литераторы или сознательно обратились к политической агитации с либерально-демократических позиций и к критике новой реальности, или также осознанно отвернулись от нее, уйдя «от истории» в частную жизнь и воспоминания о «лучшем прошлом», стремясь таким образом преодолеть болезненный разрыв между пугающей реальностью и романтическим идеалом. Проповедуя «покой как первую гражданскую добродетель», «защиту традиционных ценностей и обычаев», эти авторы искали идиллию в повседневной жизни. Однако идилличность литературы “Biedermeier” была обманчива: она служила антитезой реальности и своего рода защитой от хаотических и «демонических» сил расколовшегося внешнего мира, всегда угрожающих счастливому покою тихого консерватора. С этой точки зрения произведения стиля “Biedermeier” являются не менее политически ангажированными, чем сочинения авторов литературного направления “Vormärz”, открыто заявлявших о своих политических пристрастиях.

В литературоведении нет четкого определения понятий “Biedermeier” и “Vormärz”. С одной стороны, эти термины используются для определения литературной эпохи между 1815 и 1848 гг. С другой сто-

роны, среди художественных течений периода Реставрации многими авторами принято выделять консервативный стиль “Biedermeier” и либерально-демократическое течение “Vormärz”, к которому часто причисляют либеральное направление «Молодая Германия» и радикально настроенных младогегельянцев. На наш взгляд, эта классификация весьма условна и не имеет четко определенных границ. Но в данном конкретном случае для удобства представляется оправданным использование терминов “Biedermeier” и “Vormärz” для обозначения противоположных литературных и мировоззренческих установок эпохи Реставрации. В этой связи в статье делается попытка рассмотреть указанные художественные течения как различные проявления интеллектуальной реакции на изменение общественно-политических условий, как противоположные стили мышления, рассматривавшие человека, общество и государство под определенным углом зрения.

В основу исследования был положен анализ более тысячи сочинений немецких авторов о России первой половины XIX в. из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки, осуществленный в рамках проектов РФФИ и РГНФ¹. Прежде всего, это политические, экономические и исторические публикации, исследования энциклопедического и специально-научного характера, а также мемуары, путевые заметки очевидцев, посетивших Россию, художественные сочинения, публицистика, памфлеты, листовки. Одним из самых популярных видов сочинений в период Реставрации являлся жанр путевых дневников (примерно треть всех публикаций о России первой половины XIX в.). Он был одинаково характерен как для консервативной литературы “Biedermeier”, так и для либерально-демократического течения “Vormärz”. Анализ большого массива подобных сочинений из коллекции «Россика», с учетом специфики жанра путевых заметок как исторического источника, позволяет взглянуть на немецких авторов, формировавших образ России как на представителей различных стилей мышления: в данном случае консервативного и либерального. С помощью такого подхода к проблеме мы попытаемся проанализировать их часто про-

¹ Проект РФФИ 05-06-80036 «Россия в немецкоязычных источниках XIX века: база данных» 2005–2007 гг. / руководитель проекта — О. В. Заиченко; проект РГНФ 06-01-02117а «Россия и Запад. Взаимные образы и представления: опыт истории XVIII–XX вв. / руководитель проекта — В. В. Рогинский.

тивоположное восприятие одних и тех же явлений российской жизни как отражение различных мировоззренческих установок соответствующих социальных групп, а также проследить, как меняется отношение к России в консервативной и либеральной среде по мере изменения положения этих групп в немецком обществе.

Вся литература о России этого периода, путевые дневники в том числе, характеризуется большой полярностью мнений и оценок. Как правило, это очень эмоциональное, положительное или резко отрицательное отношение к стране. При этом попытки осмыслить увиденное в России более основательно, с учетом внутренних противоречий и особенностей ее исторического развития, крайне редки. Несмотря на то, что объем информации, содержащейся в подобных публикациях, довольно велик, при этом бросается в глаза отсутствие взаимосвязи между уровнем знаний, количеством фактов о жизни в России и качеством выводов, которые формировали представление о стране у немецких читателей. Часто детальное знание русской действительности соседствует с субъективными оценками, обобщенным подходом, попытками обосновать уже существующие стереотипы. Путевые заметки, написанные, как правило, в виде писем другу, дневников или мемуаров, оказали наибольшее влияние на формирование образа России. Они соединяли в себе непосредственные наблюдения самого автора и целенаправленную работу по формированию общественного мнения, так как последовательное детальное описание, привязанное к конкретному месту и времени, соединенное с абстрактными обобщающими выводами, оказывало сильное влияние на читателя. Тем более что авторы в своих сочинениях, как правило, претендовали на создание панорамной картины, охватывающей все стороны русской жизни. Представление о многогранности интересов немецких путешественников может дать краткое изложение содержания довольно типичного для того времени путевого дневника, озаглавленного «Внутренняя жизнь России», сделанное его автором, Эдуардом Кольбе, в предисловии к первому изданию этого анонимно опубликованного сочинения: «Я хотел бы дать полное представление о жизни в России, то есть показать, как в России живут, думают, действуют. Дорогой читатель, мы увидим частную жизнь семей и станем свидетелями общественной жизни в столице и провинциях, посетим школы, церкви и суды. Мы увидим рабов и

бедняков, а также свободных и богатых членов общества, аристократию. Мы не забудем о полицейском и милитаристском государстве, проникнем в тюрьмы и камеры заключенных»².

С точки зрения географии, в первые десятилетия XIX в. образ России формировался на основе подробного описания Сибири, центральных районов империи и остзейских провинций. В тридцатые годы довольно много немецких авторов посетили Украину и Черноморское побережье, поэтому особенности этих областей — степной ландшафт и южная приморская культура — также заняли важное место в создании общего образа России. К началу 40-х гг. третьей популярной темой становится Кавказ, романтизированный быт свобододолюбивых горцев и Кавказская война. И, наконец, особую и довольно многочисленную группу в ряду путевых дневников составляют произведения, посвященные исключительно описанию Санкт-Петербурга. Часто подобные сочинения были написаны в стиле путеводителей для иностранцев, содержащих наряду с практическими советами относительно особенностей жизни в Петербурге общие размышления о России и русских, основанные на наблюдениях авторов, сделанных в столице³.

Для путешествия по такой огромной стране, как Российская империя, требовались значительные денежные средства. Финансовая независимость авторов путевых дневников предполагала их привилегированное социальное положение. Во многих случаях российское правительство оказывало им практическую, в том числе и финансовую поддержку (как, например, в случае с бароном Августом фон Гакстгаузеном), поэтому этот тип литературы наиболее широко представлен среди сочинений консервативного направления. И хотя следует признать, что русское правительство оказывало содействие в публикации подобных произведений, имперская государственная пропаганда ни в коем случае не преобладала над германской приверженностью к России консервативных кругов и не заменяла ее.

подавляющая часть сочинений публиковалась анонимно, поэтому во многих случаях их авторы не могут быть установлены. Однако на основании косвенных данных с уверенностью можно утвер-

² Kolbe E. 1847. S. 6.

³ См., напр.: Possart P. 1842; (Anon.) Tagebuch eines preussischen Offiziers... 1836; (Anon.) Die Preussen als Gäste... 1835.

ждать, что большинство авторов путевых дневников — подданные государств Германского союза. По своему социальному составу немецкие авторы были дворянами, учеными, чиновниками, офицерами. Интересно, что наиболее яркие, подробные и очень консервативные по духу описания России принадлежат актерам. Здесь можно назвать Эдуарда Йеррманна⁴, Вильгельма Мюллера⁵, Луиса Шнейдера⁶, Фридриха Титца⁷. С одной стороны, это объяснялось большой мобильностью актеров и возможностью играть во многих русских городах, с другой — тесными связями с придворным обществом и зависимостью от него. Если большинство актеров владело русским языком, то среди дворян и офицеров — авторов путевых заметок, практически никто такими знаниями не обладал. Поэтому непосредственный круг общения большинства немецких авторов, находившихся в России, был ограничен придворным обществом, высшим чиновничеством и живущими в России иностранцами.

Формирование образа России в немецкой литературе периода Реставрации можно условно разделить на несколько этапов. Начало первого этапа (1815–1830 гг.) совпало с подъемом национального и конституционного движений, охвативших Германию на волне победы в освободительной войне с Наполеоном. Нарождавшееся в этих условиях гражданское общество стремилось к национальному объединению, что нашло свое выражение во множестве гуманитарных инициатив, которым старались придать общегерманский характер. Так, например, благодаря деятельности Немецких обществ, организованных по предложению Эрнста Морица Арндта, годовщина Битвы народов под Лейпцигом в октябре 1814 г. впервые была отмечена как национальный праздник. Основанное в 1811 г. патриотическое Гимнастическое движение получило столь значительный отклик, что из Берлина распространилось более чем на сто городов Германского союза. В студенческой среде среди бывших приверженцев реформ в духе французского Просвещения эти настроения сменились национально-демократическим движением за обновление отечества. В результате на смену землячествам пришли *буриенишафты* — студен-

⁴ *Jerrmann*. 1845.

⁵ *Müller*. 1844.

⁶ *Schneider*. 1830.

⁷ *Tietz*. 1836.

ческие корпорации, которые должны были объединять в своих рядах всех немецких студентов одного университета.

Организованный студентами-лютеранами 18 октября 1817 г. в Тюрингии Вартбургский праздник уже проходил под знаком национального протеста против раздробленности Германии и реставрации абсолютизма. Он вызвал мощный отклик и послужил сигналом к началу национально-демократического оппозиционного движения. Принятые в Вартбурге «Основные принципы и решения 18 октября» представляли собой политическую программу, в которой радикально-демократические принципы сочетались с высокой степенью готовности студентов перейти к активным действиям, вплоть до индивидуального террора. В 1818 г. в Йене был создан Всегерманский студенческий союз, первая организация, которая выступила с позиций национального объединения немецких студентов на демократической основе. Активность этих быстро радикализирующихся движений отражала высокую степень политической напряженности, которая царила тогда в немецком обществе. Не только в правительствах, но и в широких общественных кругах возникло беспокойство по поводу дальнейшего распространения революционных настроений. Страх перед надвигающимся политическим кризисом и связанное с ним стремление к стабильности уставшей от потрясений большей части общества стало причиной его пассивной реакции на начало Реставрации.

Рост политического нигилизма в Германии происходил на фоне экономического кризиса. Неурожаи и голод 1816–17 гг., кризис торговли, вызванный отменой континентальной блокады, способствовали массовому разорению населения и нарастанию негативных настроений в различных слоях общества. В обстановке поиска «виноватых» начали оживать старые антирусские стереотипы. Побежденная Франция больше не представляла угрозы. Недовольство разочарованного, обманутого в своих надеждах населения частично по традиции было обращено против немецких евреев, частично против местных правящих династий, а также против России, поддерживавшей установленный в Германском союзе порядок. Ей не могли простить ни военного превосходства, ни вмешательства в германские дела. Как с прискорбием свидетельствовал в своих отчетах русскому правительству известный драматург и с 1817 г. литературный корреспондент Министерства по делам образования и религии Август фон Коцебу, с

1815 г. немцы «утратили чувство благодарности к своим освободителям от французского рабства, обвиняя Россию во всех грехах»⁸.

Уже в 1817–1818 гг. в германской прессе развернулась острая дискуссия о внешнеполитических целях России и опасности усиления ее влияния в Европе. Ожидания, вызванные публикацией Акта Священного союза, не оправдались. Изменение позиции русского императора на Ахенском совещании осенью 1818 г. стало причиной глубокого разочарования общественного мнения Германии в политике России⁹. Волна возмущения, связанная с публикацией записки А. С. Стурдзы «О современном положении Германии», и неоднозначная общественная реакция на жестокое убийство 23 марта 1818 г. Августа Коцебу, объявленного «русским шпионом», дали повод говорить о начале «морального бунта» в Германии.

Консервативную часть немецкого общества охватили растерянность, пессимизм и страх перед новой европейской революцией. Современные события воспринимались авторами течения “Biedermeier” как «самоубийственный мятеж против великого авторитета», как низшая точка нравственного падения человечества¹⁰. Мистическое восприятие России и ее императора стало составной частью эсхатологических настроений, возобновившихся под влиянием пиетизма в консервативной среде романтиков направления “Biedermeier”. Последняя битва добра со злом и последующий за ней Апокалипсис, по мнению Карла фон Эккартсгаузена, Иоганна Генриха Юнг-Штиллинга и других прославленных мистиков той эпохи, должны были наступить уже в первые десятилетия XIX в.¹¹ Сопоставляя текущие события с библейскими пророчествами, их последователи увидели в происходящем признаки приближающегося конца света. Охваченные эсхатологическими ожиданиями, они воспринимали Наполеона как антихриста, а Александра I — как своего единомышленника и спасителя Европы, «Ангела Апокалипсиса»¹². «Миссия Александра, — наставляла баронесса Юлия фон Крюденер своих последователей, — воссоздать то, что Наполеон разрушил. Александр —

⁸ Literarisches Wochenblatt... 1819. S. 9.

⁹ См.: Eich. 1986. S. 285-287.

¹⁰ Dittenberger. 1815. S. 21.

¹¹ Юнг-Штилинг. 1815. С. XIII-XV. См. также: Зорин. 2004. С. 306-310.

¹² Ley. 1975. P. 190.

белый ангел Европы и мира, в то время как Наполеон был черным ангелом. Разрушительной и разъединяющей силе Наполеона противостоит созидательная и объединяющая сила Александра»¹³.

Известный баварский мистик и религиозный философ Франц фон Баадер, видевший спасение Европы в создании универсальной христианской религии, в своих сочинениях также ссылаясь на старинные предсказания алхимических трактатов, где речь шла о «государе одной из северных монархий, который соберет вокруг себя людей, наиболее выделяющихся своим благочестием». Утверждалось, что этот избранный монарх будет русским императором, который впоследствии станет главой всемирной церкви¹⁴. Мистически настроенные немецкие романтики ждали от России импульса к спасению и духовному исцелению Европы и, прежде всего, охваченной новым «революционным безумием» Германии.

Воспользовавшись паникой, овладевшей многими немецкими правителями и пассивной позицией России, Меттерних уже в августе 1819 г. созвал в Карлсбаде конференцию представителей отдельных германских государств, где было решено подавлять полицейскими мерами любые проявления либерального и демократического движений. В частности, вводился особый закон о прессе, согласно которому земельным властям предписывалось подвергать цензуре периодику, а также все печатные издания объемом, превышающим 20 страниц. Кроме того, все постановления о цензуре содержали в себе отдельной статьёй «Положение о защите от критики в адрес дружественных государств и монархий», как, например, «Положение», изложенное в статье № 2 «Постановления о прусской цензуре» от 8 октября 1819 года. Последовательное и регулярное применение этого «Положения» в Пруссии привело к тому, что там до 1848 г. не было напечатано ни одного антирусского сочинения. Зато в Саксонии, Тюрингии и южно-германских землях цензура была намного мягче. С 1830-х гг. наметилась тенденция к ослаблению цензурного режима, в частности, в Саксонии в 1844 г. была отменена предварительная цензура для изданий, объем которых превышал 20 страниц. В результате сочинения, запрещенные в Пруссии, печатались в других немецких государствах, а также за пределами Германии.

¹³ Цит. по: *Пытин*. 1916. С. 357. См. также : *Ley*. 1975; *Ley*. 1994.

¹⁴ *Bühler*. 1929. S. 52.

В итоге в условиях полицейского режима в период с 1819 по 1830 гг. в Германии, за редким исключением, публиковались только положительные отзывы о России. В коллекции «Россика» насчитывается 400 литературных произведений, изданных в эти годы и посвященных России, из них 102 публикации — путевые дневники. Прежде всего, это мемуары немецких офицеров, участвовавших в русском походе Наполеона¹⁵, посвященные теме «единения русского и немецкого оружия» и прославлению Александра I как освободителя народов и «либератора добрых немцев», а также многочисленные описания Петербурга¹⁶, жизни двора и членов императорской семьи. Среди них выделяются своей неоднозначностью оценок записки известной писательницы Фанни Тарнов «Письма, написанные по дороге в Петербург» (“Briefe auf einer Reise nach Petersburg”, Berlin, 1819), которые многократно цитировались другими авторами и не менее часто подвергались критике за необъективность и предвзятость, например, Августом Коцебу на страницах “Literarisches Wochenblatt”¹⁷. Кроме того, важное место занимают эпические и драматические произведения, сочинения по русской истории, новеллы и философские романы.

Стремясь обрести спасительное убежище от надвигающегося хаоса, авторы течения “Biedermeier” вновь возрождают миф о России как о новом Эдеме, идеальном государстве утраченного прошлого: идет постоянное противопоставление «там» (Россия) и «здесь» (Германия): «Там все покой, безопасность и защитное пристанище для всего, что любишь, что сердцу свято». «Здесь» — «рука Сатаны» нависла над Европой, идет битва «проповедников святости» со «слугами дьявола»¹⁸. Именно в это время получает распространение ставшее впоследствии классическим для консервативной литературы противопоставление: на одном полюсе — Запад, охваченный революционным потоком, на другом — Россия как спасительный ковчег, управляемый рукой могучего кормщика — императора. В этой среде большие надежды на стабилизацию положения в Германии были связаны с деятельностью Священного союза под руководством Александра I. Как писал Юнг-Штилинг, выражая общие настроения:

¹⁵ Müller. 1815; Bomsdorff. 1818 und s.w.

¹⁶ Schlippenbach. 1818; Reichard. 1816; Schlegel. 1818.

¹⁷ См.: Benz. 1957. N. 2.

¹⁸ Meissner. 1820. S. 134ff.

новый союз христианских монархий под предводительством России, «осененный ореолом святости», спасет христианский мир от хаоса и знаменует собой начало Тысячелетнего рейха¹⁹.

В итоге на начальном этапе периода Реставрации в литературе “*Biedermeier*” создается идиллический образ России как большой патриархальной семьи, во главе которой стоит мудрый просвещенный монарх, который как строгий отец заботится о благе своих подданных. Главным принципом восприятия России была индивидуализация образа народа и государства через личность монарха и членов его семьи, выдающиеся личные качества которых давали им право на неограниченную власть, предопределенную Богом, а также идеал средневекового «патримониального государства». Этот образ полностью соответствовал консервативному восприятию идеального гармоничного общества, лишённого социальных потрясений, как антитезы современных последствий Просвещения и Французской революции.

После относительного политического затишья 1820-х гг. последующее десятилетие стало новым периодом повышенной активности во всей Центральной Европе, что ускорило процессы самоидентификации и дальнейшего формирования общественного мнения в Германии в национальном масштабе. Известие о свержении во Франции Карла X в июле 1830 г. нашло живой отклик в германских землях, обнаружив огромный потенциал оппозиционных настроений, который накопился в немецком обществе за предыдущие, казалось, самые аполитичные годы. Протестное движение 1830–1833 гг. охватило почти все государства Центральной и Южной Германии. Одним из первых опытов согласованного выражения общегерманских настроений стала политическая реакция на подавление национального восстания в Варшаве в конце ноября 1830 г.

Второй этап — 1830–1840 гг. — стал поворотным для формирования образа России в немецком общественном мнении. После политических волнений 1830 г. и разгрома русским правительством польского восстания 1830–1831 гг. либеральная русофобия прочно вошла в общественное сознание. Жестокие методы подавления выступлений патриотически настроенных поляков, репрессии против католиков и Униатской церкви были восприняты не только в Германии, но и во всей Европе, как наглядное доказательство «устрашающей деци-

¹⁹ *Ley. Op. cit. P. 191.*

визованности режима Николая I»²⁰. Несмотря на действие цензуры, из 355 сочинений из коллекции «Россика», изданных в этот период, 130 публикаций содержали резко негативные оценки Российской империи. В это время меняется жанровый состав сочинений, посвященных России. Официальная хроника, художественная, историческая и научная литература, а также, так называемые «казуалии», посвященные антинаполеоновским войнам и другим героическим сюжетам, постепенно вытесняются аналитическими сочинениями, памфлетами и политической публицистикой, количество которой неуклонно растет. Путевые записки немецких путешественников также приобретают ярко выраженный полемический характер²¹. Практически все они были написаны под воздействием уже существующих произведений о России и содержали положительные или отрицательные отклики на них. Так, например, «Россия в 1839 году» маркиза Астольфа де Кюстина²² или «Европейская пентархия» К.-Э. Гольдмана²³ вызвали целую волну споров и возражений в немецком обществе.

В эти годы наряду с формированием либеральной идеологии в литературе «Vormärz» был закреплен канонический образ России как военно-династической империи, живым воплощением которой являлся монарх-самодержец с неограниченной светской, религиозной и военной властью. Как и в предыдущий период, фигура императора оставалась ключевой для восприятия страны. При сильно персонифицированном подходе к политике и истории, Николай I, сменивший на троне своего брата Александра, как нельзя лучше воплощал образ некоего всемогущего демиурга, когда «усмешка или нахмуренный лоб русского царя определяли устои не только германских государств, но и всей Европы»²⁴. Для либералов он был «жандармом Европы», ответственным за раздробленность Германии, для консерваторов — «носителем божественной миссии» в борьбе с европейской революцией и «первым защитником легитимности».

Большинство немецких путешественников, посетивших Петербург в 1830–40-е гг., оставили подробное описание внешности и индивидуальных особенностей речи и поведения императора, тем более

²⁰ См.: Троицкий. 1990. С. 21 и сл.

²¹ *Budberg*. 1832; *Robert*. 1840; *Behr*. 1834.

²² *Custine*. 1847.

²³ Die europäische Pentarchie...

²⁴ Russische Zustände... S. 44.

что многие из них были приняты при дворе и имели возможность лично общаться с ним. Однако их свидетельства настолько противоречивы, что возникает впечатление, будто речь идет о разных людях, не имеющих между собой ничего общего. Создавая образ императора, авторы, близкие к течению “Vormärz”, искали в его внешнем облике, прежде всего, подтверждения исходного тезиса о том, что русский царь — это персонифицированное воплощение «абсолютизма и реакции». Для них очень характерно, например, такое описание внешности Николая I, оставленное анонимным автором: «Сильно развитая нижняя часть лица, длинная тонкая верхняя губа и довольно обрюзгшие щеки и подбородок свидетельствовали о преобладании материальных инстинктов над духовностью...»²⁵. Характеристика отдельных черт царя, например, манеры говорить, часто сводилась к тому, чтобы представить его живым воплощением деспотической власти: «Речь характеризует человека. Эта вульгарная и жестокая, обыденная и грубая речь, эти угрозы, этот тон завравшегося хвастуна, это грубое, примитивное красноречие, которое за ложными клятвами скрывает безразличие и равнодушие: все это портрет царя Николая — типичнейшего деспота с головы до ног»²⁶.

Консервативные авторы пытались противопоставить этому негативному восприятию русского царя идеализированный образ гуманного и просвещенного монарха, столь же абстрактный и имеющий мало общего с конкретным человеком. Показательно для этой группы сочинение вюртембергского генерала кавалерии, военного писателя и дипломата Фридриха Вильгельма фон Бисмарка (1783–1860), явно написанное под впечатлением июльских революционных событий 1830 г. Будучи послом Вюртемберга при Берлинском дворе, Бисмарк получил приглашение от Николая I посетить Россию в качестве консультанта для реорганизации русской кавалерии. Результатом этого путешествия стала вышедшая в 1836 г. книга, посвященная частично описанию Петербурга, частично специальному военно-техническому исследованию, а также историко-философской апологетике русской империи. Много лично общаясь с императором, Бисмарк, в свою очередь, оставил следующий идеализированный портрет Николая I: «Его черты лица правильны, профиль очень благороден, лоб высокий с залысинами, взгляд горд и импозантен, при этом чрезвычайно благо-

²⁵ Geheimnisse von Russland... S. 83.

²⁶ Ibid. Bd. 1. S. 106.

склонен, когда он смеется»²⁷. Бисмарку вторит не менее восторженный отзыв о манере общения Николая I, анонимно оставленный другим немецким офицером, посетившим Петербург в 1835 г.: «Лучше, легче и яснее говорить, чем император, невозможно. Он очаровывает каждого, кто его слушает»²⁸. Чрезвычайно негативный или наоборот, восторженно-позитивный, образ русского монарха задавал тон для оценки всей империи. В отличие от консервативного течения “Biedermeier”, где утвердился образ России как «нового Эдема», в путевых дневниках авторов, близких к либеральному направлению “Vormärz”, российская империя представляла чаще всего как «оплот европейской реакции» и захватчик чужих территорий.

К началу 1830-х гг. в либеральной литературе постепенно складывается довольно целостный образ российской империи, быстро ставший частью оппозиционной идеологии. Ключевыми моментами восприятия России были протяженность территорий и огромный военный потенциал. При этом для описания страны использовались клише, вызывавшие у читателя цепь определенных ассоциаций, которые уже заранее подразумевались автором. В сознании большинства немцев Россия была страной огромных диких территорий, для характеристики которых чаще всего применялись стереотипные понятия «степь» и «Сибирь». «Уже одно слово “Сибирь”, — писал анонимный немецкий путешественник, — вызывает мысли о пустыне, одиночестве, чудовищном холоде, лишениях и нищете»²⁹. «Степь, — по мнению другого автора, — означает однообразие, монотонность, дикость и скуку»³⁰. Понятие «Сибирь» ассоциировалось также с изгнанием и наказанием. С ним было тесно связано понятие «кнут», означавшее способ наказания и систему господства, в основе которой насильственное подавление. «Кнут» был одним из составляющих компонентов понятия «деспотизм»: «Кнут ... является инструментом наказания и тирании, наглядным признаком господствующего положения для русских. Ничего другого они не знают»³¹. «Деспотизм», в свою очередь, был неразрывно связан с «азиатским варварством» и образом Востока. Азиатская, варварская природа

²⁷ *Bismark*. 1836. S. 149.

²⁸ *Die Preussen als Gäste...* S. 42.

²⁹ *Russland und Gegenwart...* S. 91.

³⁰ *Geheimnisse von Russland*. Bd. 2. S. 184.

³¹ *Ibid.* Bd. 1. S. 91.

предопределяла неспособность России к эволюционному развитию, что, в свою очередь, выводило ее за рамки европейской истории.

Другое понятие — «степь» было неразрывно связано с клише «казачий», которым обозначался образ жизни, характеризовавшийся постоянной военной службой, кочевым способом существования, а также жадной войны и добычи. Причем казаки часто отождествлялись с «азиатскими» национальными меньшинствами внутри России — татарами и калмыками, что должно было подчеркнуть азиатскую природу русских в целом.

Важное место в восприятии российской империи занимал также образ Санкт-Петербурга, который был воплощением абсолютизма, имперского духа, чиновничьего произвола и поверхностной европеизации страны. Контраст между стереотипами «степь», «Сибирь» и «Санкт-Петербург», должен был подчеркнуть колоссальную пропасть между «европейской витриной» столицы и «азиатской» сущностью остальной России.

Тема внешней угрозы долгое время оставалась ключевой для восприятия российской империи в Европе. Успешные войны, которые вела Россия в XVIII – первой половине XIX в., не могли не сказаться на представлениях о ней. Практически все немецкие либералы писали о преимуществах захватнических планов России со времен Петра Великого, имевших целью установление господства над Европой и Азией, что доказывалось всей историей успешных завоеваний русских. Для осуществления этой политики у русского правительства имелись два инструмента: во-первых, это огромная, готовая в любую минуту к войне армия, ставшая надежным инструментом в руках императора, на совершенствование которой были направлены все силы государства. При этом делались ссылки на якобы «кочевой» характер русского народа, выраженный в стереотипе «азиатские, степные кочевники», который придавал этой армии опасную динамику и таил в себе угрозу для соседних цивилизованных народов:

«Это — народ, который возник и вырос в варварстве, с юности привыкший к грубой пище, живший в условиях всевозможных лишений и тягот, не знавший других заповедей, кроме приказов своего милитаристского властителя, народ, который воспринимает солдатскую жизнь как свое предназначение, а войну, как счастливый случай. Русских не пугают никакие нарушения в жизненном укладе или экономике, вызванные войной, напротив, только добыча и удовлетворение своей склонности к распутной, беспорядочной, полной авантюры

жизни являются их целью, тогда как цивилизованные народы приходят в смятение от страха перед войной, который парализует все силы. Так вся Россия — одна огромная военная колония, чьи вооруженные силы удваиваются каждые 50 лет...»³².

Помимо армии, другим инструментом захватнической политики являлась проникающая во все страны русская тайная дипломатия, которая с помощью своих агентов выведывала секреты противников, тем самым, парализуя их силы. Но, если кочевой характер народа стал доказательством угрозы, исходившей от армии, то тайная дипломатия русских агентов связывалась со склонностью всех русских к притворству, лжи и предательству. На этой основе немецкие авторы делали вывод о тесной взаимосвязи национального характера и политической активности России.

В качестве основного фактора, способствовавшего росту могущества Российской империи, выделялась внутренняя консолидация общества, вызванная рабской природой русского национального характера, крепостничеством и отсутствием среднего класса. Союз абсолютистского режима с крепостническим дворянством и имперской бюрократией при наличии мощного репрессивного аппарата также представлялся идеальным механизмом для мобилизации необходимых для непрерывных войн ресурсов в отсталой, неравномерно населенной стране. Европеизация российского общества объявлялась мнимой в отношении усвоения культурных ценностей Европы, но весьма эффективной в области модернизации армии и флота.

Таким образом, при создании образа Российской империи в качестве конституирующего «другого» в процессе формирования собственной национальной и политической идентичности большинство авторов выделяло три момента: во-первых, это — диаметрально противоположность русского общества по отношению к немецкому, выраженная полярными понятиями «азиатский — европейски». Во-вторых, неполноценность этого общества в сравнении с социальными нормами немецкого читателя, выраженная, прежде всего, в цивилизационной отсталости и отсутствии возможностей для прогресса в варварском обществе. В-третьих, враждебность русского государства по отношению к немецкому обществу, которая стала исходным моментом при описании непохожести и неполноценности русских.

³² *List*. 1927–1935. Bd. 3. S. 476.

В то же самое время консервативное восприятие России, часто ограниченное мистическими ожиданиями и религиозными исканиями, имело более абстрактный характер. Июльская революция 1830 г. во Франции, вдохнувшая новую жизненную силу в европейское либеральное движение, стала той угрозой существующему порядку, которая заставила немецкую консервативную мысль философски осмыслить свою историческую роль и создать необходимую для самоидентификации антиутопию, в которой миф о России занимал не последнее место. Создание либеральными авторами в начале 30-х гг. относительно целостного образа России вынудило консерваторов развивать собственную «контрсистему» взглядов относительно «северного соседа». Однако в полемику по поводу определения исторической роли России в Европе консерваторы вступили с большим опозданием, поэтому им пришлось «воевать на чужой территории». Сочинения разных литературных жанров, написанные в защиту Российской империи, в том числе и путевые дневники, начали активно издаваться только со второй половины 30-х гг. Главной их особенностью являлась тесная связь с критическими публикациями либеральных авторов. Значительная часть этих произведений была создана с одной целью — противопоставить правдивую, с точки зрения их авторов, информацию господствующим в обществе предрассудкам относительно России³³. Даже в тех случаях, когда публикации не являлись по форме прямым ответом на вызов политических оппонентов, активная позиция их авторов, направленная против антирусских нападок, всегда выражалась достаточно четко, и путевые заметки аристократов — не исключение. Например, известный русофил барон К. О. Л. Фон Арним чувствовал себя обязанным постоянно полемизировать с сочинением де Кюстина. А барон фон Гакстгаузен при каждом удобном случае критиковал не только Кюстина, но и Дэвида Уркварта и других английских авторов³⁴. Консервативные литераторы, которых по-прежнему можно условно причислить к направлению «Biedermeier», в своих сочинениях стремились доказать порочность

³³ Так, курляндский барон Эрнст фон Рехенберг-Линтен писал в предисловии к своей книге: «Только лишь желание противодействовать многочисленным предрассудкам и грубым ошибкам в отношении России, заставило меня решиться опубликовать это сочинение». *Rechenberg-Linden*. 1833. S. 3.

³⁴ *Arnim*. 1850. Bd. 1, S. 20, 26, 112, 132, 142, 145; *Haxthausen*. 1847. Bd. 1-2. S. 529, 534, 554; 1852. Bd. 3. S. 267.

попыток оппозиционно настроенных путешественников оценивать все увиденное ими в России через призму дихотомии «Свой — Чужой», «Европа — Азия», «цивилизация — варварство». Поэтому основными темами обсуждения стали сюжеты, на которых базировалось либеральное восприятие российского государства: место и роль России в европейской политике, ее историческая принадлежность к Европе, проблема «русской угрозы».

В основу создаваемого образа были положены основные составляющие консервативного мышления, такие как легитимность монархии, религиозность народа и прочные христианские традиции, соединявшие прошлое и будущее, единство и монолитность русского общества³⁵. С опорой на традицию немецких просветителей XVIII в., в литературе „Biedermeier“ утвердился патриархальный образ подданных Российской империи как «народов простодушных, не упившихся еще из чаши всех мерзостей, не отпавших еще от Бога, спасшего их»³⁶. Закрепляя в консервативной литературе стереотипы о неиспорченности, религиозности и патриархальности русского народа, романтики стремились доказать тезис о его божественном предназначении для спасения Европы, так как только «простодушные народы» могут стать орудием «Божьего промысла, поскольку им не ведомо ложное просвещение, погубившее народы развращенные»³⁷, и, прежде всего, конечно, французов. Именно идея о божественной миссии русского императора, православия и русского народа, призванного «примирить Восток и Запад», оказала наибольшее влияние на формирование консервативной русофилии.

Что же касается внешней угрозы, то после антинаполеоновских войн частью консервативного мировоззрения становятся две идеологии, тесно связанные с образом России. Это — вера в существование всемирного революционного заговора, управляемого парижским секретным комитетом, и производная от нее — убежденность в необходимости союза христианских монархий во главе с российским императором для борьбы с революциями и религиозного переустройства Европы на основе братства и любви. Как писал Леопольд фон Герлах, ставший одним из лидеров консервативного политиче-

³⁵ См., напр.: *Tagebuch eines preussischen Offiziers...*; *Die Preussen als Gäste...*; *Bismarck*. Op. cit.

³⁶ *Bühler*. 1929. S. 52.

³⁷ *Baader*. 1841. S. 91.

ского движения: «Три восточные монархии должны превратиться в единый народ под именем христианской нации... Больше не может существовать английской, французской, русской, прусской, австрийской политики, есть лишь общая политика, которая должна для блага всех разделяться и народами, и государями»³⁸.

Именно в идее создания единой христианской нации находится ключ к пониманию восприятия России немецкими консерваторами. Для них большое значение имело стремление к преодолению противоречий между христианскими конфессиями, идея создания единой церкви, стирание на этой почве конфликтов между народами и странами по религиозным вопросам. В силу присущего им космополитизма, на первое место для консерваторов вышла не национальная борьба за независимость, а политическая борьба партий за легитимизм и монархическую идею. То есть им в большей степени было свойственно видеть мир разделенным не на государства, а на большие партии. Отсюда проистекает стремление немецкой аристократии идентифицировать себя скорее с российскими монархическими кругами, чем с либеральным движением собственной страны. Вместо оппозиции «Россия — Европа» и идеи национального единства, необходимых для формирования национальной идентичности, на первое место в консервативной литературе выходит противостояние понятий «революция» и «Россия» как полярных сил в борьбе за политическое преобладание в Европе. Образ монархической России как мощной европейской империи играл важную роль в формировании не столько национальной, сколько социально-политической идентичности консервативных кругов Германии.

Выступая против теории об азиатском происхождении славян, главный упор в консервативной литературе делался на подтверждении этнической и религиозной принадлежности русских к Европе. С одной стороны — речь шла об этнической идентификации славян как третьей великой группы народов, которая, наряду с германской и латинской группами составляет «европейскую семью народов». С другой стороны — это религиозная идентификация на основе христианства, распространенного среди европейского населения России, когда православная империя объявлялась равноправным членом союза христианских государств. Согласно этой классификации, каж-

³⁸ Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Bd. 2. S. 724.

дой этнической группе европейских народов соответствовала определенная христианская конфессия: романским народам — католицизм, германским — протестантизм, славянским — греко-православная церковь. В отличие от преобладающего в либеральной среде мнения о чуждости России европейским традициям и культуре, в консервативной литературе российская империя представлялась как европейская провинция, которая пока еще несколько отстает от цивилизованного центра, но обладает огромным импульсом к быстрому развитию. В качестве примера приводились реформы Петра I, в результате которых Россия в течение нескольких десятилетий стала великой европейской державой.

Таким образом, русские признавались хоть и отсталыми, но полноправными членами «европейского союза христианских монархий». Позиционируя Россию как европейскую провинцию, значительная часть консервативно настроенных немцев воспринимала ее как часть собственного сообщества и не использовала в качестве конституирующего «другого» в оппозиции «мы и они».

Третий этап — 1840–1848 гг. — характеризуется дальнейшим распространением и радикализацией оппозиционного движения. Массовую волну национально-патриотического воодушевления вызвал так называемый Рейнский кризис 1840–1841 гг. Последовавшая на этом фоне смерть Вильгельма III в 1840 г. вновь оживила в обществе надежды на либеральные преобразования, которых ожидали от его преемника, Фридриха-Вильгельма VI. Выступления младогегельянцев, отвергавших «иллюзорный либерализм» «Молодой Германии», придали процессу политизации общества радикальный и системный характер. Именно младогегельянцы на рубеже 30–40-х гг. начали очередную дискуссию о будущем политическом устройстве Германии и Европы, а также о месте России в европейской истории, которая вылилась в целый ряд новых публикаций о российской империи. Поводом для дискуссии стала вышедшая анонимно в Лейпциге в 1839 г. книга К.-Э. Гольдмана «Европейская пентархия»³⁹, вызвавшая бурную реакцию в немецком обществе. Монография была написана с прорусских позиций, в духе Венского конгресса, и посвящена обоснованию преобладания пяти великих держав в европейских международных отношениях: Австрии, Пруссии,

³⁹ Die europäische Pentarchie...

Франции, Англии и России. Пентархия должна была гарантировать, что Европа останется многополюсной международной системой и не попадет под гегемонию одной империи. В основе рассуждений Гольмана лежала вполне банальная для того времени идея о возможности путем перманентных дипломатических консультаций обеспечить политическое равновесие между легитимными правительствами и тем самым сохранить мир в Европе. Скандальную известность это сочинение получило благодаря изложенной в нем геополитической схеме, согласно которой Европа разделялась на пять зон влияния под протекторатом независимого арбитра. Так, Пруссия должна была курировать «Север» Европы (за исключением России и Англии), Австрия — «Запад» (за исключением Франции), Россия — Центрально-европейский регион (за исключением Австрии и Пруссии), Англия — «Юг» Европы, а Франция — «Восток»⁴⁰. Согласно этой схеме роль верховного протектора немецких государств отводилась не Пруссии или Австрии, а Российской империи. Предполагалось, что именно таким образом удастся сохранить существующие политические устои в Германии и статус-кво — в Европе⁴¹.

Таким образом, немецкими консерваторами не только признавалась легитимность российской империи как великой европейской державы, но и ее право играть определяющую роль в германских делах, низводя Пруссию до уровня второстепенного государства в этом регионе. То есть, сохранение легитимности монархического строя, воплощением которого была Россия, для германской аристократии, в том числе и прусской, в тот период было гораздо важнее национальных интересов и патриотизма.

Неудивительно, что основная полемика по поводу места России в европейской истории разгорелась в либерально-демократическом лагере. В 1840 г. выходит книга младогегельянца Арнольда Руге «Современность и будущее Европы»⁴². В центре его исследования стояла проблема исторической миссии немцев как «нации европейского центра», так как, по мнению автора, «только немцы могут разрушить тиранию нашего времени в Петербурге, Вене и Берлине»⁴³.

⁴⁰ Ibid. S. 32-40ff.

⁴¹ Groh. 1961. S. 180.

⁴² Ruge. 1840.

⁴³ Ibid. S. 248.

Носителям революционного потенциала Европы — Франции, Англии и Германии — Руге традиционно противопоставлял Россию как абсолютистскую империю, стоящую на низшей ступени общественного развития, где отсутствуют «истинная, то есть реформированная религия, научная и духовная свобода»⁴⁴. Он пытался переформулировать саму идею европейского баланса сил, когда предполагалось, что одного активного участия христианской монархии в международных делах достаточно для ее автоматического включения в состав Европы: «Как может Россия идентифицировать себя с Европой, если у нее нет главной предпосылки для этого — европейской истории, когда ее позиция по отношению к европейским проблемам носит лишь формальный характер?»⁴⁵. Несмотря на то, что российская империя активно вмешивалась в европейскую политику и дела немецких государств, была признана либералами и демократами главным препятствием в Европе на пути революционных преобразований, долгое время являлась предметом общественных дискуссий, Руге в своем исследовании вывел ее за рамки европейской истории.

Среди последующих публикаций на эту тему выделялась анонимно изданная в 1841 г. книга другого младогегельянца Мозеса Гесса «Европейская триархия»⁴⁶, ставшая прямым ответом на сочинение Гольдмана. Европейская триархия — это блок прогрессивных государств: Германии, Франции и Англии, направленный против двух реакционных континентальных империй — австрийской и российской. Используя тезис о «русской угрозе», Гесс призывал к консолидации западных держав для вытеснения русских, «этих жаждущих завоеваний китайцев Запада»⁴⁷, из европейской политики. Выступая в разгар Рейнского кризиса против нападков на Францию, извечного конкурента немцев, Гесс писал, что в данный момент неуместно искать «заклятого врага в Европе, когда романо-германскому элементу угрожает славянский, когда приближается противник не только германского народа, но и всего европейского Запада»⁴⁸. Таким образом, благодаря использованию антитезы «реакционная Россия — прогрес-

⁴⁴ Ibid. S. 250.

⁴⁵ Ibid. S. 251.

⁴⁶ Hess. 1841.

⁴⁷ Idem. 1977. S. 129.

⁴⁸ Ibidem.

сивная Европа» Гесс обосновывал необходимость революционных преобразований в раздробленной полуфеодальной Германии, а также концептуализировал образ Германии как части Европы, призванной сыграть ведущую роль в европейской политике.

Дискуссия, начатая младогегельянцами в начале 40-х гг., спровоцировала новый рост общественного интереса к России. За неполные 9 лет в Германии было опубликовано 399 сочинений, хранящихся в коллекции «Россика». При этом негативное отношение к российской империи преобладало с большим перевесом над позитивным⁴⁹. Как правило, царская империя была представлена в оппозиционной прессе в трех ипостасях: как «оплот европейской реакции», поддерживающий местные консервативные силы и полуфеодальное устройство, как главный враг немецкого национального единства и в качестве агрессивного захватчика чужих территорий, угрожающего не только Германии, но и всей европейской цивилизации. Подробно описывая недостатки русского общества как «азиатско-деспотического», как противоположной, неполноценной и враждебной силы, публицисты распространяли эту критику на свои собственные, связанные с Россией, правящие круги, обвиняя их в тех же пороках, иногда, вплоть до полной идентификации высших слоев русского и германского обществ. Так, анонимный автор писал накануне революционных событий 1848 г. в адрес прорусски настроенных аристократов:

«Эта немецкая армия реакции — русские среди нас. Это немецко-русская армия, вербующая наших соотечественников с помощью русских денег, русской дипломатии и особенно русской неспособности к свободе. Она ... внедряет полицейских шпионов и доносчиков в патриотические союзы, она заставляет прусских офицеров на границе “пить на брудершафт” с русскими офицерами, она выжигает клеймо на теле Польши и скоро начнет обстреливать Берлин. К этой, распространенной во всех уголках Германии немецко-русской армии хочет примкнуть и собственно русская армия, объединиться с ней для уничтожения немецкой свободы и под предлогом восстановления в Германии мира и покоя, превратить ее в русскую провинцию⁵⁰».

В понятии «Россия» для немецких демократов и части либералов воплотились феодально-абсолютистские структуры, и немецкий читатель без труда находил обратную связь с политической ситуаци-

⁴⁹ См.: *Kohl*. 1841; *Reisen in Inneren...*; *Reisen in Südrussland...*; *Blasius*. 1844.

⁵⁰ *Das Enthüllte Russland...* S. 14.

ей в Германии. Россия оказалась относительно безопасным инструментом в руках представителей либеральных и демократических кругов, с помощью которого они пытались в обход цензуры критиковать своих внутренних врагов и устаревшие устои немецкого общества.

Накануне и во время революции 1848 г. Россия становится предметом открытых дебатов в немецкой прессе. Отношение к ней стало своеобразным индикатором политических пристрастий, точкой отсчета для оценки, прежде всего, внутригерманских событий. Россия была необходима как либералам, так и консерваторам для решения основных вопросов конституционного и общественного устройства Германии.

Идеи свободы, равенства и демократии занимали ключевое место в политической полемике того периода. Так, анонимный автор многократно переиздававшегося антирусского сочинения «Тайны России», отстаивая необходимость соблюдения гражданских прав и свобод, писал о российской правовой системе следующее:

«Русское гражданское право несет в себе глубокую печать полуфеодального и потому — варварского общества, для которого, собственно, и было создано. Дворянские привилегии демонстрируются каждое мгновение, и феодальная система оставила свой отпечаток на всех проявлениях общественной жизни»⁵¹.

Доказывая преимущества либеральных ценностей, автор сравнивает положение самых угнетенных слоев населения Европы и России. Крепостным крестьянам он противопоставляет западноевропейский пролетариат, ставящий личную свободу и равноправие намного выше предполагаемой материальной защищенности членов русской крестьянской общины:

«Скорее умереть, чем отдать свою независимость! Свою тяжелую судьбу, полную забот и лишений, рабочие никогда не променяют на сытое, но позорное и бесчестное рабство! Русские, которые никогда не знали наслаждения свободой, должны спросить об этом наш пролетариат»⁵².

В этом критическом суждении о социальном устройстве патриархальной российской деревни одновременно содержится оправдание «язв» капиталистического общества. При этом в отличие от оп-

⁵¹ Geheimnisse von Russland... Bd. 2. S. 61.

⁵² Ibid. S. 61.

тимистических прогнозов XVIII века, либералы не пытались отрицать бедственного материального положения пролетариата, и тем сильнее подчеркивалась ценность демократических свобод и равноправия, если для их сохранения голодные рабочие никогда не поменялись бы участью с «сытыми рабами».

Либеральному восприятию в немецкой политической полемике противостоял аристократический образ России. Неравенство между сословиями консерваторы считали главным элементом «богоугодного порядка». Сохранение этого строя являлось, по их мнению, гарантией «приличествующих званию свобод». Последователи одного из основоположников консерватизма Адама Мюллера не допускали интерпретации свободы в значении общего равенства, или, как потом писали, «эгалитарных презренных прав» политического самоопределения индивида⁵³. Беречь сословный строй как естественно-исторически сформировавшуюся общественную иерархию — «священный долг монархии божьей милостью»⁵⁴. Поэтому в то время как анонимный автор «Тайн России», считал дворянские привилегии признаком варварского общества, автор «Европейской пентархии» К.-Э. Гольдман выражал надежду, что Россия никогда не введет у себя систему либерального равноправия:

«Русское правительство всегда использовало все возможности, чтобы абсолютно не подходящая для России система буржуазного равенства, даже в виде малейшего намека, никогда не появилась на ее территории. Поэтому оно всеми законными способами содействовало укреплению положения суверенов России, дворянства и дворянских собраний, а также сохранению их прав»⁵⁵.

Таким образом, отрицалась ценность либеральных свобод, которые в действительности, по мнению консервативных авторов, способствовали лишь распространению анархии в обществе.

Демократические литераторы “Vormärz”, для которых национализм был революционным принципом, означавшим полный разрыв с монархическим прошлым, создавали образ России как главного врага не только национального объединения, но и демократических преобразований. Они отождествляли политику российских и гер-

⁵³ Neumann. 1930. S. 70.

⁵⁴ Müller. 1989. S. 198.

⁵⁵ Die europäische Pentarchie... S. 352.

манских правящих кругов, призывая, как Фердинанд Фрайлиграт, к революционной войне с царской империей. Обращаясь мысленно к событиям кануна революции, демократический публицист Роберт Прутц писал в 1850 г.:

«Сейчас (имелся в виду 1840 г.) неприятие России перерастает в открытую ненависть, а ненависть — в смертельную вражду. Но народы должны уметь не только любить, но и ненавидеть. Антагонизм необходим для воспитания нации. В этом противостоянии она приобретает сознание своей самостоятельности, а вместе с ним — силу и волю... И потому мы, когда видим, как вдруг в 40-е годы появилось ранее неизвестное нам чувство единства и самостоятельности немецкой нации, должны взять на вооружение эту ненависть к России»⁵⁶.

Русофобия, тесно связанная с национальной идеей и проблемой общегерманской идентификации, окончательно стала частью либерального сознания в Германии.

Консервативные авторы рассматривали русофобию как элемент противостояния политических мифологем — «патриархально-монархическая Россия» и «революционно-демократическая Франция». Государственная система Франции при Луи-Филиппе считалась оппозицией идеалом в области гражданских свобод. Неудивительно, что после этого главным врагом немецкие консерваторы объявили Францию, выдвинув против либеральной русофобии аристократическую франкофобию. Они критиковали демократов за попытку перенести в Германию чуждую немцам, специфически французскую конституционную форму правления, противопоставляя ей политическое устройство России, которое, по мнению многих консерваторов, во многом соответствовало патриархальному духу средневековой Европы до начала Реформации и религиозных войн. Так, А. фон Гакстгаузен считал, что «Россия по своему характеру и сути организована более гармонично и совершенно, чем Франция с ее идеалами, и это не может опровергнуть даже самый большой враг России, если у него есть собственный разум»⁵⁷. Большинство авторов полагало, что Россия, в отличие от Франции, является страной «естественной» демократии, которая заложена в самой основе народной жизни, в частности, в общинном землепользовании. Во главу угла ставились

⁵⁶ Prutz. 1850. S. 88.

⁵⁷ Haxthausen. Op. cit. Bd. 3. S. 370.

стабильность и предполагаемые гарантии материальной защищенности, которые дает крестьянину общинное землепользование, а также невосприимчивость русских крепостных к революционным идеям. Для консерваторов в этой дискуссии образ царской империи служил моделью общества, которую можно было противопоставить либерально-демократическим требованиям создания в Германии социально-политических условий для установления равноправия, экономических свобод и конституционных форм правления, что полностью уничтожило бы основы господства аристократии.

В противоположность революционной агитации литературы “*Vormärz*” консервативные авторы не придавали большого значения проблеме единства нации и выступали с космополитических позиций за приоритет монархического принципа. Истинным воплощением легитимности монархии и прочных религиозных традиций им представлялась патриархальная и монолитная царская империя. Накануне революционных событий 1848 г. консервативная русофилия наряду с принципом легитимности стала играть роль интеграционной идеологии для немецкой аристократии. Отношение к России, как к некоему политическому символу, наряду с восприятием Франции в качестве ее геополитического антипода в Европе, превратилось в определенный водораздел между либеральным и консервативным стилями мышления, что нашло отражение в эволюции образа российского общества в путевых дневниках немецких авторов периода Реставрации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети 18 – первой трети 19 века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 414 с.
- Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг.: Огни, 1916. 487 с.
- Троицкий И. М.* III Отделение при Николае I: жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.
- Юнг-Штиллинг.* Победная песнь христианина. СПб., 1815.
- (*Anon.*) *Das Enthüllte Russland oder Kaiser Nikolaus und sein Reich.* Grimma, 1847.
- (*Anon.*) *Die europäische Pentarchie.* Leipzig, 1839.
- (*Anon.*) *Die Preussen als Gäste in St. Petersburg im Jahre 1834.* Liegnitz, 1835.
- (*Anon.*) *Geheimnisse von Russland. Ein politisches Sittengemälde des russischen Reichs.* Bd. 1. Regensburg, 1844.
- (*Anon.*) *Russische Zustände im Jahre 1840.* Hamburg, 1841.
- (*Anon.*) *Russland und Gegenwart.* Bd. 1. Leipzig, 1841.

- (Anon.) Tagebuch eines preussischen Offiziers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts dasebst bei Einweihung der Alexandersaule. Berlin, 1836.
- Arnim K. v. Reise ins russische Reich im Sommer 1846. Bd. 1-2. Berlin, 1850.
- Baader F. von. Der Morgenländische und Abendländische Katholizismus. Leipzig, 1841.
- Behr A. Meine Reise... nach Odessa, der Krimm und zurück über Moskau, Petersburg ... im Sommer 1832. Bde. 1-2. Leipzig, 1834.
- Benz E. Franz von Baader und Kotzebue: Das Russlandbild der Restaurationszeit // Akademie der Wissenschaften und Literatur: Abhandlungen der Geistes und sozialwissenschaftlichen Klasse. 1957. N. 2. Mainz, Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. 1957. S. 3-41.
- Bismark F.W. Die kaiserlich russische Kiregsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karksruhe, 1836.
- Blasius I. H. Reise in europäischen Russland in den Jahren 1840 und 1841. 2 Bde. Braunschweig, 1844.
- Bomsdorff R. v. Mitteilungen aus dem russischen Feldzuge an einen Offizier des Generalstabes. Leipzig, 1818.
- Budberg L. Reisen eines Russen durch Weiss-, Klein- und Neurusland ... den Kaukasus und Georgien, unternommen im Jahre 1827. Zerbst, 1832.
- Bühler F. Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz. Diss. Freiburg im Brisgau, 1929. 80 s.
- Custine A. Russland im Jahre 1839. Bde. 1-4. Leipzig, 1847.
- Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs / Hrsg. von seiner Tochter Agnes von Gerlach. Bd. 1-2. Berlin, 1891–92.
- Dittenberger Fr. Der Kaiser Alexander in Heigelberg. Heidelberg, 1815.
- Eich U. Russland und Europa: Studien zur russischen Deutschlandpolitik in der Zeit des Wiener Kongresses. Köln-Wien: Böhlau, 1986. 466 s.
- Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von Tschizewskij D., Groh D. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. 560 s.
- Groh D. Russland im Blick Europas: 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt am Main: Suhrkampff Verlag, 1988. 440 s.
- Haxthausen A. v. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Bde. 1-2. Hannover, 1847; Bd. 3. Berlin, 1852.
- Hess M. Die europaische Triarchie. Leipzig, 1841.
- Jerrmann E. Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1845.
- Kohl I. G. Petersburg in Bildern und Skizzen. 3 Bde. Berlin, 1841; Reisen in Inneren von Russland und Polen. 3. Bde. Leipzig, 1841.
- Kolbe E. Russlands inneres Leben. Drei und dreissigjährige Erfahrungen eines Deutschen in Russland. Bd. 1. Leipzig, 1847.
- Ley F. Alexandre I et sa Sainte-Alliance. (1811–1825). Paris: Librairie Fischbacher, 1975. 581 p.

- Ley F.* Madame de Krüdener. 1764–1824. Romantisme et Sainte-Alliance. Paris: Champion, 1994. 467 p.
- List F.* Denkschrift an die osterreichische Regierung “Über die nationalökonomische Reform des Königreichs Ungarn” 1845 //Schriften, Reden, Briefe (Hrsg. von E. Beckerath). 10 Bd. Berlin, 1927–1935.
- Literarisches Wochenblatt von August von Kotzebue, 6 Bde., Weimar, 1819.
- Meissner Ed.* Bemerkungen aus dem Taschenbuche eines Arztes während einer Reise von Odessa durch einen Theil von Deutschland ... Halle, 1820.
- Müller A.* Die Elemente der Staatskunst // Elm L., Buhr M. Konservatives Denken. 1789–1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. 318 s.
- Müller Chr.* Wanderung von St. Petersburg nach Paris im Jahre 1812 durch die deutsch-russischen Provinzen. Leipzig, 1815.
- Müller W.* Russland und seine Völker. Grossrussische Lebensbilder aus Gegenwart und Vergangenheit. Berlin, 1844.
- Neumann S.* Die Stufen des preussischen Konservatismus. Ein Beitrag zum Staats- und Gesellschaftsbild Deutschlands im 19. Jahrhundert. Berlin: Historische Studien, 1930. 190 s.
- Possart P.* Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihrer Umgebung. Heidelberg, 1842.
- Prutz R.* Zehn Jahre. Geschichte der neuesten Zeit 1840–1850. Bd. 1. Leipzig, 1850.
- Rechenberg-Linden E. von.* Westeuropa und Russland in Beziehung auf die Verschiedenheit ihrer Verhältnisse und die gegenwärtigen Zeitereignisse. Leipzig, 1833.
- Reichard C.* Der Passagier auf der Reise in Deutschland zu Paris und St. Petersburg. Reutlingen, 1816.
- Robert E.* Briefe aus dem hohen Norden und dem Innern von Russland, geschrieben auf einer Reise in den Jahren 1838 und 1839. Hamburg, 1840.
- Ruge A.* Gegenwart und Zukunft Europas. Leipzig, 1840.
- Schlegel Chr.* Reise aus Polen nach St. Petersburg. Erfurt, Gotha, 1818.
- Schlippenbach U. v.* Erinnerungen von einer Reise nach St. Petersburg im Jahre 1814. Hamburg, 1818.
- Schneider L.* Preussens und Russlands Genius. Berlin, 1830.
- Tietz F.* Erinnerungsskizzen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. Bd. 1-2. Leipzig, 1836.

Заиченко Ольга Викторовна, к.и.н., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ

К. И. ШНЕЙДЕР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РАННИХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

В статье исследуются исторические взгляды ранних русских либералов середины XIX в. при помощи методологических установок социологии знания. Автор интерпретирует очевидное своеобразие концептуальных подходов либералов к изучению национального прошлого и специфику их восприятия достижений европейской цивилизации. Кроме того, в работе обосновывается релевантность рассмотрения раннего русского либерализма в качестве самостоятельного интеллектуального феномена в истории отечественной общественной мысли.

Ключевые слова: история России, ранний русский либерализм, европеизация, западничество, «охранительный либерализм».

У начальной истории русского либерализма, безусловно, незавидная историографическая судьба. После длительного периода забвения и критики, казалась бы, появилась возможность свободно обсудить все перипетии ее сложного пути. И надо сказать, что в середине 1990-х гг. это почти удалось сделать. Однако полемика осталась незавершенной, а интерес к отечественной либеральной традиции сегодня катастрофически снизился как в академической среде, так и в обществе в целом. В настоящее время российское либераловедение сродни работе этнографов, занятых «насыщенным описанием» архаичных феноменов. Излишне напоминать, что рано или поздно эта ситуация должна измениться к лучшему, хотя бы в силу потребности в оглашении конвенциональных подходов к рассмотрению ранней истории российского либерализма в экспертном сообществе.

И тогда специалисты неизбежно вновь обратятся к историческим представлениям тех, кого можно считать основателями либеральной традиции в России. Для автора ими остаются К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, наследники интеллектуальной традиции одного из столпов западничества 1840-х гг. Т. Н. Грановского. Этот круг существенно расширили известные мыслители середины XIX столетия — П. В. Анненков, И. К. Бабст, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, Е. Ф.

Корш, оставившие заметный след в истории эстетики, литературоведения и эссеистики.

Феномен раннего русского либерализма может быть описан в терминах социологии знания, в соответствии с которой любая реальность, в том числе и ее теоретическая область, социально конструируется¹. Знания об обществе, с одной стороны, объективируются в продуктах человеческой деятельности, а с другой, подвержены процессу непрерывного обновления. Таким образом, наши представления о социуме, одновременно, институционально объективированы и субъективно формируемы. В случае с ранним русским либерализмом это означало знакомство отечественных мыслителей середины XIX в. с историей европейской либеральной традиции и моделирование национального варианта, отличного от «канонического».

В этой связи очень важно осмыслить механизм поддержания субъективной реальности, так как именно он обеспечивает устойчивый характер идентификации индивида. Среди главных условий его функционирования следует назвать существование феномена «значимых других», позволяющего перевести статичное состояние действительности «лицом к лицу» в динамичное положение ее социального переопределения, а также среду и язык, то есть возможность проговаривать результаты своего опыта. Для основателей русского либерализма в роли «значимых других» выступали представители западной интеллектуальной элиты и собственное немногочисленное окружение, подтверждавшие их идентичность в периоды тесного общения и полемики друг с другом.

Историософские представления ранних русских либералов базировались на идее прогресса и линейности общественного развития. В их основе — взгляд на всемирную историю как на «постепенное восхождение человека от грубых и односторонних потребностей к другим, более и более утонченным и многосторонним»². Кроме того, в многочисленных работах отечественных либеральных мыслителей середины XIX в. постоянно присутствовала мысль о существовании коренных исторических законов, нарушать которые никому не под силу. По этому поводу достаточно ясно высказался еще Грановский, отождествивший закон с целью, к которой неудержимо идет все человечество. Именно он привнес в раннелиберальный дискурс не только

¹ См.: Бергер, Лукман. 1995.

² ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 13об.

образ раз и навсегда детерминированного прошлого, настоящего и будущего, но и идею высшего нравственного начала. По его мнению «над всеми открытыми наукой законами исторического развития царит один верховный, то есть нравственный закон, в осуществлении которого состоит конечная цель человечества на земле». «Высшая польза истории заключается, следовательно, в том, что она сообщает нам разумное убеждение в неминуемом торжестве добра над злом»³.

В самом общем виде прогрессистский взгляд на исторический процесс разделяли все ранние русские либералы. Вместе с тем, в либеральной среде возникали разные коннотации при его преломлении к действительности. Если Кавелин, вслед за Грановским, пел гимн личности, которая, несмотря на predeterminedность истории, всегда являлась главной креативной силой в построении моделей социального продвижения к цели, то Чичерин, отдавая должное человеку и его творческой энергии, чаще артикулировал идею подчинения частной воли законам, независимым от нее и направляющим ее. Он предпочитал рациональный, «правильный», близкий к идеальному исторический маршрут неизбежной, постоянной, но, в конечном итоге, «вредной» стихии человеческих страстей. Скорее всего, эти не слишком очевидные противоречия нюансировали различия в подходах к обсуждению метафизической роли общего и индивидуального в истории.

Личность в историософских размышлениях отечественных либералов занимала традиционно заметное место. Все были согласны с тем, что «отрицать влияние личности на историю невозможно: человек, стоящий на вершине общества, может иногда ускорить или замедлить движение, дать развитию мирный или насильственный ход, действовать средствами нравственными или безнравственными»⁴. Либералы искренне верили в нравственную составляющую истории, как в доминирующий фактор и глубинный смысл развития в целом. Следовательно, именно личность детерминировала, пусть даже ценной многочисленных ошибок, аксиологически выверенный вектор человеческого прогресса. Наконец, сама история представлялась либералам как нечто созданное и творимое личностью, которой давался увлекательный, но, вместе с тем, ответственный шанс на преобразование самой себя в будущем.

³ Грановский. 1900. С. 605.

⁴ Чичерин. 1857. Т. 10. Кн. первая. С. 748.

Даже на фоне приверженности идее господства в социальном мире неизменных законов ранние русские либералы не уставали артикулировать мысль о рукотворном характере исторической судьбы того или иного народа. «Люди или предугадывают общественные потребности и мудро направляют в этом смысле свои действия; или они отступают перед задачей, и, увлекаясь разными побуждениями, отклоняются от предстоящего, ближайшего дела»⁵, — утверждал Кавелин. А в качестве наглядного примера приводили революционные потрясения, считая их разрушительными и налагая на них профессиональное проклятие. Пожалуй, единственную пользу радикальных теорий русские либералы видели в диагностировании болевых точек общественного организма, прописывая ему, однако, принципиально иные способы их лечения.

Не менее настойчиво они высказывались по поводу экспертных возможностей академического сообщества, призванного исследовать и объяснять разнообразные артефакты прошлого. И здесь основополагающие подходы к их изучению были высказаны еще Грановским в его знаменитых лекциях по истории средневековья. Среди них — требование беспристрастности, то есть отсутствия заранее подготовленной интерпретационной схемы уже на начальном этапе работы. Либералы последовательно осуждали любое проявление догматизма и субъективизма в историческом ремесле, призывали к предельной объективности и отстраненности от объекта своего научного интереса. Для многих современных историков до сих пор актуально звучат слова Чичерина: «когда мы изучаем историю какого бы то ни было учреждения, мы должны, прежде всего, отделиться от настоящего и рассмотреть, при каких оно возникло условиях, какая была причина существования такого порядка вещей?»⁶.

С другой стороны, ранние русские либералы не лишали профессионалов права высказывать собственную точку зрения. Более того, иногда в либеральной среде середины XIX в. звучали экзотические призывы обратиться к «подлинным» источникам знаний человека о своем прошлом, благодаря которым только и возможно познать реальную повседневную жизнь общества. К ним Боткин, например, относил искусство в целом и поэзию в частности, способные, в отличие

⁵ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 1182.

⁶ Чичерин. 1858. С. 143.

от истории, передать внутреннюю жизненную силу фактов⁷. При этом сам он неоднократно подчеркивал доминирующую роль неизменных социальных законов, неподвластных человеческому разуму.

В целом историческая герменевтика раннего русского либерализма опиралась на идеальную модель телеологически выстроенного развития нравственного и личностного начал в обществе. Все это как раз и являлось сущностью «коренных» законов истории, по мнению отечественных либералов, нередко пессимистично настроенных по поводу способности индивида познать их. Вместе с тем, они не отрицали принципиальную возможность исследования всего социокультурного разнообразия жизни и даже попыток проникновения в его метафизический мир. Подобные размышления, скорее всего, соответствовали широко распространенным в XIX столетии представлениям об истории как о «главной науке». Еще Грановский утверждал, что «она наука сложная и вместе простая: сложная потому, что в состав свой принимает все другие науки, ибо она требует многостороннего обозрения, и простая потому, что требует простого взгляда, отсутствия всех предрассудков, предубеждений, ложных толкований, парадоксов и всяких чисто самолюбивых толков»⁸.

Наконец, либералы верили в существование «большого нарратива», то есть единой истории человечества и в способность профессиональных экспертов рационально объяснить почти все сложности ее длительного развития. Признаки этой «универсальной истории» легко заметить, например, в рассуждениях Бабста: «История идет не прямым путем, но делает большие обходы. То быстро шагнет она вперед, то вдруг надолго остановится, и бросится, по-видимому, назад. На первый взгляд покажется, что это от недостатка силы, от утраты веры в будущее. Нимало. В истории, точно также как и в природе, есть своя экономия. Она часто должна оглядываться назад, поджидать своих отсталых и терпеливо пытаться вопросы, забытые ею. Скачков в истории нет, а ежели они и бывают, то не долговечны»⁹. Кроме того, можно вспомнить знаменитую «государственную школу» в отечественной историографии, прославившую имена Чичерина и Кавелина и ориентированную на метаэстетическое восприятие общественных процессов.

⁷ Боткин. 1984. С. 196.

⁸ Грановский. 1986. С. 239.

⁹ Бабст. 1856. С. 7.

Удачным и естественным полигоном для реализации методологических установок раннего русского либерализма стала отечественная история с ее зачастую неочевидной каузальностью событийной хроники. Нередко это обстоятельство служило одним из серьезных аргументов в пользу вывода о национальной исключительности России, о чем предупреждали и чего опасались либералы середины XIX в., которые стремились изучать свое прошлое непременно как часть всемирного наследия. С другой стороны, их европоцентризм не заслонял им противоречивую картину и несхожесть «лицом к лицу» исторических судеб Запада и России. По мнению Кавелина, «наше движение историческое — совершенно обратное с европейским», и если последнее началось с «блистательного развития индивидуально-начала, которое более и более вставлялось, вдвигалось в условия государственного быта», то у нас «история началась с совершенного отсутствия личного начала, которое мало по малу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться»¹⁰.

Среди причин такого несовпадения либералы чаще всего называли обширную и малонаселенную древнерусскую территорию, ее периферийное по отношению к Европе географическое положение, доступность вторжению кочевых племен с Востока. Наряду с этим практически не существовало близких контактов с более просвещенными народами, способными даже насильно познакомить наших предков с результатами своего развития. В итоге, по логике ранних русских либералов, «на своей почве мы не имели предшественников, а если и имели, то таких, от которых нам нечего было заимствовать»¹¹. Вообще, в раннелиберальном дискурсе символическое «проклятие» расселения и местоположения соотечественников в древнюю эпоху напрямую связывалось с их исторической неукорененностью, то есть, в отличие от Европы, отсутствием какой-либо базовой, локально опознаваемой протокультурной традиции.

Собственный взгляд на историю либеральные мыслители облекли в постулаты «государственной школы». Начальные страницы прошлого своих предков они связывали с родовым периодом и господством кровных отношений, главной особенностью которого было полное отсутствие каких-либо признаков пробуждения личности в дохристианское время. На смену монополии рода пришел «семейный

¹⁰ Кавелин. 1897. Т. 1. С. 581.

¹¹ Там же. С. 13-14.

мир» и гражданское общество, наполненное, как считали либералы, бесконечными примерами «семейно-родственного» удельного эгоизма. Однако личность, все еще не осознавшая на данном этапе свою самостоятельную «особость», оказалась не в состоянии создать прочную и стабильную систему договорных отношений, в чем либеральные мыслители видели одно из основных отличий отечественной истории. «Дружина... была кочевая; бояре и слуги переезжали с места на место. То же самое делали и крестьяне; это было всеобщее брожение по всей Русской земле. Князья первыми сделались оседлыми, и они-то стали собирателями земли, и впоследствии созидателями государства»¹², — утверждал Чичерин. Таким образом, удельный период с его правом свободного отъезда и запутанными межкняжескими соглашениями, не мог создать, не в пример Европе, юридически закрепленный порядок в поземельных отношениях и повседневном быту, сохраняя, согласно русским либералам, архаичную преемственность с прошлым. В частности, Кавелин не считал возможным сравнивать русское и европейское средневековье, потому что мы «так мало еще выработались в то время из кровного, родственного элемента, что князья в спорах между собою ссылались на степени родства, как на кодекс своих взаимных отношений; о твердом гражданском уставе еще не было и речи...»¹³. Он видел в этой рыхлой, неструктурированной исторической почве одну из главных причин беспрепятственного поглощения личностного начала территориальным во время становления Московской государственности.

Кроме того, либералы неоднократно указывали на особенности повседневного восприятия верховной власти уже на ранних этапах формирования нового государства. Например, традиционная архаика и отсутствие устоявшихся юридических норм и правил привели к перенесению «домашней дисциплины» прежней эпохи на институциональный образ царского престола. Монарх, по мнению либералов, скорее ассоциировался с «домовладыкой», общественно признанным и знакомым в народной культуре типом господства и управления, став впоследствии олицетворением и воплощением государства в целом. В итоге, как считали либеральные мыслители, своеобразная внутренняя природа вотчинной Руси породила юную

¹² Чичерин. 1856. Т. 3. Кн. вторая. С. 212.

¹³ Кавелин. 1897. Т. 1. С. 567.

Московскую державу, во многом сохранившую генетическую связь со своей прежней исторической матрицей.

Вместе с тем, они высоко оценивали сам факт создания государства как высшей формы социальной жизни и «поворотной точки» развития русской истории. «Появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности, следовательно началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного, общественного быта»¹⁴, — убеждал Кавелин. При этом либералы обращали внимание на принципиально невысокий уровень конфликтности при проведении объединительной политики московскими властителями, объясняя это, с одной стороны, стремлением последних не разрушать основ средневекового уклада жизни, а, с другой — предельной аморфностью корпоративных интересов и политической разрозненностью ее противников.

Релевантность этих выводов подтверждал Чичерин, заявляя, что «без переворота, даже без указа, бояре и служилые люди из вольных слуг сделались крепостными и стали писаться холопами. Дело в том, что требованиям государства ни бояре, ни крестьяне не могли противопоставить такого деятельного сопротивления, как например феодальные владельцы на Западе»¹⁵. Идея тотального закрепощения верховной властью сословий и их последующего раскрепощения приобрела в его рассуждениях об отечественной истории концептуальный характер. Таким образом, одной из ярких особенностей происхождения русской государственности, по мнению Чичерина, являлось монопольное право центра на ее конструирование сверху в ущерб какой-либо народной самодеятельности снизу, закономерно не получившей должного развития в удельный период.

И все же, несмотря на очевидное своеобразие, появление государства большинство ранних русских либералов считало выдающимся итогом сложного пути национальной истории, после чего она «неудержимым потоком, в стройном развитии, движется до нашего времени. Направления более или менее изменяются, встречаются и отклонения в сторону, но общий характер движения один. Каждая позднейшая эпоха является последовательным развитием предыду-

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Чичерин. 1856. Т. 3. Кн. вторая. С. 256.

щей, представляет ответ на сделанный ею вопрос. Все они имеют одну цель, одну задачу — устройство государства»¹⁶. В целом, для России, с точки зрения либералов, это событие означало не только билет в далекое будущее, но и вступление в число действительно исторических народов, обретших свое истинное предназначение.

В славянском мире успешный державный опыт был довольно редким явлением, о чем ранние русские либералы писали, обсуждая место и роль России среди единоплеменных народов. Многие из них в водовороте трагических событий не смогли защитить и сохранить собственную государственную судьбу, потеряв уникальный шанс на самостоятельное историческое развитие. Кавелин даже рассматривал Россию как уникальный феномен «славянского государства», пережившего в отличие от других соплеменников многочисленные внешние и внутренние угрозы. И если рассуждения Кавелина имплицитно связаны с его известными в разные годы жизни симпатиями к славянофильской риторике, то Чичерин всегда оставался последовательным оппонентом отечественных любителей старины. Однако и он достаточно ясно утверждал: «Государственные народы одни имеют высшее сознание и силу, одни призваны играть роль в истории. Государственные народы — венец человечества. Оттого... мы, Русские, не остались на степени Болгар, или Хорват. Государственный смысл русского народа раскинул Россию на то необъятное пространство, которое составляет для нас отечество и дал ему возможность играть историческую роль, которой может гордиться русский человек»¹⁷.

С другой стороны, либералы никогда не отказывали себе в желании актуализировать тему несхожести русской и европейской истории, многочисленных особенностей отечественного пути развития не только в период образования Московского государства, но и позже вплоть до петровского времени. Практически все их размышления по этим проблемам отталкивались от идеи тотального доминирования верховной власти. Тогда как на Западе отношения подданства формировались на основе традиции, идущей со времен Римской империи, в России, на взгляд либералов, единственным образцом была восточная деспотия, в которой элементы права неизбежно исчезали в процессе институционализации монархического

¹⁶ Чичерин. 1858. С. 380-381.

¹⁷ Он же. 1861. С. 9.

начала. Констатация данного факта не вызывала у основателей русской либеральной традиции никакого оптимизма, однако выносить окончательный приговор российской истории они не спешили.

Неудивительно, что взоры либералов обратились к верховной власти, естественному и безальтернативному организатору всей общественной жизни в России. Они связывали великие достижения отечественной истории исключительно с монархией, обеспечившей в итоге достойное представительство страны в европейском сообществе. При этом никто из них не питал иллюзий относительно скудости внутренних условий к саморазвитию национального социума, полагаясь, в основном, на внешние импульсы к приобретению общественной динамики. «Мы вполне соглашаемся с тем, что старая, допетровская Россия представляла из себя государство слабое и нестройное, что она перенесла великие страдания от чужеземного ига, от междоусобий, от своего одиночества в Европе, невежества и дурного порядка в своем управлении. Мы готовы верить тому, что старая Россия, как больной в поэме Данта, поминутно ворочалась на одре своем и каждым движением увеличивала свои страдания»¹⁸, — считал Дружинин.

Именно Петр Великий сыграл роль внешней силы, преобразователя и «первого европейца» в России, за что в и был канонизирован в мировосприятии отечественного «либерального семейства». Для самоидентификации раннего либерализма весьма примечательно искреннее преклонение перед личностью Петра I. Он воспринимался в качестве антитезы архаике удельной и московской Руси, с их замкнутостью, периферийностью и непрактичностью. Император изображался победителем в решающей схватке с тяжким грузом прошлого, навсегда обрекавшего страну на безвестную и безысходную судьбу. Но прежде всего либералы были очарованы той, нередко домысленной ими, свободой, с которой Петр творил имперскую историю России. Для них это было сродни работе выдающегося скульптора, высекающего контуры неведомого еще монумента.

Либеральные мыслители середины XIX в. последовательно защищали этикетистскую модель преобразовательной политики в России, так как «личное начало могло быть вызвано, пробуждено к нравственному, духовному развитию только извне и только начиная с высших слоев, потому что внутри, в частной и гражданской жизни, не

¹⁸ Дружинин. 1983. С. 215.

было для этого элементов. Это пробуждение выразилось, в начале XVIII в., в Петре Великом. Петр — первая свободная великорусская личность, со всеми ее характеристическими чертами: практичностью, смелостью, широтою, и со всеми недостатками, обусловленными тою средою, и теми обстоятельствами, при которых она появилась»¹⁹.

Таким образом, исчезнувшая в эпоху складывания Московского государства индивидуальная свобода, согласно логике либералов, возродилась в петровское время и персонифицировалась в фигуре первого русского императора. Его личность в либеральном дискурсе середины XIX в. ассоциировалась не просто с определенной границей или рубежом в отечественной истории, но с ее квинтэссенцией, долгожданым началом заполнения пустой общественной формы культурно значимым содержанием. Поэтому нередко доимперское прошлое России либералы воспринимали исключительно как необходимый подготовительный этап в социальном движении к высшей цели, благодаря которой возможно выживание и развитие социума.

Иногда подобные размышления высказывались в весьма образной и эмоциональной форме. В частности, Боткин писал: «Перебирая русскую историю до Петра, мы не находим ни одного лица, которое могло бы сосредоточить на себе симпатию истинного художника, кроме разве дико колоссального лица Грозного, этой живой кары, которую на гибель свою создала из себя задыхавшаяся в азиатизме своем русская субстанция. Что же касается до Петра, то едва ли во всемирной истории есть другое лицо, в представлении которого живопись могла бы явиться в большом своем могуществе»²⁰.

Либералы постоянно связывали собственные представления о будущей, по-европейски свободной России с деятельностью сильного государства как в ближайшей, так и в относительно длительной временной перспективе. Применительно к отечественной истории именно Петр I помог им впервые сформировать образ просвещенного монарха, свободного от тяжелого бремени традиции и, одновременно, наделенного неограниченной властью. В конечном счете, в рождении империи основатели русского либерализма видели единственный шанс на европеизацию России и превращение этого внешнего импульса в творческую силу внутреннего переустройства общества.

¹⁹ *Кавелин*. 1897. Т. 1. С. 575-576.

²⁰ *Боткин*. 1893. Т. 3. С. 116.

Уже в середине XIX в. очевидный этатизм ранних русских либералов вызвал жесткую критику многочисленных оппонентов, в том числе в их собственной среде. Прекрасно осознавая это, либералы, тем не менее, продолжали в разной степени отстаивать идею социальной модернизации России «сверху», ни в коем случае не отрециваясь от родовых либеральных ценностей. В акцентированной роли государства они видели не идеал, а исключительно способ максимально быстро сократить разрыв с цивилизованным Западом руками самодержавной, но неизбежно европеизировавшейся власти. «Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития; власть насильно насаждала просвещение, обнимая своей деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта»²¹, — утверждал Чичерин.

Одновременно либералы всемерно приветствовали распространение в России достижений и ценностей западной цивилизации, а также саму возможность превратиться в прилежных учеников у ведущих держав Европы. Петровская эпоха дала старт этому важнейшему с их точки зрения процессу, результаты которого можно было лицезреть уже в начале следующего века. И действительно, XVIII в. русской истории завершился в екатерининский период своего рода социокультурным прорывом, получившим необходимые признаки институционализации в политике «просвещенного абсолютизма». Поэтому вполне убедительно звучали слова Кавелина о том, что «...безусловное заимствование европейской цивилизации и ученическое отношение к западному миру, характеризующие эпоху русской истории от Петра до первой четверти XIX в., было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они так долго поглощали наши силы без всякой внешней необходимости. Россия вошла в число европейских государств, тесно соединила с ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого нового братства»²².

В целом, отцы-основатели русского либерализма последовательно защищали идею общности исторических судеб народов в преодолении сугубо национального прошлого посредством интеграционных процессов на качественно новом уровне общественного развития. Однако они никогда не отрицали своеобразия и вариативности в соци-

²¹ Чичерин. 1862. С. 166.

²² Кавелин. 1859. Ч. 2. С. 52.

альном движении, наличия в нем разнообразных маршрутов, ведущих к процветанию и благоденствию. Для них не подлежало сомнению, что история каждой отдельно взятой страны до определенного времени наполнена неповторимыми сюжетами и колоритом автохтонности.

Вместе с тем, будучи сторонниками европоцентризма, они свои собственные представления об идеальном социуме сверяли исключительно с образцами ведущих западных государств. В конечном счете, либералы видели в восприятии вершин европейской цивилизации единственный путь к общей для всех цели. «С образованием, с развитием, с цивилизацией сглаживаются народные отличия. И не слагая с себя своего типа, не отрешаясь от народности, каждый народ, принимающий плоды цивилизации, работает сам усердно над сглаживанием и уравниванием всех резких и угловатых особенностей своего быта, дабы вступить в общую семью европейскую и стать в ряды носителей цивилизации»²³, — писал Бабст о своих заграничных впечатлениях.

Другое дело, либералы, особенно второго ряда, часто сетовали на пренебрежительное отношение многих европеистов к национальным традициям и вероятности их утраты в ближайшем будущем. Нередко они задумывались над внутренними смыслами категории «цивилизация» в связи с противопоставлением национального и общечеловеческого в историческом континууме и выносили нелицеприятный приговор адептам прогресса. В частности, это можно отнести к Боткину, который, признавая все преимущества цивилизационного пути, отмечал и его немалые издержки, стремление «стереть национальную одежду, обычаи, — словом, то, что больше всего лежит к сердцу народа»²⁴. Порой подобные рассуждения завершались филиппикой некоторых либералов в адрес их непримиримых оппонентов из круга славянофилов и осуждением тотального космополитизма.

В конечном счете, ностальгическое настроение, посещавшее либералов, как правило, на лоне русской природы или во время длительных заграничных путешествий, неизбежно сменялось западнической риторикой. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что петровская европеизация не привела и еще долго не могла привести к системным социальным изменениям в русском обществе, в структурах его повседневности. Поэтому достаточно длительный период в

²³ *Бабст*. 1859. С. 569.

²⁴ *Боткин*. 1976. С. 99.

отечественной истории, по мнению либеральных мыслителей, европейское начало причудливо соседствовало с традиционным. Кавелин точно описал этот феномен: «Начиная с XVIII века и до первой четверти XIX, русское общество представляло странную, пеструю смесь европейского с древнерусским, нового с старым; оба элемента иногда сталкивались, чаще жили мирно один возле другого; учреждения, нравы, понятия, все носило на себе двойственную печать этих несогласных, лишь механически сосуществовавших начал...»²⁵.

Но главное событие в русской истории для либералов, несомненно, произошло — появление империи окончательно интегрировало страну в каркас европейской модели развития. К концу петровской эпохи точка невозврата была уже пройдена и верховная власть насильно, раз и навсегда превратила Россию из периферии цивилизованного мира в его составную часть. Можно дискутировать о преимуществах и недостатках имперского пути отечественной истории, однако аргументы либералов в пользу безальтернативности данного выбора применительно к реалиям первой четверти XVIII в. до сих пор звучат весьма убедительно.

Либералы не сомневались в том, что в XIX в. Россия вступила уже в иной статусе. Очевидные внешнеполитические успехи в расширении государственной территории в предшествующий период все настоятельнее ставили в повестку дня задачу ее внутреннего обустройства. Скорее всего, надежды основателей русского либерализма были связаны с продолжением екатерининской политики «просвещенного абсолютизма», опиравшейся на основные положения известной концепции «истинной монархии» Ш. Л. Монтескье. Кроме того, они придавали немаловажное значение рецептам политэкономии А. Смита и утилитаризма И. Бентама.

В целом, дальнейший процесс европеизации России зависел, по мнению либералов, от способности верховной власти к восприятию исторического опыта ведущих западных держав и от готовности российского социума к его практическому освоению. При этом не удивительно, что либералы высоко оценивали шансы центра на плодотворную созидательную деятельность и скептически относились к перспективам общественной рефлексии в период рецепции европейских ценностей. «Мы с горестью сознаем, что, несмотря на внешнее

²⁵ ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 4об.

наше величие, мы перед народами европейскими все еще ученики; мы видим, что еще много и много нам предстоит работы прежде, нежели мы в состоянии будем помериться с этими могучими бойцами, владеющими всеми средствами образованного мира»²⁶, — утверждали Кавелин и Чичерин в своем известном письме к А. И. Герцену.

И причины крылись не только в экономической или институциональной отсталости от государств-локомотивов западной цивилизации. Либералы осознавали необходимость длительного культивирования новых социокультурных нормативов на малопродуктивной российской почве. Сложно представить себе результативное усвоение даже «значимой другой» европейской традиции в ином обществе, если в нем нет осязаемых представлений о повседневной жизни человека, неподконтрольной какой-либо внешней силе. Что касается России, то Анненков резонно задавался вопросами: «Частная жизнь наша, с идеями и стремлениями, живущими в ней, может стать, еще очень тоща и хила в сравнении с могучими деятелями, окружающими ее; может стать, она не представляет достаточной упругости для того, чтоб выдержать напор какого-либо влияния извне? Может быть, она слишком скоро отступает перед всяким заявлением права, как бы произвольно, незаконно и даже малосильно ни было оно?»²⁷.

Эти и другие особенности социально-политического и культурного ландшафта России середины XIX в., безусловно, усиливали этатистские настроения в либеральной среде. Во второй половине 1850-х гг. либералы с явным оптимизмом воспринимали реформаторские сигналы «сверху» и настойчиво убеждали оппонентов и самих себя в способности власти начать системные преобразования в стране. Они с нетерпением ожидали и восторженно встретили отмену крепостного права в России, сделавшую их преданными союзниками просвещенных действий самодержавного режима. Более того, либералы настаивали не просто на поддержке, но и на защите достижений 1861 г. от не в меру ретивых поклонников перманентных изменений. В частности, Чичерин, демонстрируя озабоченность, заявлял: «Теперь истинный либерализм измеряется не оппозицией, не прославлением свободы, не передовым направлением, а преданностью «Положению» 19-го февраля, которое освободило 23 миллиона

²⁶ Опыт русского либерализма... 1997. С. 27.

²⁷ Анненков. 1859. Ч. 1. С. 254.

русских людей и оградило все их существенные интересы. Этого же должно держаться и разумное охранительное мнение. Консерватизм и либерализм здесь одно и то же»²⁸. Он считал, что самое главное — утвердить неизбежность либеральных начал в русской жизни и только затем перейти к их последующему развитию.

В начале 1860-х гг. Чичерин оформил свои размышления в концепцию «охранительного либерализма», представив, тем самым, первый вариант национальной либеральной программы. Он открыто провозгласил соединение сильной просвещенной власти с классическими ценностями либерализма единственным средством успешной европеизации России в обозримом будущем. «Охранительный либерализм» Чичерина был генетически связан с «просвещенным абсолютизмом» еще екатерининских времен и стал его «лебединой песней» в истории отечественной мысли XIX в.

Эпоха Великих реформ давала уникальный шанс Чичерину теоретически обосновать правомерность распространения одновременно и этатистских настроений, и реформаторских ожиданий в российском обществе. Ему удалось создать такой образ социальной реальности, который максимально учитывал с одной стороны, все потенциальные достижения преобразовательной политики верховной власти, а с другой — скудость национальных условий для саморазвития. Одной из отличительных черт отечественной истории в сравнении с европейской традицией Чичерин считал преобладание в ней властного начала. Помимо других причин он объяснял эту особенность этнопсихологическим фактором, а именно тем, что русский человек «всегда был способен подчиниться, жертвовать собой, выносить на своих плечах тяжелое бремя на него возложенное, нежели становиться зачинателем какого бы то ни было дела»²⁹. Чичерин искренне сожалел о той незначительной роли, которую в истории России играли общественное мнение и общественная инициатива.

Таким образом, Великие реформы, по мнению ранних русских либералов, стали новой точкой цивилизационного роста в продолжавшемся процессе европеизации России. В данной ситуации либералы больше всего опасались демократических вызовов «слева» и ультраконсервативной реакции на изменения «справа». Все тот же

²⁸ Чичерин. 1862. С. 181.

²⁹ Чичерин. 1862. С. 165.

Чичерин призывал к активному противодействию любым безрассудным требованиям анархического содержания. Вместе с тем, он считал, что «охранительное направление в обществе не может и не должно отказать власти в своем сочувствии и в своей поддержке, при виде тех громадных реформ, которые ею совершаются, того желания добра, которое проявляется во множестве либеральных мер»³⁰.

Большинство либеральных мыслителей середины XIX в. связывали ближайшую историческую перспективу страны с проведением разумного либерально-консервативного курса. Однако это вовсе не исключало разнообразных дискуссий и наличия очевидных противоречий в раннелиберальном сообществе. В частности, споры по вопросу о целесообразности усиления централизации власти развели по разные стороны Чичерина и Корша с Кавелиным. А резкое письмо Чичерина с обвинениями в радикализме в адрес Герцена и фактический разрыв их отношений вызвали бурную негативную реакцию со стороны Кавелина, Анненкова и Бабста. Наконец, несоответствующими оказались подходы Кавелина и Чичерина к проблеме сохранения крестьянской общины в России.

Кроме того, либералы были встроены в общую историографическую традицию изучения всеобщей и, особенно, российской истории, включавшую такие имена, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский, М. П. Погодин, Т. Н. Грановский. Поэтому формирование исторических взглядов ранних русских либералов происходило под влиянием, с одной стороны, уже существовавших представлений о национальном прошлом, а с другой, в процессе их профессиональной корректировки в период жестких интеллектуальных столкновений с оппонентами.

Критику либералов «справа» представляли такие издания как «Москвитянин», «Русская беседа» и апологеты теории «официальной народности» в среде университетской профессуры. Заметную контрлиберальную оппозицию на данном направлении составляли славянофильствующие эксперты исторического знания. Отношения между противоборствующими силами нередко были напряженными, о чем свидетельствуют резкие высказывания Грановского еще в середине 1850-х гг., которые чуть позже воспринимались либералами скорее как «завещание учителя». В частности, он писал о славянофилах:

³⁰ Там же. С. 168.

«Эти люди противны мне как гробы. От них пахнет мертвечиной. Ни одной светлой мысли, ни одного благородного взгляда. Оппозиция их бесплодна, потому что основана на одном отрицании всего, что сделано у нас в полтора столетия новейшей истории»³¹. Правда, следует отметить, что во второй половине 1850-х гг. общая атмосфера в мире публицистики несколько смягчилась, но с началом Великих реформ противоречия между оппонентами стали непреодолимыми.

Критика либерализма «слева» персонифицировалась в фигуре Герцена и журнале «Современник» в образе Н. Г. Чернышевского. В периодически возникавшей полемике в прессе в конце 1850-х – начале 1860-х гг. заметную роль среди либералов сыграли Кавелин, Чичерин, Бабст, Боткин, отвергавшие любые рецепты радикального преобразования российской действительности. Для них, несмотря на личные симпатии и уважение к Герцену, подобные призывы ассоциировались с гибельным маршрутом в царство анархии и хаоса.

В итоге, ранние русские либералы приняли самое непосредственное участие в разработке канонических положений «государственной школы» в отечественной историографии. Национальное прошлое виделось им как длительный путь к исторической самореализации социума, вершиной которой либералы считали государство. Далеко не все народы смогли осилить или успешно пройти его и достичь желанной цели. Победителями, по мнению либералов, оказались ведущие европейские державы, прежде всего, Англия и Франция, определившие на тот период содержание понятия «цивилизация».

Россию либералы относили к странам с ярко выраженной харизмой верховной власти, способной к выполнению исключительной миссии по интеграции государства в живительную европейскую среду. Поэтому Великие реформы основатели русского либерализма встретили с нескрываемым оптимизмом и в качестве яркого свидетельства своей исторической правоты.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анненков П. В. О деловом романе в нашей литературе // Атеней. М., 1859. Ч. 1. № 2.

³¹ Т. Н. Грановский к К. Д. Кавелину. 1897. Т. II. С. 456-457.

- Бабст И. К.* О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита. СПб.: (Из журнала Министерства Народного Просвещения. 1856. № 4.) 1856.
- Бабст И. К.* Три месяца за границей. Письмо шестое // Атеней. № 8. 1859.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум». 1995.
- Боткин В. П.* Литературная критика; Публицистика; Письма. М.: Советская Россия. 1984.
- Боткин В. П.* Письма об Испании. Л.: Наука. 1976.
- Боткин В. П.* Сочинения. СПб.: журн. «Пантеон лит.». 1893. Т. 3.
- Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28-го октября 1861 года профессором Б. Н. Чичериным. М.: В университетской типографии.
- Грановский к Кавелину. Москва, 2 октября 1855 года // Т. Н. Грановский и его переписка. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 1897. Т. II.
- Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М.: Наука. 1986.
- Грановский Т. Н.* Сочинения Т. Н. Грановского. М.: Тип. А. И. Мамонтова. 1900.
- Дружинин А. В.* Литературная критика. М.: Советская Россия. 1983.
- Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 1897. Т. 1.
- Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича 1898. Т. 2.
- Кавелин К. Д.* Сочинения К. Д. Кавелина. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин. 1859. Ч. 2.
- Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон. 1997.
- ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 4об, 13об.
- Чичерин Б. Н.* Критика г. Крылова и способ исследования «Русской беседы» // Русский вестник. Т. 10. Кн. первая. М., 1857.
- Чичерин Б. Н.* Несвободные состояния в Древней России // Русский вестник. Т. 3. Кн. вторая. М., 1856.
- Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862.
- Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М.: В тип. Эрнста Барфкнехта и комп. 1858.

Шнейдер Константин Ильич, к.и.н., доцент кафедры древней и новой истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета; kshneyder@yahoo.com.

И. В. КРЮЧКОВ

**КАРЛ МЕНГЕР В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ АВСТРИИ
(60-е гг. XIX – начало XX вв.)**

Цель статьи — исследование основных событий из жизни выдающегося австрийского ученого и политического деятеля Карла Менгера, оказавшего огромное влияние на дальнейшее развитие европейского либерализма и методологии социальных наук. К. Менгер изучая политэкономическую проблему — теорию субъективной ценности вышел на необходимость проведения исследований на микроуровне в экономических и гуманитарных науках. Показан исторический и интеллектуальный контекст Австрии последней трети — начала XX вв., который оказал влияние на деятельность и формирование взглядов К. Менгера. Особое внимание в статье уделяется «спору о методе» К. Менгера с представителями немецкой исторической школы.

Ключевые слова: Австрия, либерализм, историзм, политэкономия, модерн, империя, метод.

Карл Менгер принадлежит к замечательной плеяде австрийских ученых, которые на многие годы определили вектор развития европейской науки. Австрия во второй половине XIX – начале XX в. входила в круг стран, формировавших интеллектуальное пространство Европы. З. Фрейд, К. Менгер, Л. Витгенштейн, Ф. Визер, Е. Бем Баверк, Э. Мах, О. Нейрат, это далеко не полный список ученых, которых дала имперская Австрия миру этот период. Среди них особое место занимает К. Менгер, основоположник «австрийской экономической школы». К числу учеников К. Менгера относились такие великие ученые как лауреат нобелевской премии в области экономики Ф. Хайек, крупный ученый-экономист, политолог, один из идеологов европейского либерализма XX в. Л. Мизес, экономист и политолог Й. Шумпетер, чьи работы по теории социализма стали мировой классикой, и этот список можно продолжать дальше.

К. Менгер известен прежде всего среди экономистов. Однако его имя незаслуженно забыто историками, практически ни в одном исследовании по теории и методологии истории мы не найдем упо-

минаний о К. Менгере. Хотя в свое время знаменитый «спор о методе» в 1880-е гг. К. Менгера с немецкой исторической школой и ее лидером Г. Шмоллером, расколол все научное сообщество Европы на сторонников К. Менгера и Г. Шмоллера. Этот спор послужил мощным интеллектуальным толчком для дальнейшего осмысления проблем методологии гуманитарных наук, в том числе истории, и их тесной взаимосвязи учеными в XX в. Интерес к истории К. Менгер передал многим своим ученикам, в частности Л. Мизесу, опубликовавшему специальное исследование по методологии истории¹.

К. Менгер жил в удивительный период истории Австрии. До второй половины XIX века Австрия не влияла на развитие интеллектуальной жизни Европы. В Вене мало заботились об изучении философии, литературы и других наук. Практически никто не обратил внимание на визиты в Вену Лейбница и Юма². Однако положение дел меняется с приходом к власти в Австрии либералов и проведением реформ в 1860–70-е гг., включая отмену цензуры в высшем образовании и либерализацию университетской системы. Формально профессура должна была выполнять приказы правительства, но оно практически не вмешивается в учебный процесс, тем более в содержание лекционных и семинарских занятий. Более того, в последней трети XIX века в австрийских университетах появляются так называемые «частные доценты», то есть лица, имеющие ученое звание и не входившие формально в штаты университетов. Они получили право вести в государственных университетах отдельные дисциплины с согласия правительства, которое практически всегда соглашалось с мнением университета по данному вопросу.

В Вене частные семинары посещало большое количество представителей интеллектуальной элиты и бюрократии. Частные семинары были воплощением новых идей, открытым вызовом консервативной науке. На частных семинарах люди не боялись, открыто критиковать традиционное знание и выдвигать свое видение проблемы. Неслучайно, что идеи психоанализа получили распространение не в официальных университетах, а на частных семинарах З. Фрейд³.

В конце XIX в. австрийская интеллектуальная элита переживает смену поколений. На смену старой профессуре приходят новые лю-

¹ *Mises*. 2001.

² *Mises*. 1969. P. 11.

³ *Ibid*. P. 16.

ди, с нестандартным мышлением, новыми идеями. Интеллектуальная элита Вены являлась мощной корпорацией, активно обменивающейся инновациями внутри себя и передающей их обществу. Интеллектуалы оказывали сильное воздействие на деловую и политическую элиту страны. В Австрии не было такой глубокой пропасти между интеллектуалами и представителями других элит, которая наблюдалась в то время во многих государствах Европы. Это предопределило успехи австрийской науки и культуры в эпоху “Fin-de-siècle Vienna”⁴. Только накануне первой мировой войны проявляются первые признаки отчуждения интеллигенции от общества⁵, поэтому К. Менгер во всех отношениях пришелся «ко времени и ко двору».

К. Менгер родился 23 февраля 1840 г. в местечке Ней-Сандец (соврем. Нови Соне) на территории Западной Галиции, входящей в настоящее время в состав Польши. О его родителях известно очень мало. В отличие от большинства представителей интеллектуальной среды Австрии второй половины XIX в. К. Менгер был благоверным католиком — австро-немцем. Отец К. Менгера был землевладельцем-дворянином, он умер, когда Карлу было всего восемь лет⁶. Семья К. Менгера смогла, несмотря на смерть отца, дать Карлу прекрасное образование. Следует подчеркнуть, что во второй половине XIX в. австрийские гимназии и университеты были доступны представителям среднего класса. Особенно успешно австрийская система образования стала развиваться благодаря деятельности графа Л. Туна, в том числе после реформы гимназического образования 1850 г.

К. Менгер выбрал в качестве своей специализации юриспруденцию, это была типичная квалификация для представителей среднего класса, которые желали сделать карьеру на государственной службе или в бизнесе. К. Менгер поочередно обучался в Пражском и Венском университетах, относившихся к числу лучших университетов Центрально-Восточной Европы в XIX – начале XX в. В университете он связал свою дальнейшую судьбу с наукой. В то время карьера ученого считалась очень престижной, она превосходила по социальному статусу карьеру в бизнесе и даже в государственном аппарате. С. Цвейг по этому поводу писал: «...репутация каждой

⁴ Beller. 1992. P. 72-73.

⁵ Щорске. 2001. С. 20-21.

⁶ Джонстон. 2004. С. 113.

“приличной” семьи требовала, чтобы хотя бы один из сыновей именовался доктором каких-нибудь наук»⁷.

Следует подчеркнуть, что старший брат К. Менгера Макс (1838–1911) и младший Антон (1841–1906) также сделали успешную карьеру в имперской Австрии. Макс более 30 лет был депутатом нижней палаты парламента от немецких либералов, а Антон вслед за средним братом выбрал научную карьеру. Макс Менгер в парламенте прославился упорной борьбой с консервативными правительствами и славянскими националистами. Макс и Карл выступали против федерализации Австрии, видя в этом угрозу единству страны. Они, как и большинство австрийских либералов, выступали за предоставление личности индивидуальных гражданских свобод, не наделяя ими отдельные корпорации и национальные группы.

В наши дни мало кто знает о знаменитом австрийском юристе Антоне Менгере, хотя в начале XX в. российская радикальная молодежь зачитывалась его работами. Антон отличался от своих братьев некоторой бесшабашностью, нежеланием подстраиваться под существующие социальные нормы. Поэтому его выгнали из гимназии, но судьба благоволила Антону, он выиграл деньги в лотерею и потратил их на подготовку к докторскому экзамену, который успешно сдал в 1865 г. С 1875 по 1899 гг. Антон был профессором Венского университета по гражданскому процессуальному праву. В университете Антон также отличался своей экстравагантностью, посещая его в старой одежде и в горных ботинках⁸. Студенты университета очень любили Антона за его аскетизм, простоту в общении и доброту. Это, разумеется, шокировало коллег А. Менгера по университетскому цеху. Профессура Венского университета в целом оставалась довольно консервативной и патриархальной корпоративной группой⁹. В отличие от своих братьев, Антон проповедовал идею муниципального социализма, критикуя государство, основанное на либеральном индивидуализме¹⁰. Он отвергал существовавшие в то время теории частного права, называя их инструментом необоснованного закрепления власти господствующих классов и подавления рабочего класса

⁷ Цвейг. 2004. С. 31.

⁸ Джонстон. Указ. соч. С. 134.

⁹ Цвейг. Указ. соч. С. 82.

¹⁰ Менгер. 1906. С. 19-26.

и других неимущих социальных групп. Расхождения в политических взглядах не мешали братьям поддерживать хорошие родственные отношения. Антон и Карл почти каждый день встречались в одном из кафе напротив университета и вели беседы на разные темы.

Свою профессиональную карьеру К. Менгер начинает в 1864 г. с успешной защиты диссертации в Краковском университете. После этого он получает престижную для молодого человека должность в отделе по связям с прессой при правительстве Австрии. Это давало возможность окончательно перебраться в столь любимую им Вену. Данная должность позволила К. Менгеру приобрести необходимые связи и контакты, которыми он потом не раз пользовался. В частности, К. Менгер подружился с известным австрийским либеральным журналистом конца XIX – начала XX в., франкофилом, редактором «Венского еженедельника» Морицем Шепсом. К. Менгер оказался одним из ярких сторонников австрийского либерализма в последней трети XIX в., что их объединяло с М. Шепсом.

В 1860–70-е гг. быть либералом в Вене было престижно. Либеральная политика правительства князя А. Ауэрсперга, затронула все сферы жизни австрийского общества, она стала источником веры в поступательность прогрессивного развития и в безграничные возможности индивида¹¹. Однако эта либеральная эйфория завершается с «Биржевым крахом» 1873 г., когда общество разочаровывается в либерализме и сваливает на него все свои беды¹². Это был мощный удар по австрийскому либерализму, от которого он не смог оправиться вплоть до краха Дунайской империи в 1918 г. Многие бывшие сторонники либералов находят новые политические ориентиры. Так, К. Люэгер стал вождем австрийских христианских социалистов, проповедовавших антисемитизм, а Т. Герцль, наоборот, основателем сионистского движения. К. Менгер не пошел по пути бывших коллег, до конца своих дней разделяя либеральные взгляды.

Занимаясь профессиональной и политической деятельностью, К. Менгер не бросил науку, продолжая свои научные изыскания. В результате в 1871 г. он издает труд всей своей жизни «Основы политэкономии»¹³. В 1870-е гг. эта работа не стала интеллектуальной

¹¹ Щорске. Указ. соч. С. 27-28.

¹² Varany. 1998. P. 213.

¹³ Менгер. 1992.

сенсацией, ее по достоинству оценили значительно позже, уже в XX в., но она сразу заинтересовала молодых венских интеллектуалов. Второе издание «Основ политэкономии» появляется в Австрии только в 1923 г., уже после смерти К. Менгера 27 февраля 1921 г.

Однако эта книга была издана в большинстве европейских стран, в том числе в России. В начале XX в. российская интеллектуальная элита гордилась знанием работ К. Менгера¹⁴. Так, П. Струве, желая показать невежество В. Ленина, однажды заявил, что тот никогда не читал К. Менгера. Под влиянием работ Менгера возникло такое оригинальное направление в науке России, как организационно-производственное направление во главе с А. Чаяновым¹⁵. Оригинальность подхода К. Менгера в решении сложных политэкономических проблем и его размышления о методе гуманитарных наук заставили Европу заговорить о нем как о крупном ученом.

Публикация «Основ политэкономии» открыла К. Менгеру путь для карьеры в Венском университете. В 1872 г. он становится приват-доцентом университета, в 1873 г. экстраординарным профессором, а в 1879 г. штатным профессором и заведующим кафедрой политэкономии. Кстати З. Фрейд так и не стал штатным профессором Венского университета, всю жизнь, оставаясь экстраординарным профессором. З. Фрейд это сделал отчасти сознательно, потому что в отличие от штатных профессоров он абсолютно не зависел от министерства образования и университетской бюрократии. К тому же для того чтобы стать штатным профессором были необходимы сильные связи и протекция. В университете раскрывается еще одна грань таланта К. Менгера — блестящий преподаватель, он умел вызвать у студентов живой интерес к самым скучным темам. Студенты очень любили Менгера, его добровольная отставка в 1903 г. вызвала большое сожаление среди части коллег и в студенческом сообществе, еще в 20-е гг. по рукам студентов ходили конспекты его лекций.

На кафедре политэкономии после ухода К. Менгера остались его ученики во главе с Ф. фон Визером, который занимал несколько раз министерские посты в правительстве Австрии, включая пост последнего министра торговли имперской Австрии в 1917–1918 гг. Этим

¹⁴ Одно из первых российских изданий «Основ политической экономии» см.: Менгер. 1903.

¹⁵ Крючков. 1995.

влияние К. Менгера на политическую элиту и на внутреннюю политику Австрии не ограничивалось. Другой его последователь, Е. Бем Баверк в 1895–1897 гг. и в 1900–1904 гг. занимал пост министра финансов Австрии¹⁶ и довольно успешно провел налоговую реформу.

Об авторитете К. Менгера в Австро-Венгрии говорит и тот факт, что он с 1876 по 1878 гг. был наставником кронпринца Рудольфа, единственного сына императора Франца-Иосифа I и наследника престола. Либеральные взгляды наставника не могли не отразиться на умонастроениях кронпринца. После поездки К. Менгера и кронпринца в Великобританию в 1878 г. в Мюнхене выходит анонимный памфлет «Австрийский дворянин и его конституционное призвание». В памфлете осуждалась праздность австрийского дворянства, погрязшего в охоте и танцах, и в качестве примера для подражания приводилось британское дворянство с его чувством гражданской и социальной ответственности. Авторство Рудольфа и К. Менгера вскрылось только в 1906 г. после трагической смерти Рудольфа и отставки К. Менгера. Именно К. Менгер познакомил Рудольфа с М. Шепсом. В течении шести лет Рудольф и Шепс переписывались, а затем с 1883 по 1885 гг.¹⁷ Рудольф публиковался на страницах «Венского еженедельника» под псевдонимом, критикуя существовавшие в империи Габсбургов устои. Эти обстоятельства и призывы Шепса к установлению дружеских отношений между Австро-Венгрией и Францией приводили к постоянным его конфликтам с цезурой.

В научной и политической карьере К. Менгера проявляется еще одна страсть ученого — история. Он всегда интересовался историей империи Габсбургов и мировой историей. В своих экономических разработках Менгер постоянно обращался к историческим экскурсам и работам известных историков. В свою очередь, К. Менгер оказал сильное влияние на историческое сообщество Австрии на рубеже XIX–XX вв. «Спор о методе» К. Менгера с немецкой школой подтолкнул другого известного австрийского ученого Карла Прибрама заняться историческими и терминологическими аспектами изучения проблемы перехода цивилизации от феодализма к капитализму¹⁸. Именно К. Прибрам, находясь под впечатлением дискуссии К. Менгера с Г. Шмоллером, использует результаты этого методоло-

¹⁶ Хайек. 1999. С. 167.

¹⁷ Джонстон. Указ. соч. С. 48.

¹⁸ Pribram. 1953. № 43.

гического спора в своей концепции, вводя в научный аппарат такие категории как «холизм», «органицизм», «феодализм», «социальное происхождение», «партикуляризм», без которых невозможно представить современные исторические исследования.

Здесь не ставится задача подробного анализа политэкономических взглядов К. Менгера. Хотелось бы только подчеркнуть, что центральное место в его экономических воззрениях занимает теория субъективной ценности. Она, во многом является продуктом католической культуры, в рамках которой Менгер был воспитан, тогда как трудовая теория британской политэкономии являлась результатом развития протестантской этики. Католицизм довольно либерально относился к умеренному стремлению к земным благам, к удовольствиям, вместо постоянных трудовых назиданий и призывов к бережливости, что было характерно для протестантизма. Католическая культура легализовала интерес к потребностям индивида. В этой связи неслучаен тот факт, что в центре внимания теории субъективной ценности К. Менгера стоят «неудовлетворенные» потребности человека, факторы, определяющие его потребности, а не процессы производства¹⁹. Нельзя согласиться с утверждением, что концепция К. Менгера и австрийской экономической школы выражает и защищает интересы капиталистов-рантье, о чем в свое время писал Н. И. Бухарин²⁰.

Дело в том, что объектом исследования новой теории оказывается не капиталист-предприниматель, а потребитель и, прежде всего массовый потребитель, ибо на смену эпохе капитализма XVII–XIX вв. с ее идеалами бережливости, накопления капитала приходила эпоха потребительского общества XX в. с новыми идеалами максимального удовлетворения потребностей индивида. Не соответствует действительности и распространенное утверждение, что марксизм послужил толчком к появлению теории предельной полезности К. Менгера. Первый том «Капитала» вышел в свет в 1867 г., через три года были опубликованы «Основы политической экономии», поэтому вряд ли К. Маркс оказал какое-нибудь существенное влияние на фундаментальный труд К. Менгера.

Нас больше интересует отношение К. Менгера к проблеме методологии социальных наук, которые, в представлении ученого в середине XIX века, на данном поприще не достигли значительных успе-

¹⁹ Менгер. 1992. С. 53.

²⁰ Бухарин. 1988. С. 28.

хов. Это, по мнению Менгера, предопределило слабый интерес интеллектуалов к теоретическому осмыслению проблем развития общества и народного хозяйства: «Причина этого... равнодушие заключается в настоящем положении самой науки, в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постичь ее эмпирические основания»²¹.

На взгляд К. Менгера, разработка методологических принципов крайне важна для дальнейшего развития теоретического познания. Вполне возможно развитие науки без обращения к вопросам методологии, при этом даже могут появляться значительные научные исследования. Но как только: «...в какой-либо научной области по какой-нибудь причине утрачивается понимание целей исследования, вытекающих из природы вещей, когда второстепенным задачам науки придается чрезмерное или даже решающее значение, когда ошибочные методологические положения... получают господствующее значение..., тогда ясная постановка методологических проблем является непременным условием всякого дальнейшего прогресса»²². Отсюда необходимо кардинальное реформирование всего научного знания. Реформа методологических принципов социальных наук, по мнению ученого, возможна в двух направлениях. Первое — реформа старого знания на базе традиционных методологических принципов, здесь необходимо было не столько критиковать, сколько создавать новое прогрессивное знание, но это требовало оригинальности мышления исследователя. Второе — реформа старого знания на основе новых теоретико-методологических принципов.

Первый путь менее продуктивен, ибо устоявшиеся консервативные принципы, сила авторитета старого знания подавляли творческий ум, нейтрализуя его инициативу и уверенность в себе. Второй путь более радикален и эффективен. Но здесь также кроется большая опасность, а именно угроза продвижения по ложному, хотя и новому пути.

Методология научного исследования Менгера формировалась в условиях жесткой дискуссии с немецкой исторической школой во главе с Г. Шмоллером, В. Рошером, К. Книсом, которая была одним из самых авторитетных направлений в социальных науках, особенно в Германии и Австро-Венгрии, и отдавала приоритет анализу факта-события, с подозрением относясь к теоретическим конструктам.

²¹ Менгер. 1992. С. 34.

²² Menger. 1884. S. 11.

Правда, в отличие от Рошера, отвергавшего принцип научных обобщений, как таковой, новая немецкая историческая школа несколько смягчает свое отношение к проблеме обобщений: «...в недавнее время много раз высказывалось утверждение, что те, которые требовали, в противоположность Миллю, Керису и Менгеру, более усиленного пользования индукцией, желали исключить совсем всякую дедукцию, то с этим не могу согласиться...», — подчеркивал Г. Шмоллер²³. Но, по его мнению, любое обобщение должно опираться только на фактический материал и привязываться к конкретной исторической эпохе, избегая излишних обобщений и гипотез. Историческая школа полагала, что все социальные теории зависят от особенностей национальных культур и характера исторической эпохи, поэтому социальные науки имеют относительный характер. Отсюда можно говорить о существовании нескольких наук, в том числе историй, зависящих от национальных и социокультурных факторов.

Более того, практически невозможно выделить единый объект исследования в социальных науках, в том числе в политэкономии, ибо по мере развития народного хозяйства меняются условия функционирования экономики и сам характер хозяйствующего субъекта. С такой постановкой вопроса был согласен ряд других известных немецких ученых, в том числе Ф. Лист, обвинявший в своей работе «Национальная система политэкономии» А. Смита и других британских экономистов в космополитизме. По его мнению, каждая нация должна «владеть» своей особой историей, политэкономией и т.д., ибо только нация является проявлением высшего целого, находящегося между личностью и мирозданием. Цель нации заключается в развитии производительных сил, а не в накоплении капитала. Следовательно, «национальная» наука не должна ориентироваться на изучение интересов частного хозяйства²⁴.

К. Менгер признавал определенное влияние национальных особенностей на поведение индивида, однако эта тенденция не имеет для него существенного значения при выявлении законов, определяющих поведение человека. Здесь следует отметить утилитаризм протестантской этики представителей немецкой исторической школы. Национализм протестантизма проявлялся даже на уровне опре-

²³ Шмоллер. 1902. С. 95.

²⁴ Лист. 1897.

деления метода социальных наук, а католицизм, носителем которого являлся К. Менгер, смотрел на явления значительно шире, не ограничиваясь национальными рамками и не ориентируясь только на создание некоей национальной науки. Задача социальных наук, по мнению ученого, заключается в анализе изменений, наблюдающихся в росте благосостояния индивида и в соотношении индивидуального и общественного начала в процессе эволюции человека.

К. Менгер довольно высоко оценивал вклад немецкой исторической школы в развитие европейской науки, особенно в области накопления и исследования фактического материала, в том числе по истории экономических институтов. В то же время он практически полностью отрицал методологические воззрения исторической школы. «Внешняя связь положительного исторического знания с трудолюбивым, но бессистемным эклектизмом...», — так К. Менгер оценивал достижения немецкой исторической школы²⁵. По его мнению, эта школа смешивала задачи истории и теоретических наук, ибо невозможно только на основе сбора и анализа эмпирического материала исследовать историю экономических институтов, выявить общие закономерности функционирования народного хозяйства, общества и их субъектов. Таким образом, для К. Менгера история является эмпирической наукой, которая должна обслуживать интересы более высокого знания в лице теоретических наук.

В теоретических науках господствует метод обобщений и научных гипотез, в отличие от истории, которая на основе индуктивного метода исследует конкретные факты и явления. К тому же теоретические науки не занимаются анализом конкретной экономической и финансовой политики государства — это участь экономики и права. Историческая школа игнорировала эти особенности, что К. Менгер считал большой ошибкой. «Теоретическая национальная экономия никогда не может быть признаваема исторической, или как думают некоторые, практической наукой», — писал ученый²⁶.

Таким образом, К. Менгер выделял три уровня научного познания: 1) индивидуальное (историческое), ориентированное на изучение конкретных фактов и явлений в пространстве и времени; 2) родовое (теоретическое), предполагавшее исследование повто-

²⁵ Менгер. 1894. С. XXII.

²⁶ Там же. С. 77.

ряющихся явлений, их взаимодействия, выделение типологических соотношений; 3) практическое — анализ конкретных мероприятий в экономической и в других сферах политики с целью выработки практических рекомендаций. К. Менгер уделял большое внимание именно второму типу познания: «Исследования типов и типических соотношений между явлениями, несомненно, имеет чрезвычайное значение для человеческой жизни, не менее важное, чем изучение самих конкретных явлений... для полного познания реального мира»²⁷. Типология определяет господство человека над вещами и возможность прогнозирования будущего развития цивилизации с помощью выявленных социальных законов. К. Менгер отмечал существование двух типов социальных законов: естественные законы, последовательно отражающие наблюдаемые взаимозависимости, и эмпирические законы, которые имели более сложную характеристику, допуская исключения и абстрагирования.

К. Менгер полагал, что эмпирические законы, будучи абстрактной формой, проявляют социальные процессы в идеальном виде без влияния целого ряда осложняющих обстоятельств, то есть в «чистой», идеальной форме. В естествознании именно таким образом были открыты инертные газы и многие элементы в периодической таблице Д. Менделеева. Так, основа хозяйственной деятельности индивида заключается в экономическом расчете (эгоизме). Это главный мотив поведения хозяйствующего субъекта. В повседневной жизни на него могут наслаиваться иные виды мотивации, а в некоторых случаях хозяйственный эгоизм отходит на второй план. Все это затрудняет выявление первоосновы, определяющей тенденции, поэтому исследователи должны абстрагироваться от сопутствующих факторов при выделении основополагающего социального закона.

К. Менгер, в отличие от немецкой исторической школы пытался свести сложные экономические явления к анализу на уровне индивида (то есть на микроэкономическом уровне), так как «...явления народного хозяйства, в конце концов, приводятся в теории к индивидуальным хозяйственным стремлениям, к их простейшим конструктивным элементам»²⁸. Исследованию подлежала первичная матрица народного хозяйства, а именно индивидуальное хозяйство, ко-

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же. С. 77.

торое ведется на основе целеустремлений, ожиданий, предпочтений и даже заблуждений хозяйствующего субъекта. Таким образом, в центре внимания К. Менгера оказывается психология человека.

Так К. Менгер невольно заложил вектор для последующего развития исторической науки. «Человек экономический», его поведение в рамках локального и глобального пространства, все это было с успехом реализовано историками в XX в. Политэкономия и история в XX в. в этом плане выступили в качестве тесных союзников.

Повальный интерес в Австрии к психологии был не случаен. Научные работы З. Фрейда, К. Менгера, Э. Маха, произведения «венского модерна», обращенного к психологии личности, имели под собой веские социальные предпосылки. Кризис «идеологии просвещения» в Австрии проявился довольно быстро. В условиях многонациональной империи и поликультурного общества доктрина «человека прагматичного» себя быстро исчерпала, индивид теперь представляется более сложной субстанцией. «Венский модерн» жил в ощущении близкого апокалипсиса, это заставляло австрийских интеллектуалов заглянуть внутрь себя и своего окружения для понимания глубинной сущности человека XIX – начала XX в. Неслучайно один из ярких представителей «венского модерна» А. Шницлер некоторое время работал в клинике З. Фрейда, используя затем этот опыт в своих произведениях²⁹.

Одновременно К. Менгер не отрицал необходимость анализа объективных зависимостей, но они для него имели второстепенный характер. Изучая сферы деятельности человека, исследователь сталкивается, главным образом, с его сознательными аспектами, основанными на экономическом расчете. Поэтому нельзя смотреть на мир только через призму изучения объективных реальностей, ибо истинным творцом истории является человек, и для того чтобы понять мотивы его поведения, важно исследовать его внутренний мир и восприятие окружающей действительности. Данный подход получил в истории науки название «методологического субъективизма».

Будучи последовательным либералом, К. Менгер утверждал, что социальные институты, как и народное хозяйство, возникли под воздействием стихийных бессознательных сил. Отсюда он не соглашался с утверждением, что государство создается в результате соз-

²⁹ Щорске. Указ. соч. С. 34-35.

нательной деятельности политических элит или социальных групп. Государство является результатом естественных процессов и стремления индивидов к удовлетворению своих частных запросов, в том числе и через создание государства. Сознательная деятельность, скорее всего, содействует развитию естественных процессов, но не более того. «Право, язык, государство, деньги, рынок, все эти социальные явления... в весьма значительной степени несознательные результаты социального развития... возникли без всякого отношения к общему интересу, исключительно благодаря импульсу индивидуальных интересов, как результат осуществления последних», — указывал К. Менгер³⁰. Отсюда, в отличие от представителей немецкой исторической школы, он не испытывал особого пиетета перед государством и не ратовал за расширение его функций, видя в этом опасность для свобод индивида.

Данные рассуждения предопределили отрицательное отношение К. Менгера к социализму и его постоянные споры с А. Менгером. По его мнению, для того чтобы ликвидировать частную собственность, на чем настаивали социалисты, необходимо было добиться полного соответствия между производством благ и запросами индивида, но без снижения уровня потребления. В противном случае это приведет к замене одного класса собственников другим, пусть даже в лице бюрократии. К. Менгер полагал, что полное равновесие между производством и потреблением никогда не будет достигнуто, так как по мере развития общества растут и видоизменяются потребности самого индивида, появляются новые потребности. «Поэтому... все проекты социальных реформ могут быть разумно направлены лишь на целесообразное распределение благ, но не на уничтожение самого института собственности», — подчеркивал К. Менгер³¹.

К. Менгер признавал, что в социальных науках существуют универсальные законы, определяющие развитие общества, вне зависимости от исторической эпохи, национальных и культурных особенностей цивилизации. Они являются проявлением стихийных процессов, столкновения отдельных интересов. Разумеется, в обществе действует и «разумная сила» в лице государства, влияющая своей политикой на жизнь общества. Но акцент в исследовании необхо-

³⁰ Менгер. 1894. С. 168-169.

³¹ Он же. 1992. С. 79.

димо ставить на изучении стихийных сил, ибо только они определяют направление развития экономики и общества, выводя их на новый качественный уровень.

Социальные законы не всегда полностью отражают повседневную действительность, так как они во многом носят абстрактный характер, невидимый для восприятия обывателя. Абстрагирование от второстепенных обстоятельств, является основой для всех точных наук, в том числе социальных, основанных на обобщениях. Данные законы полностью применимы при выделении общих тенденций социально-экономического и политического развития и довольно приблизительно к конкретным, отдельно взятым фактам и явлениям.

К. Менгер, выступая против крайностей историзма (кстати, данный термин был введен в научный оборот именно им), описательно-индуктивного метода, довольно часто прибегал к историческим экскурсам при исследовании экономических процессов. Так, ученый отводил значительное место историческому материалу при исследовании сущности денег и кредита³².

Необходимо отметить, что К. Менгер, дискутируя с немецкой исторической школой о сущности метода «теоретических» наук, в определении предмета самой истории стоял на позициях немецкой школы, тем самым значительно его сужая. Здесь сказались авторитет Г. Шмоллера и его сторонников в европейской историографии XIX века и нахождение К. Менгера за пределами профессионального сообщества историков, что не давало ему основания авторитетно высказываться по ряду проблем теории истории. Тем не менее, последующие поколения историков использовали многие компоненты теоретико-методологических наработок К. Менгера, пытаясь вывести историческую науку за узкие рамки утилитаризма немецкой исторической школы, позитивизма и марксизма. В частности, М. Вебер синтезировал концепции Шмоллера и Менгера, сформулировал теорию «идеальных типов». Л. Мизес развивая теорию о стихийности социальных процессов К. Менгера активно боролся с экономическим детерминизмом марксистской и позитивистской историософии³³. И это было начало бурного развития теории и методологии истории в XX в.

³² Менгер. 1992. С. 217-243.

³³ Мизес. 2001. С. 13-15.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин Н. И.* Политическая экономия рантье. М., 1988.
- Джонстон У.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. М., 2004.
- Крючков И. В. А. В.* Чаянов: основы теории некапиталистической аграрной эволюции (к 70-летию публикации «Организации крестьянского хозяйства») // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. Вып. 1. Социально-гуманитарные науки. 1995.
- Лист Ф.* Национальная система политэкономии. М., 1897.
- Менгер А.* Новое учение о государстве. СПб., 1906.
- Менгер К.* Исследование о методах социальных наук и политэкономии в особенности. СПб., 1894.
- Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политэкономии: К. Менгер, Е. Бем Баверк, Ф. Визер / Предисловие, комментарий В. С. Автономова. М., 1992.
- Менгер К.* Основы политической экономии. Одесса, 1903.
- Мизес Л.* Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001.
- Хайек Ф.* Познание, конкуренция и свобода. М., 1999.
- Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 2004.
- Шмоллер Г.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методология. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. Вып. 11. М., 1902.
- Щорске К.* Вена на рубеже веков: политика и культура. СПб., 2001.
- Barany G.* Political Culture in the Lands of Former Habsburg Empire: Authoritarian and Parliamentary Traditions // Austrian Yearbook Historian. Vol. XXIX. 1998.
- Beller S.* Central Europe: Birthplace of the Modern World? // Austrian Yearbook Historian. Vol. XXIII. 1992.
- Menger C.* Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. Wien, 1884. S. 11.
- Mises L.* The Historical setting of the Austrian school of economics. Arlington house, 1969.
- Pribram K.* Patterns of Economic Reasoning // American Economic Review. 1953. № 43.

Крючков Игорь Владимирович, д.и.н., проф., зав. кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета; igory5@yandex.ru.

**«ТЕОЛОГ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»:
КАТОЛИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ
К. ШМИТТА В ПОИСКАХ ДУХОВНОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

Исследование проблемы политического составляет основу общественной деятельности К. Шмитта. Консерватизм К. Шмитта исходил из трактовки власти как инструмента политического порядка и безопасности. На смену Веймарской политической системе с ее хаосом власти, создаваемым борьбой политических партий, должно было прийти авторитарное правление вождя.

Ключевые слова: концепция политического; противопоставление «друг» — «враг»; Веймарская система; политическая теология.

Работы К. Шмитта в период Веймарской республики находились в русле интеллектуального течения «консервативной революции», но они имели определенную особенность, которая состояла в сочетании политического видения с религиозным взглядом. Политическое мировоззрение К. Шмитта корнями уходило в его католицизм, что признает большинство исследователей¹.

В дневниковой записи от 3 октября 1947 г. К. Шмитт называл себя «теологом юриспруденции»². В статье, посвященной Х. Доносо Кортесу, он отмечал значение политической теологии для политического консерватизма, тем самым проводя интеллектуальную связующую нить между Ж. Де Местром, Х. Доносо Кортесом и собой. К. Шмитт писал, что «теология выступает как единственно верный фундамент политической теории, содержащая больше возможностей от диспутов и отличий, чем он признавал, и роль теологического дилетанта оказывается несовместимой с ролью теоретика политической диктатуры»³. Данная проблема нашла свое отражение в работе К. Шмитта «Римский католицизм и политическая форма», опубликованной в 1923 г. Исследователь шмиттовского творчества

¹ См., например, *Quaritsch*. 1991. S. 34; *Meier*. 1988. S. 77.

² *Schmitt*. 1991. S. 23.

³ *Idem*. 1950. S. 70.

Хельмут Куарич видел в ней католический ответ на известную работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»⁴, с чем можно согласиться, так как Шмитт выводит в качестве основания общественного порядка именно католицизм, в противоположность протестантскому взгляду Вебера. К тому же на связь К. Шмитта с политическим католицизмом указывает то, что в 1920-е гг. ряд его работ был опубликован в газетах и журналах католической партии Центр, таких как “Kölnischen Volkszeitung”, “Hochland” и “Germania”⁵.

Стремление К. Шмитта к континуитету с консервативной католической традицией европейской мысли XIX века наглядно прослеживается в его интересе к творческому наследию испанского консервативного католического мыслителя Хуана Доносо Кортеса. В этой связи, касаясь исключительно Шмитта, можно говорить об эффекте зеркального отражения, когда взгляды одного мыслителя накладывались на другого, давая им второе рождение и интеллектуальное продолжение. Степень влияния Х. Доносо Кортеса на К. Шмитта представляется весомой. Это отражено во многих работах Шмитта: в цитировании испанского мыслителя, в обсуждении схожей проблематики. Непосредственно биографии и творчеству Доносо Кортеса Шмитт посвятил несколько работ, изданных отдельной книгой в 1950 г., когда Шмитт вновь получил возможность издавать свои работы под собственным именем, а не скрываться под псевдонимом. И видимо неслучайно, что путь к восстановлению собственного места в интеллектуальном поле новой Германии начался именно с Доносо Кортеса. Их сближала и объединяла проблема власти, особенно в критической, чрезвычайной ситуации. Важным фактором была и близость религиозных позиций в оценке духа либерализма, охватившего XIX и XX вв. Для них обоих характерен консервативно-католический взгляд на вызовы современности.

Оценка Доносо Кортесом европейских революций 1848–49 гг. поражала К. Шмитта своей точностью и критичностью, так как основывалась на том, что «его взгляд на революционные события был отточен через опыт многочисленных испанских революций»⁶. Это подчеркивалось даже спустя годы после революционных событий. В некрологе, опубликованном 4 мая 1853 г. в “Kreuzzeitung”,

⁴ Quaritsch. Op. cit. S. 25.

⁵ Noack. 1993. S. 92.

⁶ Schmitt. 1988. S. 79.

высказывались соболезнования в связи с кончиной Х. Доносо Кортеса и отмечалось, что «вы можете еще помнить те глубокие впечатления, которые вызвали выступления и сочинения Доносо Кортеса, и то глубокое уважение, испытываемое консервативными не-католиками, усматривавшими в нем сильное оружие против революции!»⁷.

Анализ революции был крайне важен для обоих мыслителей. Это определялось, во-первых, тем, что рассмотрение революции как вызова современности указывало на существующие пороки и кризисы современного общества; во-вторых, революция была экстраординарным событием, исключением из нормального развития общества. Как Доносо Кортес, так и К. Шмитт, стремились видеть в этом процессе глубинные истоки, которые вызвали это внешнее проявление, именуемое революцией.

Католицизм Доносо Кортеса и Шмитта⁸ позволяет подчеркнуть общую метафизическую основу их размышлений. Доносо Кортес полагал, что оскудение веры в обществе умертвляет истину и «общество, отвернувшееся от Бога, тотчас видит, как всюду воцаряется ужасная тьма»⁹. Он видел в католицизме систему совершенной цивилизации, охватывающую все мироздание. «Человек, став сыном Бога, тотчас перестал быть рабом человека», католицизм утвердил идею служения, где монарх легитимировал свою власть не с помощью силы, а с помощью служения Богу. Доносо Кортес писал: «Обожествляя власть, католицизм освятил послушание, и, освящая одно и обожествляя другое, осудил гордыню в ее самых ужасных проявлениях, в стремлении к господству и мятежу. В обществе, которое является поистине католическим, невозможны две вещи: деспотизм и революция»¹⁰. Католицизм, отмечал он, утверждает, что «человек добр в своей сущности и зол случайным образом». Человеческая свобода несовершенна. Ее несовершенство заключается в способности к злу и заблуждению, а в качестве причины выступает способность делать выбор. Так как человек не может контролировать свою деятельность, но стремится к общественным изменениям, то это приводит к тому, что он начинает присваивать себе божественные функции, не являясь Богом. Поэтому,

⁷ Цит. по: Ibid. S. 75.

⁸ *Mehring*. 1992. S. 40.

⁹ *Доносо Кортес*. 2006. С. 91-92.

¹⁰ Там же. С. 100-103.

«полагаясь лишь на себя, человек может только богохульствовать»¹¹. Человеческая свобода выбора и деятельности не имеет жестких границ, что приводит к злоупотреблениям, потере чувства меры. Отсутствие равновесия разрушает божественный иерархический порядок. Человек-«бог» разрушает свою человеческую сущность, погружаясь в тварную природу, несущую зло. К. Шмитт в этой связи указывал, что «его презрение к людям уже не знает никаких границ; их слепой рассудок, их слабая воля, смехотворный порыв их плотских вожделений кажутся Доносо столь жалкими, что не хватит всех слов всех человеческих языков, чтобы выразить всю низость этой твари. Если бы Бог не воплотился в человека, то пресмыкающееся, которое я попираю ногою, было бы менее достойно презрения, чем человек»¹². Шмитт находит точку соприкосновения с представлениями испанского консерватора, указывая на неустойчивость и произвольность человеческих восприятий: «откуда ему знать, что он добр, если Бог не говорил ему этого». К. Шмитт заключал:

«согласно его философии истории, победа зла сама собой разумеется и совершенно естественна и только Божье чудо предотвращает ее; образы, в которых объективируется его впечатление от человеческой истории, полны отвращения и ужаса; человечество слепо блуждает по лабиринту, вход, выход и структуру которого никто не знает, и это мы называем историей; человечество — это корабль, который бесцельно то туда, то сюда кидает море, корабль с мятежной, грубой, принудительно набранной командой, которая гарланит песни и танцует, покуда Божий гнев не потопит бунтарское отродье в море, чтобы вновь воцарилось безмолвие»¹³.

Восприятие Доносо Кортесом сущности человеческой истории, было ему близко, но Шмитт, в отличие от испанца, хотел найти точку опоры, которая позволила бы преодолеть кризисную ситуацию, и этим средством выступило государство.

Для Доносо Кортеса общественный кризис XIX века был кризисом веры, следствием которого и являлись многочисленные революции, прокатившиеся по Европе. Он считал, что «истинная причина зла, от которого страдает Европа, кроется в том, что мы позабыли о божественном и человеческом авторитете. От этого зла

¹¹ Там же. С. 153.

¹² Шмитт. 2000. С. 87.

¹³ Там же. С. 87-88.

страдает Европа, страдает общество и весь мир, и именно поэтому народы перестают быть управляемыми»¹⁴. Отход от божественного и переход к человеческому приводил к тому, что современный мир начинал поклоняться «себе самому в образе блудницы, чтобы потом низринуться к ногам Марата, циничного и кровавого тирана, и Робеспьера, высшего воплощения человеческого тщеславия, наделенного неумолимыми и дикими инстинктами»¹⁵. Падение веры, безбожие, атеизм являлись основными причинами революций. Превознесение собственных суждений над божественными откровениями, безверие подрывали основы божественного порядка и стабильность человеческого общества. «Поэтому, — полагал Доносо Кортес, — не на что надеяться обществам, которые оставляют строгое служение истине и поклоняются измышлению. Вслед за софизмами грядут революции, а за революциями — палачи. <...> Рим пал, потому что пали его боги; его владычество подошло к концу, потому что завершилось его богословие»¹⁶. В письме к графу Рацинскому от 22 августа 1849 г. Доносо Кортес писал, что «болезнь, которой мы страдаем исключительно нравственная: она в душах; она состоит в том, что мы лишились идеи долга, в том, что мы высвободили низшие инстинкты и низшие страсти»¹⁷. Поэтому падение веры, кризис духовности были основными причинами политических трансформаций XIX века. Они породили, по мнению Доносо Кортеса, два основных вызова традиционной легитимности: в виде либерализма и социализма.

Х. Доносо Кортес видел в либерализме одно из основных орудий разрушения традиционного общества. Эгалитаризм, культ разума, атеистическое восприятие мира, парламентский способ управления государством не только были противопоставлены традиционной системе общественного уклада, но были направлены на его разрушение и тотальную замену. Либерализм был для Доносо Кортеса выражением господства буржуазии, которая придавала богатству и договорным отношениям большее значение, чем благородству по крови. «Власть богатых ей кажется более законной, чем власть

¹⁴ Доносо Кортес. 2006. С. 347.

¹⁵ Там же. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 93, 97.

¹⁷ Там же. С. 551.

благородных по происхождению»¹⁸. Такая форма отношений представлялась ему противоречащей традиционным ценностям и человеческой природе. В представлении Доносо Кортеса современный мир заражен ядом либерализма, традиционнo-монархические системы рушатся, духовность человека превращается в потребительство. В письме другу от 19 апреля 1851 г. он приходит к неутешительному выводу: «Либерализм и парламентаризм во всех областях приводят к одним и тем же результатам; эта система пришла в мир, чтобы наказать его, и она покончит со всем, что есть: с патриотизмом, разумом, нравственностью и честью; это зло, чистое зло, сущностное и субстанциальное»¹⁹.

К. Шмитт восхищен политической проницательностью Доносо Кортеса в понимании сущности либерализма: «Его интуиция в духовных вопросах зачастую ошеломительна. Примерами этого является определение буржуазии как “класса дискутирующего” и вывод о том, что его религия — это свобода слова и печати». Шмитт видит в этом стремление буржуазии уйти от ответственности и принятия решения. Здесь децизионистские представления Доносо Кортеса и К. Шмитта пересекаются, соединяясь в единое целое. Дискуссия превращается не только в политический метод либеральной политики, но и становится метафизической основой либерализма. Таким образом, «его сущность — это переговоры, выжидательная половинчатость с упованием на то, что, может быть, окончательное столкновение, кровавую решающую битву можно будет превратить в парламентские дебаты и вечно откладывать посредством вечной дискуссии»²⁰. Такая характеристика выступала в качестве приговора. Стремление уйти от ответственности принятия решения и дезавуировать его политическим дискутированием, в котором решение растворяется, так как не имеет авторитарной основы ответственности, приводит к ослаблению властного начала, что представляется крайне опасным в ситуации социальных трансформаций и потрясений. «Класс, который переносит всю политическую активность в говорение, в прессу и парламент, не соответствует эпохе социальных битв»²¹.

¹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 542.

²⁰ Шмитт. Указ. соч. С. 93-94.

²¹ Там же. С. 88.

Антилиберализм К. Шмитта произрастал из трех католических источников: контрреволюционной политической философии Жозефа де Местра, Луи де Бональда и Хуана Доносо Кортеса; антилиберальной полемики папы Пия IX и его "Syllabus" от 1864 г.; французского и немецкого католического возрождения.

Социализм в представлениях Доносо Кортеса и Шмитта был вторым вызовом современной легитимности. «Испанец приходил в отчаяние перед лицом глупого спокойствия легитимистов и трусливой хитрости буржуазии. Лишь в социализме он еще видел то, что он именовал инстинктом, из чего он делал вывод, что все партии в конечном счете работают на социализм»²². Согласно Доносо Кортесу, в социализме скрыты «гордыня и варварство. Социализм похож на вавилонского царя, который в одно и то же время является царем и животным»²³. Социализм стремился, прежде всего, к отрыву человека от божественной субстанции, к превращению его в безбожное существо, опирающееся лишь на мертворожденные, бесплодные социально-классовые понятия. «Социализм силен только потому, что это сатанинское богословие»²⁴. На квазирелигиозные претензии социализма указывал и К. Шмитт²⁵. Поэтому противоядием от псевдорелигиозного вызова может быть только религия. Доносо Кортес четко определил, что «радикальным лекарством против революции и социализма является только католицизм, потому что он является их абсолютной противоположностью»²⁶.

Революционные потрясения середины XIX в. были результатом глубоких мировоззренческих, политических и социальных изменений европейского общества. В знаменитой речи о диктатуре Доносо Кортес стремился понять, почему революции становятся возможными и как противодействовать им. Причины революций коренятся в дефектах правительственной политики. Доносо Кортес отрицал социальную причину революций, и предпочитал усматривать ее в злонамеренных действиях людей. Он указывал, что «глубокие революции всегда совершались аристократами. Нет, сеньоры, не в рабстве, не в нищете зародыш революций, зародыш революций

²² Шмитт. Указ. соч. С. 244.

²³ Доносо Кортес. Указ. соч. С. 353.

²⁴ Доносо Кортес. Указ. соч. С. 197.

²⁵ Schmitt. 1950. S. 95-96.

²⁶ Доносо Кортес. Указ. соч. С. 353.

находится в желаниях толпы возбужденных ораторами, которые ее эксплуатируют и используют». Истинная свобода всех и для всех возможна лишь в соединении с Богом, а так как современное общество стремится, прежде всего, к разрыву с ним, то можно констатировать тот факт, что «свобода умерла». Обращаясь с трибуны конгресса к депутатам, Доносо Кортес вопрошал: «Вы полагаете, что цивилизация и мир идут вперед, в то время как они возвращаются назад. Мир, сеньоры, идет огромными шагами к установлению самого гигантского и опустошительного деспотизма, который помнят люди. К этому идет цивилизация и к этому идет мир»²⁷.

Доносо Кортес считал необходимым спасти власть и государство путем утверждения диктатуры. Диктатура была средством обеспечения общественной безопасности в условиях чрезвычайной ситуации. Доносо Кортес вполне резонно полагал, что государство на основе законности в состоянии обеспечить порядок, потому что подданные прислушиваются к закону и следуют ему, но если одной законности недостаточно для обеспечения порядка, тогда диктатура должна спасти государство. Он отмечал, что «диктатура в определенных обстоятельствах <...> это законное правление, это хорошее правление, это правление полезное, как и любое другое правление, это правление рационально, поскольку может защититься как в теории, так и на практике»²⁸. Доносо Кортес считал диктатуру законным средством защиты в условиях чрезвычайной ситуации. Он так объяснял свою теорию диктатуры:

«Когда вторгающиеся силы рассеяны, сопротивляющиеся так же разбросаны, в правительстве, по властям, по судам, словом, по всему телу общества, но когда вторгающиеся силы собраны в политические объединения, тогда необходимо, чтобы никто не мог помешать, чтобы никто не имел права помешать сопротивляющейся силе самой по себе сосредоточиться в одной руке. Это ясная, нерушимая, блестящая теория диктатуры»²⁹.

В этой связи хрестоматийным было обращение Доносо Кортеса во время аудиенции к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV 15 марта 1849 г., в котором он сказал: «Как бы ни было очевидно, я осмеливаюсь тем не менее напомнить Вашему Величеству, что было

²⁷ Там же. С. 327, 332.

²⁸ Там же. С. 323.

²⁹ Там же.

бы вредно абсолютно доверять кому бы то ни было. Сельское население не может само по себе спасти трон, необходимо, чтобы трон спасся сам, подавляя злоупотребления демагогов и энергично наказывая предателей»³⁰.

Таким образом, диктатура была для Доносо Кортеса средством защиты от государственно-разрушительных сил. Как записал К. Шмитт в своем дневнике 24 ноября 1947 г.: «диктатура для Кортеса не только легальна, но и легитимна»³¹. Это определяется нетипичностью самой ситуации, в которой оказалось государство. В «Политической теологии» К. Шмитт отметил, что «едва Доносо Кортес обнаружил, что время монархии кончилось, поскольку больше нет королей и ни у кого не достало бы мужества быть королем иначе, как только по воле народа, он довел свой децизионизм до логического конца, то есть потребовал политической диктатуры. <...> Диктатура – противоположность дискуссии. Для децизионистского духовного склада Кортеса свойственно постоянно предполагать крайний случай, свойственно ожидание Страшного Суда. Поэтому либералов он презирует, а атеистически-анархический социализм уважает как своего смертельного врага и придает ему сатанинское величие»³².

Метафизика власти во взглядах Доносо Кортеса и интерпретациях К. Шмитта представляет собой разорванный во времени дуэт, позволяющий увидеть, как толкование Шмиттом политических воззрений Доносо Кортеса проясняло его собственное понимание проблематики власти и политики. Схожесть ситуации 1848 г. и политического развития Веймарской республики делало Доносо Кортеса актуальным для представлений немецкого юриста и оказало значительное влияние на шмиттовскую интерпретацию «друга»-«врага». Современный мир состоит из национальных государств, проводящих политику, ориентированную на получение экономической выгоды и политических преимуществ, опирающуюся на политические партии, которые, в свою очередь, также стремятся удовлетворить уже партийные интересы, репрезентируя потребности и ожидания социальных групп, которые, создавая внешнюю видимость единства, тем не менее, в большей степени хаотичны и не представляют собой какую-нибудь более или менее единую массу. В

³⁰ Там же. С. 559.

³¹ *Schmitt*. 1991. S. 49.

³² *Шмитт*. Указ. соч. С. 97, 94.

итоге мир превращается в организованный хаос, потерявший свою сердцевину. В противоположность этому должно выступать нечто универсальное, стоящее над склокой национальных, партийных или экономических интересов. К. Шмитт видел этот универсализм в католической вере и католической церкви: «римско-католическая церковь как исторический комплекс и административный аппарат продолжает универсализм Римской империи»³³. Страх национальных государств перед универсализмом проявлялся не только в антиклерикальной политике европейских государств, нацеленной на ослабление позиций католической церкви в государственной и общественной жизни, но и в стремлении вообще заменить веру, духовную жизнь человека экономическими ценностями: деньгами, экономическим успехом, выгодой. К. Шмитт полагал, что политические и социальные трансформации европейского общества изменяют характер политики государств, приводят к формированию новой системы ценностей и разрушению традиционных основ. «Вместе с каждой сменой политической ситуации меняются, по видимости, и все принципы — кроме одного: власти католицизма»³⁴. Даже в современном европейском обществе, всячески подчеркивающим свою светскость, и то можно наблюдать присутствие религиозного элемента, его доминирующую роль. К. Шмитт видел выражение этого в доминирующем элементе либерального общества — частной собственности. Он указывал на то, что «куда бы ни поместить религиозное, повсюду обнаруживается его абсорбирующее, абсолютизирующее действие, а если религиозное оказывается частным, то, вследствие этого, и наоборот: частное религиозно освящается. Одно от другого неотделимо. Итак, частная собственность священна именно потому, что она есть частное дело». Поэтому в европейском обществе «религия — религия частного, без нее рухнуло бы здание этого общественного порядка»³⁵.

Католическая аргументация представляет собой особый способ мышления. Рациональная творческая сила и гуманность католицизма состоит в том, что он «остаётся в [сфере] человеческо-духовного; не извлекая на свет иррациональную тьму человеческой души, она даёт ей направление. В отличие от экономически-

³³ Шмитт. Указ. соч. С. 104-105.

³⁴ Там же. С. 103.

³⁵ Там же. С. 139.

технического рационализма, она не дает рецептов для манипуляций материей»³⁶. Универсализм католической церкви выражается в том, что она в религиозно-политическом плане представляет собой единство. Религиозный авторитет основывался на том, что «Папа по своему имени есть отец, а Церковь есть мать верующих и невеста Христа — удивительное соединение патриархального с матриархальным, которое способно сориентировать на Рим оба потока наипростейших комплексов и институтов, уважение к отцу и любовь к матери — разве бунт против матери возможен?»³⁷. Католическая церковь выступает в качестве, с одной стороны, религиозного, с другой стороны, политического авторитета. В этом состоит ценность католицизма. Шмитт соглашался с Ж. де Местром, отмечая, что «де Местр с особенным пристрастием рассуждает о суверенитете, который у него главным образом означает решение. Ценность государства состоит в том, что оно дает решение, ценность Церкви — в том, что она является последним, не подлежащим обжалованию решением»³⁸.

В условиях смены духовных ценностей на рубеже XIX–XX вв. К. Шмитт считал, что только католицизм сохраняет свое духовное значение и остается неподверженным вторжению политических сил извне. Протестантизм, все больше сближаясь с государством, оказался подверженным всем трансформациям, происходившим в обществе. Шмитт усматривал причину этого в разрушении его духовной составляющей. Это придавало большую значимость католицизму, который, по его глубокому убеждению, остается единственным бастионом духовности против разрушительных тенденций современности. Он полагал, что в начале XX века именно в католицизме «ищут спасения от бездушия рационалистического и механистического века. Соизволив быть не чем иным, как полюсом душевности в противоположность бездушности, церковь забыла бы себя самое»³⁹. Стремление католической церкви сохранить свое духовное лидерство требует от нее политической организованности.

Деятельность политического католицизма в рамках государства следует законам политики и политическим условиям. К. Шмитт

³⁶ Там же. С. 118.

³⁷ Там же. С. 108-109.

³⁸ Там же. С. 82.

³⁹ Там же. С. 114.

отвергал несправедливые обвинения политических оппонентов в «безграничном оппортунизме». Он считал, что данное обвинение основывается на «антиримском эффекте», подтверждение чего выступала антикатолическая политика в государствах, в которых католическая вера исконно существовала. В качестве подтверждения можно привести деятельность правительства республиканцев во Франции в 1880-е гг., исторической Левой в Италии и, конечно же, «культуркампф» Бисмарка в Германии в 1870-е гг. Однако, если посмотреть на политический католицизм с точки зрения политической деятельности, то отличительной его чертой выступала удивительная «эластичность». Благодаря ей он присоединялся к противоположным течениям и группам, не теряя своего значения⁴⁰. Данная тактика не является предосудительной, так как используется всеми политическими силами. Шмитт считал, что для католического мировоззрения «все политические формы и возможности становятся всего лишь инструментами подлежащей реализации идеи»⁴¹.

Современное индустриальное общество выступало как противоположность католической идее. Основанное на индивидуализме и экономической выгоде, оно подменяло духовную идею экономическим мышлением. То, что не приносит экономической отдачи, в представлении людей индустриальной эпохи вряд ли заслуживает какого-либо внимания: «Рационализм экономического мышления привык считаться с определенными потребностями и видеть только то, что он может “удовлетворить”». Он выстроил для себя современный большой город — здание, где все происходящее поддается калькуляции»⁴². Шмитт определял противоположность между экономическим мышлением современной эпохи и политической идеей католицизма как противоположность между переменчивостью и постоянством. Особенность рационализма католической церкви он видел в стремлении к моральному осмыслению природы человека, его психической и социальной сущности. Католическая идея не приносит увеличения состояния граждан, расширения производства или роста производительности труда. В отличие от промышленности и техники она не стремится овладеть материей с тем, чтобы придать ей

⁴⁰ Там же. С. 101-102.

⁴¹ Там же. С. 104.

⁴² Там же. С. 119.

полезность, получить от нее экономическую отдачу. К. Шмитт отмечал, что «у церкви — своя особая рациональность. <...> Этот рационализм заключен в институциональном и имеет сущностно юридический характер; его великое достижение состоит в том, что он делает священство должностью, но опять-таки совершенно особенным образом. Папа — не пророк, а наместник Христа»⁴³. Католическая идея стоит вне экономической борьбы, которая является важной составляющей современного политического противоборства: «Владение нефтяными источниками земли может, пожалуй, оказаться решающим в борьбе за мировое господство, но в этой борьбе наместник Христа на земле участия принимать не будет»⁴⁴.

Буржуазное общество стремилось к установлению приоритета экономических ценностей, опирающихся на капиталистические отношения, и индивидуалистических ценностей, вытекающих из основных положений либерального мировоззрения. К. Шмитт видел в основе буржуазного общества «всеобщий дуализм», имеющий четкие полярные стороны: «на одной стороне буржуа, на другой — ничто, человек богемы, который в лучшем случае репрезентирует сам себя»⁴⁵. Если в эпоху Просвещения гештальтом выступал ученый, противостоящий церкви и борющийся с христианской верой в пользу рационалистического знания, а «торговец был духовной величиной лишь как пуританский индивидуалист», то с наступлением индустриальной эры они сохраняются, но изменяется их место в обществе. С утверждением господства техники, где ключевую роль играет машина, «оба они все больше становятся услугой огромной машины»⁴⁶. Во-первых, ученый и торговец в современных условиях нацелены на обслуживание предприятия. Во-вторых, сам процесс обслуживания машины делает их необходимым элементом в машинном производстве, что приводит к стиранию индивидуальных черт, превращает их в анонимные существа, подлежащие замене по мере износа. Анонимность и заменяемость лишают их репрезентативности. Антимодернизм и антиурбанизм Шмитта позволяли увидеть в католицизме духовную альтернативу наступающей машине. По Шмитту, рационализм и техническое

⁴³ Там же. С. 117.

⁴⁴ Там же. С. 124.

⁴⁵ Там же. С. 127.

⁴⁶ Там же. С. 126.

мышление объединяет чуждость социальным традициям: «машина не имеет традиций»⁴⁷. Этот разрыв современного мира с традицией воспринимался католиками с ужасом, оживляя в их сознании образ Страшного суда. Католическое мышление Шмитта позволило ему соединить наступление индустриальной эпохи с господством безличного, с образом антихриста⁴⁸.

Репрезентантом Просвещения выступал ученый, экономическое пуританство представлено торговцем, в то время как политический теолог репрезентирует католицизм. Политическая направленность католицизма не определяется ни экономическими факторами, ни чистой технологией власти. Макиавеллистическое понимание политики превращало ее в простую технику власти, в политическую механику. Но такой подход фиксировал только внешнее отражение политической жизни, безусловно важное, но не единственное. К. Шмитт писал, что «ни одна политическая система не может пережить хотя бы одно поколение при помощи голой техники утверждения власти. Политическое предполагает идею, ибо нет политики без авторитета и нет авторитета без этоса убеждения»⁴⁹. Католицизм обладает божественным авторитетом, который делает его роль более значимой, чем у либерализма и пуританства. Он также превосходит механику власти Макиавелли, так как несет идею, внутреннее наполнение политической деятельности. «Политическая власть католицизма не основывается ни на экономических, ни на военных средствах. Независимо от них у церкви есть пафос авторитета во всей его чистоте»⁵⁰.

Мир репрезентативного обладает своей иерархией ценностей и своей гуманностью. К. Шмитт полагал, что политическая идея католицизма живет в своей способности к трижды великой форме: «эстетической форме художественного, юридической форме права и, наконец, всемирно-исторической форме власти в ее блеске славы»⁵¹.

⁴⁷ Там же. С. 137.

⁴⁸ Там же. С. 119. Генрих Майер отмечал, что в представлении Шмитта господство антихриста противоположно политическому и находит свое выражение в стремлении добиться отрицания враждебности. «Борьба “за” или “против” враждебности для него, как мы видим, была важнейшим политико-теологическим критерием». *Meier*. 1994. S. 207-208.

⁴⁹ *Шмитт*. Указ. соч. С. 122.

⁵⁰ Там же. С. 124.

⁵¹ Там же. С. 129.

Католицизм связан с традицией прошлого в отличие от символов экономической эпохи. К. Шмитт писал, что «для мировой истории священник неразрывно сопряжен с солдатом и государственным мужем. Он может находиться подле них как репрезентативная фигура, потому что сами они — такие фигуры, но он не может стоять рядом с экономически мыслящим торговцем и техником, которые лишь подают ему милостыню и путают его репрезентацию с декорацией»⁵². Отличие экономически мыслящего торговца от верующего католического священника состоит в том, что последний путем репрезентации утверждает свое личное достоинство, в то время как первый отражает только вещь. К. Шмитт отмечал, что репрезентировать можно лишь авторитетное лицо или идею:

«Бог или — в демократической идеологии — народ, или абстрактные идеи, каковы свобода и равенство, мыслимы как содержание репрезентации, но это невозможно применительно к производству и потреблению. Репрезентация сообщает лицу репрезентанта собственное достоинство, ибо репрезентант высокой ценности не может быть неценным»⁵³.

Католическая церковь является личной репрезентацией Христа. Именно репрезентация Христа, по убеждению К. Шмитта, ставила католическую церковь над экономическим мышлением. Католическая церковь «репрезентирует *civitas humana* (Град человеческий — С. А.), она в каждое мгновение изображает собой всечеловечие и крестную жертву Христа, она репрезентирует самого Христа, лично, ставшего в исторической действительности человеком Бога. В репрезентации состоит ее превосходство над веком экономического мышления»⁵⁴. Шмитт считал, что именно эта репрезентация дает католической церкви право утверждать свое господство и свою исключительность. Ее власть создает возможность установления нового права, самостоятельных отношений с государством на основе новых норм, ею же созданных.

К. Шмитт исключал возможность католического политического нейтралитета, даже если публично он будет декларироваться церковью⁵⁵. Избежать участия в политической борьбе на одной из

⁵² Там же. С. 132.

⁵³ Там же. С. 128-129.

⁵⁴ Там же. С. 124-125.

⁵⁵ Там же. С. 154.

сторон не представляется возможным, поэтому К. Шмитт отмечал необходимость политического объединения с католицизмом. Противостоять миру модерна можно только с опорой на традиционные ценности. Католическая церковь, в представлении Шмитта, дает внутреннюю идею противодействия экономическому духу и его политической форме. Для победы нужна вера, и католицизм в состоянии ее предоставить. В этом союзе К. Шмитт видел основу для преодоления либерализма веймарской системы и создания мощного бастиона духовного возрождения Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Доносо Кортес Х.* Сочинения / Пер. с исп. А. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006. 627 с.
- Шмитт К.* Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. Ю. Коренец, А. Филиппов. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
- Maschke G.* Drei Motive im Anti-Liberalismus Carl Schmitt // Carl Schmitt und die Liberalismuskritik, hrsg. v. Klaus Hausen u. Hans Lietzmann. Opladen: Leske u. Budrich, 1988. S. 55-79.
- Mehring R.* Carl Schmitt zur Einführung. Hamburg: Junins, 1992. 190 s.
- Meier H.* Carl Schmitt, Leo Strauss und "Der Begriff des Politischen": zu einem Dialog unter Abwesenden. Stuttgart: Metzler, 1988. 141 s.
- Meier H.* Die Lehre Carl Schmitt: vier Kapitel zur Unterscheidung politischer Theologie und politischer Philosophie. Stuttgart: Metzler, 1994. 267 s.
- Noack P.* Carl Schmitt: eine Biographie. Berlin; Frankfurt a. M.: Propyläen, 1993. 360 s.
- Quaritsch H.* Positionen und Begriffe Carl Schmitt. 2. Auf. Berlin: Duncker u. Humblot, 1991.
- Schmitt C.* Donoso Cortés im gesamteuropäischer Interpretation. Köln: Greven Verlag, 1950. 114 s.
- Schmitt C.* Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951, hrsg. von Eberhard Frhr. von Medem. Berlin: Duncker u. Humblot, 1991. 364 s.
- Schmitt C.* Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1923–1939. Berlin: Duncker u. Humblot, 1988. 322 s.

Артамошин Сергей Викторович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета; artamoshinsv@mail.ru.

И. Ю. НИКОЛАЕВА, Н. Г. ХАРИТОНОВА

НА ПУТЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА: ОБРАЗ ЛЮТЕРА КАК СИМВОЛ СПЕЦИФИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА

В статье рассмотрен феномен Лютера как символ своеобразия исторического развития Западной Европы. Прослежены две основные историографические тенденции в интерпретации образа реформатора: признающая гуманистическое содержание идей Лютера и отказывающая в нем. Сделана попытка проверить на прочность эти разные подходы с помощью оригинальной полидисциплинарной технологии, фокусируемой на бессознательном.

Ключевые слова: Реформация, Лютер, ментальность, идентичность, габитус, установка, ценностная ориентация, бессознательное.

Вопрос о трансформации ментальности великого германского еретика как часть более широкой проблемы радикальных перемен, произошедших с сознанием и мироощущением средневекового человека на рубеже Средневековья и Нового времени, является центральным в многообразии зачастую сталкивающихся между собой интерпретаций образа Лютера. Несколько огрубляя логику противостояния двух традиций толкования этой ментальности, можно обозначить их следующим образом. Одна из них делает акцент на новизне религиозно-психологического и духовного переворота в сознании европейца данного времени. В рамках этой традиции отчетливо выявляется склонность исследователей увязывать эти перемены с оформлением нового буржуазного уклада. Идущая от марксистской трактовки духовного переворота эпохи Реформации¹, эта традиция строится на следующих фундаментальных посылах. «Ре-

¹ Имеется в виду прежде всего классический труд Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» (Маркс, Энгельс. 1956. Т. 7. С. 343-437), но множество уточняющих взгляд классиков марксизма на Лютера замечаний содержится и в других их работах. См.: Маркс. 1956. Т. 46. Ч. II. С. 407-496.(С. 430); Энгельс. 1956. С. 314.

волюция началась в мозгу монаха»². Лютер отражал тот сдвиг в мироощущении человека на пути Перехода к раннебуржуазному обществу, который был связан с потребностью в «моральном возвышении «добросовестного стяжания»³. Имплицитно или открыто эта традиция акцентирует гуманистическое величие произошедших перемен, выразившихся в возросшей уверенности человека в своих силах.

Другая традиция, во многом выросшая на почве историко-антропологического сдвига в науке, рисует образ Лютера в ином ключе. Порой оставляя в стороне вопрос о связи генезиса реформационной ментальности с буржуазным укладом, порой отрицая ее наличие, исследователи, принадлежащие к ней, ставят под сомнение прежде всего радикальность позитивно-психологических (читай — гуманистических) перемен, произошедших с Лютером как выразителем широких слоев европейского общества того времени. Наиболее стереоскопично и фундаментально этот взгляд отражен в книге выдающегося французского историка Жана Делюмо «Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.)»⁴. Анализируя характер ментальных изменений на европейском Западе, Делюмо вписывает Реформацию в контекст этой общей трансформации, которая видится ему в возобладании на уровне доминирующей культуры массовой обеспокоенности человека своим уделом, возрастанием чувства греховности и вины, апокалиптических настроений. В диалоге позиций Э. Кассирера, отстаивавшего мысль об отличии Возрождения от Средних веков как эпохе перехода от веры в Бога в веру в Человека, и Э. Гарена, справедливо оспорившего, как пишет историк, это чересчур категоричное утверждение и показавшего, что «образ Прометея отнюдь не является наиболее адекватным отражением ренессансного духа», Делюмо очевидно ближе вторая⁵. Именно в «протестантской теологии — и, соответственно, в XVI в. — умаление человека и мира достигло в западной цивилизации наибольшего размаха. Никогда прежде они не были объектом столь тотального осуждения, и никогда это осуждение не предназначалось для столь широкой аудитории», — констатирует исследователь⁶.

² Маркс, Энгельс. 1956. Т. 1. С. 422.

³ Соловьев. 1984. С. 43.

⁴ Делюмо. 2003.

⁵ Там же. С. 199-200.

⁶ Там же. С. 35.

Позиция Делюмо не сводится к полному отрицанию изменений, произошедших с человеком в данную эпоху. Не раз на страницах цитируемого труда встречаются оговорки относительно того, что наряду с религиозно-интеллектуальной аргументацией реформаторов и возрожденческой элиты, свидетельствующей о возросшем чувстве тревоги и отчаяния человека той эпохи в их текстах, присутствует и противоположная топка⁷. И, тем не менее, общий вектор и характер эволюции доминирующего умонастроения обозначен предельно ясно, что отражено самим названием книги французского исследователя. Позиция Делюмо представляется вполне коррелируемой с той тенденцией в историографии конца XX в., которая, будучи плоть от плоти историко-антропологического сдвига, была занята, в частности, и поисками ответа на вопросы сродни следующему — как интерпретировать некий параллелизм ренессансного свободомыслия и титанизма с расцветом демономании, являлись ли они «неожиданным», «побочным», но продуктом возрожденческой эпохи или были ее сутью⁸?

Очевидно, что эти поиски явились реакцией выросшего знания на одномерные характеристики эпохи в мажорно-гуманистическом ключе, уходящие корнями в историографию XIX в. и сохранившиеся в сколках мифологизирующих эпоху образов и идей историографии XX в. Результатом этих поисков явилось исследование тех сторон ментальности, которые, как правило, выпадали из поля зрения классической традиции, углубление представлений о человеке в истории, признание необходимости анализа бессознательного как органичной компоненты общей структуры личности и общества.

Возвращаясь к теме Лютера, нельзя обойти вниманием ставшие уже хрестоматийными труды Э. Эриксона и Э. Фромма⁹. Появившиеся на свет приблизительно в одно время исследования построены на использовании психоанализа, оригинально переработанного в авторские концепции идентичности и социального характера. Оба оказали сильное воздействие на развитие гуманитарии второй половины XX в. При этом примечательно, что, несмотря на общность многих эпистемологических посылок, связанных с подходом к исто-

⁷ См., напр.: Там же. С. 182 и др.

⁸ См. об этом, напр.: Горфункель. 1986. «Молот ведьм» — Средневековье или Возрождение?.. С. 162-163.

⁹ Эриксон. 1996; Фромм. 1996.

рии, природе, месту и роли бессознательного в ней, Эриксон и Фромм создали во многом противоположные (хотя в чем-то, как увидим, и пересекающиеся) версии лютеровского образа, которые опять-таки условно, но могут быть разнесены по разные полюсы отмеченных ранее историографических традиций. Это обстоятельство видится нам как симптом, с одной стороны, процессов конвергенции знания, с другой — как повод для размышлений о том, почему эта конвергенция дала противоположные результаты? Так или иначе, ответ на этот вопрос конвертируется самой логикой используемой в данной статье исследовательской технологии в постановку другого — возможна ли на сегодняшнем уровне науки проверка на прочность психоисторических конструкций названных авторов? А этот вопрос в свою очередь органично перетекает в разрешение следующего — возможно ли такое комплексное исследование поднятой проблемы, которое дало бы верифицируемый результат¹⁰?

Начнем с того, что обе концепции потому и вошли широко в оборот современного гуманитарного знания, что основывались на посылке синергии социального и духовно-психологического измерений истории человека. И для Э. Эриксона, и для Э. Фромма очевидна вписанность феномена Лютера в процесс макроисторических перемен средневекового Запада на рубеже Средневековья и Нового времени. Э. Фромм напрямую постулирует связь процессов генезиса реформационной ментальности с оформлением капиталистического уклада¹¹. Именно в этом контексте социальный характер Лютера рассматривается исследователем как отражение черт характера его адептов, как результат адаптации личности к окружающим условиям ее бытования. Анализируя комплекс идей реформатора, согласно Э. Фромму, необходимо иметь в виду не только это обстоятельство, но и психологические корни его идеологии, памятуя о том, что процесс рационализации того или иного мотива может носить ложный характер¹². Инст-

¹⁰ Основы теоретического конструирования используемой технологии полидисциплинарного анализа, дающей верифицируемый результат, и ее апробация на разнообразном историческом материале изложены в книге: Николаева. 2005.

¹¹ Фромм. 1996. С. 43.

¹² «Первым условием такого анализа является полное понимание логического контекста идеи, понимание того, что автор хотел высказать. Но мы знаем, что человек — даже если он субъективно искренен — зачастую подсознательно руководствуется совсем не теми мотивами, которые сам он считает основой сво-

румент для анализа основных идиологем Лютера — понятие авторитарного характера. Его носитель — человек, «который восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он сам хочет быть властью, чтобы другие подчинялись ему»¹³. За восхищением властью, фигурой его носителя, которую демонстрирует явно или неосознанно носитель авторитарного характера, скрывается чувство бессилия перед властью, страх перед ней. Прокламируемая любовь является защитным механизмом функционирования психического¹⁴.

его поведения: он может воспользоваться какой-либо концепцией, имеющей определенный логический смысл, но для него — подсознательно — означающей нечто совершенно отличное от этого «официального» смысла — Там же. С. 65.

¹³ Там же. С. 144.

¹⁴ Оставив в стороне развернутый разбор концепции авторитарного характера Фромма, отметим следующие моменты. Во-первых, в качестве модальной конструкции данная структура характера вряд ли вызывает сегодня принципиальные возражения. Во-вторых, применительно к конкретно-историческому анализу она явно нуждается в дополнении или расшифровке с помощью других социопсихологических концептов и исторического знания. Сам Фромм отмечал, что в личности всегда присутствует и садистская и мазохистская стороны, различаясь степенью выраженности одной и степенью подавленности другой (*Фромм*. 1993. С. 78). Не раз оговаривая, что одним представителям этой структуры характера свойственно в большой мере стремление к подчинению, а другим — склонность бунтовать против фигуры авторитета, Фромм разрешает это противоречие так: «С людьми, у которых мятежность преобладает, можно легко ошибиться, решив, что структура их характера прямо противоположна характеру мазохистского типа. Кажется, что их протест против любой власти основан на крайней независимости... Однако борьба авторитарного характера против власти является, по сути дела, бравадой. Это попытка утвердить себя, преодолеть чувство собственного бессилия, но мечта подчиниться, осознанная или нет, при этом сохраняется» (*Фромм*. 1996. С. 146). Делая поправку на модернизирующие историческую платформу развития психического термины «садизм» и «мазохизм», заметим, что в целом как модальный в веберовском смысле тип авторитарная структура характера описана верно. Но невольно напрашивается вопрос — откуда и почему у одних представителей этого типа возникает потребность и возможность проявить свое «Я», самоутвердиться, а у других прямо противоположная? Вопрос, на который нет прямого ответа в фроммовской концепции, но который может быть разрешен при условии дополнения ее теориями установки и идентичности. Структура характера в таком дополнении может быть анализируема с большей степенью точности как конструируемая и переконструируемая в контексте социальных изменений идентичность, представляющая собой некую закономерную систему конфигурации и динамики установок личности, что и будет показано в данном тексте. В-третьих, и это вытекает из самой психологической характеристики

Несколько забегаая вперед подчеркнем, что именно в таком ключе интерпретируется суть тех психологических настроений, что лежали в основе идей Лютера: «...его отношение к богу — это отношение подчинения, основанное на ощущении бессилия. <...> сознательно он рассуждает о своей «покорности» богу в терминах добровольности и любви, на самом же деле переполняющие его чувства бессилия и злобы превращают его отношение к богу в отношение подчинения»¹⁵. Этот ментальный настрой Лютера снял, согласно концепции Фромма, настроения, широко распространенные в среде тех социальных слоев, которым становление нового буржуазного уклада наряду со свободой несло массу проблем, вылившихся в усиление чувства тревоги и изоляции, неуверенности: для городской бедноты — рабочих и подмастерьев — усиление эксплуатации и еще большую бедность; для крестьян — усиление экономического и личного угнетения; для бедного дворянства — тоже разорение; для ремесленников и торговцев, преобладающей части среднего бюргерского класса — усиление неравной конкурентной борьбы с возросшей силой образующихся крупных монополий. Не «имея богатства и власти, какие были у капиталистов эпохи Возрождения, потеряв чувство общности с людьми и миром, человек новой эпохи оказался подавлен ощущением своей ничтожности и беспомощности»¹⁶.

Обратим внимание на то противопоставление, которое допускает Фромм, сравнивая отношение к Богу в средневековом мире и в нарождающемся новоевропейском. Как и Делюмо он полагает, что в отношении к Господу в Средневековье в сравнении с Новым временем было гораздо более доверия и любви, чем сомнения и страха¹⁷.

Фроммом власти как продукта межличностных отношений, а также из предыдущего замечания, авторитарная структура характера в историческом измерении как психосоциальный тип также может быть анализируема в ее изменчивости. В этом смысле предположение, что ее структура будет динамичнее изживать черты беспрекословного подчинения авторитету на социально-исторической почве средневековой западной цивилизации, нежели на русской, находит свое подтверждение в анализе психосоциальной природы их власти (см.: Соломеин, Мухин, Николаева. 2008. С. 195-215; Николаева, Мухин, Соломеин. 2009. С. 198-213).

¹⁵ Фромм. 1996. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 59-62.

¹⁷ Заметим, что уже эта фундаментальная посылка авторов по меньшей мере нуждается в серьезном редактировании — общее смягчение нравов, возросшая

Реформация изменила это мироощущение, что и выразил феномен Лютера, который «ненавидел других, особенно “чернь”; ненавидел себя, ненавидел жизнь, и на этой ненависти выросло страстное и отчаянное стремление быть любимым. Вся его жизнь прошла в непрерывных сомнениях, во внутренней изоляции. На этой личной почве он и смог стать глашатаем тех социальных групп, которые находились в таком же психологическом состоянии»¹⁸. Уточняя личностный контекст формирования характера лидера Реформации, Фромм отмечает и условия социализации — суровость отца, детство, не давшее испытать ни любви, ни чувства уверенности¹⁹.

В соответствии с основными положениями теории идентичности Э. Эриксона условия социализации в семье — отправной моментом на пути расшифровки харизматической идентичности реформатора. Эриксон четко позиционирует социальную обусловленность процесса формирования личности²⁰. Но в отличие от фроммовского его анализ условий семейной социализации имеет более четкую коррелируемость сферы отношений в семье будущего реформатора социальными реалиями времени и среды²¹. Результаты, полученные Эриксоном, дали в свое время основание одному из известных отечественных исследователей не только оценить метод американского психоисторика как одну из самых перспективных моделей историко-

уверенность личности в себе, все эти симптомы изменения психосоциальной идентичности западного европейца рубежа конца Средневековья и начала Нового времени не только не исчерпывали общей палитры умонастроения цивилизации, но представляли собой всего лишь культурно-психологическую мутацию, обусловленную своеобразием социоисторической динамики Запада. Далеким от случайного представляется факт прогрессирующего (в сравнении со средневековым русским миром) приращения ликов Бога как милостивого отца, всепрощающего и любящего своих чад, расцвет культа Девы Марии, появление образа Чистилища — воплощенного милосердия, смягчение ликов святых и образов людей как в религиозной, так и светской живописи. См. об этом: *Гуревич*. 1989. С. 100-102, 131-146, 154; *Культура и общество средневековой Европы...* С. 100-102, 131-146, 154; *История Германии...* 2008. Т. 1. С. 201-203.

¹⁸ *Фромм*. 1996. С. 45, 64-65.

¹⁹ Там же. С. 64.

²⁰ *Эриксон*. 1996. С. 453.

²¹ Вспомним положение П. Бурдьё о габитусе как продукте «характерологических структур определенного класса условий существования, то есть экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости». См.: *Бурдьё*. 1990. С. 12.

биографического исследования²², но и, опираясь на него, развить эриксоновскую концепцию Лютера, существенно углубив собственно историческую часть исследования. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным, так как во многом скорректирует наш путь решения поставленных в данном тексте задач.

Начнем с того, что в рамках эриксоновско-соловьевской концепции также делается попытка проанализировать страхи и неуверенность Лютера через их ранние истоки, однако образ отца обретает в ней отсутствующую у Фромма социокультурную стереоскопичность. С одной стороны, выявляется, что выходец из крестьянской среды Ганс Лютер оказался представителем мира нарождавшейся предпринимательской инициативы, сумевшим не только укорениться в новой среде, но и из простого горного мастера превратиться в совладельца восьми шахт и трех плавилен, сколотить к концу жизни весьма приличный капитал, который и завещал в виде 1250 золотых гульденов (сумма достаточная для приобретения поместья с пахотными землями, лугами и лесом). С другой стороны, оба автора видят источник неуверенности Ганса в своем деле, заставившей его мечтать о будущем сына на иных путях. Лелеемая старшим Лютером мечта, чтобы сын стал юристом и бургомистром, вырисовывается как закономерный штрих к сознанию даже такого относительно успешного бюргера, каковым был отец будущего реформатора. Постоянная угроза пролетаризации в условиях неустойчивости нарождавшегося буржуазного уклада не могли не порождать настроений разочарования, смятения и сложных форм деловой апатии, широко распространенных в среде немецкого бюргерства на рубеже XV–XVI вв.²³

Обратим внимание на замечание о немецком бюргерстве, которое упорно трудились²⁴. В последующем это будет важно для пони-

²² Соловьев. 1981. № 9. С. 142.

²³ «Немецкий состоятельный горожанин по-прежнему упорен и практичен, но вместе с тем как бы испытывает “комплекс неполноценности” в отношении своей экономической роли. Он полагает, что предпринимательство менее достойно, нежели военная или чиновничья служба, <...> он сомневается следует ли требовать от детей и внуков, чтобы они “приносили себя в жертву делу”». Соловьев. 1984. С. 41.

²⁴ Прояснение вопроса об историко-культурных мутациях этих представлений на разной национальной почве затруднено отсутствием исследовательских наработок в этой области. Тем не менее, рискнем, пойдя вслед за Ф. Броделем, предположить, что достаточно проблемная природно-климатическая среда Гер-

мания того, почему, скажем, великий реформатор не появился на испанской или итальянской почве. Пока посмотрим, как рационализировались отмеченные настроения. Э. Ю. Соловьев, не используя фроммовскую идею о том, как маскируются бессознательные настроения в те или иные мифо- и идеологемы, фактически идет тем же путем, связывая социальную неуверенность бюргерства с характерными темами массового сознания того времени. Он отмечает, что любимой песней немецких бюргеров становится средневековый плач «посреди жизни осаждены смертью», стены домов и мастерских нередко украшала дюреровская гравюра с четырьмя всадниками — предшественниками Антихриста. Наконец, сам образ Христа обретал в этом сознании карающие функции. По словам Лютера: «Для меня с детства было привычно, что я должен бледнеть и пугаться, когда я слышу имя Христа: я ведь был обучен тому, что он для меня неумолимый и гневный судия»²⁵. Потребность в санкционировании «доброросовестного стяжания» — суть основной коллизии закрепления нового предпринимательского уклада — также могла разрешиться, лишь будучи оформлена на языке религиозной морали.

Примечательно, что Эрикссон, который определит первый важнейший кризис личности Лютера именно через отношения с отцом (вспомним роль базисного доверия как первейшее условие уверенности личности уже на ранних этапах ее становления)²⁶, осторож-

мания в купе с отсутствием более или менее сохранившегося со времен Римской империи уклада торговой деятельности способствовала тому, чтобы на заре своего становления как *homo faber* германец был вынужден гораздо более упорно трудиться в отличие, скажем, от итальянца или испанца. Эта накапливаемая веками готовность отражалась в бессознательном и дала почву для устойчивых стереотипов о немецких бережливости и трудолюбии. Мы имеем шанс найти и более доказательные аргументы в пользу выдвинутого предположения. Германский культурный ландшафт обнаружит наличие текстов, аналоги которым трудно найти, скажем, в итальянской или в испанской культуре. Например, такую поэму, как «Майер Гельмбрехт» Вернера Садовника (XIII в.), где со свойственной национальному дискурсу дидактичностью утверждается максима значимости труда²⁴. Не случайно и близкое сходство темы труда в этой поэме и той аранжировки, которую она получила в проповедях одного из самых популярных авторитетов простонародной аудитории южно-немецких городов Бертольда Регенбургского (Гуревич. Указ. соч. 1990. С. 200-293, 264-277. Он же. 1990. С. 200-203, 264-277.).

²⁵ Цит по: Соловьев. 1994. С. 22.

²⁶ Чувство базисного доверия является фундаментальной предпосылкой ментальной устойчивости или витальности Эго — такова одна из центральных

ными мазками рисует «крутой нрав» Ганса Лютера. На основании сведений об убитом Гансом пастухе, он делает предположение, что его порывы временной ярости должны были обращаться на домохладцев, что подтверждает своими поздними текстами Лютер. Эрикссон отсылает читателя к двум наиболее часто цитируемым высказываниям Лютера: «Однажды мой отец высек меня так, что я убежал и чувствовал к нему злость, — до тех пор, пока он с трудом не вернул меня к себе»; «Моя мать выпорола меня до крови за то, что я стащил орех. Хотя она исходила из добрых побуждений, такая суровая дисциплина довела меня до монастыря»²⁷. Эрикссон редактирует эти высказывания Лютера в переводе Бейтона. Добавление к рассказу о наказании: “dab ich ihn flohe und ward ihm gram, bis er mich wieder zu sich gewoehnte”, Бейтон перевел в манере, пишет Эрикссон, в какой мог выразиться американский мальчишка: «Я убежал <...> я разозлился». Но более точным переводом было бы: «Я бежал от него и был горько обижен на него, — пока он постепенно не приручил меня к себе снова». Пытаться *приручить* кого-то *вновь* возможно лишь при наличии прежде повседневно близких отношений. Мартин мог бояться, но не мог в действительности ненавидеть своего отца.

Обратим внимание на этот момент, который существенно корректирует фроммовскую оценку базисной основы характера Лютера. Она, однако, не дает основания нацело отказаться от гипотезы об авторитарном характере. Эрикссон пишет о дуализме взаимоотношений отца и сына отмечает то жесткое утверждение отцом своей не-

идей концепции идентичности Эриксона. Комплекс неосознаваемых ощущений ребенка, возникающих как результат реакции на индивидуальные запросы, начиная с младенческого возраста, на самых ранних стадиях зависит «от качества связей ребенка с матерью», от того, вовремя ли он получает пищу, тепло и т.п. физиологически и психологически важные знаки внимания к его персоне. Это внутреннее состояние, определяющее готовность надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, может быть более точно расшифровано как система фиксированных установок. Эрикссон отмечает «лонгитюдный» характер этого полученного раннего опыта общения с близкими людьми. Лишение материнской заботы, отлучение от близких фигур, равно как и обделенность родительской любовью не могут не сказаться на «радикальном снижении базисного доверия» и не откликнуться в характере построений отношений с миром уже взрослой личности. Такой вывод психисторика подтвержден мировой клинической практикой. (См.: Эрикссон. 2006. С. 106-114; *Он же*. 1996. С. 455).

²⁷ Эрикссон. 1996. С. 121.

пререкаемой правоты, которая, как правило, приводит к подавлению «Я» ребенка, страху перед миром в лице родителя, неспособности сопротивляться внешнему авторитету. Страх перед отцовским гневом (по описанию некоторых биографов, постоянный) исключал возможность каких-либо возражений²⁸. В таком случае остается до конца непонятой последующая возможность протеста Лютера, его несогласия с волей отца, которое он проявит, не приняв решение о его светской юридической карьере.

Думается, что объяснение причин оформления (несмотря на все оговорки относительно однозначности таковой у будущего реформатора) позитивной идентичности²⁹ Лютера имеет смысл искать в том, что он уже на ранней стадии отрочества обнаружит стойкость, граничащую с бунтарством отчаяния. Выряжаясь языком психологии: на глубинном уровне его бессознательного — единой нефиксированной установки в терминологии школы Д. Узнадзе³⁰. Именно она, будучи вместилищем как накопленных, так и усвоенных с детства фиксированных установок неуверенности, страха, базальной тревожности, следы которых в огромном количестве обнаруживают многочисленные тексты Лютера, содержала в себе и нечто противоположное им. *Это нечто* (опять-таки на языке теории новых актуально-моментальных установок) *в последующем, как мы увидим, в ходе целого ряда кризисов идентичности страдательно-творческим образом будет преобразовано в тот пласт новых готовностей к преодолению страхов и неуверенности в себе, в новую конфигурацию идентичности, которая рационализируется и в образах любви и доверия к Богу.* Без этой первичной способности к сопротивлению давящей психологической силе авторитета, власти, которая как интенция представляет собой потенциальную возможность новой конфигурации неосознаваемых установок подчинения власти и самоутверждения себя перед лицом авторитета, была бы невозможна и новая религиозная идентичность Лютера как лидера Реформации.

Более того, введение параметра установки делает наше изыскание возможного ответа на вопрос, почему молодой Лютер стал от-

²⁸ Эриксон. 1996. С. 110-111.

²⁹ Термин Э. Эриксона, означающий относительную устойчивость Эго, способность принять собственный образ о его отражение в глазах окружающих без психологического напряжения.

³⁰ См.: Узнадзе. 2001; Шерозия. 1979.

цом Реформации, более точным не только в психологическом, но и историческом плане. Уже на ранних стадиях детства и отрочества маленький Мартин в силу законов идентификации с авторитетом должен был перенять и то чувство пусть не безусловной, но уверенности «Я», которым обладал Ганс Лютер. *Успех предпринимательской карьеры отца*, давшийся ему чрезвычайно тяжело, достижение которого все время проблематизировалось условиями бытования среднегородских бюргерских слоев (прежде всего конкуренцией), по меркам того времени *все же был ощутимым*. А потому и являлся фактором обретения новых установок уверенности в себе Лютером-старшим. Это не могло не задавать импульса чувствам гордости и самоуважения Лютера-отца, в снятом виде закладывавшим основания вполне определенных идентификаций в маленьком Мартине. Эти идентификации, как правило, формируют основу самоуважения и соответственно психологической готовности отстаивать свое «Я», которая уже у взрослого Лютера, окрепнув, отчетливо проявит себя, скажем, в его знаменитом вормском противостоянии папской власти («На том стою и не могу иначе» — эти слова стали крылатыми и символизировали стойкость духа лидера Реформации).

Однако эта часть Эго Лютера на данном этапе еще никак не могла превратиться в гарант обретения им позитивной идентичности. Школьную пору и Эрикссон, и Соловьев склонны интерпретировать скорее в терминах нарастания негативной ее части. Уныние и страх были определяющими в настроениях бурсака Лютера. С этим утверждением многих биографов Лютера стоит согласиться, памятуя о той существенной коррективе, что не позволяет определять его идентичность исключительно в терминах страха перед авторитетом. Соловьев приводит характерные для той стадии социализации слова Лютера, передающие его доминирующей настрой. Однажды после обеда «я был пятнадцать раз знатно исполосован» и уже в продолжение всей жизни «не мог без ужаса говорить о школьном чистилище, где нас мучили за *casualibus* и *temporalibus* и где мы ничему не научились из-за частых сечений, трепета, страха и воплей»³¹. Это мироощущение страха и неуверенности, которое также рационализировалось в терминах собственной греховности перед Богом, проистекало, как нам представляется, прежде всего, из неготовности Мартина к освоению

³¹ Цит. по: Соловьев. 1984. С. 24.

того корпуса знания, что давала мансфельдская (типичная для того времени) школа. И дело не только в стилистике отношений учителей, рекрутировавшихся, как отмечают исследователи, из неудачников — из тех, кто не пробился ни в судьи, ни в богословы, ни в медики, — вымещавших на детях житейские обиды. Хотя и этот момент нельзя сбрасывать со счетов, пытаясь понять характер мироощущения семилетнего Мартина. Как и систему доносительства — один из мальчиков тайно назначался учителем «волком», он должен был записывать имена тех, кто говорил по-немецки, ругался или каким-либо иным образом нарушал правила — оборачивалась не только физическими наказаниями в конце недели. Именно она, полагает Эриксон, способствовала, «аккумуляции известных, полуизвестных или непризнанных грехов», что станет в последующем болезненным лейтмотивом лютеровского ощущения собственной греховности³².

И все же, пожалуй, самым важным фактором укрепления негативного образа себя у маленького Лютера была неготовность к освоению предлагаемого корпуса знания, главным образом латыни. Содержание основных предметов и способы их преподавания были далеки от нужд и потребностей семилетнего ребенка, вышедшего из безграмотной полукрестьянской среды³³. Более того на третьем году обучения немецкий язык полностью вытеснялся за двери школы. Освоение латыни не могло быть легким для ребенка, вышедшего из семьи *немецкого* бюргера³⁴. Косвенным, но наиболее красноречивым признаком того, что этот период социализации прошел, в конечном счете, под знаком нарастания негативных черт восприятия себя являются не только более поздние замечания Лютера о своем детском

³² Эриксон. 1996. С. 148.

³³ «Я есть то, что я могу научиться делать», — такими словами Эриксон определяет важность социосозидательного характера периода школьного обучения (Эриксон. 2006. С. 138). В этом контексте сложно было бы ожидать, что семейный габитус Лютеров в свете ресурсов, которыми располагала школа, мог бы помочь обрести, как пишет психоисторик применительно к данной стадии, «развивающееся чувство созидания. (Там же. С. 136).

³⁴ Можно предположить, что для итальянца или француза здесь было бы меньше сложностей, учитывая, что язык не только отражает сознание, но и является выражением исторического опыта (См.: Дюпрон. 1970. С. 1-71). В этом смысле путь генезиса обществ, имевших более или менее внушительное античное наследие, нес с собой и относительно легкую перестройку языка варваров.

трепете, но и то, что за четыре года он одолел с трудом лишь два класса и был забран отцом из учения.

Доступная информация о матери, которая, как известно, играет наиболее значимую роль в формировании базисного доверия к миру на самых ранних стадиях детского опыта, дает в первом приближении основания подтвердить сделанные относительно данного этапа жизни Лютера выводы. С одной стороны, в «Застольных беседах» Лютер упоминает, что некоторые ее дети «надрывались плачем до смерти»³⁵. С другой — чрезвычайно редкие отзывы о ней (в отличие от высказываний и реплик в адрес отца) сами по себе характеризуют ситуацию. Эриксон приводит мнение некоторых исследователей, которые полагают, что мать страдала от отцовского характера и постепенно стала озлобленным человеком; а также предположение, что «определенный налет печальной изолированности, характерный для Лютера, был присущ и его матери, которая, говорят, напевала ему песенку: «До меня и до тебя никому нет дела. Такова у нас с тобой общая беда»³⁶.

Можно было бы оставить без внимания этот косвенный материал, однако на пересечении психологического знания и исторической информации он обретает свойства скорее доказательного, нежели гипотетического характера. Что эриксоновский концепт позитивной идентичности, что выявленный Фроммом закон функционирования психики личности, чья доминирующая интенция определяется через бегство от свободы (вспомним знаменитое противопоставление «свободы для» и «свободы от») означают нечто принципиально важное и общее — неспособность к активной свободной творческой деятельности так или иначе оказывается производной от нехватки интимности и любви, которые отличают ее носителей. Весь социокультурный контекст жизни Лютеров вкупе со сказанным дает основания говорить о том, что отношения супругов в большей степени строились на необходимости, перераставшей в силу инерции и патриархального склада общества в то лишенное человеческой теплоты чувство, которое описывают многие авторы, говоря о взаимоотношениях супругов и акцентируя зависимость Маргарет Лютер от мужа³⁷. Как бы то ни было, характер отношений с матерью обернулся

³⁵ Цит. по: Эриксон. 1996. С. 134.

³⁶ Там же. С. 136.

³⁷ В этом смысле семья Лютеров предстает типичным микросоциумом средневекового мира, где противоположные тенденции развивались в качестве

не только истоками базисной неуверенности и чувством покинутости, но дал и нечто противоположное. Практически все исследователи без исключений отмечают ее роль в том *мастерстве, с которым Лютер будет говорить и петь*. Казалось бы, несущественная деталь на деле обретает значение одного из ключевых обстоятельств в последующем прорастании первичных способностей ребенка, которые составят природную основу его будущей профессиональной *virtu*. А именно она определит многое и в окончательном обретении Лютером характера позитивного харизматического лидера, способного внушить чувство уверенности и доверия к себе и Богу.

В этом смысле обращает на себя внимание вторая попытка Лютера-отца выучить сына, которая, в отличие от мансфельдского ученичества, увенчалась внешним успехом. Годы, проведенные в Магдебурге, а затем Эйзенахе завершились тем, что Мартин Лютер был признан школьными наставниками «отроком, подающим надежды». В таком заключении еще нет оснований для вывода о том, что ценности среды — в данном случае школы — стали органичной частью Эго-идеала. Напомним, что Эриксон совершенно точно разводит в процессе формирования идентичности внешне усвоенную ценностную норму, или идентификацию, связывая этот механизм с долженствованием, и внутренне принятую как личностно значимую или «свою»: «Но каждый данный исторический период предлагает ограниченный набор социально значимых моделей, которые могут успешно сочетаться в процессе идентификации. Их приемлемость зависит от того, насколько они удовлетворяют одновременно потребностям созревающего организма, способу синтеза “эго” и требованиям данной культуры»³⁸. В этом смысле второй школьный период Мартина Лютера был

отдельных мутаций, носивших кустовый характер, чрезвычайно медленно. Примечательная деталь — когда Карл Великий, не отличавшийся как и многие постоянством, после смерти третьей жены, к которой был по-особому привязан, «отправился на войну только после похорон», это было расценено как большая деликатность. Отсутствие эмоционально-близких, основанных на долговременном чувстве и доверии отношений в семье, как доминирующий элемент гендерных отношений средневекового мира подмечен в большом числе исследований этого жанра. Нынешний уровень знания о связи характера этих отношений с общей структурой психосоциальной идентичности дает возможность более точного объяснения. О том, как прорастали новые установки в этой сфере см.: Николаева. 2002. № 4. С. 223-253; Она же. 2004. С. 76-90.

³⁸ Эриксон. 1996. С. 63.

отмечен появлением и развитием тех интересов, которые были связаны не с диктатом авторитета, не с долженствованием, а отчасти соответствовали его способностям (не противореча нормам среды). Мартин, унаследовавший от матери певческий дар, нашел отраду в музыке, в репетициях школьного хора. А среди «собирателей кусков» (школяров, зарабатывавших пением на улицах) слыл мастером своего дела. Это позволило ему проникнуться интересом и к латинскому стихосложению, в котором он вскоре преуспел.

Если мы переинтерпретируем данную информацию с помощью теории установки, то станет возможным точнее очертить конфигурацию лютеровской идентичности в школьные годы, проведенные в Эйзенахе. Механическая зубрежка и уныние не исчерпывали палитру его психоэмоционального опыта. Новые интересы, а главное успешная реализуемость как в собственных глазах, так и в признании и оценках других, укрепляли каркас тех пока еще слабых установок, которые закладывали пласты позитивной части Эго. Памятуя о том главном эффекте реализуемости лично значимой установки, которую сторонники данной теории определили как *способность порождать энергию*, можно предположить, что развитие подобных лично-значимых творческих задатков в той или иной социально значимой сфере деятельности, только и могло изменить направление динамики мироощущения молодого Лютера.

В отличие от Фромма и Делюмо Эриксон, а вслед за ним и Соловьев реконструируют социопсихологические и культурные механизмы той трансформации, которая делает из невротичного, обуреваемого страхами и тревогами юноши харизматического лидера, обретшего необходимую уверенность в себе и доверие к миру. В этом смысле оба выделяют в качестве переломного момента, своеобразной точки бифуркации, определившей *выбор главной социальной роли* Лютером, его решительный, хоть и мучительный отказ от стези, которую в мечтах видел для него отец — профессии юриста.

Его отказ от видимой перспективы мирского успеха и уход в монастырь лишь внешне выглядят контрастными тому преуспеванию, которого студент Лютер достиг за четыре года обучения в Эрфуртском университете. Заработанная кличка «Философ», второе место среди семнадцати сокурсников, получивших вместе с ним звание магистра искусств, его воспоминания о факельной церемо-

нии, которой было отмечено это событие³⁹, все говорило о приращении тех установок сознания Лютера, которые составляли пусть не доминирующую, но уже явно более устойчивую по сравнению со школьными годами альтернативу негативной части его идентичности. Отметим этот момент, так как он также явится важным элементом последующей страдательно-творческой метаморфозы, сделавшей Лютера религиозно-культурным новатором своего времени. Без этого багажа, как выразился бы исследователь, знакомый с теорией Узнадзе, единая нефиксированная установка Лютера не обрела бы той необходимой критической массы позитивных готовностей к преодолению чувств страха, тревоги и неуверенности в себе, которые определяют ее радикально-новый строй.

О том, что в Эрфурте Лютер еще не обрел таковой, свидетельствует тот острый кризис, который, как отмечают все исследователи, произошел с ним летом 1505 года. Приступивший к изучению права в одной из лучших юридических школ Мартин в середине семестра обратился с необычной просьбой разрешить ему кратковременную отлучку. На обратном пути близ деревни Штоттернхайм его застигла гроза. Одна из молний ударила за спиной так близко, что воздушная волна повергла его на землю. Его охватило состояние «чудовищного страха перед смертью» и он взмолился: «Помоги, святая Анна, я хочу стать монахом»⁴⁰. Лютеранские биографы трактуют это событие как «штоттернгеймское озарение». Однако Э. Ю. Соловьев находит в предисловии к трактату «О монашеском обете» замечание, которое позволяет, памятуя закон «оговорки», предположить, что мотив пострижения в монахи не может быть интерпретирован как свободный выбор внутренне желанной стези. Лютер, отмечает исследователь, аттестует себя как человека, «испуганного небом» и принявшего постриг «как бы не по своей воле». В другом месте он оговорится опять-таки характерным образом: «Отчаяние делает монахом»⁴¹.

Корни этого кризиса идентичности лежали, конечно же, в полюстороннем мире. Однако трактуют их исследователи по-разному. Эриксон полагает возможным предположить, что Мартин был измучен внутренним конфликтом, спровоцированным главным образом

³⁹ «Я по-прежнему утверждаю, что ни одна преходящая мирская радость не сравнится с этой», — вспоминал он. Цит. по: Эриксон. 1996. С. 166.

⁴⁰ Цит. по: Соловьев. 1984. С. 37.

⁴¹ Там же. С. 37, 39.

решением отца о скорой и выгодной женитьбе сына, которая бы довершила усилия Ганса Лютера сделать сына преуспевающим и состоятельным. По мнению Эриксона, Мартину идея супружества представлялась настолько ужасной, что довела его до состояния откровенной паники. Отмечая, что источники не дают никакой информации о связях Мартина с девушками до его поступления в монастырь, Эриксон акцентирует внимание на его намеках об угрызении совести в связи с аутоэротизмом, что повторится позже в более явном виде⁴². Иными словами, по Эриксону страх перед женитьбой актуализировал то глубоко скрытое сопротивление отцу, которое представляло изнанку авторитарного стиля их взаимоотношений.

Однако сам Эриксон, определяя уход Лютера в монастырь как психосоциальный мораторий, свойственный юношескому возрасту с его поиском той идентичности, которая бы соответствовала внутренним потребностям «Я» и культурным нормам среды, не углубляет поиск за границами гендерной сферы. Между тем, резюмируя информацию об умонастроении Лютера в этот период его жизненного цикла, Эриксон приводит собственные слова будущего реформатора, которые побуждают интерпретировать этот кризис шире: «Когда я был молодым магистром в Эрфурте, обычно я находился поистине в состоянии печали, угнетаемый *tentatio tristitia*»⁴³.

В интерпретации Э. Ю. Соловьева ключевым событием, приведшим как к штоттернгеймскому кризису, так и к последующему превращению Лютера в религиозного лидера-новатора, было столкновение с позднесредневековой юридической литературой. Пожалуй, есть некий налет модернизации в замечании Соловьева относительно того, что демократическая натура Лютера-реформатора ни в чем не выразилась так недвусмысленно, как в брезгливой ненависти к «римским юристам». Исследователь пишет об отторжении, которое вызвало освоение этого круга литературы у Лютера-студента, подчеркивая, что юристы в начале XVI века по преимуществу обслуживали высшие слои общества, строя казуистические ловушки для низших сословий. Вряд ли бурсак XVI века мог столь осознанно оценивать социальную ангажированность тогдашней юриспруденции, равно как и понимать, что осваиваемая им наука грешит и грешит по вполне

⁴² Эриксон. 1996. С. 168, 187.

⁴³ Там же. С. 177.

определенным причинам. Более ценным и продуктивным является другое уточнение Соловьева — юриспруденция вызывала тоску и скуку у Мартина (можно предположить, как некогда в школе латынь). В контексте теории установки эта информация может служить веским аргументом в пользу предположения автора, что во время встречи с отцом Мартин жаловался на свою непригодность к учению в университете, но, скорее всего, получил от отца строгий наказ «усердствовать» и «не валять дурака»⁴⁴. В такой гипотетической интерпретации кризис идентичности данной стадии жизненного цикла реформатора вполне коррелируется и с дополнительной психологической информацией и становится в один ряд с предыдущим и последующими кризисами, связанными с отсутствием условий и возможностей для обретения новой социальной роли как принятого образа себя.

Приступы *tentatio tristitiae* — страха перед внезапной смертью — на языке психоанализа свидетельствовали о депрессивном состоянии молодого Лютера, маркировавшем остроту переживаемого кризиса идентичности, и о нарастании негативного образа себя, если использовать эриксоновскую теорию идентичности. Именно это состояние и подвигло юношу к тому «бегству от свободы», которое рационализировалось в культурных понятиях времени и среды следующим образом. Господь видит его греховность (его непригодность к столь достойному делу, которое избрал для него отец) и наказывает его. Гроза — знак возможно более сурового наказания со стороны Бога. Породившее данную религиозную установку чувство страха, подпитавшее блок негативных идентификаций в структуре ментальности, и сподвигло Мартина на путь абсолютного подчинения Богу, то есть на путь монашеской аскезы. В этом смысле представляется натяжкой попытка Э. Ю. Соловьева представить этот уход как результат методично распаленной обиды против отца-тирана вкупе с дерзким стремлением «выбить клин клином»⁴⁵. Неуверенность в себе, отчаяние и страх были доминирующими на данный момент в умонастроении

⁴⁴ Соловьев. 1984. С. 34.

⁴⁵ «От него требуют школярского прилежания и аскетизма — он будет настоящим аскетом. От него ждут смирения и покорности перед ректорами, высшими чиновниками, господами, которым скоро придется служить, — он превратит смирение и покорность в прямой обет перед богом», — эта интерпретация явно несет печать модернизации сознания Лютера и противоречит самой логике исследования автора. См.: Там же. С. 36.

Лютера. Отсюда и мольба, обращенная к святой Анне и обет стать монахом как гарант спасения от греховности.

Говоря о последней, можно не противопоставлять, но, напротив, сопрячь интерпретации данного кризиса идентичности Лютера Эриксоном и Соловьевым. Уже отмечалось, что все гендерные перверсии, как свидетельствует огромная психологическая литература, так или иначе связаны со строением целостной идентичности. Дисфункции сексуального свойства, наличие которых предполагает Эриксон, как правило, отражают деформирующие тенденции в динамике идентичности личности⁴⁶. Можно данную закономерность перевести в регистр теоретического объяснения на пересечении теории установки и идентичности. Неспособность идентифицироваться с предлагаемым отцом и наставниками образом или ролью (целевая установка) привела к невротически-депрессивному состоянию сексуальной неуверенности в себе (операционная установка)⁴⁷. Во всяком случае, психосоматические симптомы — аутоэротизм и отказ жениться — дают вполне достаточные свидетельства для такого вывода, который не разводит, но напротив синтезирует во внутренне непротиворечивую интерпретацию позиции Эриксона и Соловьева. В ее контексте более полным и ясным становится и то общее ощущение собственной греховности, которое мучило молодого Лютера и подвигло стать монахом.

Психосоциальный мораторий — в таких терминах Эриксон определяет период пребывания Лютера в августинском монастыре. Это время, которое характеризуется своеобразным экспериментированием с новыми ролями или ролью. Для потенциальных лидеров-новаторов, чья психосоциальная уникальность, согласно теории Эриксона, заключается не только в одаренности, но обостренной чувствительности, предрасположенности к травме, к большей, нежели у обычных людей склонности испытывать в детстве и юности травматические конфликты со всеми уровнями социального окружения (особенно в условиях кризиса)⁴⁸, этот кризис протекает наиболее остро.

«Все или ничего» — за данной метафорической дилеммой, используемой Эриксоном для характеристики метаний молодого Лютера в этот период, скрывался весь спектр социокультурных и пси-

⁴⁶ См.: Соколова, Бурлакова, Лонтиш. 2001. № 6. С. 3.

⁴⁷ О системной связи смысловых, целевых и операционных установок на уровне бессознательного см.: Асмолов. Т. 1. С. 148-159.

⁴⁸ См. об этом: Горнев. 1978. С. 14.

хологических метаморфоз тех многочисленных идентификаций или установок его «Я», которые в конечном итоге выкристаллизуются в радикально новой в личностном и социоисторическом плане идентичности. Попытаемся, полагаясь на имеющийся в нашем распоряжении инструментарий, реконструировать процесс этой кристаллизации, перепроверя одновременно корректность или пригодность использовавшихся разными исследователями концептов и методов.

Эриксон в качестве главной темы этого процесса выделяет мотив *оправдания существования*, оговаривая, что Лютер разрабатывал эту тему «как на локальном уровне своего отца», не желавшего смириться с выбором сына, так и «на космическом уровне своей религии», неосознанно ища, как выразился Ницше, способ «говорить прямо, говорить самому, говорить “бесцеремонно” со своим Богом»⁴⁹. Обратим внимание, конфликты с отцом земным и отцом небесным рассматриваются как рядоположенные. Но так ли это? У самого Эриксона есть интереснейшая, но строго не выстроенная мысль, что преодоление глубинного кризиса Лютером, обретение им веры в себя и Бога произойдет только тогда, когда он найдет «главное исполнительное средство своей идентичности (у Мартина это Слово) и осознает потенциал интимности в виде дружбы, который Мартин нашел только в Виттенберге, в окружении Штаупитца и среди гуманистов»⁵⁰.

Если мы разовьем эту мысль в психологическом плане, то гипотеза Эриксона потребует некоего принципиального уточнения, побуждающего и к частичной редакции его теории идентичности. Ее уязвимое место, на наш взгляд, заключается в том, что в ней не расшифровывается, каким образом многочисленные идентичности, которыми наделяет личность автор данной теории (психосоциальная, групповая, национальная, возрастная, половая и т.д.), взаимосвязаны, в каких отношениях они находятся в целостной конфигурации идентичности. Это особенно важно, поскольку не только профессиональные психологи, но и исследователи, работающие в смежных областях гуманитарного знания, сходятся во мнении, что личность представляет целостную структуру, возникающую, по словам Ю.М. Лотмана на пересечении эпохальных, групповых и индивидуально-уникальных моделей сознания и поведения⁵¹.

⁴⁹ Эриксон. 1996. С. 178, 200.

⁵⁰ Там же. С. 269.

⁵¹ Лотман. 1985. № 12. С. 230.

Попытка А. Г. Асмолова выстроить различные уровни установки (смысловой, целевой и операционный), наряду с теорией А. Н. Леонтьева о структуре деятельности как доминирующем механизме формирования личности, открывает историку, имеющему соответствующую информацию о характере развития тех или иных сфер деятельности в конкретном историко-культурном ландшафте, возможность реконструировать взаимосвязь или структуру установок (или идентификаций) именно как целостность⁵². В этом плане религиозная, семейно-ролевая и гендерная идентичности Лютера могут быть рассмотрены не как рядоположенные, но как системно взаимосвязанные и детерминированные условиями овладения будущим реформатором новой социальной ролью — монаха, а потом проповедника и лектора, несущего новое Слово пастве.

Начнем с того, что эта исследовательская перспектива фактически во многих своих составляющих была реализована Соловьевым, который сделал анализ психосоциального моратория Лютера исторически более фундированным, чем в интерпретации самого автора концепта. Попытаемся сопоставить его с предложенным методологическим инструментарием расшифровки процесса синтезирования разных идентичностей в некую целостность. Автор последовательно выстраивает логику развития идентичности Лютера в ходе перекристаллизаций множества «я-синтезов», то есть обретения личностно принимаемого образа себя, который в то же время соответствовал бы субъективно принятым как «свои», органично адекватным социокультурным требованиям среды⁵³. В этом ключе интерпретируется ряд событий, вскрывающих проявления психосоциального моратория у Лютера, не приводившего на этапе монашеской аскезы к обретению чувства удовлетворения собой или новой идентичности. Забегая вперед можно сказать, что фактически он идет путем выяснения, почему

⁵² Еще в конце 1970-х гг. он писал: «...вопрос о “бессознательности” установки, бесспорно, выигрывает при переводе его на почву исторического анализа», подчеркивая, что *ведущий компонент в этой структуре — смысловая установка — может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой, он обосновывал зависимость ее смены принципиально важным моментом — включением личности в новую деятельность* (Асмолов. Указ. соч. С. 148, 152-153).

⁵³ Именно так интерпретирует Эриксон достижение зрелой позитивной идентичности, и именно таким концептом руководствуется Соловьев, анализируя события, связанные с мораторием Лютера. См.: Эриксон. 2006. С. 12.

не срабатывала целевая установка (стать священником, что предусматривал монашеский сан для людей, обладавших ученой степенью), и в своей аргументации апеллирует к стилистике поведения Лютера (то есть характеру операционных установок). Ссылаясь на поздние воспоминания Лютера, писавшего о себе во время испытательного срока: «Я был свят — и не убивал никого кроме самого себя», исследователь подытожит, что «на какое-то время Мартин стал никем... вся его активность свелась к исполнению того, что задумали с ним сделать другие»⁵⁴. В таком состоянии отложенного по времени конфликта установок Лютер пребывал год — пока не было объявлено, что ему надлежит стать священником.

Подготовка к роли священника включала в себя работу над специальной литературой, среди которой оказался трактат Габриеля Биля «Изъяснение мессы», где развивалась тема, которую психолог определил бы как основную ценностную установку для человека, решившего принять сан. Искреннее внутреннее благочестие утверждалось как необходимый гарант действенности самой мессы, а стало быть, как знак подлинного призвания. Соловьев, отчасти следуя за Эриксоном, восстанавливает из сколков поздних лютеровских воспоминаний реакцию молодого Лютера на этот «заставивший кровоточить его сердце» трактат. Мартин усомнился в том, что обладает внутренними качествами, которые требуются от священника. Он изнурял себя «постами, бдением, молитвой... стужей и строгой жизнью», пытаясь достичь того душевного состояния, которое он ассоциировал с настоящей избранностью монаха. Однако, как писал сам Лютер позднее, этим он «ничего не добился»⁵⁵. Сколько ни стремился он избавиться от изнурявшего его чувства греховности, настойчиво сообщая исповедникам о своих прегрешениях, начиная с раннего детства, признания не просветляли душу. Соловьев подчеркивает, что прегрешения молодого Лютера по меркам монашеской среды того времени не были из ряда вон выходящими. В глазах наставников Мартина непристойные эротические сновидения, внезапные приступы раздражения против собратьев были типичны для молодого монаха, только что принявшего целибат и не привыкшего к общинному быту.

Если мы попытаемся понять истоки избыточности ощущения собственной греховности Лютером, то первое, что натолкнет нас на

⁵⁴ Соловьев. 1984. С. 48.

⁵⁵ Там же. С. 50.

поиск ответа, это предположение, что такого рода реакция, как правило, присуща людям с бинарной структурой сознания. Фактически Соловьев фиксирует тот самый разрыв между накопленными в предшествующий период позитивными установками самоидентификации молодого монаха и новой целевой ценностной ориентацией, которую Лютер, не осознавая, воспринимал абсолютистки драматично («все или ничего»). Этот разрыв на уровне единой нефиксированной установки психолог прокомментировал бы следующим образом. «Эго» Лютера не обрело целостности, так как груз природновитальных устремлений (унаследованных установок) вступил в жесткое противоречие с новыми ценностными религиозными установками, которые не были результатом свободного выбора. Сказанное лишь внешне противоречит тому, что Лютер выбрал стезю монаха без чьей либо подсказки, а тем более давления. «Престижность» избранной роли была обусловлена самой эпохой. Другое дело, что стоявшие за этой стезей этико-поведенческие ценности были проблематизированы как временем, так и личностью будущего реформатора. В силу особого механизма долженствования, присущего авторитарной структуре характера, эти ценности обладали большой принудительной регулятивной силой⁵⁶. Неудивительно, что молодой монах, не будучи в состоянии из-за слабости собственного Эго, адекватно справиться со своими греховными, как он их трактовал, помыслами, рационализировал собственное состояние тревоги и нервозности как predeterminedенную Творцом его греховность.

В то же время исследователи отмечают нечто важное, что пугало как наставников, так и самого Лютера — приступы богохульства. «Он глотает нас с великим нетерпением и гневом <...> он — жадный пожирающий огонь», — наиболее распространенная у Лютера инвектива в адрес Бога⁵⁷. Эрикссон, комментируя подобные реплики Лютера, очень точно схватывает их главную психологическую интонацию. В серии этих божьих образов отражается человеческий лик, лицо Бога обретает агрессивное и яростное выражение дьявола⁵⁸.

⁵⁶ В эриксоновской трактовке он может быть обозначен как механизм «ригидно-мстительной и карающей функции Супер-Эго», «внутреннего агента «слепой» морали». См.: Эрикссон. 2006. С. 220.

⁵⁷ Цит. по: Эрикссон. 1996. С. 222.

⁵⁸ Там же.

Лишь внешне страх перед Богом и приступы богохульства могут быть трактуемы как противоречащие друг другу. Проявляя гротескную природу средневекового сознания, эти две противоречащие друг другу установки на деле обе были укоренены на уровне *единой нефиксированной установки* Мартина Лютера. По своей сути, они были рационализациями на религиозном языке *двух ее альтернативных блоков, связанных с обретенным чувством уверенности-неуверенности в себе молодого человека*. С одной стороны, мы уже отмечали, что накопленные на предшествующих стадиях жизненного цикла, позитивные идентификации молодого Лютера (успешное завершение учебы, обретение уважения других на поприще песнопения и др.) определили некий запас психологической прочности, проясняющий, почему Лютер *несмотря ни на что даже в отчаянии своем будет проявлять редкостную стойкость*. С другой — неготовность овладеть ролью, обусловленная отсутствием соответствующего опыта и максимализмом сознания на данном этапе, актуализировала тот блок негативных установок сознания, которые наслаивались на ранние идентификации, связанные с низким уровнем базового доверия. Именно поэтому он и ощущал себя «без вины виноватым», богохульство было своеобразной психологической защитой пусть слабого, *но способного к сопротивлению, бунтарству его «Я»*. Без чего, заметим, невозможно было бы последующее радикальное перестроение общей конфигурации его идентичности, обретение ею силы и уверенности в себе, достаточной для того, чтобы стать харизматическим религиозным лидером. И Эриксон, и Соловьев приводят красноречивое свидетельство трех молодых современников Лютера, сообщавших о том, как однажды во время чтения стиха из Евангелия, где говорилось об излечении Христом человека, одержимого духом немым, Мартин неожиданно упал на хорах и, неистовствуя как одержимый, взревел «бычьим» голосом «Non sum!» («Не есмь!»). Острота, с которой в этом крике проявилась потребность отрицать собственное чувство греховности молодого монаха, оборотной стороной имела упорство в неосознаваемом отстаивании своей невинности.

Именно это подспудное ощущение уверенности в себе, порожденное отчасти прежним опытом, отчасти тем, что, ища праведности самой высокой пробы, он истово исполнял все формальные предписания веры, а стало быть, не шел путем греха, укрепляли чувства, кото-

рое психолог отнесет к защитным механизмам слабого, но все же не бессильного Эго. Наряду со страхом перед Богом в этот период в текстах Лютера говорится об испытываемых чувствах неприязни и зависти. Даже страдающий Христос, отмечает Соловьев, вызывал у Лютера злобную неприязнь. «Обида охватывала меня всякий раз, как я видел Распятого», — так передавал свои чувства Лютер в «Застольных беседах». Христу было дано мучениями заслужить блаженство, тогда как никакие самоистязания Лютера не устраняли страдания⁵⁹.

Анализ событий, связанных с первой мессой Лютера (2 мая 1507 г.) может служить дополнительным аргументом в пользу остроты протекания кризиса. Даже такой ритуально значимый шаг, как своеобразное признание в глазах общества того, что тебе открылся доступ в престижную общину призванных быть священником⁶⁰, не изменил общего строя идентичности молодого монаха. Напротив, этот анализ показывает, насколько спутанной была его идентичность (или насколько сталкивались в ней противоречащие друг другу установки) в этот период психосоциального моратория.

Эриксон очень тонко выделяет два важнейших события того дня: приступ страха у Мартина во время мессы и ярость отца во время последующего застолья, которые позволяют интерпретировать их с помощью дополнительного инструментария достаточно строго. Вокруг того, как себя вел Мартин в процессе мессы, сложилось немало домыслов и легенд, вплоть до утверждения, что она закончилась полным фиаско — Лютер якобы покинул алтарь. Вряд ли это имело место, однако очевидно одно, то, о чем впоследствии поведает сам Лютер, вспоминая первую мессу. Дойдя до слов «...и помолимся от сердца», он ощутил, что «едва жив от страха», потому что почувствовал, что у него не было никакой веры⁶¹. Зафиксировавшийся или застрявший, как говорят психологи, конфликт установок со всей остротой обнаружил себя именно в критический момент.

Судя по тому, что обед состоялся, церемония несомненно была признана действительной (что позволяет отрицать и факт бегства Лютера из алтаря). Это дает повод предположить, что в каком-то смысле

⁵⁹ Соловьев. 1984. С. 52.

⁶⁰ Даже сам отец прибыл на это праздничное событие и пожертвовал 20 гильденов для монастырской кухни.

⁶¹ Цит. по: Соловьев. 1984. С. 5.

Мартин получил основание для утверждения правильности некогда сделанного выбора. Об этом косвенным образом свидетельствует его застольный разговор с отцом, который в совокупности с реакцией Ганса и последующим откликом на нее сына, представляется психоаналитически прозрачным. Во всяком случае, с точки зрения того, насколько идентификация с новой ролью была безуспешной. Как известно, Ганс Лютер долгое время сопротивлялся выбору сына стать монахом. И, тем не менее, смерть двух сыновей, уговоры близких убедили его в необходимости смириться с этой жертвой Богу. Однако эта готовность носила, по сути, ситуативный характер, а глубоко скрытые притязания имели очень цепкую ценностную силу. (Во всей красе они обнаружат себя по достижении Мартином мирского успеха, когда отец будет иметь возможность увидеть на свадьбе сына именитых гостей, любоваться снохой-дворянкой и домом, какого не было у мансфельдского бургомистра). Их неудовлетворенность и проявилась, более того актуализировалась в ходе анализируемых событий. Во время застолья Мартин обратился к отцу со словами: «Дорогой отец, почему Вы так сильно сопротивлялись и так расстроились в связи с тем, что не хотели позволить мне стать монахом, и может быть Вам не слишком нравится видеть меня здесь, хотя это приятная и святая жизнь, наполненная миром?». Ответ отца: «Дай Бог, чтобы это не было призраком дьявола», как справедливо замечает Эрикссон, дает основание предположить, что Ганс намекал на прямо противоположное тому, что увидел сын в символике грозы по дороге в Эрфурт.

Здесь мы сталкиваемся с необходимостью принять во внимание то обстоятельство, что реакция Ганса была спровоцирована его бессознательным не только в том смысле, что выбор сына противоречил его притязаниям, но и иными пластами его Эго, редко принимаемыми во внимание традиционными аналитиками. Большая часть информации снимается, как известно, не вербальным образом, а посредством восприятия интонаций, взглядов, оговорок и т.п., казалось бы, несущественных вещей. Страх Мартина во время мессы, его неуверенность были «сосканированы» подсознанием отца. А стало быть, лишь утвердили его авторитарную натуру в своей, казавшейся ему абсолютной, правоте. Отсюда и стиль его поведения во время застолья: перепалка с присутствующими, непристойные в религиозном смысле предположения относительно событий, связанных с гро-

зой, являвшиеся, по сути, скрытыми инвективами в адрес сына. Они не могли не актуализировать ту самую неуверенность Мартина в себе, в своем призвании, которую он тщетно пытался утвердить. Много позже, десятилетие спустя, достигнув успеха, он написал отцу: «Вы опять нанесли мне такой умный и меткий удар, что во всей моей жизни я едва ли слышал слово, которое звучало бы во мне громче и поразило меня сильнее». При всем том, неосознаваемая готовность к отстаиванию своего «Я», о которой мы уже не раз говорили, не дала ему сломаться. «Но я, утвердившийся в своей правде, слушал Вас как человека и ощущал глубокое несогласие с Вами; однако умалить Вашего слова в своей душе я не мог»⁶².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бессознательное: Природа, функции и методы исследования: В 4-х тт. / Под ред. А. С. Прангшвили и др. Тбилиси: Мецниереба, Т. 1. 1978. 786 с.
- Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1990. 336 с.
- Горнев Г. П. Критика философско-методологических основ психоаналитической концепции Э. Эриксона: Автореф... дисс. канд. философ. наук. М., 1978. 21 с.
- Горфункель А. Х. Молот ведьм — Средневековье или Возрождение? // Культура Возрождения и общество / Отв. ред. В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1986. С. 162-171.
- Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). М.: Искусство, 1989. 368 с.
- Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
- Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII—XVIII вв.) / Пер. И. Б. Иткина, Е. И. Лебедевой, А. Г. Пазельской под ред. Д. Э. Харитоновича. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 752 с.
- Дюпрон А. Язык и история / XIII Международный конгресс исторических наук. 16-23 августа 1970. М., 1970. С. 1-71.
- История Германии: В 3-х тт. Т. 1. С древнейших времен до создания германской империи / Под ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М., КДУ, 2008. 498 с.
- Лотман Ю. М. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 12. С. 212-236.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М.: Политическая лит-ра. 1956. Т. 46. Ч. II. С. 407-496.
- Николаева И. Ю., Мухин О. Н., Соломеин А. Ю. Психосоциальная и культурная символика властных мифологем в сравнительно-историческом контексте их бытования // Credo new. 2009 № 1 (57). С. 198-213.

⁶² Цит. по: Эриксон. 1996. С. 261-262.

- Николаева И. Ю.* Культурные коды западноевропейского Средневековья в историческом интерьере их бытования // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». № 281. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. С. 76-90.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 305 с.
- Николаева И. Ю.* Французская гендерная идентичность в историко-культурном интерьере: истоки и особенности // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. М: Изд-во ИВИ РАН, 2002. № 4. С. 223-253.
- Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С., Лонтиу Ф.* К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3-16.
- Соловьев Э. Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 132-145.
- Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. 288 с.
- Соломеин А. Ю., Мухин О. Н., Николаева И. Ю.* Психосоциальная и культурная символика властных мифологем в сравнительно-историческом контексте их бытования // Credo new. 2008 № 4 (56). С. 195-215.
- Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы / Пер. Г. В. Швейника. М.: Прогресс, 1996. 272 с.
- Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.
- Шерозия А. Е.* Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. Тбилиси, Мецниереба, 1979. 171 с.
- Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии Изд. 2. М.: Политическая лит-ра, 1956. С. 343-437.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Изд. 2. М.: Политическая лит-ра. 1956. Т. 21. С. 269-317.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Под общей ред. Толстых А. В. М: Прогресс, 2006. 352 с.
- Эриксон Э.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование: Пер. с англ. и коммент. А. М. Каримского. М.: Изд-во Медиум, 1996. 506 с.

Николаева Ирина Юрьевна, д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета; perska@mail.tomsknet.ru

Харитоновна Наиля Галимжановна, старший преподаватель кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Лесосибирского педагогического института — филиала Сибирского федерального университета; HaritonovaNG@mail.ru

В. С. ДУБИНА

**«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»
В ПЛЮРАЛИЗМЕ КУЛЬТУРНЫХ ПОВОРОТОВ
РОССИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ**

Отличия научных культур происходят из многих, в том числе ненаучных источников. Так формирование направления «истории повседневности» в Германии и России, несмотря на непосредственное влияние немецких авторов на развитие этого метода в России, приобрело различный формат. Здесь сыграли роль и различные стереотипы, господствовавшие в этих обществах, и различное происхождение интереса к повседневному, и различная функция этого направления в исторической науке обеих стран. Рассмотрению этих специфических влияний на развитие метода в России и Германии посвящена эта статья.

Ключевые слова: история повседневности, методы исторического исследования, академическая наука в России и Германии.

Российское историческое сообщество не разглядывает более «общеευропейское» из-за железного занавеса, а действует в нем по принципу канадских школьников, осваивающих теоретическую программу мультикультурализма: «Мы все разные — но мы одно целое»¹. Есть надежда, что не повторится больше ситуация, когда Ю. М. Лотман был неизвестен своим коллегам-семиотикам за рубежом или, когда М. М. Бахтин нашел путь к русскому читателю только через США. Несмотря на это, повседневный научный словарь содержит разделение на науку нашу и европейскую, а в еще более общем смысле, на «нашу» и «западную».

Тот факт, что некоего общего Запада не существует, что он состоит из различных научных культур, конечно, всем очевиден, но стереотип все равно жив. Так же живуче и представление о традиционных «национальных» научных школах: например, о глубокой фундированности немцев, поверхностности американцев или заиклинности на «национальном» у русских. В этом есть, конечно, своя доля правды: открывая статью, уже по количеству сносок или структуре текста можно предположить к какой национальной традиции

¹ Garcia, Van Soest. 2000. P. 25.

принадлежит ее автор. Эти же культурные предпочтения вызывают часто и взаимонепонимание, например, между русскими авторами и редакторами иностранных журналов, потому как то, что в одной научной среде считается «неприличным», является нормой для другой.

Не умножая анекдотов о том, что немцы задают вопросы по полчаса, а в России в ответ на высокотеоретическое выступление можно услышать букет коротких фактологических замечаний, или того, что в немецких текстах принято рассказать в самом начале не только структуру статьи, но и поведать ее главные выводы, от чего статью можно далее и не читать, — очевидно, что отличия научных культур происходят из многих, в том числе совершенно ненаучных источников. Одним из самых интересных отечественных феноменов, мне представляется напряжение между преклонением перед пришедшими с Запада теориями и моделями исследования и, в то же время, постоянное обесценивание их как «подражательных», в стиле пренебрежительного «европейничанье — болезнь русской жизни» Н. Я. Данилевского².

Переводы зарубежных классиков спровоцировали в нашем научном сообществе целую «тематическую революцию» (например, перевод Мишеля Фуко повлек за собой взрыв работ по изучению сексуальности). При этом часто зарубежные исследования критикуются как поверхностные под девизом «что они (иностранцы) могут знать и/или написать о России?», и делают это часто те же самые, вдохновленные иностранными методами люди³. Этот феномен существует не только в научном сообществе, но и среди далеких от науки людей. Идеальный образ Запада не сходит с наших уст, несмотря на то, что рассказы о Западе изобилуют рассуждениями, которые, казалось бы, должны были разрушить этот образ⁴. Живучесть этого идеала, этого *laterna magica* российского общества порождает полярное отношение к работам иностранных ученых — от неременного желания быть среди них «своими», быть принятыми и идти в ногу со временем, до бессознательного отторжения этих методов.

Такое эмоционально нагруженное отношение к зарубежным методам и теориям, создает априорную тенденцию, что идеи иностран-

² Данилевский. 2003. С. 3.

³ См., например, дискуссию о статье Катрионы Келли «Школьный вальс»: Келли. 2004. С. 104-154.

⁴ Хапаева. 2002. С. 147.

ного теоретика будут «неправильно» интерпретированы отечественными учеными, не поняты или не так применены, что часто лежит в основании критики научных работ соотечественников⁵. Этот же прием используется и для того, чтобы продемонстрировать новизну своего исследования и дистанцироваться от существовавшей прежде традиции изучения темы: идя вслед за крупным зарубежным теоретиком, можно показать свое отмежевание от остального сообщества отечественных ученых⁶. Поэтому различные «новые методы», часто ударяют в голову неподготовленному уму, как вино трезвеннику, и появление интересной идеи или поля исследования, вроде «Сценариев власти» Р. Вортмана, вызывает целый «вортмановский поворот».

О новых тенденциях в исторических исследованиях в последнее время вообще принято говорить на языке «поворотов»: заимствование историками методов смежных дисциплин, например, антропологии или лингвистики, называется соответственно антропологическим и лингвистическим поворотами; появление новых тематических полей, вроде изучения пространства или массовое увлечение изучением империи — имперским и пространственным поворотами⁷. Нововведения, конечно, производят в науке изменения разного масштаба, но практически каждое предьявляет претензии на статус переворота. Рядом с антропологическим поворотом, повлекшим за собой появление таких долгосрочных методологических перспектив как историческая антропология, история повседневности или микроистория, стоят более скромные, как, например, упомянутый имперский поворот.

Мода на повороты приходит и уходит и это свойственно, разумеется, не только русским ученым. Однако благодаря упомянутому выше эмоционально нагруженному отношению к зарубежным теориям и методам, а также дискредитации в перестроечные годы собственной научной традиции, научное сообщество России находится в этом отношении в нестабильном состоянии. В отличие, например, от Германии, где столпы социальной истории до сих пор могут по-

⁵ См., например, предисловие к сборнику «Прошлое крупным планом», где авторы разбирают вопрос о применении микроисторического подхода в отечественных исследованиях. — *Кром*. 2005.

⁶ См., например, работу О. Е. Кошелевой о Петербурге, где она легитимирует новизну своего исследования, перефразируя слова Клиффорда Гирца: «Я исследую не города, а в городах». — *Кошелев*. 2004. С. 3.

⁷ *Bachmann-Medick*. 2006; См. об имперском повороте: *Долбилов, Сталюнас*. 2006. С. 359-365.

зволить себе свысока смотреть на плюрализм «культурных подходов», в России возникает обратная ситуация, когда культурная история становится эталоном и для других жанров историографии и споры ведутся в основном о том, за каким западным теоретиком мы идем, и как он вписывается в систему других новых теорий⁸. Примером может служить ставшее в последнее время крайне популярным направление «история повседневности» (*Alltagsgeschichte*), на котором я собираюсь остановиться подробнее⁹.

Несмотря на то, что в России термины «повседневность», «повседневная история» употребляются широко и активно, их дефиниции основываются на теоретических спорах западных историков, что привело не только к «трудностям перевода», но и к потребности куда более важной для России, чем для западной Европы, представить зарубежные методы в виде ясной схемы и/или иерархии различных теоретических школ¹⁰. Кроме очевидных сложностей в составлении такого обзора, есть еще проблема потери связи с контекстом, в котором развивались эти теоретические дискуссии, и который, по оценкам одного из создателей *Alltagsgeschichte* профессора Альфа Людтке, во многом задавал тон в развитии истории повседневности¹¹.

А. Людтке известен в России по большей части своими теоретическими статьями на тему «что такое история повседневности»¹². Его работы по истории рабочего движения и властных практик имеют в России меньший резонанс, хотя одна глава из его книги, посвященной будням немецких рабочих, также публиковалась в русском переводе¹³. Одним из ключевых понятий этих исследований

⁸ См., например, результаты Круглого стола «Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв.», где значительная часть дискуссии была посвящена вопросу о том, развивается ли российская история понятий вслед за немецкой традицией Р. Козеллека или за английской К. Скиннера и Р. Поккока. — Исторические понятия и политические идеи в России... 2006.

⁹ См. подробнее в интервью с А. Людтке: *Дубина*. 2007. С. 7-35.

¹⁰ О русской историографии повседневности, см., например: *Пушкарева*. 2004. С. 41-63.

¹¹ *Дубина*. 2007. С. 10.

¹² На русском языке см.: *Людтке*. Что такое история повседневности?.. С. 77-100; *Он же*. История повседневности... С. 121-125.

¹³ *Lüdtkе*. 1993. В том же году глава из книги вышла в журнале *International Review of Social History* и позже была переведена на русский язык: *Людтке*. 1996. С. 64-129. В издательстве РОССПЭН в ближайшее время выйдет

является введенный им в научный оборот термин «Своеволие» (Eigensinn), который лежит в основе критики биполярной концепции власти, разделяющей общество на властвующих и противостоящих ей¹⁴. В своей книге о повседневной жизни фабричных рабочих (начиная с кайзеровской Германии и кончая фашизмом) А. Людке показал, что, кроме прямого неподчинения или забастовки, существуют и другие мотивы поведения и другая логика противостояния — например, тихое уклонение от работы. Из этих исследований складывалась другая концепция осуществления власти: зависимость людей никогда не бывает полной; даже при таких режимах как фашизм или сталинизм исторические акторы всегда находят место для своеволия, то есть не только воспринимают «команды», но и преследуют собственные стратегии, тем самым влияя на власть.

Под повседневностью в немецкой традиции понимается не изучение быта как такового — она исследует не просто во что были одеты немецкие крестьяне, что они ели или пили. История повседневности тесно связана с человеческим опытом, и часто с опытом еще живущих людей, то есть она сама постоянно продуцирует новый опыт. Возможно, вследствие этого *Alltagsgeschichte* менее всего склонна к академизму, что проявляется в форме написания текстов и в значительной общественной ангажированности, а также в особой атмосфере научной работы, отличной от традиционной, в том числе и традиционной немецкой. История повседневности развивается не в изолированных университетских кабинетах, а в рабочих группах, коллоквиумах, совместных проектах — благодаря кооперации многих ученых, в том числе и разных специальностей.

Таким образом, интерес к истории повседневности вышел в Германии не совсем из научных кругов, или даже совсем не из научных кругов. Историки 1970-х гг. занимались изучением безличных процессов и структур, программ, идей и концептов, тогда как обсуждение проблемы повседневности было связано с работой школьных учителей, и прежде всего, с преподаванием истории немецкого

в свет сборник статей Альфа Людке на русском языке «История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти».

¹⁴ Здесь имеется в виду, что термин «Своеволие» (Eigensinn) был введен А. Людке как ключевое понятие властных отношений на фабрике. Это понятие встречается в историографии с 1800 г. в других контекстах. См. подробнее: Lüdtke. 2002. S. 64-66.

фашизма. Динамика изменений происходила не из академической среды, а из общественных инициатив, и развивалась благодаря региональным группам активистов, которые действовали под девизом “*Take History into our own hands*”. Это было связано также с массовыми акциями по переименованию улиц в начале 80-х гг.: конечно, уже не существовало улицы Гитлера или Геббельса, это было запрещено сразу после войны, но был еще средний слой участвовавших или поддерживавших нацистский режим. Поэтому особенностью истории повседневности в Германии стала концентрация на темах современной истории и, прежде всего, немецкого фашизма. Это направление в истории выросло из опыта переосмысления фашизма, точнее — из опыта коллективного соучастия.

Со стороны этаблированной академической среды Германии это движение было встречено с надменностью и высокомерием: даже еще в середине 1990-х гг. университетские профессора-историки позволяли себе презрительные замечания вроде «История будней! А что делают ваши исторические субъекты в выходные?»¹⁵.

В России интерес к истории повседневности вышел как раз из академической и околонучной среды. На общественном уровне этот интерес менее всего соотносится с темой сталинизма и переосмыслением коллективного травматического опыта — к этому вопросу апеллирует в России более история памяти, выросшая во многом из французской традиции изучения исторической памяти¹⁶. История же повседневности концентрируется на вопросах жизни королей, дворян или даже моряков-подводников, на тех бытовых характеристиках, о которых «забыла» официальная советская история. Вопросы отношения власти и исторических акторов, сопротивления и подчинения российской истории повседневности затрагивает редко и предлагает читателю некий гибрид из мемуарной литературы и этнографического бытописания¹⁷. Оттого радиус действия этого метода в России не так велик, хотя это направление и не испытало на себе презрения акаде-

¹⁵ Alltag (нем.) — Будни. Термин Alltagsgeschichte — история будней, принято переводить на русский язык как История повседневности.

¹⁶ См.: Нора. 2005.

¹⁷ В близком к Alltagsgeschichte ключе написана книга С. Журавлева (см.: Журавлев. 2000), но она тоже не приводит к глобальным выводам об отношении власти и общества.

мической общественности и, даже наоборот, используется как необходимое дополнение к истории культуры, досуга и спорта¹⁸.

В 2003 г. история повседневности была включена в перечень основных направлений фундаментальных исследований Российской академии наук, а также теперь официально входит в учебный план по специальности «Культурология», что означает обязательное преподавание курса студентам этой специальности во всех университетах России¹⁹. Курсы по истории повседневности преподавались в России и прежде, например, в РГГУ и Институте Европейских культур²⁰, но теперь эта авторская и, в любом случае, штучная работа была поставлена на поток, а потому перед теми преподавателями, которым прежде не приходилось работать с этой темой, встал вопрос — как вообще можно преподавать системную историю повседневности? Один из самых простых путей, активно используемый в региональных университетах — история обычаев и традиций разных народов в разные времена или нечто вроде истории искусства.

Таким образом, в отличие от немецкой *Alltagsgeschichte*, в русской традиции история повседневности способствует укреплению старых иллюзий, что жизнь раньше была разнообразней и интересней. Для немецкой истории повседневности важно действие исторических акторов, их соучастие, например, в обеих мировых войнах. Для русского метода описания будней — важна повторяемость прошедших дней, описание деталей быта, но при этом действие теряется из виду.

Немецкая *Alltagsgeschichte* в теме нацизма и фашизма поставила вопрос о действии отдельных людей, а не неких типажей вроде «рабочего» или «трудящегося». В истории рабочего движения трудящийся представлен как борец, настоящий пролетарий, а если посмотреть на повседневность, то там люди доносчики, они мародерствуют в домах депортированных евреев, аплодируют, когда кто-то проходит мимо с табличкой “Rassenschande”²¹. Эти во многом ужас-

¹⁸ Это указание является парафразом высказывания известного социального историка Германии Х.-У. Велера, отведшего истории повседневности место красочного дополнения в разделе культуры и спорта. — *Wehler*. 1979. S. 709-753, 744.

¹⁹ Приложение к постановлению Президиума РАН от 1 июля 2003 года // Поиск. 2003. № 35. С. 6.

²⁰ См.: *Гавришина*. 2000.

²¹ *Rassenschande* — «осквернение расы», термин, использовавшийся нацистами для обозначения брака или интимной связи между евреями и арийцами.

ные действия стали для А. Людке центральными в исследовании повседневности. Изучение горькой стороны человеческих поступков позволяет избавиться от иллюзий.

История повседневности получила в России статус метода, тогда как ее представители в Германии считают ее неким направлением, использующим различные методы, которые позволяют подойти ближе к образу, созданному самими субъектами истории, или, как принято говорить, историческими акторами. К таким подходам, если это касается современной истории, принадлежит, прежде всего, устный опрос. Кроме того, история повседневности работает не только с написанными, напечатанными или рассказанными текстами, но стремится также установить связь со всей сферой визуального (*bildlichen*), то есть ключевая характеристика такого подхода — транстекстуальность (*Intertextualität*). Связанные с повседневностью исследования ставят проблему параллельного действия этих трех форм восприятия. Благодаря этому, они могут поколебать представления о рациональном и иррациональном, которые так долго не ставились под сомнение, и предложить в итоге новую концепцию рационального.

Есть основание надеяться, что, несмотря на разное происхождение и эмоциональное наполнение понятия повседневности в Германии и России, содержащаяся в *Alltagsgeschichte* посылка на переоценку роли исторического субъекта в тоталитарных режимах, найдет свое развитие и на русской почве. Очень важная для современной России перспектива новой концепции рационального, способна, так сказать, сделать историю «живой»: исторические актеры, то есть люди, действовавшие и действующие в истории, — не просто жертвы властей или обстоятельств, не просто пассивные зрители происходящих изменений. Они также постоянно преследуют собственные стратегии, тем самым влияя на власть.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гавришина О. В.* Подходы к изучению культуры повседневности: Программа семинарских занятий // Программы учебных курсов. Институт европейских культур. Отв. ред. Д. П. Бак. М.: РГГУ, 2000. 292 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Алгоритм, 2003. 639 с.
- Долбилов М., Сталюнас Д.* Слова, люди и имперские контексты: дискуссия продолжается // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 359-365.

- Дубина В. С. «Будничные» проблемы повседневной истории: беседа с проф. А. Людтке о развитии Alltagsgeschichte, о ее дефицитах и положении среди других направлений // Социальная история. Ежегодник. М., 2007. С. 7-35.
- Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанционного завода в советском обществе 1920-х-1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
- Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104-154.
- Копосов Н. Е. (ред.) Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XIX вв. СПб.: Европейский университет, 2006.
- Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова. М.: О.Г.И., 2004. 488 с.
- Кром М.М. (ред.) Прошлое крупным планом. М.: Алетейя, 2003. 267 с.
- Людтке А. История повседневности в Германии после 1989 // Казус. 1999. С. 121-125.
- Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. 1999. С. 77-100.
- Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? М.: Улисс, 1996. С. 64-129.
- Нора П. Франция-память. СПб.: Издательство С-Петербург. Университета, 2005. 325 с. (Новая Петербургская библиотека).
- Приложение к постановлению Президиума РАН от 1 июля 2003 г. № 233 «Основные направления фундаментальных исследований» // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 2003. № 35.
- Пушкарева Н. Л. Частная жизнь и проблемы повседневности глазами историка // Социальная история. 2003. М., 2004. С. 41-63.
- Хапаева Д. Р. Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Звезда, 2002. 269 с.
- Bachmann-Medick D. Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verl., 2006. 409 s.
- Garcia B., Van Soes D. Facilitating Learning on Diversity: Challenges to the Professor // Journal of Ethic and Cultural Diversity in Social Work. V. 9. 1-2. 2000.
- Lüdtkе А. Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus. Hamburg: Ergebnisse Verl., 1993. 445 s.
- Lüdtkе А. Eigensinn. in: Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe // Jordan S. (Hrsg.) Stuttgart: Reclam, 2002. S. 64-66.
- Wehler H.-U. Geschichtswissenschaft heute // Habermas J. (Hg.) Stichworte zur „Geistigen Situation der Zeit“. Bd. 2. 1979. S. 709-753.

Дубина Вера Сергеевна, к.и.н., докторант института Этнологии и Антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Vera.dubina@gmail.com.

ГЕНДЕР В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Д. А. АЛИМОВА

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ГЕНДЕРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ТРЕХ ЭПОХ (КОЛОНИАЛЬНОЙ, СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ)?

В статье рассматриваются социально-политические и культурные условия, влиявшие на формирование научной литературы о женщинах региона. Автор анализирует особенности историографии трех эпох (колониальной, советской и современной) в контексте господствовавших идеологий.

Ключевые слова: историография Центральной Азии; образы женщин в научной литературе; гендерная идеология.

Своеобразие истории Центральной Азии заключается в столкновении и взаимопроникновении европейской (в данном случае русской и азиатской) культурно-цивилизационных систем. Большим испытанием для традиционных обществ Центральной Азии было вторжение новых технологий, а в советский период — форсированная индустриализация, полный передел системы хозяйствования, активные и все ускоряющиеся процессы урбанизации. Все это напрямую было связано с изменением политических систем, каждая из которых влияла на отмеченные процессы и внедряла свою идеологию, закреплённую законодательно-правовой базой. Все это необходимо учитывать, говоря о положении женщин и гендерных проблемах, включая историографию данного вопроса, так как она была зависима от главенствующих форм правления и идеологий.

Женский образ в «колониальной» литературе

Колониальная историография Центральной Азии была далека от гендерных конструкций. Речь шла лишь о слабых попытках анализа положения женщин. Тем не менее, мы должны быть благодарны пер-

вым европейским востоковедам, собравшим сведения об особенностях быта и положения мусульманок Центральной Азии, их сознании, культуре и поведении. С этого времени представления в европейских странах о женщинах этого региона и в целом о народах, населявших его, складывались на основе описаний очевидцев. Эти сведения носили этнографический характер. Работы Н. Ф. Петровского, Е. К. Мейендорфа, Н. С. Лыкошина, Н. Гаврилова, С. С. Вулфсона и др. формировали образ мусульманской женщины. Труды А. А. Диваева, Г. Андреева, М. Фёдоровского, И. Краузе и др. рисовали неосведомленному европейскому читателю картины свадебной обрядности и представления о женском идеале и женском поведении¹.

Особо следует отметить знаменитый труд Армения Вамбери «Очерки Средней Азии», обративший особое внимание на различие образа жизни деревенских и городских, замужних и незамужних женщин. Известная работа супругов Наливкиных «Очерки быта женщин оседлого туземного населения Ферганской области»² была первым специальным исследованием жизни женщин Ферганы, и именно здесь впервые было проведено сравнение положения женщин и мужчин. Пусть это касалось семейной обрядности и домашней деятельности, но, возможно, сами не осознавая этого, авторы показали степень гендерного неравенства в мусульманском обществе. Владея местным языком, они сумели проникнуть в дома сельчан и благодаря чрезвычайной симпатии к коренным представительницам населения Ферганы добиться их расположения и получить информацию. Недаром в 1886 г. сразу после выхода книги Русское географическое общество наградило ее авторов большой золотой медалью, а А. Вамбери в своей рецензии назвал ее самой лучшей книгой о жизни женщин Востока.

Оценивая степень объективности европейских и, в частности, российских исследователей, следует учитывать, что они исходили в своих оценках из привычного им образа женщины. А он несравним с образом мусульманской женщины, вся жизнь которой была ограничена как физической (паранджа, ичкари), так и духовной закрепощенностью. Тем не менее, эти авторы не могли не замечать последствий

¹ Диваев. 1885. Вып. IV; Гаврилов. 1911. № 150, 1911. № 152; Андреев. 1911. № 15, 1911. № 18, 1911. № 21; Жебровский. 1898. № 84; Федоровский. 1911. № 51; Краузе. 1871. № 47; Очев. 1897. № 2.

² Наливкин, Наливкина. 1886.

русской миграции. Проникновение иной культуры сыграло важную роль в трансформации исламского образа жизни коренного населения, начался процесс, ставший уже в советское время основной тенденцией, — процесс европеизации, коснувшейся больше всего женщин.

Представители национально-прогрессивного движения «джадидизм», осознавая неравноправие мусульманской женщины, предусматривали в своей концепции переустройства общества и решение женских проблем. Это не было официально зафиксировано, однако есть документы и воспоминания, которые свидетельствуют о том, что джадидская организация «Шурои-Исломия» первой поставила вопрос об участии мусульманской женщины в выборах в органы власти. Известные участники движения М. Бехбудий, А. Фитрат, А. Авлоний, А. Чулпан и др. исходили из того, что интеллектуальный уровень общества во многом зависит от того, в каком положении находится женщина. Они считали, что трансформацию общества нужно начинать с реформ в духовно-культурной и бытовой сферах, что включало в себя и изменение взглядов на место и роль женщины в жизни мусульманина³. Их отношение к женскому вопросу можно выразить так: женщине нужны знания не меньше, чем мужчине. От этого зависит, каким будет новое поколение. Женщина достойна уважения, равноправие заключается в правильном разделении обязанностей в доме: муж — добытчик, жена — исполнитель домашних дел, воспитание детей — общее дело. При всей своей продвинутости и увлечении культурой Запада они были далеки от того, чтобы выстраивать гендерные конструкции. Равноправие они рассматривали в узких рамках мусульманских форм семейного развития и даже не ставили вопроса о снятии паранджи (покрывала).

Даже А. Фитрат, написавший немало критических статей о мусульманском обществе Бухары и считавшийся самым продвинутым среди джадидов (его книга «Оила, ёки оила бошқариш тартиблари» [«Семья и способы ее управления»] была своего рода революцией в сознании мусульманского населения), ограничивался семейной эмансипацией женщины. Однако А. Фитрат взял на себя смелость утверждать, что хадисы советуют брачующимся видеть и знакомиться друг с другом до свадьбы. Главным условием в этом вопросе он считал

³ Бехбудий. 1914. № 48, 49, 50; Фитрат. 1915; Авлоний. 1992.

взаимные чувства: если их нет, то семья будет несчастна. Еще более несчастна, по его мнению, будет та женщина, которую выдают замуж без ее согласия, что было распространено в Туркестане⁴. Таким образом, А. Фитрат пытался поднять статус мусульманской женщины.

М. Бехбудий осмелился впервые в Средней Азии поднять вопросы сексуального воспитания. Учитывая время написания статьи (1914), ясно, что свободно рассуждать на подобные темы мог только очень решительный человек с широким кругозором и высокой степенью культуры⁵.

Однако даже самая прогрессивная часть общества была далека от постановки вопроса о гендерном равноправии: речи об участии женщин в общественном производстве, профессиональной и публичной сферах не было. Тем более поражает воображение выступление на страницах газеты «Садои Туркистон» в 1914 г. Соры Музаффари, которая писала: «Вина в нас самих. У нас есть талант и способности. Сознание и мысль. В нас есть сила, способная управлять не то что домом, но и страной... Кто запретит нам проявлять это?»⁶. Эта женщина (татарского происхождения) оказалась смелее самых прогрессивных мужчин, которые не могли и подумать об участии женщин в управлении. Это объяснимо. Религиозное общество конца XIX – начала XX вв., где тон задавало, в основном, духовенство, имело огромное влияние на население, поэтому резкие перемены могли вызвать неадекватные последствия. Тем не менее позиция джадидов может быть охарактеризована как первый конструктивный шаг на пути вхождения женщин в общество.

Колониальные власти в Туркестане не придавали особого значения выработке женской политики, так как были озабочены проблемами безопасности власти и настороженно держались с духовенством. Основным приоритетом их политики было укрепление экономики Туркестана как сырьевой базы метрополии.

«Женская политика» в советской историографии

Советская власть, в отличие от прежней, придавала особое значение раскрепощению мусульманок, что было одним из главных ас-

⁴ *Фитрат*. Указ. соч. 25–26-бетлар.

⁵ *Бехбудий*. 1914. № 12; *Он же*. 1917. 7 ноябрь; *Он же*. 1914. № 23 и др.

⁶ *Садои Туркистон*. 1914. № 36.

пектов ее внутренней и внешней политики. Во-первых, женская часть населения рассматривалась как трудовые ресурсы, столь необходимые для развития народного хозяйства, и что очень важно — как дешевая рабочая сила. Все это подкреплялось идеологией равенства, которая показывала бы всему миру «уникальность» коммунистического опыта в достижении гендерного равноправия. Советская власть преуспела, построив свою конструкцию внедрения восточной женщины в общество, закрепив это обширной законодательной базой. Но термин «гендер», так широко практикующийся на Западе, здесь не был востребован, более того, к нему относились с некоторой опаской, как к измышлению буржуазного общества. В Союзе речь шла об уравнивании юридических прав женщин и мужчин, основной целью было доказать способность женщин быть наравне с мужчиной в производственных достижениях. Причем совершенно не учитывались биофункциональные возможности женского пола.

Анализируя историографию этого периода, постараемся ответить на вопрос о женском образе в исторических конструкциях того времени. Известно, что героини самых крупных исторических трудов по колониальной истории и истории советского периода — это, в основном, апологеты марксистско-ленинской теории и борцы с царскими властями, большевики, установившие советскую власть в Туркестане. Так, во втором томе (советский период) первого академического издания «История Узбекистана» (В 2-х т. 1957 г.) В. И. Ленин упоминается более 300 раз. И из 850 фамилий других персон (из них 99% — представители большевиков) всего лишь 87 фамилий женщин. В основном, это ударницы производства и деятели культуры. Во втором томе четырехтомной «Истории Узбекской ССР» (колониальный период) 1968 года издания — тысяча фамилий, из них женщин всего 31. Среди них десять узбечек, в том числе три известные поэтессы XVIII–XIX вв. (Увайси, Нодирабегим, Анбар-отын) и две участницы восстания 1916 года. Это говорит само за себя. Если самое великое событие в истории советского периода — это революция 1917 г., то ясно, что женщины никакого участия в ней не принимали. Впрочем, в нем вообще не принимало участие коренное население, революция была экспортирована большевиками в Центральную Азию.

Поскольку решение проблем народного хозяйства и культуры в регионе во многом зависело от степени эмансипации женщин, прак-

тические работники и первые советские исследователи вели поиск наиболее рациональных методов вовлечения женщин в экономику, общественно-политические и культурные процессы. В 20-е годы XX в. в историографии женского вопроса преобладали позитивные тенденции. Она отражала различные позиции и мнения в выработке форм и методов эмансипации женщин и отличалась критичностью и альтернативностью мнений⁷.

Утверждение командно-бюрократической системы управления страной оказало свое влияние и на женский вопрос. Руководство страны в середине 1930-х гг. провозгласило его решенным, что далеко не соответствовало действительности. Обстановка максимального напряжения сил для «форсированного скачка, обеспечивающего в минимальный срок построение основ социализма», подчинила себе и подходы к решению женского вопроса, деформировав понятие о равноправии женщин. Оно стало рассматриваться не как равенство полов с предоставлением женщинам и особенно матерям дополнительных прав, а прежде всего как равенство женщин с мужчинами в труде, что имело негативные социальные последствия. Все это отразилось в литературе, основной целью которой стала восторженная популяризация трудовых успехов женщин-работниц при игнорировании нерешенных проблем социально-экономического, бытового, психологического характера.

В 1950–60-е гг. накопление определенной документальной базы позволило историкам приступить к изучению этой проблемы, однако в исследованиях упор, в основном, делался на достижения компартии в деле экономической и культурной эмансипации женщин.

1970–80-е годы — период наиболее активного изучения истории решения женского вопроса в республиках Средней Азии. Позитивным было обогащение источниковой базы, выпуск ряда сборников документов. Однако проблема рассматривалась исключительно в позитивном ракурсе, отсутствовал критический анализ негативных моментов в попытках решения женского вопроса, в частности, забвения в 1930-е годы традиционных и национальных особенностей

⁷ *Каспарова*. 1925. № 7. С. 85-92; *Москалев*. 1928; *Фотеев*. 1929. № 1-2. С. 61-72; *Любимова*. 1927. С. 52; *Карпов*. 1929. № 3–4. С. 8.; *Сейфи*. 1926; *Гаврилов*. 1927. № 1. С. 46-54.

развития народов Средней Азии и применения насильственных методов в ходе раскрепощения женщин⁸.

В этот период наметились тенденции реалистического подхода к оценке состояния женского труда и положения женщин в семье и быту, поиска рациональных путей использования женских трудовых ресурсов, но и в этой литературе преобладали фактология, описательность, стремление приукрасить действительность. Многие специфические стороны женского вопроса в регионе оставались без внимания, не освещались такие острые проблемы, как тяжелый низкооплачиваемый труд женщин в хлопководстве, многодетность, неустроенность быта, особенно в сельской местности, неразвитость системы социальной защиты и т.д. Авторы были далеки от критического осмысления этих реальных фактов, а теория неизмеримо далека от практики и не соответствовала ей.

Перестройка 1980-х гг. и начавшиеся процессы демократизации обнажили наиболее уязвимые проблемы, бывшие запретными для обсуждения в предыдущие годы. Главными достоинствами публикаций этого периода являются: критическое осмысление положения женщин; попытка выработки концептуально новых, рациональных методов решения наиболее острых вопросов, касающихся положения женщин. В литературе проявилось понимание необходимости отказа от стереотипов общественного сознания относительно второстепенности женского вопроса, от мнения, что приоритет семейных интересов женщины есть проявление мещанства⁹. Актуальными проблемами стали: трудовая незанятость женщин, освобождение их от «мужских» профессий, облегчение и сокращение женского труда в хлопководстве, улучшение социально-экономических условий жизни, разработка механизма социальной защиты, исследование вопросов о детской смертности, о саможжениях женщин и др.

⁸ Пальванова. 1962; Шукурова. 1969; Татыбекова. 1969; Набиева. 1975; Лобачев. 1988.

⁹ Раджапова. 1987. С. 18; Якубов. 1987, 19 августа; Мергенбаева. 1988. № 40. Сентябрь; Она же. 1988, 27 января; Волков. 1988. 7 февраля; Махмудова. 1988, 25 февраля; Турдимуратов. 1989, 26 июля; Тухтабаев. 1989. № 8. С. 24-25; Бошбеков. 1989, 8 март; Женщина в современном обществе... 1990. 8 марта; Таибаева. 1990. С. 111-117.

Таким образом, на протяжении семи десятилетий женский вопрос стоял в центре внимания общественных наук, но оценивался неоднозначно. Отступлений от заданной идеологии не было. Но он рассматривался гораздо шире, чем просто проблема гендера. Больше частью историография не отвечала жизненным реалиям. Исключение составляла литература 1920-х годов и, особенно, так называемого перестроечного периода, связанного с именем Горбачева, когда в республиках Центральной Азии начались процессы роста национального самосознания.

В целом ни один период не может сравниться с советским по количеству литературы о положении женщин. Она исчисляется тысячами изданий. И как бы мы критично не относились к ней, изучая ее, можно смоделировать образ женщин Центральной Азии в XX в. Ее характерной особенностью является сочетание элементов современной урбанизированной, европейской и традиционной восточной культур. Формирование этой модели происходило на фоне и в связи с модернизацией традиционного общества, которое началось в период колонизации и усилилось в постколониальный период.

Этот процесс был обусловлен влиянием политических социально-экономических и культурных изменений на жизнедеятельность «слабой половины», которая по этим же причинам трансформировалась в сильную часть общества, способную вынести все тяготы жизни на своих плечах. С особенной отчетливостью это проявилось на рубеже XX–XXI вв., когда разрушились привычные устои, идеология и в целом государство под названием СССР.

Вопросы гендера в Центральной Азии в условиях независимости

Обретение независимости республиками Средней Азии поставило перед новыми государствами задачу самим решать «женский» вопрос. Основными условиями и предпосылками этого решения стали: новая законодательная база уже с учетом мирового опыта, преодоление осложнившихся противоречий в социальном положении женщин, переход к рыночной экономике и приспособление женской половины, как и мужской, к ее требованиям, усилившийся религиозный фактор, тянущий определенную часть населения к архаичным формам отношения к женщине, создание программ по преодолению насилия над женщинами. Это соответственно потребовало новых

исследовательских программ по женской и гендерной проблематике. Гендерный анализ востребован и необходим для подкрепления теории строительства демократического общества.

С началом XXI в. публикации в сфере истории, экономики, философии и других общественных наук изобилуют женской тематикой, по которой было проведено бесчисленное множество форумов, конференций, круглых столов. Однако слово «гендер» в них выглядит лишним элементом, так как это, в основном, все та же оценка положения женщин без каких-либо сопоставлений с положением мужчины. Создавалось впечатление, что многие не понимают, что гендер — это не женщина и ее проблемы, а проблемы различия полов. Появились в этой области и социологические исследования, которые были весьма актуальны и полезны, хотя одни носили локальный характер, другие касались отдельных сфер. Но самое главное в них — отсутствие собственно гендерного анализа. Изучая литературу 1990-х гг., можно сделать выводы о положении женщин, например в Узбекистане, но нельзя узнать те же показатели, касающиеся мужчин.

Только после принятия Пекинской декларации платформы действий на IV и V Всемирных конференциях женщин в 1995 г. и 2005 г. дело изучения гендера сдвинулось с мертвой точки. Следует отдать должное и международным организациям, фондам, которые фактически «открыли глаза» среднеазиатским исследователям на вопросы изучения гендера, методологию и теорию проблемы: многочисленные тренинги, семинары и конференции, проводимые ими, в частности, UNDP — Программой развития ООН, способствовали консолидации специалистов по данной теме.

В последнее десятилетие в странах Центральной Азии, в частности в Узбекистане, появились исследования, заслуживающие особого внимания. В докладах на проведенных Центром социологических исследований «Ижтимоий фикр», Женским ресурсным центром, Республиканским комитетом женщин при помощи международных организаций, анализировались концептуальные вопросы, методология гендерного анализа, проблемы гендера в контексте образования, профессиональной карьеры, социальной жизни, культуры, семьи¹⁰. Появились статистические сборники по различным аспектам гендера¹¹.

¹⁰ *Тахтаходжаева*. Гендер тенглиги сохасида жамотчилик фикрини шакллантириш // Gender equality in Uzbekistan: status and development perspectives.

Следует также отметить монографию «Введение в теорию и практику гендерных отношений», изданную при содействии UNDP и Гендерной программой посольства Швейцарии, в которой даны основные положения гендерной теории, что очень важно для начинающих специалистов, сведения о формах и методах гендерных исследований в области экономики, права, управления и культуры¹². Немаловажно и то, что в числе авторов этой книги и ученые из Узбекистана, что является свидетельством формирования национальной школы гендерных исследований.

Однако в истории и в общественных науках по-прежнему мало женских лиц, практически нет гендерных ретроспективных исследований, что, возможно, связано с трудностью поиска архивных материалов, для проведения сравнительного анализа положения мужчин и женщин. Разработка этой темы очень важна и для настоящего, и для будущего, так как прошлое объясняет очень многое, в частности, статус двух полов и причины его изменения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авлоний А.* Туркий гулистон ёхуд ахлоқ. Тошкент: Ўқитувчи, 1992.
- Андреев Гр.* За запретной стеной (рассказ из жизни ичкари) // Туркестанские ведомости. 1911. № 15, 1911. № 18, 1911. № 21.
- Бехбудий М.* Ешларга мурожаат // Ойна. 1914. № 12.
- Бехбудий М.* Ҳифзи сихати оила // Ойна. 1914. № 48, 49, 50.
- Бехбудий М.* Бизга ислоҳ керак // Нажот. 1917. 7 ноября.
- Бехбудий М.* Бизни кемирувчи иллатлар // Ойна. 1914. № 23 и др.
- Бошбеков Ш.* Женщина в современном обществе // Правда Востока. 1990. 8 марта.
- Бошбеков Ш.* Икбол тилайман // Совет Узбекистони. 1989, 8 марта.
- Введение в теорию и практику гендерных отношений. Ташкент, 2007.
- Волков М.* Не хочу убивать // Правда. 1988. 7 февраля.
- Гаврилов М.* Сарговская свадьба // Туркестанские ведомости. 1911. № 150, 1911. № 152.
- Гаврилов Н.* Ткацкое искусство узбекской женщины // Народное хозяйство Средней Азии. 1927. № 1. С. 46-54.

Conference materials. Tashkent, 2000. P. 79-86; Женщина: ее права и свободы...; *Ҳамраева.* 2002; Республика Узбекистан...; Доклад по целям развития тысячелетия...; *Шакирова.* 2006; Аёллар — жамият маданият тараққиётида...

¹¹ Гендерное равноправие в Узбекистане...

¹² Введение в теорию и практику гендерных отношений...

- Гендерное равноправие в Узбекистане: факты и цифры. 2000–2004 (Статистика). Ташкент, 2005.
- Диваев А. А.* Проводы невесты (обычай сартов города Чимкента) // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. 1885. Вып. IV.
- Жебровский.* Калым // Туркестанские ведомости. 1898. № 84.
- Женщина: ее права и свободы. Ташкент, 2001.
- Карпов Т.* Раскрепощение женщины-туркменки // За партию. 1929. № 3–4. С. 8.
- Каспарова В.* Задача партии в области работы среди женщин восточных народностей // Коммунистка. 1925. № 7. С. 85-92.
- Краузе И.* О косметических средствах, употребляемых туземными женщинами Туркестанского края // Туркестанские ведомости. 1871. № 47.
- Лобачев А. И.* Деятельность профсоюзов республик Средней Азии по утверждению социального равенства женщин в условиях перехода к социализму, минуя капитализм. Ташкент, 1988.
- Любимова С.* О кооперировании женщин восточных народностей // Коммунистка. 1927. С. 52.
- Махмудова Д. В.* В замкнутом круге // Правда Востока. 1988, 25 февраля.
- Мергенбаева Р.* «Драматические женские судьбы» // Правда Востока. 1988, 27 января.
- Мергенбаева Р.* Огоня // Собеседник. 1988. № 40. Сентябрь.
- Москалев В.* Узбечка. М., 1928.
- Набиева Р. А.* Исторический опыт раскрепощения женщин Таджикистана и повышения их роли в строительстве социализма (1917–1937). Душанбе, 1975.
- Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщин туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886.
- О-чев.* Женщина Туркестана по народным пословицам и поговоркам // Этнографическое обозрение. 1897. № 2.
- Пальванова Б. П.* Борьба КПСС за вовлечение женщин Средней Азии в строительство социализма. Ташкент, 1962.
- Раджапова Р. Я.* Исторический опыт «Худжума». Ташкент: Знание, 1987. С. 18
- Садои Туркистон. 1914. № 36.
- Сейфи М.* Женские кустарные промыслы на Советском Востоке. М.: Вопросы труда, 1926.
- Социально-экономические условия жизни сельских женщин Узбекистана // Social and economic conditions of women in rural areas of Uzbekistan). Ташкент, 2001.
- Татыбекова Ж. С.* Исторический опыт раскрепощения женщин Востока и вовлечение их в строительство социализма (На примере Киргизской ССР). Ташкент, 1969.
- Тахтаходжаева М.* Гендер тенглиги сохасида жамотчилик фикрини шакллантириш // Gender equality in Uzbekistan: status and development perspectives. Conference materials. Tashkent, 2000. P. 79-86.

- Ташибаева Т.* К фактам самоожжения женщин в Кашкадарье // Социально-экономические проблемы Узбекистана в условиях перестройки. Ташкент: Фан, 1990. С. 111-117.
- Турдимуратов И.* Как погасить живые факелы // Правда Востока. 1989, 26 июля.
- Тухтабаев Х.* Ота — оила таянчи // Саодат. 1989. № 8. С. 24-25.
- Федоровский М. К.* К вопросу о брачном праве у туземцев // Туркестанские ведомости. 1911. № 51.
- Фитрат А.* Оила ёки оила бошқариш тартиблари. [Баку, 1915]. Тошкент: Маънавият, 1998.
- Фотеев И.* Женский труд в сельском хозяйстве Среднеазиатских республик // За партию. 1929. № 1-2. С. 61-72.
- Ҳамраева Ш.* Ўзбекистонда гендер тенглик ва трафик масалалари. Тошкент, 2002; Республика Узбекистан: достижения, цели, развития, тысячелетия в свете национальной платформы действия по улучшению положения женщин. Ташкент, 2005; Доклад по целям развития тысячелетия. Ташкент: Узбекистан, 2006.
- Шакирова С.* Основы гендерного образования (Тренинг). Ташкент, 2006; Аёллар — жамият маданият тараққиётида // Халқаро семинар материаллари. Тошкент, 2006.
- Шукурова Х. С.* Исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза в раскрепощении женщин Советского Востока (1917–1937 гг.). На примере Узбекистана. Ташкент, 1969.
- Якубов А.* Трагедия в кишлаке // Литературная газета. 1987, 19 августа.

Алимова Дилором Аззамовна, д.и.н., профессор, директор Института Истории РАН АН Республики Узбекистан; tarih@uzsky.net.

С. В. ГОЛИКОВА

КЛИКУШИ

ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

В статье на основе материалов из района Урала анализируется социокультурный феномен кликушества, причины его возникновения и исторические трансформации, а также изменения в его оценке в светском, религиозном и медицинском дискурсах. Особое внимание уделяется рассмотрению на примере кликушества женской телесности и дисциплин тела.

Ключевые слова: история Урала; кликушество; история медицины; телесность и экзорцизм.

Кликушество — обобщающее название припадка и различных его толкований. Припадок был знаком кликушества: оно проявлялось дискретно — от одного припадка к другому. Благодаря своей экспрессивности, этот яркий факт народной жизни был хорошо известен еще до того, как во второй половине XIX в. стал объектом исследования этнографов и психиатров¹. В последнее время этот феномен изучается в контексте религиозной культуры: А. С. Лавров и Е. Б. Смилянская рассматривают законодательство и практику борьбы властей с «нерегулярной религиозностью», в т. ч. с кликушеством, А. А. Панченко — «единство крестьянских религиозно-мифологических представлений, связанных с кликушеством». Кликушам посвящена монография К. Д. Воробек, однако и она анализирует феномен одержимости в целом, вводя его в широкий научный и идеологический контекст².

Авторы гендерных исследований (за исключением Воробек) обходят эту тему стороной, хотя она привлекательна именно для данной проблематики. Кликушество оказалось связано с властными отношениями, начиная с угнетения женщины в рамках патриархальной семьи. Кликуши пережили гонения светских властей, сами провоцировали расправы с «колдунами», в качестве «мнимостраждущих», а затем психиатрических больных испытали на себе власть

¹ *Высоцкий*. 1911; *Краинский*. 1900; *Попов*. 1903.

² *Лавров* 2000; *Смилянская*. 2003; *Панченко* 2004. С. 336; *Worobek*. 2001; *Христофорова*. 2005. № 1. С. 58.

медицины. О кликушестве можно говорить, рассматривая проблемы телесности и дисциплины тела. Наконец, это явление — практически сугубо женское (о чем говорил уже В. Даль), следовательно, оно (как роды, беременность и другие проявления этой «закрытой сферы») принадлежит к женской отечественной субкультуре того периода, о котором собрано недостаточно конкретно-исторических данных.

При рассмотрении кликушества в качестве продукта социально-исторической практики главный акцент следует сделать на способах описания и конструирования этого феномена. Мы сознательно абстрагируемся от медицинского (прежде всего психиатрического) дискурса: важно не то, по какой психологической причине данный индивид начал «кликать», а то, как это событие «обыгрывалось» культурой. Культура «прочитывала» его теми средствами, которые оказались у нее в наличии. Весьма продолжительное время кликушество описывалось не как психическое отклонение, не психиатром, и не с помощью выработанного его профессией дискурса. Таковым оно представлено в большинстве источников, и уже это обстоятельство делает неадекватным психиатрический способ описания кликуш.

Анализ припадков в терминах душевной болезни показывает его «родство» со случаями, наблюдаемыми в других странах. Практически не отличить от кликушества описание состояния двадцатилетней девушки, которое в 1866 г. дал немецкий врач В. Гризенгер:

«Периодическое страдание начиналось жжением и “тоскливым ощущением” (“Angst”) в подчревной области, откуда что-то “горячее” поднималось и вдруг ударяло в голову; тогда нападала на нее тоска, и состояние ее было таково, “как будто ей обо всем нужно составить мысли”, и непременно дурные мысли, “как будто она должна всеми силами противиться Богу, и как будто черт ей любезнее Бога”; затем у нее было “гораздо более мыслей, чем всегда”, и она могла “представить себе все, о чем думала”; когда она закрывала глаза, то “видела все, о чем думала перед собой, и о каком месте подумает, там она и есть”».

Наблюдатель отмечал, что если у его пациентки «ощущений» не появлялось, то она была «весела и разумна», и добавлял, что подобная форма психических расстройств «в характерическом своем развитии, едва ли не исключительно свойственна женскому полу»³.

³ Речь, произнесенная при открытии клиники нервных и душевных болезней в Берлинской больнице «Charite» 1 мая 1866 г. В. Гризенгером // Архив судебной медицины и общественной гигиены... С. 9-10.

Врач дома умалишенных в Илленау Краффт-Эбинг дал более развернутый анализ подобного болезненного состояния, внезапно наступающего у людей, которые, по его наблюдениям, не обнаруживают ни до приступа, ни после него ничего ненормального в психической сфере и не подвержены никакому наследственному предрасположению к душевным расстройствам. Припадки сопровождались конвульсиями и истерическими явлениями, причем больные «часто доходили до порывов истинно бешеных», не щадя ни себя, ни других. Их взгляд был неподвижен, дик, глаза сверкали, мимика лица находилась в постоянном движении, свидетельствующем о внутренней тоске и тревоге. По словам Краффта-Эбинга, «несвязность и глубокое замешательство в сфере душевной жизни» сказывались и на речевом поведении больных, которые в редких случаях не произносили ничего «вовсе». Как правило, они издавали непонятные громкие звуки, говорили отрывистые слова и предложения, часто бессвязные и непонятные. «Там же, — отмечал этот доктор, — где механизм речи приводится в движение более манией, замечаются часто бешеная бессмысленная болтовня, пение, свистание, крики, в течение почти всего приступа». Больные заявляли ему, что «находятся под чьей-то властью», обращались с речами к «беспокоящим их призракам», зывали к ним и давали им ответы. Приступ прекращался так же быстро, как и начинался. Краффт-Эбинг также называл приступ экстазом, уточняя, что он бывает почти исключительно у женщин, что его приступы повторяются часто, и что они до мелочей похожи один на другой по содержанию бреда⁴.

Налицо совпадение с кликушеством и по основным признакам, и таким деталям, как способность припадочных быть там, где они хотят, использовавшейся в отечественной народной культуре для отыскания краденого и «узнавания» судьбы, и тождество от приступа к приступу речевого поведения. И для обозначения подобного состояния психиатрическая мысль того времени выработала иное название: периодическое, временное или преходящее помешательство. Она была не в состоянии прояснить специфику кликушества, как социокультурного феномена. Однако благодаря ей поневоле задаешься вопросом, почему в германских землях аналогичные припадки не переросли в социокультурное явление или, по-иному: почему эти же припадки превратились в объект социальной чувствительности в России.

⁴ Краффт-Эбинг. 1866. № 3. Отд. 2. С. 104-115.

Мало кто из исследователей сомневается, что кликушество «зародилось», то есть выдвинулось в качестве специфического явления из всей массы одержимых вместе с возникновением в XVII в. мистического сектанства и раскола. Эти новые факты русской жизни связаны с так называемой религиозностью нового времени — неотъемлемой частью формирования новой культурной системы, развивающей личностные начала⁵. Искания людей того периода, основанные на индивидуальном опыте переживания религиозного чувства, отразились на отношении ко всей области сакрального. В таких условиях разница между «кликающими» и другими одержимыми стала бросаться в глаза, то есть обрела статус объекта восприятия. В случае с кликушеством одержимость, как, например, при юродстве, осталась зримой, но дополнительно обрела голос, который добавил ей зрелищности.

Характерной чертой кликуш стала «боязнь святыни», поскольку находящиеся в них бесы не выносили икон, креста, святой воды, ладана и активно проявляли себя при чтении Евангелия, на литургии, особенно при исполнении Херувимской песни, при таинстве Святого Причастия. С одной стороны, явно нарушая церковный ритуал, кликушество несло в себе угрозу общественному порядку, с другой, зло — дьявольское начало, бесовщина — прежде чем быть уничтоженным, следовало обнаружить, а припадок и становился стадией его публичного обнаружения. По замечанию автора XIX в., власти в это время склонны были идти на поводу у кликуш: «их указания часто принимались и преследовались судом. По одному клику беснующейся женщины брали обвиняемого ею человека и подвергали пыткам». Получив известие о появлении кликуш «в каком-нибудь крае», правительство посылало туда нарочных сыщиков искоренять ведовство. Например, в 1606 г. в «Пермском крае» подозреваемых в «напускании на людей икоту» жгли, давая на пытках по три встряски⁶.

Подобная реакция социума показывает, что кликуш воспринимали не в качестве больных, а скорее как знак и средство борьбы с бесовщиной, Целью было не облегчение из гуманных соображений состояния этих женщин, а победа над нечистой силой, «прорывавшейся» из них и обезвреживание колдунов как ее приспешников, что должно было восстановить социальный порядок.

⁵ См., напр.: Живов. 1996. С. 482.

⁶ Там же. С. 414-415.

Припадок у кликуш оказался связан с понятием скандала и квалифицировался как буйство — беспорядок в поведении, душе, нравах и рассудке, — превращаясь в объект социальной чувствительности. М. Б. Плюханова пишет о появлении у людей того времени сознания собственной полной ответственности за дело спасения себя и мира⁷. В таких условиях тонко чувствующее религиозное сознание оказалось болезненно восприимчивым к «клику» беснующихся как к разновидности отклонения от социально-этических норм.

По замечанию исследователей, светский антисуеверный дискурс не находил поддержки церковных структур именно в отношении кликуш. С начала XVIII в., отчитываясь «об отсутствии суеверий и безобразий в епархиях», духовенство продолжало признавать кликушество «бесоудержимостью», противопоставляя репрессиям каноническую практику чтения специальных молитв. Подобное расхождение явно присутствует в рапорте благочинного Дмитрия Флоровского об эпидемии кликушества в селении Нижнем Уткинской слободы. В 1839 г. здесь объявилось до 44 кликуш. Гражданские власти задействовали контору Уткинского завода Яковлевых, непременные работники которого были жителями села Нижнее, исправника Волкова, привлекли врачей, создав временный комитет для расследование на месте обстоятельств дела.

«Какие же средства комитет врачей употреблял для изгнания из страждущих злых духов? — Вопросал отец Дмитрий и отвечал: — По мнению моему, не медицинские, насильственные, противозаконные; ежели по уголовным преступлениям на публичных площадях законами строго воспрещено совсем обнажать женщин, то при собрании четырех врачей и уткинского приказчика Ивана Китаева в присутствии большого числа рабочих людей раздевать и оставлять без рубашки женщин и 18-летних девиц, держать их с обеих сторон за руки и распущенные волосы, потом, вовсе забыв человеколюбие, со льдом смешанной воды из пожарной машины выливать по одной—две сороковых бочек на каждую страждущую, призывая держащих оборачивать на все стороны и направлять биение воды на те места, в коих чувствуют присутствие духа, и язвительными сарказмами спрашивать обнаженных обливаемых, вышел ли нечистый дух?»

Флоровский предлагал «искать избавления от жестоких страданий своих» «в недрах Матери Святой Церкви, в Священных ея таинствах». Он не применил к жителям Уткинской слободы в полной мере

⁷ Плюханова. 2000. С. 384.

ритуал экзорцизма. Но некоторые процедуры, сопровождающие изгнания бесов, по его мнению, принесли страждущим облегчение: успокоившись, одна из них «приложилась к Святому Евангелию, Живо-творящему Кресту и приняла святую Богоявленную воду». «После подобных временных припадков они спокойно, без отвращения истинно беснующихся могли приступать к Святому Евангелию и Живо-творящему Кресту, может быть приступят и к Святому Причастию»⁸.

Если светские власти обнаружили в кликушестве опасность духовного произвола, то церковные — пытались использовать его, собирая кликуш в местах, «прославленных религиозной святостью». Однако и тех, и других интересовали, скорее, типы поведения. Окончательно и бесповоротно большими кликуш признала только психиатрия. Все признаки, которые для этой науки превратятся в недвусмысленные симптомы болезни, до этого распределялись между сумасбродством, безбожием, кощунством и святотатством. Таким образом, единый взгляд на природу кликушества, существовавший во время его появления в XVII в., «разбился» на четыре: народ, церковь, светская власть и психиатрия смотрели на него по-разному. Непокколебимым в своих воззрениях остался народ. Психиатрия стала преемницей позиции светской власти, которая, сформировавшись в начале XVIII в., исчерпала себя к началу пореформенного периода. Сфера интересов церкви с XVIII в. оказалась урезанной — она не затрагивала способы попадания бесов в кликуш с помощью колдовства и порчи, которые она относила к разряду суеверий.

Наиболее разнообразные представления о кликушестве оказались у народа. Однако не стоит забывать, что до сегодняшнего времени они дошли «внутри» церковного, светского, а чаще всего — психиатрического дискурса. Анализируя припадки, психиатры проявили интерес к народному восприятию кликушества, введя в научный оборот значительный фактический материал.

Непосредственно с психологией оказался связан и вытекал из нее сострадательный интерес образованных слоев русского общества к подобным истерическим припадкам. Насколько психологическое объяснение причин кликушества к началу XX в. проникло в широкие слои «образованной» публики, показывают зарисовки богомолья старообрядцев к могилам на Веселых горах уральского журналиста В. Санина. Состояние кликуш он описывает в контексте «необычай-

⁸ Голикова. 1995. С. 108-109, 111.

ного напряжения воли в религиозном экстазе» и намекает на модную в то время концепцию внушаемости. В его интерпретации процесс становления кликуши выглядит именно как длительное постепенное осознание женщиной факта вселения в нее нечистой силы, благодаря внушению ее окружения, которое затем переходит в самовнушение.

«Одна девятнадцатилетняя девушка, страдавшая кликушеством, подробно рассказала мне историю своей болезни. На 17-м году жизни однажды с ней случился легкий обморок, в котором она пролежала два часа. Когда девушка очнулась, то услышала от свидетелей обморока предположение, что в нее вселился бес... С этого дня, — продолжала рассказ больная, — я и минуты не знала покоя, мучимая сознанием, что во мне живет бес. Начала быстро хиреть. Через некоторый промежуток времени припадок повторился, еще более утвердив во мне мысль о бесе. Пришло время паломничества на горы. Я пошла сюда вместе с другими. С одной стороны у меня было страшное желание выгнать беса, но с другой, я ощущала безотчетный страх, который с приближением к могилам все возрастал и возрастал. Завершилось тем, что к могиле я уже сама подойти не могла, а когда меня подвели насильно, я лишилась сознания и превратилась в настоящую кликушу». «Разубедить рассказчицу в том, что в ней никакого беса нет, и что кликушество не более как результат ее расстроенных нервов, не было никакой возможности», — отмечал В. Санин. Причина кликушества, резюмировал он, «самовнушение на почве религиозного фанатизма в связи с массовым народным невежеством»⁹.

Поскольку в случае с кликушеством нечистая сила «являла» себя с помощью голосовой манифестации, то данный феномен можно отнести к сфере речевой культуры, к реализации права женщин на речь. В патриархальной среде они были по определению «немые», оставались бессловесным объектом, интересы которого «артикулировали» те, кто обладал властью и обусловленным ею правом публичной речи. В припадке кликушества женщина, хотя и в парадоксальной форме — посредством голоса бесов, — посмела «открыть рот». Этот феномен показывает, в каком качестве женщины допускались в публичную сферу: присвоив голос пророчества, транса, одержимости. Во время припадка кликуше было позволено говорить от лица сидящего в ней беса, «высказывая в потоке пустой болтовни, по правилам своей бессмысленной и парадоксальной грамматики» то, что имело важность для культуры, было востребовано ею. Приравнение языка женщины к языку нечистой силы стало способом

⁹ Санин. 2001. С. 253-254.

обретения ею своего «голоса» в культуре, собственного места в культурном пространстве и, следовательно, своей идентичности.

Почему же для достижения данной цели женщины взяли бесов в союзники? Одна из немногих исследовательниц речевого поведения мифологических персонажей, О. В. Санникова, отмечает, что «в устах самих демонов слово обретает сверхъестественную силу, речевой акт становится актом магическим. Слова мифологических персонажей никогда не повисают в воздухе, они непременно воплощаются, будь то обещание, угроза или пророчество»¹⁰. Эпидемии кликушества показали, что подобное голосовое проявление зла заразительно, его соблазн и скандальность заключались именно в клике. Передавая атмосферу молений на Веселых горах, В. Санин писал:

«Вскоре за первой кликушей в разных сторонах раздались такие же выкрики других. Всего на могиле Германа проявили себя пятнадцать кликуш... Число кликуш на последней могиле о. Павла возросло до сорока. Их вид и выкрики ужасно нервировали, в особенности женщин. Последние при крике кликуш тревожно озирались по сторонам, крестили рот, затем, крепко сжав губы, клали на них два пальца и так оставались стоять все богослужение». «Впоследствии я узнал, — уточняет автор, — что делали они это для того, чтобы бес, вышедший из кликуши, не вошел через рот в одну из них».

По мнению Санина, коллективный припадок кликуш на фоне религиозного экстаза сотен молящихся создавал колоссальное нервное напряжение, в результате которого более слабые женщины не выдерживали и также начинали кликушествовать¹¹. Эту мысль развивает автор знаменитого труда по народной медицине Г. И. Попов, сообщая о «боязни заболевания, доходящей до паники и охватывающей деревенское население при появлении в деревне одного или нескольких случаев, а иногда и целой эпидемии кликушества»¹².

По наблюдениям П. Шмакова, голос во время припадков у кликуш менялся¹³, по мнению других — становился нечеловеческим. «Разговор» одержимых бесом представлял собой звукоряд (нечленораздельные пронзительные крики, косноязычное бормотание, смех,

¹⁰ Санникова. 1988. С. 100.

¹¹ Санин. Указ. соч. С. 252, 254.

¹² Попов. 1996. С. 329.

¹³ Однажды ночью у знакомых крестьян он проснулся от криков кликуши и пребывал в недоумении: «Что за голос? Кто кричит? Я не слышал в этой семье такого голоса». Шмаков. 1916. С. 33-34.

хохот, плач, свист, писк). Обобщенно все эти явления называли «некоторым родом икоты». Видимо, сюда же примыкало подражание голосам животных (лает по-собачьи, поет петухом), а также связанная и осмысленная речь. Последняя для нечистой силы была средством достижения определенных целей. Во-первых, нечистая называла «своего отца и мать, то есть того, кто посадил»¹⁴. Во-вторых, она проясняла перспективы своего выхода из кликающего. Например, хвасталась, что «теперь ее ничем не выведешь». «А...а...а... ах! Не хочу! О...о...о... Ой, пустите... все равно не выйду! О...х, пустите, проклятые!!! — неистово-пронзительным голосом требовала кликуша во время моления на Веселых горах. «Не выйду, еще пять лет не выйду», — вторила ей подруга по несчастью. «Укажите в кого перейти, тогда перейду», — добавляла другая одержимая. В-третьих, предсказывала судьбу и отыскивала краденое. Кроме этого, бесы посредством кликуш ругались, прислали себе «сподручной пищи», без которой не предсказывали.

Согласно О. В. Санниковой, в том, что и как говорят демоны, проявляется их сущность. В случае с эпидемией кликушества 1839 г. это подтверждается буквально. «Будучи приведена мне на квартиру, — рассказывал о поведении Татианы Сысоевой Д. Флоровский, — несколько времени хохотала, плакала... Имя в ней сидящему нечистому духу хохотун». Прасковья Селянина долго плакала и нечистый дух во время припадка заявил, что имя ему плаксивой¹⁵.

Способность к речи является одним из свойств тела. Именно в соматических проявлениях кликушество черпало свои выразительные средства. Кликуши в селении Нижнем Уткинской слободы при приближении припадка начинали чувствовать «разслабление во всем составе тела», давление под ложкой, «ужасную», «необыкновенную» тоску, «производили различные движения членами», «делали кривлянья, тряслись всем телом». Такое состояние продолжалось до ослабления припадочного и завершалось слезами¹⁶.

¹⁴ П-н. 1863. № 13. С. 62. «Окаясшой! — кричала кликуша из деревни Большой Дубовник Осинского уезда. «Дунька. Дунька. Еленка! Еленка! За то, за то посадила», — скороговоркой выкликали кликуши во время эпидемии в селении Нижнем Уткинской слободы.

¹⁵ Голикова. Указ. соч. С. 110.

¹⁶ Помимо отдельных симптомов Д. Флоровский привел описание припадков у некоторых лиц: «Василиска Захарова Селянина жена Парасковья, самого скромного вида и, по отзывам соседей, хорошего поведения, побледнела, едва с трудом держала ведра с водою, при дергании всех членов едва смогла устоять

Припадок являлся серьезной психофизиологической «встряской». У кликуши наступала потеря контроля над телом и мышлением. «Когда порча заговорит в человеке, — сообщали в 1863 г. Пермские губернские ведомости, — предварительно с ним делаются судороги, грудь высоко поднимается, бывает сильный прилив крови к голове». Пароксизм заканчивался, когда «больной замертво падал на лавку или на пол», а окружающим было видно, что «какой-то клубок бьется в груди и подступает к горлу». «Тут, — замечал автор статьи, — нужна скорая помощь больному, чтобы отвлечь клубок к желудку», иначе тот мог задушить человека¹⁷. Кликуши Чердынского и Верхотурского уездов того времени имели обыкновения кидаться на курильщиков с ухватом или «с чем попало»¹⁸.

Происходящее было максимальным выражением телесности — аффективной, экспрессивной, стихийной. «Лицо женщины, — описывал В. Санин кликушу во время моления на Веселых горах, — было страшно искажено. На нем одновременно изображены были и ужас, и какое-то демоническое бешенство, но всего страшнее были глаза, которые до того расширились, что сделались буквально круглыми. Совершенно остановившейся взгляд был устремлен в одну точку и переходил с предмета на предмет только вместе с поворотом головы. В углах рта из слюны образовалась пена»¹⁹.

Кликуши в деревне Б. Дубовник Осинского уезда, «начиная биться», «доходили до обморочного состояния». П. Шмакову женщины признавались, что «им бывает очень тяжело в это время»²⁰. Припадки сильно «изнуряли» также жительниц селения Нижнего Уткинской слободы. Они «целый день бывали совершенно не способны не только к трудным работам, но и к самым легчайшим занятиям»²¹.

на ногах; однако со слезами и всхлипыванием принужденно подошла... для принятия благословения, после чего физические силы ее истощились до такого положения, что она принуждена была приклониться к близстоящему забору и провести сильные, первые пароксизмы болезни. По прибытию в квартиру мою долго плакала и до трех раз усиливалась, и Святую воду, влитую ей в рот, извергала вон со рвотой». Там же. С. 105-106, 107, 109-110.

¹⁷ П-н. Указ. соч. С. 62.

¹⁸ Из записок золотопромышленника... 1863. № 14. С. 66.

¹⁹ Санин. Указ. соч. С. 252.

²⁰ Шмаков. Указ. соч. С. 34.

²¹ Голикова. Указ. соч. С. 109.

Тело играло главную роль и в объяснении кликушества. Представления о природе этого феномена созвучны концепции гротескной телесности, которую, по мнению М. М. Бахтина, интересовало все, что свидетельствовало о чисто телесном напряжении, что выпирало, вылезало из живого организма. В основе построений этого исследователя прежде всего находилась женская физиология. В контексте гротеска она выражалась чревом. Именно способность к деторождению придавала женской плоти нестабильность — она могла увеличивать и уменьшать свои размеры, оставалась не отграниченной от остального мира, не замкнутой. Между ней и средой происходил взаимообмен. Подобная открытость порождала уязвимость, подверженность нежелательному влиянию извне²². На Урале имели хождение взгляды, сбליжающие биологический процесс вызревания плода и вживания «порчи». Последняя так же, как и человеческий зародыш, поначалу была маленькой — ее «садили» в виде мухи, яичка, зернышка. При благоприятных условиях она разрасталась и начинала говорить в своей носительнице, и «мучить» ее. Помимо этого люди верили, что женщина могла родить порчу и таким образом от нее избавиться²³.

На связь кликушества с детородной функцией указывает и ряд других данных. В 1837 г. врачи обратили внимание на то, что половина из более чем сорока кликуш в селении Нижнем Уткинской слободы были женщинами бездетными, а еще у двоих наблюдались «неправильные периодические очищения»²⁴. Хотя С. В. Максимов объявлял кликушество исключительно болезнью «бабьей, не девичьей», В. Санин, общаясь с кликушами на Веселых горах, выявил, что такая опасность угрожала преимущественно молодым девушкам: «Многие из них на мой вопрос, когда это с ними приключилось в первый раз, ответили: на 16, 17 и 18 году жизни, то есть в период половой зрелости». «...А если среди кликуш встречаются и пожилые, — добавлял этот автор, — то все-таки начало болезни относится к их молодости»²⁵. Эти наблюдения подтверждает разговор Порфирия Шмакова со старухой-кликушей из деревни Большой Дубовик Осинского уезда. Рассказав, как ее «испортили», она добавила: «“Молодушкой” я тогда еще была. С тех пор вот и кличу».

²² Бахтин. 1990. С. 33, 265, 351-353.

²³ П-н. Указ. соч. С. 62.

²⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 480. Л. 12 об. — 13.

²⁵ Санин. Указ. соч. С. 253.

Данный автор сообщает также о влиянии психосоматического состояния матери на потомство. «Дети у них часто “заревываются”. — Писал он про кликуш. — Это тоже своего рода припадок: ребенок плачет и капризничает до тех пор, пока придет в состояние обморока: лицо багровеет и сам он остается без движений»²⁶.

Поскольку женское лоно воспринималось как вместилище, сосуд, к кликуше приходило чувство того, что могучая сила входила в ее утробу и управляла ею. Ощущения от первого припадка летом 1831 г. жительница Невьянского завода Заплата описывала так:

«...после обеда часа через три почувствовала в себе необыкновенный жар, и потом до такой степени оной увеличился, что она пришла в род сумасшествия и начала (просто называемо) кликать». На следующий день эта женщина, «поутру стоя у печи, упала на пол и (находясь уже без чувств) стала кричать называемую икотой, что и продолжалось сряду двой сутки». Только через полтора месяца получила она «облегчение», но не полное избавление от недуга, которым «три дня каждой недели одержима бывает»²⁷.

Повторение приступов вело к формированию субъективного (причем чувственного, а не умозрительного) опыта вселения инородной сущности в женщину. Кликуша из деревни Большой Дубовик Осинского уезда в начале припадка хваталась за правый бок и сообщала о локализации такой сущности в теле: «Вот “он” где сидит у меня! Ой-о-йой!»²⁸. Другим кликающим казалось, что нечистая сила «шевелилась» у них в сердце.

Ограничной частью телесной интерпретации кликушества были представления о том, как происходило вселение постороннего начала в организм. Прежде всего, оно осуществлялось через еду и питье. Жители селения Нижнего Уткинской слободы в 1830-е гг. были уверены, что «колдуньи действуют посредством отравительных веществ, смешанных с пищею или питьем, которые, употребивши, здоровый человек вдруг» становился испорченным. Некоторые из кликуш были твердо убеждены, что могли бы избежать подобных страданий, если бы они не ели и пили «в какое-то время на обеде, на коем присутвовали и колдуньи, не оградив себя крестным знамением». Поэтому в качестве профилактического средства от кликушества советовали, не

²⁶ Шмаков. Указ. соч. С. 33-34.

²⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 3, 4 об., 6.

²⁸ Шмаков. Указ. соч. С. 33; Голикова. Указ. соч. С. 107.

принимать от подозрительных людей ни пищи, ни питья. Однако другие полагали, что воля «порчепускателей» оставалась «единственным составом всех страданий»: «Стоит только им пожелать и болезненные явления на человеке обнаруживаются»²⁹. Сжатые губы паломниц на Веселых горах показывают, что, если даже бесы были предоставлены самим себе, рот служил теми воротами, посредством которых они попадали в тело. А постоянное перекрещивание рта и наложение на губы двух пальцев в течение всего богослужения — были приемами, не позволяющими им туда войти.

Согласно рассказу «старушки» из деревни Большой Дубовник Осинского уезда, колдун мог «загнать» в тело своей жертвы беса также с помощью жеста: «Да были мы с ним, с «еретником»-то, в гостях «одныжды». Он на меня осердился за што-то. Как сейчас гляжу: прислонился это он ко мне локтем, да и ткнул. Я как пришла домой, так и «пала», да и давай кричать»³⁰.

Для воздействия на чувствительное женское существо использовали также речевые практики. Выяснение отношений по поводу денежного долга между Марией Лямтиной и Еленой Весниной из селения Нижнее Уткинской слободы, по словам «пострадавшей», закончилось угрозой: «...помни же ты эти 30 копеек!» Воздействие брошенных «в жару злобы» слов Марии, было столь велико, что Елена «в то же мгновение сделалась больна и до ныне известные припадки, род бешенства мучат ее повременно».

Первоначальный припадок инспирировал, конечно, тот, кто «вселял» в женский организм нечистую силу: злые люди, «еретники», чародеи, колдуны, знахари. Последующие — могли быть реакцией на присутствие «некоторых лиц» (возможно, тех же, кто «вселил»), встречу с «начальствующими лицами или духовными особами», а также праведниками. Д. Флоровский отмечал, что наблюдаемые им кликуши «к самим духовным особам имеют довольно сильное отвращение», кроме того, их страдания «возобновляются и увеличиваются по прибытии в селение Нижнее кого-либо из начальствующих по делу о кликушах» (возможно, сказалось обливание сороковедерными бочками). Он рассказал о том, как навстречу ему и местному священнику «попался непременно г. Яковлева работник Изосим Космин Сысоев, едущий на лошади верхом с женой своей Татианой, которая, увидев

²⁹ Голикова. Указ. соч. С. 105-106, 108,

³⁰ Шмаков. Указ. соч. С. 33.

нас тоже, издалека начала оказывать подобные прежним болезненные припадки, называя нас еретиками»³¹.

Спровоцировать нечистую силу подать голос могли запахи, прежде всего, запах табака. «Куриль вам бабы не позволят, — сообщали в 1863 г. о жителях Чердынского и Верхотурского уездов, — и при первом слушании с вашей стороны начнут вас бранить, если и брань не остановит вас, то взбешенная баба залает по-собачьи, запоет петухом»³². Припадочные женщины начинали кликать «от одних слов о неприятном» для находящихся в них бесам. Кликуша из дер. Большой Дубовик признавалась: «перец я не люблю, тараканов не люблю, а они меня дразнят». «Больные сии, — замечал Д. Флоровский, — не терпят ни в семейной, ни в общественной жизни ни малейших противоречий, от коих болезнь возобновляется во всей своей силе»³³.

Универсальным средством вызвать припадок оставалась любая «Святыня», особенно святые места. У старообрядцев на Веселых горах существовал обычай выводить кликуш навстречу иконам. Их гуськом ставили на колени лицом к иконам, «которые затем пронесли над ними». «Представьте себе картину: — пишет В. Санин, — на колена преклоненных женщин надвигается многочисленная толпа народа с иконами, высокоподнятыми на руках, раздаётся пение молитв. Впереди и позади начинают судорожно биться кликуши»³⁴.

Приемы «исцеления» кликуш, прежде всего, строились на изгнании беса из телесной оболочки. В них использовались средства, аналогичные их «вселению», например, специально изготовленное питье. Лучшим способом считалось отпаивание «щелоком мутным из горячей воды и золы»³⁵. Производили также манипуляции с «заменителями» тела, например, волосами. Для купирования кликушно-го припадка уральские знахарки отрезали у женщин прядь волос, становились под матицу, наступали на прядку ногой, очерчивали пространство вокруг себя ножом, затем садились на том же месте «как наседки на яйцах» и до трех раз наговаривали на чашку с питьем, потом окунали в нее конец ножа и сосуд наполнялся дымом, по

³¹ Голикова. Указ. соч. С. 106, 110.

³² Из записок золотопромышленника... С. 66.

³³ Шмаков. Указ. соч. С. 33; Голикова. Указ. соч. С. 110.

³⁴ Санин. Указ. соч. С. 253-254.

³⁵ П-н. Указ. соч. С. 62.

словам очевидцев, выходившем «из конца ножа». Приготовленным «снадобьем» также поили страждущих³⁶.

Установка на использование женского тела нечистой силой мешала идентификации кликуши с находящейся в ней духом. Напротив, во время припадка бес начинал «бить и метать того, в ком сидит, ругался, душил... бросал на обидчиков»³⁷. Благодаря этому в речевом плане рождалась ситуация диалога. Бес предавал огласке место своего нахождения ради общения с миром. Используя его способность говорить, стремились не только узнать послание с «того света», но и освободить кликушу от беспокойного соседства, превращая слово в оружие против несоодержимости. Диалоговая форма общения явно видна в процедуре изгнания бесов из кликуш хлыстовскими пророками. Один из авторитетных лидеров оренбургской хлыстовщины, Василий Балабанов научился этому искусству во время странствий по святым местам. Он со своими спутниками и другими паломниками остановился на ночлег, и вдруг одна из присутствующих женщин упала и начала кричать, указывая на Василия: «Ох, тяжело мне, ох! Пришел блаженный, сожег меня! Зачем вы его пустили? Много было у нас странников, но ни одного я так не боялась, как этого пришельца». Взволнованный Балабанов подошел к ней и стал спрашивать беса: «Как ты смел в нее войти, и кто тебя послал?» Тот отвечал: «Меня послала сюда Аксюшка». Тогда Балабанов повелительно сказал: «Именем Божиим повелеваю тебе, бес: выйди отсюда!» Бес закричал: «Не пойду, не пойду! и не выгонишь меня!» Балабанов повторил приказание, но нечистая сила упорно твердила: «Не пойду, не пойду». «Если не уйдешь по добру, то я насильно отошлю тебя в тартар!» — пригрозил «экзорцист». «Ой, нужда, ой горе! Зачем ты меня туда посылать хочешь?» — вопил бес, не сдавая своих позиций. Наблюдая тщетность усилий и замешательство Василия, его духовный наставник Богомоллов предложил: «Вот ты еще не имеешь силы и веры, и бес тебя не слушает, ты скажи ему так: именем Божиим и треплаженной Анастасии повелеваю тебе выйти». (Треплаженная Анастасия — хлыстовская «матушка», с которой незадолго до этого познакомили Балабанова.) Как только эта фраза прозвучала из уст будущего хлыстовского пророка, женщина «опомнилась и с благодарностью упала ему в ноги»: «О, боже мой, сколько лет

³⁶ *Шерстобитов*. 1863. № 18. С. 127-128.

³⁷ *П-н*. Указ. соч. С. 62.

я мучилась и никто не мог меня исцелить и теперь прислал ты, господин, ко мне избавителя!» Исход словесного поединка напрямую зависел от духовного потенциала праведника, который противостоял «нечистой» силе, сидевшей в кликуше. Усилий Василия бесноватые побаивались и кричали: «Не пойдем — нельзя туда идти, огнем сожжет нас». В кладбищенской церкви г. Оренбурга молитвы и «повеление именем Божиим выйти бесу из одержимого им» столь же успешно практиковал другой хлыстовский праведник — урядник Верхне-Озерной станицы Оренбургского уезда Петр Филипов Лосев³⁸.

Кроме того, телесная интерпретация кликушества сформировала «мягкое и сердечное» отношение к самим припадочным. «Впереди меня человек за пять, — описывал В. Санин происходящее на Веселых горах, — я увидел молодую женщину, в судорожных конвульсиях бившуюся в руках у троих мужчин, крепко ее державших»³⁹.

Соблюдая твердо укоренившийся обычай «держат» кликушу, представители сильного пола, по словам С. В. Максимова, искренне верили, что борются в этот момент не с упрямством слабой женщины, а с нечеловеческими силами сидящего в ней нечистого. Оба эти автора, присутствовавшие один в православном храме, другой — на старообрядческом молении, наблюдали одинаковую реакцию на смущение аудитории злым духом: «На всех лицах появляется выражение болезненной тоски и вместе сердечного участия и сострадания к несчастной. Ни малейшего намека на резкий протест, ни одного требования удалить “одержимую”». Напротив, ей «облегчали возможность» выстоять богослужение, а затем самые сильные мужчины выделялись из толпы, чтобы отвести кликушу к причастию. Резкие и суровые меры в разгар припадка, по мнению С. В. Максимова, были продиктованы состоянием, угрожающим жизни женщин, происходили «от прямого усердия, в простоте сердца»⁴⁰.

С захваченным нечистой силой, пассивным женским телом происходила метаморфоза. Благодаря бесу оно обнаруживало и активно проявляло себя, становилось экспрессивным. Экстатический опыт рождал автономную и активную форму проявления природы женщины. В качестве специфического типа поведения кликушество полностью вписывается в традиционную для России ситуацию, предпола-

³⁸ Сементовский. 1880. № 21. С. 831, № 23, С. 923 -924.

³⁹ Санин. Указ. соч. С. 252.

⁴⁰ Максимов. 1995. С. 365.

гающую, что наряду с правильным, нормативным поведением имеет место анти-поведение в тех или иных формах. Поведение наоборот вызывается потусторонним, «кромешным», изначным, бесовским началом⁴¹. Кликушный припадок как форма такого поведения ограничивался набором возможных состояний и жестов тела (кликуше не требовалось даже переодеваний как ряженым, не говоря уже о грандиозных анти-поведенческих проектах Ивана Грозного и Петра Великого). Они обходились бесовским «кликом», бесовским обликом, им были свойственны бесовские отправления тела.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Высоцкий Н. Ф.* Очерки нашей народной медицины. М., 1911.
- ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 3, 4 об., 6; Ф. 6. Оп. 2. Д. 480. Л. 12 об. — 13.
- Голикова С. В.* Кликушество глазами священника // Религия и церковь в Сибири. Вып. 8. Тюмень, 1995.
- Живов В. М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. Т. II (XVII — начало XVIII веков). М., 1996.
- Забьлин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Из записок золотопромышленника о розыске золотоносных россыпей в Чердынском и Верхотурском уездах // Пермские губернские ведомости. 1863, № 14.
- Краинский Н. В.* Порча, кликушество и бесноватые как явление русской народной жизни. Новгород, 1900.
- Краффт-Эбинг.* Учение о временном или преходящем помешательстве (*Mania transitoria*), изложенное для врачей и юристов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1866. № 3. Отд. 2.
- Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700-1740 гг. М., 2000.
- Максимов С. В.* Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.
- Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.
- Плюханова М. Б.* О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. III (XVII - начало XVIII века). М., 2000. С. С. 380-459.
- П-н.* Материалы для характеристики внутреннего быта крестьянской среды. Рассказы про ворожбу, знахарей, порчу и т.п. // Пермские губернские ведомости. 1863. № 13.

⁴¹ См., напр.: *Успенский.* 2002. С. 167-169.

- Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина // *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб, 1996.
- Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина. СПб, 1903.
- Речь, произнесенная при открытии клиники нервных и душевных болезней в Берлинской больнице «Charité» 1 мая 1866 г. В Гризенгером // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1867. № 1. Отд. V.
- Санин В.* На веселых горах // Демидовские гнезда. Екатеринбург, 2001.
- Санникова О. В.* Говорит нечистая сила // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Т. I. М., 1988.
- Сементовский С. Н.* «Люди Божии» в Оренбургской епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1880. № 21.
- Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Минск, 2003.
- Успенский Б. А.* Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Успенский Б. А.* Этюды о русской истории. СПб., 2002.
- Христофорова О. Б.* Кликуши как явление русской народной жизни // Живая старина. 2005. № 1.
- Шерстобитов И.* Материалы для характеристики народного быта. Знахарство в Чердынском уезде // Пермские губернские ведомости. 1863. № 18. С. 127-128.
- Шмаков П.* По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья. Оса. 1916.
- Worobek C. D.* Possessed: Women, Witches and Demons in Imperial Russia. De Kalb, 2001.

Голикова Светлана Викторовна, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; avokilog@mail.ru.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

И. А. НОВИКОВ

«ВАРИАТИВНОСТЬ» ИСТОРИИ: НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД ИЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО?

Статья посвящена анализу различных аспектов развития горнозаводских районов Российской империи и Советского Союза. Автор полагает, что использование с этой целью регионального или национально-регионального подхода позволяет не только отойти от мифотворчества в конструировании истории современных постсоветских государств, но и способствует принятию эффективных решений в современной практике национально-регионального управления.

Ключевые слова: *горнозаводское (металлургическое) производство, регион, национально-региональный подход, национальная история, мифотворчество.*

Необъятные просторы нашей родины (России и Советского Союза) ставят перед историками задачу изучения истории ее отдельных ее регионов. Поэтому, начиная с 90-х гг. XX века, произошел всплеск интереса к изучению данной тематики. Благодаря региональному подходу будут достигнуты наибольшие успехи, так как позволяет изучать характер Российской империи и Советского Союза на различных пространственных плоскостях.

Однако региональный подход до сих пор остается настолько неопределенным в своих методологических основаниях, что о наличии такого направления можно говорить лишь условно. Крайне неопределенным выглядит само понятие «регион». По сути дела, на звание региона претендуют любые территории, принципы вычленения которых бесконечно многообразны и зависят как от самих историков, так и — главным образом — от региональных политиков. В подавляющем большинстве исследований способ воображения региона, причины и критерии выделения того или иного пространства не объясняются сколько-нибудь четко и подробно. За этим скрывается убеждение историков, что выбранные ими границы региона

«естественны», а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения.

Минуло более полутора десятилетий, как Советский Союз перестал существовать. Образовалось пятнадцать независимых государств, отношения с которыми развиваются по-разному: от «холодной» войны до дружеских объятий. Постсоветским государствам, для которых Советский Союз (Российская Федерация) отнюдь не была «империей зла», какой она предстает в современных учебниках и научных публикациях, еще предстоит преодолеть односторонне негативный образ друг друга. Национальные историографии во многом до сих пор сосредоточены на теме оппозиции имперской власти. Кириллица воспринималась и воспринимается как один из символов русского национализма и русификации. Поэтому найти современную научную литературу не на государственном языке в постсоветских государствах и республиках практически невозможно.

Процессы урбанизации, индустриализации и распространение грамотности в XX веке привели к возникновению в бывших советских республиках (союзных и автономных) новых элитных групп, которые в конце 80-х гг. пришли к власти под лозунгами демократии и национализма. При сравнении с опытом возникших государств политика центра выглядит сегодня совсем не так мрачно, как это рисовалось и рисуется в национальных историях. В новых национальных формированиях (как ставших ими, так и нет) одним из путей обоснования своей значимости в мировом сообществе, показа лояльности перед странами Запада, иногда и Россией, значимости или ненужности русскоязычного населения является выпуск национальных историй или сборников архивных документов на русском языке¹, которые имеют задачу легитимизации того или иного государства, образовавшегося на развалинах Советского Союза. Поэтому нет никаких оснований не ожидать от них тенденциозности.

¹ Асатиани. 1998; Стати. 2003; Воронянский. 2003; Горная власть и башкиры в XVIII веке...; Губарев. 2006; История Балтийских стран...; История Башкортостана... 1998; История Башкортостана... 2000; История Беларуси...; История Казахстана... 1996; История Казахстана... 2001; История Приднестровской Молдавской республики...; История таджикского народа...; История Татарстана...; История южных осетин...; Мифтахов, Мухамадеев. 1995; Туркестан в начале XX века...; Чебодаев. 1992; Шкляев. 2003 и т.д.

Национальные историографии тех народов, которые когда-то входили в Советский Союз (или еще входят в Россию), концентрируются на собственной нации и сравнительно недавно обретенном государстве, проецируя их в прошлое. Для них «империя» (российская или советская) — лишь тягостный контекст, в котором «просыпалась», зрела, боролась за независимость та или иная нация. На веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно несносней.

Описание исторических процессов в постсоветских государствах выступает в виде рассуждений о том, как история «оправдывает» возможное расширение национальной территории за счет соседей. В современной российской историографии из учебников истории «пропадают» те территории, которые сегодня не входят в Российскую Федерацию. Тенденция к исключению Царства Польского и Княжества Финляндского из сферы интересов историков наметилась уже давно, то же самое происходит сегодня в отношении Средней Азии, Закавказья и Прибалтики. С другой стороны «школьные учебники» нам мало что говорят о протекании исторических процессов на территориях Российской Федерации до их вхождения (завоевания) в состав Российской империи (Советского Союза).

В учебниках по истории Украины XX века нет ни слова о дружбе народов СССР в годы войны. Война показана лишь как война соседнего государства, в которой украинский народ понес самые большие потери, а Украина внесла главный вклад в разгром Германии и ее союзников. «История Латвии» — «справочник-путеводитель» по новому прочтению истории XX века. Концлагеря, в т.ч. латвийский Саласпилс, названы лагерями трудового перевоспитания, а героями Сопротивления именуется ветераны фашистских организаций². Главные беды латышей начались после ее оккупации Советским Союзом, против которого всенародно боролись³.

После образования независимых государств в Средней Азии, трактовки основных событий ее новейшей истории, подверглись решительному пересмотру. В большинстве случаев дореволюционная и советская интерпретация исследуемых событий были объявлены «фальсификаторскими», искажающими историю «национально-

² Данилов. 2005. С. 55-56.

³ Нарочницкая. 2005. С. 27-28; 31.

освободительной борьбы». Теперь, например в Узбекистане, отказались от термина «басмачество», а обозначают события 1920–30-х гг. узбекским термином «истиклолчилик харакати», который якобы отражает «истинную сущность» событий. Басмачество стало рассматриваться как «национально-освободительное», «общенародное движение», возникшее в результате смены на территории Туркестана «русского колониализма» «советским». В этой борьбе по одну сторону туркестанцы, по другую «русские большевики», а также отдельные представители местного населения, кого «большевики смогли обманым путем перетянуть на свою сторону». Чаще всего басмачество рассматривается как борьба за создание «независимого Туркестанского государства» или «как движение за освобождение узбекского народа». Основные лидеры басмаческого движения признаются «историческими личностями, которые боролись за сохранение национальных и общечеловеческих ценностей»⁴.

В разной степени, но аналогичным моделям следуют и учебники истории других независимых государств, в т.ч. Казахстана, Молдовы и Украины⁵. Вряд ли способствуют взаимопониманию страницы учебников национальных историй, в которых включение Крымского полуострова в состав Украины объясняется попыткой переложить на ее плечи часть моральной ответственности за выселение с полуострова крымско-татарского населения или тем, что СССР не нужен был казахский народ со своей землей и скотом, а сюда хотели переселить другие народы и разбить там лагеря.

Каждый национальный учебник по своему «уникален» и «неповторим». В примитивной версии национальных историй обычно присутствует русификаторское, деспотическое государство и героически сопротивляющееся местное население. По сути дела, это новая версия большого для историков вопроса о соотношении их исследований с мифотворчеством. Его бурный расцвет в последние годы вполне объясним, поскольку национальное мифотворчество приобретает благодатную почву именно в эпохи общественных потрясений.

Вместе с тем региональный или национально-региональный подход дает возможность рассматривать протекание исторических процессов более объективно, акцентируя внимание не только на определенной территории, но и на их совокупности, так как ход собы-

⁴ Туркестан в начале XX века...

⁵ *Стати. Указ. соч.; История Казахстана...; Воронянский. 2003.*

тий во многом имеет единую основу, но с региональным оттенком. Особенно это проявляется при изучении различных аспектов горнозаводских регионов Российской империи и Советского Союза: Уральского, Олонцкого, Алтайского, Забайкальского, Южнорусского (Украинского), Закавказского (Грузинского), Западнорусского (Польского, Белорусского, Литовского). Связано это с тем, что горнозаводская (металлургическая) промышленность является стержневой основой развития любого государства.

Начиная с XVIII в., черная и цветная металлургия были основой промышленного развития в Российской империи, а главными горно-металлургическими центрами уральский и южнорусский (украинский) экономические районы. В настоящий момент они продолжают занимать лидирующие позиции в мировом производстве металла: Урал производит в год 17 млн. тонн чугуна, что составляет 35% от общероссийского выпуска и 3,2% от мирового, а Украина — 22,5 млн. тонн и 4,2% от мирового⁶. На территории этих стран не найти аналогичных примеров столь мощного и во многом определяющего влияния этой отрасли на всё социально-экономическое развитие и территориальную организацию хозяйства. Вместе с тем, металлургия, как и вся экономика России и Украины — основных горнозаводских регионов дореформенной России, в условиях реформирования 1990-х гг. переживала острый кризис, во многом сходный с упадком горнозаводского производства в Российской империи в конце XVIII в., в 1860-80-е гг. и в начале XX в. Как и тогда, упадок производства был связан с изменением промышленной политики правительства, экспортной составляющей производства и системы управления экономикой.

Развитие горнозаводского производства и его модернизация происходили из-за постоянно растущих потребностей русской армии. На необъятных просторах России возникали металлургические заводы, не только расположенные у залежей месторождений железных, медных и серебряноцинковых руд, но также и приближенные к месту сбыта, так как удаленность от них повышала себестоимость металла и затрудняла его своевременную доставку. Необходимо также учитывать потребности в металле местного населения на вновь завоеванных и присоединенных территориях. К концу XVIII в. в результате успешных военных действий против Османской империи и Польши Россия

⁶ *Запарий*. 2003. С. 30; 32.

сумела существенно расширить свои границы на юге и западе империи. Это привело к потере рынка шведского металла на этих территориях, так как Российская империя придерживалась высоких запретительных пошлин на его ввоз из-за границы. Поэтому возникают новые заводы в Западнорусских губерниях, в Донбассе, где был построен Луганский литейный завод, и в Закавказье.

Вновь присоединенные территории вдоль побережья Азовского и Черного морей необходимо было защищать и осваивать. В малонаселенном крае строились новые крепости и портовые города, а на верфях — корабли, которые нуждались в огромном количестве корабельных и крепостных артиллерийских орудий, а также в снарядах. Производить их нужно было на месте. Благодаря настойчивости Новороссийского генерал-губернатора Г. А. Потемкина и сменившего его П. А. Зубова организуются поисковые экспедиции. В степном крае были разведаны месторождения каменного угля, продолжался поиск других полезных ископаемых⁷. После настоятельных просьб командира Черноморского адмиралтейства Н. С. Мордвинова, Новороссийского генерал-губернатора П. А. Зубова за промышленное освоение Донецкого уезда и строительство крупного завода взялся (Чарльз) Карл Карлович Гаскойн. Выходец из Шотландии, волею судьбы он в 1786 г. оказался в России и стал во главе Александровского пушечного завода в Карелии, а затем и директором Олонецких, Кронштадтского и Санкт-Петербургского заводов.

14 ноября 1795 г. Екатерина II подписала указ «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля» и определила сумму на его сооружение — 650 тысяч рублей за счет казны⁸. Строительство и управление Луганского завода поручалось К. К. Гаскойну на основании заключенного с ним контракта об управлении Олонецкими заводами⁹. На Александровском заводе в Петрозаводске началось изготовление необходимой техники, а весной 1796 г. на место постройки выехали Гаскойн, его первый управитель — А. Пикарон, управлявший до этого Кронштадтским заводом, шотландские мастера и рабочие с Олонецких заводов. В 1796 г. началось строительство завода: были построены дома для директора,

⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2199. Л. 220.

⁸ Там же. Д. 2203. Л. 264.

⁹ Там же. Оп. 1/6. Д. 2988. Л. 13.

мастеровых, склады, шахта в Лисичьем буераке (первая угольная шахта в России). С самого начала строительства остро встал кадровый вопрос. Основную часть составили мастерские закрытых из-за безлесья Липецких заводов, Херсонского литейного двора и переведенные с Олонецких заводов¹⁰. Гаскойн строго требовал соблюдения дисциплины и считал наблюдение за здоровьем мастерских своим первейшим долгом. Он запретил продавать вино и крепкие напитки при рудниках и заводах и увеличивать число уже имеющихся кабаков¹¹, отменил все праздничные дни, кроме воскресенья и четырех дней в году. Нарушители лишались награждения, а ведущие трезвый образ поощрялись. Кроме того, проверялось соблюдение чистоты в избах¹². На работах использовались польские военнопленные: в 1797 г. их было 70 человек, а спустя пять лет последние 54 арестанта после многочисленных просьб отправились на родину¹³.

Луганский завод отливал пушки малых калибров, гранаты и ядра, снабжая ими Черноморский флот и крепости Азовского и Черноморского побережий. Он также принимал заказы на чугунные изделия: литье, решетки для печей винокурных заводов, памятники, кресты для церквей и т.п.¹⁴. Для производства использовался привозной уральский чугун, который доставлялся по высокой весенней воде один раз в год (все попытки организовать плавку на основе местных руд оказались неудачными). В октябре 1800 г. была задута доменная печь — первая на Украине. На ней впервые в истории России и Украины чугун выплавлялся с помощью каменноугольного кокса. Однако он оказался низкого качества. Правительство приняло решение закрыть завод. Это не произошло, но здоровье К. К. Гаскойна было подорвано, и 20 июля 1806 г. он скончался¹⁵.

Благодаря деятельности Гаскойна, в течение первых десятилетий XIX века Луганский завод оставался на уровне передовых заводов Европы. В Гаскойне сочетались разносторонние технические

¹⁰ Государственный архив Луганской области (ГАЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 22; Д. 103. Л. 32; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2203. Л. 265

¹¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2203. Л. 267-267об.

¹² ГАЛО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 487. Л. 15-16.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 69. Л. 15-17.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37. Оп. 5. Д. 50/261. Л. 32.

знания и редкий организаторский талант. Создание крупной металлургической и машиностроительной промышленности, строительство первых российских паровых машин, преобразования в области мер и весов, организация монетного дела с помощью паровых двигателей — такова только часть его заслуг. Гаскойн воспитал целую плеяду учеников, которые определили развитие Олонецких и Луганского заводов в первой половине XIX века. Благодаря ему была заложена база для развития металлургической, горнодобывающей и машиностроительной промышленности Украины, которая во второй половине XIX в. вышла на передовые позиции в Российской империи и оставалась таковой до крушения Советского Союза.

Природно-географические условия западно-российских губерний также позволяли еще с незапамятных времен, используя болотные руды и значительные лесные ресурсы, получать железо. Отсутствие развитой транспортной системы приводило к удорожанию привозимого уральского металла. В этих условиях развитие металлургического производства в западно-российских губерниях было экономически выгодным делом для частных заводоладельцев. Наибольшими объемами производства выделялись четыре завода: Вишневецкий И. Хрептовича, Старинковский А. И. Бенкендорфа, Чернявский великого князя Николая Николаевича и Налибокский Л. П. Витгенштейна. На старейшем Вишневецком заводе еще в 1782 г. была задута первая домна. В среднем завод выпускал 10 тыс. пудов чугуна и стали. Берг-коллегия периодически рассматривала вопросы об оказании пособий владельцам заводов. Кроме того производство металла также осуществлялось самими крестьянами из обломков старого железа. Таким образом, заводы западно-российских губерний и Царства Польского в среднем выплавляли до 6% общероссийского металла¹⁶.

Значительная удаленность от центра страны, разбросанность горнозаводских регионов и необходимость контроля над частными заводчиками приводят правительство к решению создать центральное и региональное горнозаводское управление. В XVIII в. — Берг-коллегия, Кабинет Его Императорского Величества, Берг-конторы, Канцелярии заводов и горные начальства. С созданием в 1802 г. министерств, изменяется и структура органов управления горнозавод-

¹⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 781. Л. 1-135; Оп. 1/6. Д. 3005. Л. 1-149; *Кништымов*. 2001. С. 70-73; *Гагемейстер*. 1856. № 148.

ской промышленностью Российской империи. Ее основой становятся горные правления, состоящие из одного или двух департаментов, в зависимости от формы собственности расположенных на подчиненной территории заводов.

Региональные органы горнозаводского управления создавались в зависимости от распространения металлургической промышленности на огромном пространстве Российской империи. Ядром системы местных органов управления горнозаводскими регионами в XVIII – начале XIX в. были сначала бергамты, а затем Канцелярии заводов и горные начальства, а также горные правления. По своему административно-правовому положению они приравнивались к губернским и провинциальным канцеляриям, берг-конторам, а управители — воеводам. Структура аппарата представляла собой разветвленную сеть повытий и приравненных к ним подразделений, которые с течением времени могли сливаться, разделяться, трансформироваться или реорганизовываться. Всего в XVIII в. возникли: в 20-е гг. — Олонецких Петровских заводов (в их подчинении с 1795 г. находился и построенный Луганский завод на Украине); 1720 г. — Казанское; 1725 г. — Пермское и Нерчинское; 1736 г. — Томское и Кузнецкое; 1737 г. — Красноярское; 1747 г. — Кольвано-Воскресенское; 1754 г. — Оренбургское; 1764 г. — Гороблагодатское горные начальства¹⁷. От губернских и провинциальных властей им были переданы функции сбора по оброчным статьям, рекрутские наборы и сборы лошадей для драгунских команд. К ним поступал десятичный сбор и чрезвычайные подати с заводов. Именно они осуществляли контроль за частными заводами, имели право определять причины остановки домен и вододействующего оборудования на заводах, рассматривать земельные споры из-за месторождений и рудников, возникавшие между казной и заводовладельцами¹⁸. Данная региональная структура просуществовала с небольшими изменениями до 1781 г. и с 1797 по 1802 гг. на Урале и до 1828 г. в Западной Сибири на Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводах.

¹⁷ НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 50/261. Л. 1; Д. 2/9. Л. 8; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 2988. Л. 13; *Корепанов*. 1996. № 3. С. 219; ПСЗ-1. Т. 22. № 16496. С. 787; НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 8.

¹⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2203. Л. 220-221; *Корепанов*. 1996. С. 220-221.

На Сибирских (Уральских) заводах (до середины XVIII в. Урал считался частью Сибири, и поэтому заводы назывались Сибирскими) местные органы создавались под руководством И. Ф. Блиэра, В. Н. Татищева и В. И. Геннина. С 1722 по 1734 гг. В. И. Геннин пытался воспроизвести систему управления, которая действовала под его руководством на Олонецких заводах. Однако он осуществлял только техническое и организационное руководство заводами, а административные, судебные и финансовые вопросы решали специальные чиновники, которые образовали в 1723 г. Высший горный совет — Сибирский обербергамт в строящемся Екатеринбурге. В годы деятельности Сибирского обербергамта были заложены основы местной системы управления горными заводами региона. Подчиненность Екатеринбургу проявлялась в назначении управителей и руководителей Нерчинского бергамта, а также проведении ревизий подчиненного учреждения. Чаще всего это происходило в период уменьшения выплавки серебра на заводах. В 1736 г. по решению В. Н. Татищева на Нерчинский завод для его осмотра и свидетельства руд и припасов был послан бергмейстер Н. Г. Клеопин. Он пришел к выводу, что «для многих в разных местах рудных признаков... здешнее место оставить не надлежит»¹⁹. Это дало толчок для дальнейшего развития Нерчинских заводов — основы Восточносибирского промышленного района.

Промышленный вектор в середине 1740-х гг. перекинулся и на Южный Урал. В 1744 г. Берг-коллегия и оренбургский губернатор И. И. Неплюев разработали совместное решение по строительству и развитию горных заводов на Южном Урале, но только за счет частной инициативы²⁰. Позднее, в 1753 г. Сенатским указом строительство заводов повелено было размножать как казенным, так и партикулярным людям²¹. Заводы Южного Урала первоначально подчинялись напрямую Канцелярия Главного заводов правления в Екатеринбурге, а с 1753 г. Оренбургскому горному начальству во главе с шихтмейстером А. Степановым²². В 1755 г. Оренбургское горное начальство было переведено в Уфу, так как «все состоящие в тамошней губернии заводы туда прилежат». Территория, подчиненная Оренбургскому

¹⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3083. Л. 1 об-2.

²⁰ Материалы по истории Башкирской АССР... С. 143.

²¹ ПСЗ-1. Т. 13. № 10141. С. 907.

²² Государственный архив свердловской области (ГАСО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 11; 29; 30; 142; ПСЗ. Т. 13. № 10141. С. 899, 907.

горному начальству была беспокойная: вновь начали бунтовать башкиры. Поэтому заводы представляли мини-крепости²³.

Передача в казну Кольвано-Воскресенских горных заводов А. Н. Демидова привела к образованию Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, открытой 1 мая 1747 г. (во главе с бригадиром А. В. Беэром)²⁴. Однако она находилась в подчинении не Берг-коллегии, а Кабинета Его Императорского Величества²⁵. Связано это было с производственной спецификой заводов, выпускавших серебро. Канцелярия возглавлялась начальником Кольвано-Воскресенских заводов, состояла из общего присутствия и приказных служителей. В подчинении находились горные и заводские конторы и земские управители, через которых осуществлялось руководство горнорудной промышленностью, полицейские и судебные функции в отношении приписных крестьян и мастеровых заводов и рудников.

Кольвано-Воскресенское горное начальство, следуя указаниям Кабинета, постоянно расширяло функции своего ведомства. Его руководящим органом выступала Канцелярия, осуществлявшая общее и специализированное управление подведомственными заводами, рудниками и обслуживающим их населением. Она являлась важнейшим компонентом местной административно-хозяйственной системы, олицетворяя высший региональный уровень власти в горнозаводском регионе. Канцелярия состояла из присутствия и собственно канцелярии²⁶. Однако центральной фигурой был главный командир Кольвано-Воскресенского горного начальства. Назначаемый лично монархом, он фактически являлся высшим должностным лицом горнозаводского региона Западной Сибири.

С проведением Екатериной II губернской реформы и унификацией управления, Канцелярии заводов и горные начальства были закрыты. Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства была упразднена 23 марта 1783 г. и ее функции переданы Горной экспедиции Кольванской губернии для управления рудниками и заводами. Образование экспедиции связано с реформой административно-хозяйственного управления территорией, рудниками и заводами Ко-

²³ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 11. Л. 11-11 об; 25об; 62об; 98.

²⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 3081. Л. 1.

²⁵ ПСЗ-1. Т. 12. № 9403. С. 700-701.

²⁶ *Пережогин*. 2004. № 2. С. 113-114.

львано-Воскресенского горного округа, в результате которой была образована Колыванская область и органы управления ею — казенный и судебный департаменты. Горная экспедиция входила в состав казенного департамента²⁷. В 1785 г. в подчинение начальника Колывано-Воскресенских заводов перешла Горная экспедиция, ему предоставлялись все полномочия по руководству Колывано-Воскресенскими заводами²⁸. Нерчинские заводы оставались на особом положении. 5 января 1787 г. Екатерина II подписала указ «Об отдале Нерчинских заводов в ведомство Кабинета Его Императорского Величества». Причиной передачи стала специфика заводского производства и поиск новой формы хозяйственного управления. Заводы передавались под особое распоряжение генерал-майора М. Ф. Соймонова²⁹. Вместо канцелярии была образована горная Нерчинская экспедиция. 10 февраля 1788 г. были подтверждены обязанности Нерчинской горной экспедиции: «исправлять все текущие дела по рудникам и заводам и исполнять по предложениям начальника о снабжении всех горных и заводских производств потребными припасами и деньгами»³⁰.

Переход горных заводов под управление Горных экспедиций при Казенных палатах привел к падению производства: из-за «невыполнения горных и заводских работ по независимости их от заводской команды воспоследовали немалые упущения и затруднения»³¹. Поэтому при Павле I в 1797 г. Канцелярия была вновь восстановлена³², а Колывано-Воскресенские и Нерчинские горные заводы переданы из ведомства Кабинета Берг-коллегии. Учреждена Экспедиция Кабинетских заводов при Берг-коллегии во главе с А. Ф. Дерябиным³³.

Еще в период строительства Луганского завода начали создаваться будущие органы его управления. В 1795 г. был учрежден штат завода, а при Екатеринославской казенной палате создана Горная экспедиция для управления литейного завода³⁴. Открытие прав-

²⁷ ПСЗ-1. Т. 21. № 15679. С. 874-875.

²⁸ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 59. Л. 18-21.

²⁹ ПСЗ-1. Т. 22. № 16496. С. 787.

³⁰ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/1. Д. 3083. Л. 4об-5.

³¹ Там же. Оп. 1/6. Д. 3081. Л. 115об.

³² ПСЗ-1. Т. 24. № 17862. С. 507.

³³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/5. Д. 2719. Л. 681-681об.

³⁴ Там же. Оп. 1/6. Д. 2973. Л. 35.

ления Луганского завода состоялось 5 августа 1798 г. В его обязанности входило, «все что до соблюдения хорошего хозяйства касаться может, что полезно Императорскому Величеству, общему добру и порядку». Оно должно было следить за своевременной выдачей жалованья чиновникам, английским и русским мастерам, воинской команде, чтобы все заводские строения содержались в прочности, вести заводскую корреспонденцию, предупреждать все недостатки в действии и построении завода, в первый день каждого месяца свидетельствовать заводскую казну по приходным и расходным книгам, заботиться о больнице и наблюдать за выполнением работ приписными крестьянами³⁵. Новым начальником завода был назначен Я. Х. Нилус, возглавлявший завод до 1822 г.³⁶ Однако руководил он заводом уже в других условиях, так как в соответствии с реформой горнозаводского управления и принятием Проекта горного положения 1806 г. произошла реорганизация центрального и регионального горнозаводского управления Российской империи.

В XVIII веке происходил поиск оптимальной системы управления. В конечном итоге не только произошло восстановление трехступенчатой структуры: Канцелярия — Горное начальство — заводская контора, но и повысилась роль горного начальника. Однако это были лишь внешние очертания, и правительство продолжало искать пути для преобразования не только местных, но и центральных органов власти горнозаводской промышленности. Так как усиление единоначалия и коллегиальный способ управления нередко вступали в противоречие друг с другом, восстановление Берг-коллегии и Канцелярий заводов правления можно охарактеризовать как переходный этап в системе управления горнозаводскими регионами.

С принятием Проекта горного положения 1806 г. происходит централизация регионального горнозаводского управления. Создается Горный департамент, с 1811 г. — Департамент горных и соляных дел. Основное направление реформы было направлено на Уральский горно-металлургический район — основной в Российской империи. Вся территория страны разделялась на горные области, одной из которых стала Западная. В 1816 г. управление горною частью в Царстве Польском было поручено Главной горной дирекции с центром в

³⁵ Там же. Л. 41-41 об.

³⁶ ГАЛО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 487. Л. 4.

г. Кельц и подчиненного департаменту ремесел и искусств при Комиссии внутренних дел³⁷. В 1828 г. в соответствии с «Учреждением об управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов» Канцелярия Кольвано-Воскресенских горного начальства преобразуется в Кольвано-Воскресенское горное правление на Алтае³⁸. После присоединения в 1801 г. Грузии к России последовал указ «Об учреждении горного производства в Грузии», а в 1816 г. была учреждена Горная экспедиция для заведывания горными делами. Ведению экспедиции подлежали горные и минеральные промыслы в Закавказье³⁹.

Таким образом, центральные и региональные органы управления горнозаводской промышленностью и горнозаводскими регионами Российской империи, созданные в XVIII веке, трансформировались и модернизировались в начале XIX века исходя из потребностей времени и промышленности. Методы управления во многом определялись уровнем развития общества, поэтому они являлись общими для различных органов власти — светских и духовных, казенных и частных. Чем сильнее централизовывалась и бюрократизировалась государственная система управления, тем более унифицировались методы управления и отношение к низовым звеньям. Их анализ способствует принятию необходимых решений в современной практике национально-регионального управления, отходу от превалирования политико-идеологических тенденций над научными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асатиани Н. Ш.* История Грузии. Тбилиси, 1998.
Воронянский А. В. История Украины. Учебное пособие для поступающих в вузы. Харьков, 2003.
Гагемейстер Ю. О торговле железом в России // Коммерческая газета. 1856. № 148.
Горная власть и башкиры в XVIII веке. Сборник документов. Уфа, 2005.
Государственный архив Луганской области (ГАЛО). Ф. 1, П-2.
Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 115.
Губарев В. К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк, 2006.
Данилов А. А. 60-летие Великой Победы и ее отражение в современных школьных учебниках истории // СССР в Великой Отечественной войне 1941–

³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 144. Л. 9 об.

³⁸ ПСЗ-2. Т. 3. № 1960.

³⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 144. Л. 8-8об.

- 1945 гг.: новое в исследовании и освещении в учебной литературе. Материалы всероссийской научной конференции. М., 2005. С. 55-56.
- Запарий В. В.* История черной металлургии Урала. 90-е годы XX века. М., 2003.
- История Балтийских стран. Таллинн, 1999.
- История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1998.
- История Башкортостана. XX век. Уфа, 2000.
- История Беларуси с древности до наших дней. Минск, 2004.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 4-х тт. Алматы, 1996.
- История Казахстана. Костанай, 2006.
- История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001.
- История Приднестровской Молдавской республики. Тирасполь, 2000.
- История таджикского народа. В 2-х тт. Душанбе, 1998–1999.
- История Татарстана: Учебное пособие для основной школы. Казань, 2001.
- История Тувы. В 2-х тт. Новосибирск, 2001.
- История южных осетин: Учебное пособие. Цхинвали, 1990.
- Киштымов А. Л.* Урал и судьбы черной металлургии Беларуси в XIX в. // Три столетия уральской металлургии. Екатеринбург, 2001.
- Корепанов Н. С.* Уральское горное управление // Уральский исторический вестник. 1996. № 3.
- Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. 2.
- Мифтахов З. З., Мухаммадеев Д. Ш.* История Татарстана и татарского народа. Казань, 1995.
- Нарочницкая Н. А.* За что и с кем мы воевали // СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: новое в исследовании и освещении в учебной литературе. Материалы всероссийской научной конференции. М., 2005.
- Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37.
- Пережогин А. А.* Канцелярия Горного начальства в системе управления Колывано-Воскресенских заводов (1747–1780 гг.) // Ползуновский альманах. Барнаул, 2004. № 2.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е изд. (ПСЗ-1). Т. 12, 13, 21, 22, 24; 2-е изд. (ПСЗ-2). Т. 3.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37.
- Стати Василе.* История Молдовы. Кишинев, 2003.
- Туркестан в начале XX века: к истории национальной независимости. Ташкент, 2000.
- Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 163.
- Чебодаев П. И.* История Хакассии с древнейших времен до конца XIX в. Абакан, 1992.
- Шкляев И. Н.* История Украины. Одесса, 2003.

Новиков Игорь Александрович, к.и.н., декан исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета; novikovia69@mail.ru

А. Н. ХУДОЛЕЕВ

**ИЗУЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ
П. Н. ТКАЧЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
1960-х – 1970-х гг.**

Переосмысливая оценки революционной теории П. Н. Ткачева в советской историографии второй половины 1960-х–1970-х гг., автор анализирует различные подходы к ключевым положениям этой теории. Особое внимание уделено трудностям преодоления искаженного представления о роли и месте народничества в истории русского революционного движения. Делается вывод об односторонности и поверхностности оценки ткачевизма отечественной исторической наукой в силу доминирования марксистско-ленинской концепции.

Ключевые слова: П. Н. Ткачев, революционная теория, советская историография, народничество.

Имя Петра Никитича Ткачева неразрывно связано с историей русского революционного движения. Ткачев разработал и концептуально обосновал теорию, которая вошла в историю отечественной радикальной мысли под названием «русский бланкизм». Многие положения этой теории перешли в народовольчество, а затем стали стержнем тактики и стратегии ленинизма. Взгляды Ткачева существенно отличались от революционно-народнической традиции. Он настаивал на захвате власти небольшой, но сплоченной и централизованной партией революционного меньшинства; отказывался от анархической концепции немедленного разрушения государства, считая, что преобразованное революционное государство можно использовать для построения нового социалистического общества; не верил в созидательные возможности народа, представляя его инертной, слабообразованной массой, способной только разрушать, поэтому высокоразвитое меньшинство должно заставить народ принять новый порядок ради его же, народа, блага, при этом меньшинство не должно гнущаться никакими методами и средствами ради достижения желаемой цели¹. Эти и другие черты ткачевизма хорошо видны в революцион-

¹ Подробнее см.: Худолеев. 2007. Т. 2. С. 50-74.

ной теории В. И. Ленина, на что обращали внимание его современники (Г. В. Плеханов, А. С. Мартынов, П. Н. Милуков и др.)².

«Русский бланкизм» малоизучен в отечественной историографии. Ближе всех к осмыслению феномена бланкизма в России подошел известный отечественный специалист по истории русского революционного движения Б. П. Козьмин. Он подготовил в черновом варианте «Историю бланкизма в России», но доработать и опубликовать ее не успел. После его смерти проблема бланкизма в русской революционной традиции оказалась на обочине исторических исследований. Между тем, в период становления советской исторической науки теоретическое наследие П. Н. Ткачева оживленно обсуждалось исследователями революционного движения. Некоторые авторы делали довольно смелые выводы. Так, С. И. Мицкевич был убежден, что Октябрьская революция в значительной степени произошла «по Ткачеву»³. Его поддерживали Б. П. Козьмин, Б. И. Горев и до определенного времени М. Н. Покровский, который утверждал, что со страниц работ Ткачева «на нас глядит тот же большевизм»⁴. Однако после дискуссии о «Народной воле» и известного письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» обсуждение идейных корней большевизма было насильственно прекращено сверху⁵. В итоге, вплоть до середины 1950-х гг. народническая тематика оставалась запретной для советских историков.

В период «оттепели» возрождается интерес к народничеству. После многолетнего молчания исследователи получили возможность высказаться (правда, в рамках марксистско-ленинской методологии) по различным вопросам истории народничества. Обмен мнениями вылился в масштабную дискуссию о месте и роли народнического этапа в истории русского революционного движения⁶. Эта дискуссия стимулировала интерес к отдельным представителям народнической идеологии. Внимание к взглядам Ткачева в очередной раз было обусловлено идеологическими причинами. В послевоенный период в англо-американской историографии распространилась точка зрения, что именно Ткачев являлся предтечей и духовным отцом большевиз-

² Подробнее см.: Худолеев. 2009. № 318. С. 136-139.

³ Мицкевич. 1923. № 6-7. С. 16.

⁴ Покровский. 1923. 14 марта.

⁵ Подробнее см.: Худолеев. 2008. Вып. 22. С. 217-238.

⁶ Подробнее см.: Худолеев. 2009. Вып. 26. С. 241-264.

ма. Особенно активно эту позицию отстаивали представители Русского исследовательского центра, функционировавшего с начала 1948 г. при Гарвардском университете⁷. Поэтому первостепенная задача официальной советской историографии состояла в том, чтобы дать «достойный» отпор «лживым» измышлениям буржуазных историков⁸.

Примером ретивого выполнения указанной инструкции может служить монография ленинградского ученого С. С. Волка, посвященная истории «Народной воли». Ткачев преподносился там как малозначительный мыслитель, эклектик, впитавший бакунинско-нечаевские идеи, а близость между ткачевизмом и народовольчеством объяснялась не столько прямым заимствованием народовольцами идей Ткачева, сколько стихийно возникшим сходством взглядов⁹. К счастью, не все исследователи соглашались с подобным упрощенным подходом к личности и теоретическому наследию русского народника. С. С. Волку достойно ответил М. Г. Седов. Он подчеркнул, что Ткачев был оригинальным и самобытным мыслителем, неценным по достоинству ни современниками, ни потомками, взгляды которого коренным образом расходились с лавризмом и бакунизмом¹⁰. Тождественность по многим пунктам между ткачевской и народовольческой программами закономерна, так как между этими направлениями можно найти «немало общего»¹¹.

«Оригинальной фигурой среди теоретиков народничества» назвал Ткачева В. Г. Хорос. Своеобразие его взглядам, по мнению автора, придавало то, что он стремился соответствовать историческому учению Маркса и считал себя приверженцем марксизма. В то же время, Ткачев разделял традиционно народнические взгляды и был сторонником субъективной социологии. Модель коммунистического общества, которую проповедовал Ткачев, Хорос назвал «казарменным коммунизмом», но подчеркнул, что «проповедь диктатуры, установка на то, чтобы вводить социализм с помощью дубины,

⁷ См.: *Karpovich*. 1944. Vol. 6. № 3. P. 336-350; *Daniels*. 1957. Vol. 4. P. 218-242; *Schapiro*. 1960. P. 49; *Fishman*. 1965. Vol. 15. № 2. P. 118-127.

⁸ См.: *Игрицкий., Плимак*. 1961. № 5. С. 192-219.

⁹ См.: *Волк*. 1966. С. 161, 240.

¹⁰ Подобным же образом высказался А. Ф. Бережной, отмечая, что Ткачев стремился встать «над схваткой пропагандистов и бунтовщиков», выступая против тех и других. – *Бережной*. 1966. № 8. Вып. 2. С. 109.

¹¹ *Седов*. 1966. С. 110. Такая «идеализация» ткачевизма не понравилась ряду рецензентов. См., напр.: *Смирнов*. 1972. № 16. С. 113-124.

исходили от человека искренне преданного идеям социализма и бескорыстного в партийных делах»¹². Отталкиваясь от этого, ученый обозначил интересный парадокс, когда левацкие устремления того или иного деятеля приводят его к противоречию со своими благими намерениями, к культуре насилия и политическому авантюризму¹³.

Во второй половине 1960-х гг. из ряда описательных, однотипных и шаблонных работ по истории народничества выделялись статьи В. А. Зайцева. Для них был характерен спокойный и вдумчивый подход, желание не «обвинять» и пересказывать «чужие мысли», а самому разобраться в сути вопроса¹⁴. В. А. Зайцев в духе части советских историков 1920-х гг. осмелился заявить, что некоторые идеи революционных народников близки большевизму. Во-первых, это сформированный в среде революционного народничества тип профессионального революционера; во-вторых, неприятие «пассивности» в революционной борьбе; в-третьих, идеологи революционного народничества неоднократно подчеркивали необходимость в партии строгой дисциплины; в-четвертых, они проповедовали взгляд на партию, как на штаб движения, организованный авангард революционных сил¹⁵. Для доказательства вышеназванных черт, автор неоднократно ссылался на произведения Ткачева¹⁶.

¹² *Хорос*. 1967. № 12. С. 149.

¹³ Столь точное замечание относительно истории советского общества сопровождалось предостережением от «левацких загибов» в народнической идеологии, культивировавшейся в развивающихся странах. Опасность заключается в «забегании вперед», волонтеристском прожектерстве, игнорировании экономических законов общества и степени культурной подготовленности масс. «На практике, — констатировал В. Г. Хорос, — это может привести только к дискредитации идей социализма» // Там же. С. 150.

¹⁴ «К сожалению, до сих пор немногие исследователи этой эпохи видят в большой книге народнического движения только запачканные поля: идеализм, субъективизм и т.д.» // *Зайцев*. 1967. Т. 176. Вып. 9. С. 68.

¹⁵ См.: *Зайцев*. 1967. Т. 192. Вып. 10. С. 327.

¹⁶ Так, В. А. Зайцев пишет, что у Ткачева «борьба против пассивности личности принимала форму обличения интеллигентского резонерства, когда “румянец воли блекнет под гнетом размышлений”. Нет для него ничего более ненавистного, чем боязливое, мелочное, вечное взвешивание за и против, когда только рассуждают и никогда не решаются, всегда отмеривают и никогда не отрезают». И тут же добавляет: «В. И. Ленин говорил, что одним из свойств образованных людей прошлого, не знавших школы физического труда, является разгильдяйство, небрежность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией,

Мысль М. Г. Седова об оригинальности и специфичности идей Ткачева поддержал Ш. М. Левин. По его мнению, Ткачев, «в отличие от большинства народников, настроенных анархистски или полуанархистски», стоял за использование государственной власти после социалистического переворота и отрицал принцип «освобождение народа посредством народа»¹⁷. В целом, на взгляд ученого, доктрина Ткачева находилась в рамках народнической идеологии, однако он не был сторонником субъективного метода в социологии, свойственного народничеству, хотя иногда и пользовался его элементами в виде волюнтаризма. На проблеме восприятия Ткачевым идей Маркса остановился И. Андреев. Его позиция не выходила за рамки традиционного подхода. Ткачев был в числе тех в России, кто «обратил внимание на учение Маркса об обществе» и в своих отдельных статьях «стремился опираться на основной тезис исторического материализма об определяющем значении экономики для всех других сфер общественной жизни». Но марксизм им понят не был, поскольку экономический материализм по Ткачеву был «проникнут духом психологизма и утилитаризма»¹⁸. В перечень грехов и заблуждений Ткачева Андреев включил также идеализацию крестьянской общины, субъективно-идеалистическую позицию и отсутствие в его теории упоминаний о пролетариате. Тему продолжил С. С. Волк. По его мнению, элементы материализма в объяснении общественных явлений настолько сильны в произведениях Ткачева, что позволяют отделить его «от субъективно-идеалистической школы Лаврова и Михайловского»¹⁹.

В свою очередь, В. А. Твардовская в фундаментальной работе по истории социалистической мысли в России на рубеже 70–80-х гг. XIX в. отметила острое социальное чутье Ткачева, его реалистичный взгляд на перспективы развития капитализма в России. Однако главный акцент она сделала на рассмотрение воздействия теории Ткачева на народовольческую концепцию, доказательстве того факта, что настроения многих народovolьцев 1880–1881 гг. были созвучны непопулярному в то время бланкизму. По мнению автора, учение Ткачева о революционном меньшинстве и о роли народа в революции

браться за все и ничего не доводить до конца. Для революционных народников эти недостатки совершенно нетерпимы в революционере» // Там же. С. 325–326.

¹⁷ Левин. 1969. С. 189, 190.

¹⁸ Андреев. 1969. С. 106, 107.

¹⁹ Волк. 1969. С. 170.

было близко народовольцам. То же самое можно сказать о характеристике Ткачевым государства²⁰, расстановки социальных сил и признания приоритета политической борьбы²¹.

Вдумчиво подошел к теоретическому наследию Ткачева философ Г. Г. Водолазов. Он постарался вскрыть внутреннюю противоречивость ткачевской программы, показать ее несостоятельность и непрактичность. Главная нестыковка заключается в несоответствии между искренним желанием революционного меньшинства облагодетельствовать народ и необходимостью управлять большинством, недоросшим еще до «правильного сознания». Это, вопреки заверениям Ткачева, неизбежно привело бы к созданию власти, враждебной народу²². Революционное правительство после захвата власти не будет таким твердым и консолидированным, как думал Ткачев. Различные экономические интересы и неподконтрольность власти вызовут трещину и начнется борьба за лучший «кусочек» внутри самой группы «благодетелей». Результатом таких «ссор» может быть только то, что действительные «задачи революции отодвинутся на второй план»²³.

²⁰ «<...> постановка проблемы государства Ткачевым оказалась наиболее близкой к ходу мысли народовольцев и сыграла важную роль в формировании их концепции революции» // *Твардовская*. 1969. С. 173.

²¹ В итоге, В. А. Твардовская не удержалась от проведения аналогии: «Мечта народовольцев во многом близка к нашим представлениям о социализме, о коммунизме» // Там же. С. 126.

²² «А у вас, гг. якобинцы? — риторически вопрошал Г. Г. Водолазов, — Кто управляет собственностью. Пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Так? А кто распределяет доход? Конечно же, пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Таким образом, получается, что фактически собственность страны принадлежит вашему, якобинцы, меньшинству; а народ — ваш работник» // *Водолазов*. 1969. С. 143-144. Почти то же еще в 1918 г. писал польский социал-демократ Вацлав Махайский (литературный псевдоним — А. Вольский): «В большевистской диктатуре рабочие “передовики” из революционеров, выражающих волю масс, превращаются в государственных чиновников, которые по большевистской указке строят в буржуазном обществе новое демократическое государство. Они становятся обыкновенными правителями, командирами, надсмотрщиками, уходят от рабочей массы и пристают к низшим слоям буржуазного образованного общества. Теперь они с особенным рвением вводят рабочую дисциплину и вырабатывают на съездах и профессиональных союзах разные системы прижимок, в виде сдельной оплаты труда, расчетов “малопроизводительных” рабочих и даже черных списков» // *Вольский*. 1968. С. 363.

²³ *Водолазов*. Указ. соч. С. 145.

Острая наблюдательность и иронично-критический ум позволили Г. Г. Водолазову провести параллель между недостатками социально-политических взглядов Ткачева и советской действительностью. Правда, понять направленность мысли автора можно было только при трезвом и взвешенном подходе к советской системе. Например, Водолазов по поводу взаимоотношений революционного правительства, якобы знающего нужды народа, с населением, неготовым к социалистическим преобразованиям, резонно заметил, что «там где большинство народа не имеет влияния на власть, там все разговоры о благе народа, о заботе о народе — пустая идеологическая болтовня»²⁴. Такой разрыв между «словом» и «делом» наблюдался в той или иной мере и форме на всем протяжении советского общества.

Таким образом, изучение революционной теории Ткачева во второй половине 1960-х гг., за редким исключением, оставалось односторонним и поверхностным. Лишь немногие авторы стремились подойти к ней с более-менее взвешенной позиции. В центре внимания в основном стояли вопросы «Ткачев и марксизм», «Ткачев и «Народная воля»», связанные со 150-летним юбилеем К. Маркса и активной разработкой народовольческой проблематики.

В 1968 г. в Нью-Йорке вышла книга американского историка Альберта Уикса «Первый большевик. Политическая биография Петра Ткачева». На ее страницах рельефно отображалась взаимосвязь в русской революционной традиции, а Ткачеву отводилась роль главного связующего звена между народничеством и большевизмом²⁵. Красноречивое название монографии и ясность авторского замысла не могли остаться без внимания советских историков. Это поддерживало интерес к Ткачеву на протяжении 1970-х гг. С другой стороны, по мнению части востоковедов и философов, социально-экономическое и политическое развитие ряда бывших колониальных стран Азии и Африки напоминало ситуацию в России второй половины XIX в. В таких странах, как Эфиопия, Гвинея, Танзания, Конго, Египет, Бирма, теории русских народников являлись программами действий. Более того, высказывания некоторых лидеров из указанных стран звучали буквально «по Ткачеву» и стали объектом пристального изучения²⁶.

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ См.: *Weeks*. 1968. P. IX.

²⁶ «<...> в бурных событиях наших дней, — писалось в одной из статей, — мы часто встречаем почти дословное повторение программ революцио-

Направление изучению революционной теории Ткачева в 1970-е гг. задала глубокая и основательная статья М. Г. Седова. Для него Ткачев был интересен прежде всего как мыслитель, пытавшийся «разработать новую теорию, определить новые пути русской революции»²⁷. Новым, привнесённым Ткачевым в народническую доктрину, было развенчание иллюзии народной гениальности, способности к саморазвитию; выделение революционного меньшинства — силы, которая может изменить облик России, и вычерчивание новых путей решения поставленных задач.

Под пером М. Г. Седова, революционная теория Ткачева предстает не как «эпизод» в развитии русской радикальной мысли, а как серьезная и стройная система взглядов, включавшая в себя все теоретические и методологические вопросы революционного действия: определение революции; условия, которые ее порождают; цели, которые она преследует; силы, которые участвуют в процессе революции; роль партии в революции; государственная власть и революция и т.д.²⁸ В отличие от многих своих предшественников и современников, Седов сфокусировал внимание не на минусах ткачевской концепции, а на ее положительных сторонах. По мнению ученого, Ткачев был прав, противопоставляя мирный и революционный пути развития; правильно наметил предпосылки и условия, при которых может начаться революция; верно оценил неустойчивость государственной власти, неудовлетворенность ею многих социальных групп в российском обществе второй половины XIX в.; справедливо не делал ставку на народ, потому что «в тот период народ представлял собой забитую, невежественную массу, которая не могла разобрать-

неров второй половины XIX в., поэтому обращение к истории революционной теории полезно во многих отношениях» // *Блюм*. 1977. № 6. С. 88. См. также: *Хорос*. 1973. № 2. С. 46-57; *Фомина*. 1980. С. 28-40.

²⁷ Седов. 1971. № 10. С. 41. «За последние 10-12 лет, — констатировал М. Г. Седов, — опубликовано много статей, брошюр, сборников и несколько монографий о революционерах-семидесятниках. Однако о Ткачеве написано еще крайне мало, а монографических исследований пока нет. Более того, часто даже о, что говорят о нем, представляет собой повторение старого» // Там же. С. 43. Нельзя не согласиться со справедливостью мысли ученого.

²⁸ Как вспоминает ученик М. Г. Седова, он всегда симпатизировал Ткачеву и в устных беседах называл его взгляды на перспективы русской революции наиболее реалистичными в многоцветной палитре народнических идей. См.: *Карпачев*. 2005. № 1. С. 32.

ся в законах революции и ее смысле»²⁹. Многие из положительно оцененных Седовым аргументов Ткачева, звучали в его полемике с Ф. Энгельсом³⁰. Тем самым, автор, не оспаривая оценок Энгельса, берет под защиту Ткачева, латентно ставя под сомнение тезис об абсолютной непогрешимости аргументации немецкого социалиста.

Конечно же, М. Г. Седов не мог обойти вниманием проблему восприятия Ткачевым учения Маркса, традиционно поднимавшуюся многими, кто обращался к теоретическому наследию русского народника. По мнению ученого, Ткачев воспринял экономическую суть марксизма, но не понял его политической составляющей. Поэтому, называя себя сторонником марксизма, он «не мог подняться выше народничества»³¹. Однако в целом восприятие экономического детерминизма имело для Петра Никитича позитивное значение, поскольку увлечение экономической стороной марксизма позволило ему уже в 1860-е гг. признать наличие капитализма в России.

Призыв М. Г. Седова к скрупулезному и серьезному изучению теоретического наследия Ткачева, к сожалению, не был услышан. Уже в статье И. Г. Лиоренцевича, на примере полемики Ткачева с Энгельсом, взгляды русского народника подавались как легковесные, «сверхребяческие» и невежественные³². По мнению автора, Ткачев в полемике с Энгельсом говорил «чистейший вздор»; он неверно определял экономическую основу и движущие силы социалистической революции, не понимал классовой сущности русского самодержавия; исторический путь развития, намеченный Ткачевым, страдал крайним схематизмом, прямолинейным характером анализа и не пониманием «действительной диалектики свободы и исторической необходимости»³³. В то же время, Ткачев не был так «безнадежен», как другие теоретики революционного народничества. Признание доминанты экономики позволило ему высказать ряд верных положений относительно классовой структуры и социального прогресса общества, зависимости общественной и индивидуальной

²⁹ Седов. 1971. № 10. С. 52.

³⁰ См.: Ткачев. 1997. С. 335-344.

³¹ Седов. 1971. № 10. С. 44.

³² Однако автор все же вынужден был признать, что «в области теории Ткачев выступал против субъективного метода, он сделал попытку, исходя из экономического детерминизма, объяснить многие исторические явления, что в частных случаях дало хороший результат» // Лиоренцевич. 1971. С. 42.

³³ Лиоренцевич. 1978. С. 138, 141.

мысли от классовой борьбы. А ткачевская теория «исторического скачка», несмотря на свою утопичность, была «величайшей догадкой о различии буржуазной и социалистической революции»³⁴.

Показательна позиция философа В. А. Малинина. В ней просматривается понимание оригинальности ткачевской доктрины, которое наталкивается на утвердившиеся в сознании стереотипы и не может выйти за их пределы. Для Малинина Ткачев являлся «представителем материалистическо-механических тенденций в гносеологических построениях народников», усвоившим некоторые положения марксизма³⁵. Последнее обстоятельство позволило Ткачеву дать справедливую критику «мелкобуржуазной» экономической теории анархизма. Однако он понимал марксизм упрощенно, «метафизически», не видел в нем «диалектической взаимозависимости, подлинной детерминации»³⁶. Далее автор отметил двойственность теоретической конструкции Ткачева. С одной стороны, он не идеализировал крестьянскую общину, но с другой — не мог отказаться от ее социалистической перспективности. Так же обстояло дело и с вопросом о роли народа в революции. Правильно отмечая невежество и заботность народа, Ткачев не считал пролетариат той силой, которая способна встать во главе социалистического движения³⁷. Тем не менее, Малинин отводит Ткачеву особое место в истории русского революционного движения. Те из революционеров, кто приходил к убеждению о целесообразности «активной политики», должны были уви-

³⁴ Там же. С. 144.

³⁵ Малинин. 1972. С. 88.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Последний тезис выглядит нарочито притянутым. Откуда Ткачев мог в 1870-е гг. разглядеть революционный потенциал и силу русского пролетариата, если его тогда еще не было?! Нельзя же было, трезво оценивая действительность, назвать «пролетариями» массу маргинализованных крестьян, разорвавшихся и уходивших на сезонные работы в город или перебивавшихся там случайными заработками. Об этом и о желании большевиков выдать маргинализованные массы за настоящий пролетариат иронически писал в начале XX в. Вацлав Махайский: «Не мешало бы Тулину (один из литературных псевдонимов Ленина. — А. Х.) ближе рассмотреть положение превращающихся в “вольных, как птица”, пролетариев; тем более, что они чаще всего становятся таковыми в виде босяков и люмпен-пролетариев, которых Тулин, как марксист, несомненно, недолюбливает <...> действительно, слишком мало в России “вольных, как птица” пролетариев, до того мало, что многим русским идеологам совсем нет возможности заметить их существование». — *Вольский А.* Указ. соч. С. 233.

деть «сходство своих взглядов со взглядами Ткачева на политику как движущую силу общественного развития»³⁸. Позднее В. А. Малинин еще раз подчеркнул мысль, что Ткачева отличал научный подход к теории революционного движения, правда, «с налетом иллюзорного сознания». Кроме того, автор предостерег от упрощенного понимания, а, следовательно, от таких же выводов относительно полемики Ткачева с Энгельсом. По мнению Малинина, при несомненной правоте Энгельса, не стоит забывать, что он критиковал концепцию «заговорщического социализма», а не материализм Ткачева³⁹.

Автор монографии о развитии социалистической идеи в России И. К. Пантин считал ткачевизм направлением, резко отличающимся от «бунтарей» и «пропагандистов». По его мнению, тип мышления Ткачева более элементарен, чем у Бакунина, что стало следствием негативного отношения к философии первого и увлечением философией в молодые годы второго. Вместе с тем Ткачев более адекватно отражал как ситуацию в России пореформенного периода, так и ближайшие задачи революционного движения. Как и многие его предшественники, Пантин отметил знание Ткачевым основных положений марксистской теории, что не мешало ему находиться в порочном кругу идеализма⁴⁰. Схожим образом высказался Э. В. Шамарин. По его мнению, Ткачеву были свойственны субъективно-идеалистические взгляды» по вопросу о происхождении государства. В то же время, автор отметил, что Ткачев, в отличие от анархистов, считал, что в переходный период государство абсолютно необходимо и такая «постановка и разрешение им этого вопроса очень близка к соответствующим марксистским положениям»⁴¹.

По мнению В. Е. Иллерицкого, в трактовке исторических проблем у Ткачева очевидны анархические и волонтаристские устрем-

³⁸ Малинин. 1972. С. 322.

³⁹ См.: Малинин. 1977. № 6. С. 130, 131.

⁴⁰ См.: Пантин. 1973. С. 252.

⁴¹ Шамарин. 1973. С. 161. Тот же акцент на идеализм Ткачева прослеживался в работе Р. П. Конюшей: «При всем умении заметить новые моменты в социально-экономической деятельности своей страны Ткачев <...> в понимании исторического процесса стоял на идеалистической точке зрения, не умел оценить действительной роли масс и классов в историческом развитии и потому не был в состоянии правильно ориентировать русских революционеров относительно стоявших перед ними задач» // Конюшая. 1975. С. 402.

ления⁴². При этом автор не счел нужным утруждать себя обращением к произведениям Ткачева. Ему показалось достаточным для характеристики исторических взглядов Ткачева взять несколько цитат, опубликованных в третьем томе «Истории философии в СССР» за 1968 г. Правовед В. Д. Лазуренко постарался оценить различные аспекты революционной теории Ткачева. В полемике между ним и Энгельсом Лазуренко, конечно, встал на сторону последнего. Взгляды русского народника, хотя и были враждебны анархизму, в чем состояло их достоинство, были вздорными, путанными, сказочными и нанесли «огромный вред» делу подготовки революции в России⁴³. Ткачеву трудно было понять и принять аргументацию Энгельса, поскольку он «никогда марксистом не был, серьезно и глубоко труды Маркса не изучал», ограничившись только словами солидарности⁴⁴.

Рассуждения В. Д. Лазуренко явно противоречивы. Вначале он пишет, что Ткачев подходил к русскому государству «в духе бакунинского анархизма», однако затем отмечает, что Ткачев по-иному, чем Бакунин, расценивал роль государства⁴⁵. Кроме того, Лазуренко демонстрирует незнание тех произведений Ткачева, на основе которых строит свои умозаключения. Так, он пишет, что Ткачев был «ревностным сторонником исключительно нелегальных методов борьбы не только для России, но и для других европейских стран» и не раз «выдвигал против основоположников марксизма нелепейшие обвинения в пропаганде якобы исключительно легальных средств революционной борьбы»⁴⁶. Но, во-первых, «нелепейшие обвинения» против легальности Ткачев выдвигал только один раз – в письме Энгельсу. А, во-вторых, смысл этих «обвинений» состоял в том, что в России, в отличие от Западной Европы, невозможна легальная борьба, в чем и состоит специфика условий деятельности русских революционеров. Ткачев не отрицал возможности легальных методов борьбы при таких же условиях, как в Западной Европе (наличие политических партий, парламента, конституции, профсоюзного движения и т.д.). Он просто

⁴² См.: *Иллерицкий*. 1974. С. 341.

⁴³ См.: *Лазуренко*. 1973. Вып. 6. С. 112, 113.

⁴⁴ *Лазуренко*. 1974. С. 145.

⁴⁵ *Он же*. 1976. С. 104, 109.

⁴⁶ Там же. С. 101, 102.

возражал Энгельсу, что в России пока это невозможно⁴⁷. Тем не менее, по мнению Лазуренко, Ткачев боролся с анархизмом; высказывал глубокие мысли об использовании государственной власти для социалистического переустройства общества, о возможной роли партии в переходном обществе; одним из первых увидел ростки капитализма в России и во многом определил появление народовольчества⁴⁸.

В 1975 г. под редакцией философов А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова началось издание собрания сочинений Ткачева. Первый том открывался обширным вступительным очерком. Это была самая значительная работа о Ткачеве со времени монографии Б. П. Козьмина⁴⁹. В начале очерка авторы справедливо отметили, что о Ткачеве написано гораздо меньше, чем о Бакунине и Лаврове, и что в изучении его теоретического наследия до сих пор существует немало белых пятен⁵⁰. Основная задача очерка заключалась в том, чтобы показать, каким являлось «теоретическое содержание ткачевизма в качестве программы революционного действия в отличие от лавризма и бакунизма»⁵¹. Авторы называют Ткачева сторонником бланкистской тактики, революционная программа которого «покоилась на идее примата практики над теорией»⁵². Специфика теории Ткачева состоит в отсутствии установки на народопоклонничество и в надежде на «сознательное меньшинство», которому отводилась роль внешнего толчка, развязывания революционной инициативы народных масс⁵³.

⁴⁷ «<...> у нас в России немыслима никакая открытая борьба против существующего порядка вещей, — писал Ткачев. — Наши законы, наши учреждения не дают нам ни малейшей возможности вести нашу пропаганду на дегальной почве. У вас теперь имеется эта возможность <...> Но было время, когда и вы были лишены этой возможности. Что вы делали тогда? Вы образовали тайные общества и объединения, вы пользовались подпольной деятельностью. Почему же вы нам ставите в упрек нашу конспирацию? Если бы мы должны были отказаться от конспиративной, тайной, подпольной деятельности, то должны были бы отказаться от всякой революционной деятельности вообще» // Ткачев. Указ. соч. С. 339.

⁴⁸ См.: Лазуренко. 1976. С. 113.

⁴⁹ См.: Козьмин. 1922.

⁵⁰ Пустарнаков., Шахматов. 1975. Т. 1. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 27.

⁵² Там же. С. 29.

⁵³ Там же. С. 29, 31.

В. Ф. Пустарнаков и Б. М. Шахматов выступают против упрощенного представления о революционной теории Ткачева как исключительно волюнтаристской и авантюристической. При всей категоричности некоторых высказываний Ткачева их нельзя трактовать односторонне. В качестве примера берется теория «исторических скачков». Пропагандируя возможность «исторического скачка», Ткачев подчеркивал, что они допустимы не в любое время и не при любых обстоятельствах. Главное условие для «исторического скачка» — изжитость старых экономических отношений и незакрепленность новых. Отсюда проистекал его знаменитый призыв: теперь или очень не скоро, быть может никогда⁵⁴. К тому же нельзя забывать о том, что революционное нетерпение Ткачева «теоретически стимулировалось “экономическим материализмом” идеолога русского бланкизма»⁵⁵.

На взгляд авторов очерка, влияние на Ткачева материалистического понимания истории несомненно, но при всем внешнем сходстве формулировок Ткачева и Маркса «между ними есть принципиальные расхождения», так как Ткачев говорил о личной, а не об общественной пользе⁵⁶. Русского бланкиста интересовали две проблемы: во-первых, пути и способы уничтожения самодержавия; во-вторых, создание социалистического общества. Первая проблема решалась Ткачевым «крайне неудовлетворительно», потому что он переоценивал «степень относительной самостоятельности самодержавия». Зато при решении второй проблемы, как показало будущее, Ткачев оказался самым дальновидным из всех революционных теоретиков. К сожалению, данный тезис остался нераскрытым. Это особенно интересно, учитывая то, что вышеназванное положение контрастирует с призывом бороться с попытками западной историографии «дискредитировать ленинизм путем сближения его с бланкизмом, народовольчеством и ткачевизмом»⁵⁷. Пустарнаков и Шахматов отметили также значительное влияние ткачевизма на «Народную волю», поскольку

⁵⁴ «Так говорить может, — замечают авторы очерка, — или революционный авантюрист, черпающий вдохновение в волюнтаризме, или деятель, который много думал над фактором времени революционного взрыва в России и пришел к выводу, что время этого взрыва пришло. Последнее как раз и относится к Ткачеву» // Там же. С. 33-34.

⁵⁵ Там же. С. 34.

⁵⁶ Там же. С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 36, 40.

через народовольчество как раз и выявилось «реальное содержание и историческая значимость деятельности П. Н. Ткачева»⁵⁸.

Таким образом, в очерке Ткачев показывается крупным мыслителем, оставившим значительный след в истории русской радикальной мысли и по тонкости социального анализа превосходившим многих своих современников и коллег по народническому лагерю. Это было отмечено в рецензии А. И. Володина. Он подчеркнул, что Ткачев одним из первых в России познакомился с некоторыми произведениями основоположников марксизма, однако он не стал марксистом, потому что его экономический детерминизм базировался на «осознании краха идеалистического теологизма в сфере социалистической и вообще социологической мысли»⁵⁹.

Авторы вступительного очерка подняли планку изучения революционной концепции Ткачева на достаточно высокий уровень, показали, что ткачевизм наряду с бакунизмом и лавризмом достоин быть объектом пристального исследования. Данную позицию поддержал Р. Н. Блюм. Он вывел революционную теорию Ткачева за рамки классической политической концепции революции и отнес ее к особому «политико-социальному» направлению, исходя из следующих характерных для нее признаков: вера в близкое социалистическое будущее, заговорщичество, волюнтаристский активизм⁶⁰. По мнению Блюма, Ткачев был приверженцем и продолжателем теории исторического реализма Д. И. Писарева. Однако взгляды Ткачева отличали два момента. Во-первых, пропаганда принципа «цель оправдывает средство», и, во-вторых, признание решающей роли экономического фактора в истории. Отметив второй момент, Р. Н. Блюм вынужден был высказать свою точку зрения по проблеме «Ткачев и марксизм». Он не разделял позицию М. Г. Седова, утверждавшего, что только объективные условия социально-экономического развития России 1860–70-х гг. помешали Ткачеву до конца усвоить марксистское учение. Русский народник просто не видел возможности практического воплощения марксизма в условиях пореформенной России. Эти мысли Седова Блюм расценил как «недоразумение», потому что ткачевизм и марксизм — абсолютно противоположные теоретические системы, противостоявшие друг другу: одна с идеалистических позиций, а дру-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Володин. 1977. № 2. С. 176.

⁶⁰ См.: Блюм. Указ. соч. С. 87.

гая — с реалистических. Суть водораздела лежит в понимании классовой борьбы. Если оно идентично, то можно говорить о близости или о восприятии каких-либо положений. Однако «ничего подобного сказать о Ткачеве и Марксе нельзя»⁶¹.

Большое внимание Р. Н. Блюм уделил выявлению внутренних противоречий в, казалось бы, стройной и последовательной системе взглядов Ткачева. Так, он указывает на то, что Ткачев постоянно писал о косности, рутинности масс и о необходимости искать революционную силу вне ее, но иногда заявлял, что народ потенциально всегда готов к революции. Выступал как последовательный сторонник «экономического принципа» и, в то же время, проповедовал теорию «исторического скачка», не связанного с определенной экономической ситуацией. В отличие от Пустарнакова и Шахматова, Блюм называет эти взгляды Ткачева субъективными и авантюристическими. Гораздо более аргументированными и справедливыми выглядят его замечания относительно противоречивости тех пунктов ткачевской программы, в которых говорилось о строительстве нового общества. Так, отрицательное отношение Ткачева к созидательным возможностям народа не мешало ему включить в программу социалистического переустройства Народную Думу в качестве органа народного представительства, помогающего революционному правительству осуществлять преобразования. «В целом очевидно, — пишет Блюм, — что народное представительство не вписывается в концепцию революционной диктатуры Ткачева, поскольку сущностью этой диктатуры остаются антидемократизм и революционный элитаризм»⁶². Следует признать справедливость данного замечания. Действительно, если бы Народная Дума и была сформирована, то либо из представителей самого революционного меньшинства, либо из пассивного «болота». В любом случае, такая Дума была бы «карманной», не выражающей истинные интересы и волю народа, бессловесным придатком правящего меньшинства. Это же можно сказать и о двух этапах деятельности революционного государства. В стране, где большинство еще не осознало и неизвестно, когда осознает свои «потребности», новый строй придется внедрять не силой убеждения, как у Ткачева, а проверенным методом насилия, потому что нововведения меньшинства неизбежно столкнутся с консерва-

⁶¹ Там же. С. 81.

⁶² Там же. С. 85.

тизмом большинства. В итоге, Блюм, констатировал, что «революционная диктатура в том виде, в каком ее изобразил Ткачев, может добиться результатов, прямо противоположных желаемым»⁶³.

Продемонстрированный Р. Н. Блюмом уровень анализа революционной теории Ткачева, к сожалению, не был поддержан. В статье В. Н. Бурлак Ткачев был представлен как один из первых и наиболее активных проповедников марксизма в России. Но, по мнению автора, пропагандировать теорию еще не означает понять и уяснить ее. Ткачев упростил марксизм до неузнаваемости посредством своей «субъективно-идеалистической концепции», замешанной на утилитаризме и антропологизме⁶⁴. Бурлак отмечает двойственность восприятия Ткачевым марксизма. Когда речь шла о Западной Европе, знакомство Ткачева с идеями Маркса проявлялось особенно рельефно. Но когда речь заходила о России, Ткачев «вступал в явное противоречие с марксизмом, а порой и в открыто полемическое отношение к нему»⁶⁵. Бурлак, как и М. Г. Седов, видит в этом в большей степени понимание Ткачевым социально-экономических реалий пореформенного периода, чем отказ от марксизма вообще. Эта точка зрения была поддержана Ю. С. Карпиленко, утверждавшим, что «марксистская идея закономерной смены социально-экономических формаций была усвоена Ткачевым весьма упрощенно <...> Поэтому, несмотря на бесчисленные ссылки на “экономический фактор”, он в целом остается в плену исторического идеализма и механистических представлений о социальном процессе»⁶⁶. Ткачевскую концепцию

⁶³ Там же. С. 87. Мысли Р. Н. Блюма близки замечаниям Н. А. Бердяева, который считал, что «переходный период может затянуться до бесконечности. Те, которые в нем властвуют, войдут во вкус властвования и не захотят изменений, которые неизбежны для окончательного осуществления коммунизма. Воля к власти станет самодовлеющей и за нее будут бороться, как за цель, а не как за средство». *Бердяев*. 1990. С. 105.

⁶⁴ «Отсюда происходит вульгаризация материализма, подмена его утилитаризмом, сохранение элементов антропологического подхода к обществу и его истории, ибо экономический интерес рассматривается лишь как личный». *Бурлак*. 1977. № 4. С. 61.

⁶⁵ Там же. С. 61.

⁶⁶ *Карпиленко*. 1980. № 2. С. 90. А. Д. Сухов также признавал, что «Ткачев призывал использовать идеи Маркса при изучении различных сфер общественной жизни, в том числе религиозной. К работам Маркса Ткачев неоднократно обращался и впоследствии, однако он не пришел к марксизму». *Сухов*. 1980. С. 173.

строительства революционной партии автор называет антиисторической и откровенно идеалистической, так как ее ядро составляют авантюристы от революции. К тому же «в концепции П. Н. Ткачева партия выступает не сознательным авангардом, воспитателем и организатором революционных масс, а самостоятельной ударной силой, как бы заключающей стратегический союз с трудящимися при условии своего руководящего положения»⁶⁷. Однако автор намекает, что в полемике с Энгельсом в доводах Ткачева был элемент правоты, который состоял в верном понимании тенденций развития русского общества. Поэтому его «революционный зуд» исходил не из авантюризма, а из учета реального временного фактора.

Ю. С. Карпиленко соглашался с Г. Г. Водолазовым в том, что попытка практической реализации ткачевской модели социалистической революции привела бы к поражению революционеров. Отсутствие экономических предпосылок и действительно социалистической социальной опоры крестьянства (развитого рабочего класса) поставило бы революционное меньшинство перед дилеммой: «или осуществлять преобразования медленно, с учетом насущных интересов народа, следовательно, распахнуть двери для бесконтрольного ускоренного капиталистического развития, и в результате, либо падение, либо буржуазное перерождение “социалистического” правительства; или осуществлять преобразования быстро, насилуя массы, создавая уравнительно-коммунистическое общество, что закончилось бы либо “де-социализацией”, либо падением диктатуры меньшинства от руки недовольного и возмущенного большинства»⁶⁸.

Концепция Ткачева своеобразно соединяла в себе идеи многих революционных течений, считали Ю. Д. Мишин и Н. Н. Винокурова. В отличие от остальных народников, Ткачев видел в народе скорее потенциальную революционную силу. Он был убежден, что «народные выступления не совершаются без особой “пусковой ситуации” — государственного заговора»⁶⁹. Поэтому, несмотря на многолетнюю изоляцию и отвержение взглядов Ткачева, со временем многие видные революционеры 1870-х гг. пошли на компромисс с ткачевизмом, официально провозглашенным в программе «Народной воли»⁷⁰.

⁶⁷ Там же. С. 91.

⁶⁸ Там же. С. 92.

⁶⁹ *Мишин, Винокурова*. 1979. С. 85.

⁷⁰ Там же. С. 86.

Можно выделить несколько причин, обусловивших интерес к личности и теоретическому наследию П. Н. Ткачева и его взглядам во второй половине 1960-х – 1970-е гг. Во-первых, этому способствовало общее внимание к народническому этапу в указанный период, связанное с дискуссией о народничестве в годы «оттепели». Во-вторых, активное изучение истории большевизма в западной историографии⁷¹. В-третьих, сходство между многими положениями русского народничества и идеологических течений стран «третьего мира». Отдельные ученые (М. Г. Седов, Г. Г. Водолазов, В. А. Зайцев, Р. Н. Блюм, Б. М. Шахматов) стремились не «обличать» и «разоблачать», а серьезно и вдумчиво изучать революционную теорию Ткачева, выявляя ее сильные и слабые стороны. Вместе с тем, по сравнению с другими теоретиками революционного народничества, о Ткачеве писали крайне мало. Число специальных работ было невелико, а монографий не было вовсе. Исследователи не могли выйти за рамки марксистско-ленинской методологии и были осторожны в своих выводах. В отличие от 1920-х гг., вопрос о Ткачеве как о возможном предшественнике большевизма не поднимался. Постулат о том, что марксизм в России вырос и окреп в борьбе с народничеством оставался аксиомой и сомнению не подлежал.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев И.* Ткачев и марксизм // К 150-летию со дня рождения К. Маркса. М.: Издательство МГУ, 1969. С. 101-111.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Бережной А. Ф.* Народники и печать // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1966. № 8. Вып. 2. С. 98-110.
- Блюм Р. Н.* П. Н. Ткачев о теории революции // Философские науки. 1977. № 6. С. 79-88.
- Бурлак В. Н.* Из истории идейных контактов представителей русского революционного народничества с марксизмом (П. Н. Ткачев и марксизм) // Вестник МГУ. Серия Философия. 1977. № 4. С. 54-65.
- Водолазов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову. (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М.: Издательство МГУ, 1969. 208 с.
- Волк С. С.* «Народная воля». 1879–1882 гг. М.-Л.: Наука, 1966. 491 с.

⁷¹ «<...> с помощью Ткачева, — писалось в одной из работ, — «советологи» пытаются «доказать» идейное родство ленинизма и народничества, с тем, чтобы оторвать ленинизм от марксизма и принизить историческое значение ленинизма» // *Корионова*. 1980. С. 95.

- Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л.: Наука, 1969. 214 с.
- Володин А. И.* Рец. на: Ткачев П. Н. Сочинения в двух томах // Вопросы философии. 1977. № 2. С. 175-179.
- Вольский А.* Умственный рабочий. Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1968. 432 с.
- Зайцев В. А.* К проблеме историзма в исследовании теории личности революционных народников // Ученые записки МГПИ. 1967. Т. 176. Вып. 9. С. 62-78.
- Зайцев В. А.* Некоторые проблемы теории личности революционных народников // Ученые записки МГПИ. 1967. Т. 192. Вып. 10. С. 316-328.
- Игрицкий Ю. И., Плимак Е. Г.* Питомник клеветников (Русский исследовательский центр в Гарварде) // История СССР. 1961. № 5. С. 192-219.
- Иллерицкий В. Е.* Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период). М.: Мысль, 1974. 350 с.
- Карпачев М. Д.* Творческий путь профессора М. Г. Седова (1912–1991) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2005. № 1. С. 16-34.
- Карпиленко Ю. С.* Социалистические идеи в воззрениях П. Н. Ткачева // Вестник МГУ Серия 12. Теория научного коммунизма. 1980. № 2. С. 88-93.
- Козьмин Б. П.* П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М.: Новый мир, 1922. 210 с.
- Конишая Г. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1975. 440 с.
- Корионова Е. В.* Критика современных буржуазных фальсификаций проблемы преемственности в истории русской социалистической мысли // Актуальные проблемы истории социалистических учений. М.: Издательство МГУ, 1980. С. 88-105.
- Лазуренко В. Д.* Взгляды П. Ткачева на государство // Из истории политических учений. М.: Наука, 1976. С. 94-113.
- Лазуренко В. Д.* Критика Ф. Энгельсом взглядов М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева и П. Л. Лаврова на государство // Проблемы государства и права на современном этапе. М.: Издательство МГУ, 1973. Вып. 6. С. 104-115.
- Лазуренко В. Д.* Правовые взгляды П. Н. Ткачева // Проблемы истории государства, права и политических учений. М.: Издательство МГУ, 1974. С. 143-155.
- Левин Ш. М.* В. И. Ленин и проблема революционных народников 70-х гг. // В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX – начала XX вв. Л.: Наука, 1969. С. 139-230.
- Лиоренцевич И. Г.* Критика Энгельсом идеологов русского народничества // Методологические проблемы истории общественной мысли. Л.: Наука, 1971. С. 38-44.
- Лиоренцевич И. Г.* Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX веков. Л.: Наука, 1978. С. 107-195.
- Малинин В. А.* К вопросу о философских идеях революционного народничества // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 129-139.
- Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972. 340 с.

- Мицкевич С. И.* Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 3-26.
- Мишин Ю. Д., Винокурова Н. Н.* Особенности революционной идеологии русского народничества 70-х гг. XIX столетия // Философско-социологические проблемы истории общественной мысли России и современность. Новосибирск: Издательство НГУ, 1979. С. 80-91.
- Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. 358 с.
- Покровский М. Н.* Корни большевизма в русской почве // Правда. 1923. 14 марта.
- Пустарнаков В. Ф., Шахматов Б. М.* П. Н. Ткачев — революционер, публицист, мыслитель // *Ткачев П. Н.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 5-90.
- Седов М. Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М.: Мысль, 1966. 364 с.
- Седов М. Г.* Некоторые проблемы истории бланкизма в России (Революционная доктрина П. Н. Ткачева) // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 39-54.
- Смирнов А. Ф.* За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист. 1972. № 16. С. 133-124.
- Сухов А. Д.* Атеизм идеологов революционного народничества // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1980. Вып. 25. С. 170-185.
- Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Наука, 1969. 240 с.
- Ткачев П. Н.* Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 335-344.
- Фомина Т. Ю.* О соотношении утопического социализма и революционного демократизма // Актуальные проблемы истории социалистических учений. М.: Издательство МГУ, 1980. С. 28-40.
- Хорос В. Г.* Проблема «народничества» как интернациональной модели идеологии развивающихся стран // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 46-57.
- Хорос В. Г.* С позиций историзма // Вопросы философии. 1967. № 12. С. 147-150.
- Худолеев А. Н.* Дискуссия о «Народной воле» на рубеже 1920–1930-х гг. в отечественной историографии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство ЛКИ, 2008. Вып. 22. С. 217-238.
- Худолеев А. Н.* Дискуссия о народническом этапе революционного движения (вторая половина 1950 – первая половина 1960-х гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Вып. 26. С. 241-264.
- Худолеев А. Н.* Некоторые проблемы бланкистских традиций в России: к вопросу об идейных корнях ленинизма // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 136-139.

- Худолеев А. Н.* Некоторые проблемы истории русского бланкизма: Революционная теория П. Н. Ткачева // Мир Клио. Сборник статей в честь Л. П. Репиной / Под ред. О. В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2007. Т. 2. С. 50-74.
- Шамарин Э. В.* Государственно-правовые взгляды предшественников научного социализма в России. Киев: Издательство КиевГУ, 1973. 176 с.
- Daniels R.* Lenin and the Russian Revolutionary Tradition // Harvard Slavic Studies. 1957. Vol. 4. P. 218-242.
- Fishman W.* Peter Nikitch Tkachev: Tutor of Bolshevism // History Today. 1965. Vol. 15. № 2. P. 118-127.
- Karpovich M.* A Forerunner of Lenin P. N. Tkachev // The Review of Politics. 1944. Vol. 6. № 3. P. 336-350.
- Schapiro L.* The Communist Party of the Soviet Union. N.Y.: Random House, 1960. 631 p.
- Weeks A.* The First Bolshevik. A Political Biography of Peter Tkachev. N.Y.: New York University Press; London: University of London Press, 1968. 221 p.

Худолеев Алексей Николаевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории исторического факультета Кузбасской государственной педагогической академии; khudoleev73@mail.ru

А. И. ПОЖАРОВ

ПРОТИВОРЕЧИЯ И СПОРЫ В ИСТОРИОГРАФИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД 1953–1964 гг.

В статье проанализированы основные направления развития историографии, касающейся истории органов МГБ-КГБ СССР в середине XX в. Основное внимание уделено рассмотрению разнополярных суждений и выводов о деятельности советских органов госбезопасности, высказанных в исторической литературе второй половины прошлого века и в начале нынешнего тысячелетия. Показаны трудности и противоречия в изучении истории отечественных спецслужб в прошлом и те факторы, которые до сих пор затрудняют работу исследователей в этом направлении.

***Ключевые слова:** историография деятельности органов государственной безопасности, МГБ-КГБ, рассекреченные документы, исторические исследования, «хрущевская оттепель», «холодная война».*

История отечественных спецслужб до сих пор остается, пожалуй, самой малоизученной частью общей истории нашего государства. В силу существования в разведке и контрразведке негласных сил и средств, применения конспиративных методов в работе, деятельность органов госбезопасности была и сейчас остается закрытой темой для широкого круга исследователей. Наличие такой специфики объективно вызывает потребность держать долгое время в секрете архивные материалы ведомства, которое существенным образом влияло на внутреннюю и внешнюю политику руководящих кругов страны, зачастую определяя её проведение.

Засекреченность значительного массива источников о деятельности советских органов госбезопасности порой порождает неверное толкование фактов прошедших лет, а в отдельных случаях дает почву для фальсификации истории. Существование специфического комплекса закрытых архивных материалов в системе обеспечения безопасности государства не только повлияло на историческое мифотворчество, но и обусловило определенные противоречия в историографии деятельности отечественных спецслужб. Да и сама дея-

тельность советских органов госбезопасности на протяжении всей истории носила противоречивый характер: с одной стороны, органы ВЧК-КГБ выполняли необходимые функции защиты интересов государства и народа, с другой — служили инструментом партийного руководства для подавления инакомыслия и проведения необоснованных политических репрессий. В этой связи в историографии деятельности советских спецслужб содержатся разнополярные суждения и выводы, порой взаимоисключающие друг друга и зависящие от политической конъюнктуры конкретного исторического периода. Историографию, касающуюся истории органов МГБ-КГБ в середине XX в. можно рассматривать не только по временным рамкам (советскому и постсоветскому периодам), но и по принадлежности исследователей к общеисторической (открытой) истории и к ведомственной (закрытой) истории, создаваемой сотрудниками спецслужб.

«Хрущевская оттепель» позитивно отразилась на развитии советской исторической мысли. Появилась некоторая раскованность в суждениях, научные дискуссии приобрели большую остроту, историки из СССР начали контактировать с зарубежными исследователями, посещать архивы западных стран. После смены руководства КГБ в конце 1958 г. (вместо генерала армии И. А. Серова на должность председателя комитета был назначен бывший 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин) набирает силу тенденция к большей связи органов госбезопасности с общественностью. Комсомольская инициатива и партийная установка на связь с массами выражалась в проведении многочисленных встреч чекистов с трудовыми коллективами и партийными организациями. Всё больше стало появляться в печати информации о мероприятиях на Лубянке, о результатах работы КГБ по линии контрразведки. Особую заинтересованность вызывали публикации о задержании шпионов и некоторые подробности процессуальных действий в отношении иностранцев. Настоящей сенсацией стали статьи о разоблачении агентов западных спецслужб из числа советских граждан¹. Такие публикации в средствах массовой информации формировали новый общественно-политический

¹ О подрывной деятельности США против Советского Союза (пресс-конференция советских и иностранных корреспондентов в Московском Центральном Доме журналиста) // Правда. 1957. 7 февраля; Всесоюзное совещание руководящих работников органов государственной безопасности // Правда. 1959. 18 мая; Приговор приведен в исполнение // Правда. 1963. 17 мая.

климат и готовили почву для глубоких научных исследований в области истории советской разведки и контрразведки.

В целом же появление некоторых черт гласности в работе КГБ после XX съезда партии в большей степени носило пропагандистский характер и преследовало цель поднять авторитет органов госбезопасности в глазах общества в контексте громких разоблачений репрессивной деятельности и дискредитации бывшего руководства МГБ-МВД. Тем не менее, советские люди оставались по-прежнему в неведении относительно подлинных масштабов и характера деятельности ведомства госбезопасности СССР. Тщательно скрывались механизмы взаимоотношений органов КГБ с партией и государственными структурами, строго секретными оставались методы работы и кадровая политика крупнейшей спецслужбы мира.

Историография деятельности отечественных спецслужб в советский период находилась под строгим партийным контролем и испытывала влияние военно-политического противостояния двух систем. Господствующий в послевоенные десятилетия дух “холодной войны”, открытая конфронтация США и СССР, их взаимные обвинения в агрессивности повлияли на содержание исторического анализа, как с той, так и с другой стороны. В определенной степени работы по истории спецслужб отражали идеологический антагонизм и непримиримость политической борьбы. Каждая из сторон стремилась возложить вину на противника и оправдать собственную политику. Взаимные огульные обвинения не способствовали объективному изложению событий. Это касается как советских исследований, содержащих идеологизированный, “классовый” подход в оценке деятельности органов безопасности, так и западных, которые были подчинены задачам компрометации коммунистического режима, что также негативно отразилось на объективности научных разработок.

Новые тенденции в изучении данной проблемы характеризовались научным поиском в русле господствующей концепции. Почти все материалы о деятельности КГБ в 1950–1960-е гг. ещё были оперативными на тот период времени, часто использовались в практической работе органов госбезопасности, а факты были настолько свежи, что не успевали стать достоянием историков. Временной промежуток от момента свершения исторических событий до их анализа был невелик, и поэтому в ведомственной литературе господствовала главная тенденция — осмысление оперативного чеки-

стского опыта по горячим следам, попытка сделать выводы и извлечь необходимые уроки для того, чтобы использовать результаты на практике. Именно поэтому исторический анализ послевоенных событий, связанных с разведывательной и контрразведывательной деятельностью подвергался жёсткой цензуре, лишь изредка находил свое отражение в выступлениях партийно-государственных руководителей СССР. На факты из жизни КГБ накладывалось строгое табу.

В 1952 г. в системе госбезопасности появился первый чекистский вуз. С этих пор Высшая школа МГБ СССР стала готовить специалистов с высшим юридическим образованием. В 1954 г. было принято решение организовать при Высшей школе свою аспирантуру, которая внесла вклад в подготовку ученых-историков. Однако ведомственные исследования по истории, как правило, носили юридический или оперативно-прикладной характер. История КГБ разрабатывалась в основном лишь в учебном или оперативно-служебном аспекте, сосредотачиваясь в большей степени на различных историко-правовых проблемах деятельности советских спецслужб.

Что касается общегражданских исследований в области истории отечественных спецслужб, то эта тема в силу своей специфики не была популярной в научной среде и находилась под пристальным контролем со стороны соответствующих инстанций. Тем более что и источниковая база была достаточно скудна. В советский период превалировал публицистико-патриотический характер изданий. Следуя идеологическим установкам КПСС, советские ученые были вынуждены замалчивать отдельные события и факты и нередко давать только выгодную для политических лидеров информацию о современности и истории². В результате этого не получали объективного освещения проблемы, связанные с деятельностью спецслужб Запада и Востока в условиях послевоенного противоборства. К тому же советские исследования, которые касались профессиональной работы КГБ, имели строго секретный характер; сообщения в печати содержали лишь официальную информацию. Общественность знала о существовании секретной спецслужбы, однако, в отношении целей, задач и методов работы органов госбезопасности точных сведений из открытых источников никто не имел. Завеса тайны окутывала

² Пойманы с поличным...; Шпионам нет дороги...; *Викторов*. 1963; *Цви-гун*. 1973; *Яковлев*. 1979; *Международный терроризм и ЦРУ...*

почти всё, что напоминало о КГБ или было с ним связано. Более того, фактически, не было ни одного открытого законодательного акта, из которого можно было бы узнать о том, что из себя представляли советские органы госбезопасности, какова их структура, чем они занимаются и какие решают задачи. Догматические установки КПСС, включавшие в себя непримиримость классовой борьбы и отрицание возможности стратегических ошибок со стороны лидеров партии, по существу, явились помехой для исторических исследований в этой области. Вместе с тем, строгая секретность ведомственной литературы объяснялась объективными требованиями конспирации в условиях противостояния двух общественно-политических систем и жестокой борьбы соответствующих спецслужб.

Традиция видеть в истории, прежде всего, узкоклассовые интересы, подчеркивать буржуазную ограниченность трудов западных ученых нанесла ущерб развитию советской историографии, ориентируя исследования на апологетическое освещение одних исторических событий и замалчивание других. Тем не менее, постепенно создавались обстоятельные работы по истории органов государственной безопасности. Они касались периодов Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн, а также рассматривали борьбу органов ВЧК-КГБ со спецслужбами иностранных государств и зарубежными эмигрантскими организациями³. Из научных исследований в послевоенной истории органов госбезопасности можно выделить лишь небольшую часть трудов, которая была посвящена деятельности МГБ-КГБ и давала обобщенное представление об организации и работе специальной службы Советского Союза в “хрущевское десятилетие”. Это, прежде всего, диссертационное исследование В. Н. Удилова⁴ (генерал-майора в запасе, бывшего заместителя начальника Управления КГБ СССР по линии контрразведки), который позже на этой основе написал интересные воспоминания о своей продолжительной работе в контрразведывательных органах Советского Союза⁵. Впервые стали достоянием общности конкретные факты из истории контрразведки СССР,

³ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.)...; Красная книга ВЧК...

⁴ Удилов. 1972.

⁵ Он же. 1994; Он же. 1998.

появились в открытой печати имена разоблаченных агентов-нелегалов, раскрыты некоторые сведения о средствах и методах работы советской спецслужбы. В. Н. Удилов проанализировал и некоторые аспекты деятельности иностранных спецслужб в борьбе с КГБ, в частности, привел примеры активного использования американской разведкой агентов из числа граждан социалистических стран на территории Советского Союза. В. Н. Удилов, как один из крупных руководителей советской контрразведки, предпринял попытку обобщить собственный опыт в борьбе с потенциальным противником в годы «холодной войны». К сожалению, автор был ограничен требованием обеспечить секретность представленного в диссертационный совет МГУ материала, поэтому в его исследовании лишь фрагментарно представлены ведомственные архивные данные, многие факты не имеют обоснованных ссылок, зачастую превалируют его воспоминания и выдержки из личного архива.

В более раскованной, публицистической и в то же время тенденциозной форме события рассматриваемого периода часто подвергались анализу зарубежными исследователями, о них писали и перебежчики из Советского Союза. Работы западных авторов к тому же долгое время оставались недоступными и были известны лишь узкому кругу специалистов в СССР. Труды по истории советских органов госбезопасности, вышедшие на Западе в 1950–80-е гг., страдают субъективизмом, во многом отрывочны и в значительной степени идеологизированы в духе антикоммунизма (особенно это касается оценок и выводов). Сообщаемые в них факты требуют весьма критического отношения и проверки по архивным документам⁶.

Вместе с тем, на Западе появлялись и довольно обстоятельные исследования по истории спецслужб, в том числе и по истории ВЧК-КГБ. Немецкий исследователь Макс Гунценхойзер в своей книге «История секретной разведывательной службы (шпионаж, диверсии и контрразведка)» проанализировал почти всю открытую на то время литературу по вопросам деятельности органов разведки и контрразведки различных стран мира⁷. Директор библиотеки современной истории Юрген Ровер (сотрудником этой библиотеки работал Гунценхойзер) в предисловии к работе выразил обоснованную надежду,

⁶ Barron. 1976; Dallin. 1956; Lewytzkyj. 1967; *Idem.* 1965; Scharndorf. 1961.

⁷ Gunzenhäuser. 1968.

что книга «будет служить нужным вспомогательным средством как для исторического исследования, так и для публицистики»⁸.

Несмотря на то, что эта работа была издана более тридцати лет назад, она действительно остаётся до сих пор полезным пособием для изучения истории мировых спецслужб XX века. По существу, книга Гунценхойзера является первой специальной библиографией по теме «разведка и контрразведка» (около 4000 наименований). В ней даны аннотации не только на труды западных историков, изучающих проблемы деятельности органов госбезопасности СССР, но и на те немногочисленные работы, которые вышли в Советском Союзе в форме статей и отдельных изданий, посвященных истории МГБ-КГБ в послевоенные десятилетия.

На рубеже 1980–90-х гг. историография советской разведки и контрразведки получила импульс, связанный с глубокой реорганизацией общества и государства. Начался настоящий историографический прорыв, который сопровождался демифологизацией истории отечественных спецслужб. Наметился переход исследований в другую плоскость — свободную от догм и идеологических штампов. Растущий поток публикаций открыл новый этап в осмыслении прошлого, который связан прежде всего с качественными изменениями в источниковой базе исследований и, следовательно, с качественным сдвигом в историографии. Достоянием ученых стали ранее засекреченные архивные документы, касающиеся работы органов госбезопасности, деятельности правоохранительных и партийно-государственных структур в целом. В этой связи необходимо отметить опубликованные документы МВД-КГБ, изданные полные стенограммы заседаний партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, на которых решались и вопросы, относящиеся к компетенции органов госбезопасности⁹.

Особый интерес представляют новые рассекреченные документы из архивов Старой площади, Лубянки, Верховного суда и Прокуратуры СССР, которые в последние годы вводятся в оборот и в некоторой степени меняют устоявшиеся представления о взаимоотношениях

⁸ Ibid. S. 3.

⁹ См.: Хрущев. 1989; Дело Берия...; Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов...; Земсков. 1991; Воронин. 1993; Русская Православная Церковь в советское время...; Бугай. 1991; Старков. 1993; Лаврентий Берия: через 2-3 года я крепко исправлюсь...; Кокурин, Пожаров. 1996; Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1960...; Советский Союз и венгерский кризис 1956 года...

отечественных спецслужб с партийными и государственными структурами¹⁰. Публикация ранее недоступных даже специалистам документов из партийных и чекистских архивов, начавшаяся в годы перестройки, еще активнее развернувшаяся после августа 1991 г., безусловно, способствует пониманию подлинной роли и реального места органов госбезопасности в жизни советского общества. Так, например, журнал «Исторический архив» в 1994 г. поместил на своих страницах ранее засекреченные документы советских ученых-физиков, свидетельствующих о значительной роли отечественных спецслужб в научных исследованиях по атомной энергии. В них уже по новому освещалась и деятельность координатора всего советского ядерного проекта — Л. П. Берия¹¹. Позже упомянутые документы были включены в трехтомное фундаментальное издание «Атомный проект СССР: Документы и материалы»¹². В журнале «Исторический архив» в 1996 г. впервые были опубликованы приказы министра внутренних дел Л. П. Берия, изданные весной 1953 г. под грифом «совершенно секретно»¹³. Во вступительной статье к этой публикации анализируется «новый курс» во внутренней политике страны, который он начал проводить после смерти Сталина, став по существу инициатором политической «оттепели». Большинство опубликованных документов опровергают устоявшиеся в историографии оценки деятельности сталинского опричника. Как ни парадоксально, но именно Л. П. Берия стал инициатором отмены указаний ЦК ВКП(б) 1937 г. и 1939 г., которые санкционировали применение мер физического воздействия к арестованным в практике НКВД-МГБ¹⁴.

¹⁰ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления...; Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневеве...; Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг.; *Звягинцев, Орлов*. 2006.

¹¹ *Илизаров, Пушкарева*. 1994.

¹² Атомный проект СССР... Кн. 1.

¹³ *Кокурин, Пожаров*. Указ. соч.

¹⁴ В частности, в письме от 10 января 1939 г. секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД за подписью Сталина констатировалось: «...применение физического воздействия в практике НКВД допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП... ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». (*Воронин*. 1993. С. 2.)

Совершенно по-новому историки могут взглянуть на деятельность органов госбезопасности в постсталинскую эпоху после опубликования В. С. Христофоровым в журнале «Новая и новейшая история» документов Центрального архива ФСБ России о событиях в Германии в июне 1953 г.¹⁵ В предисловии к публикуемым документам автор раскрывает роль органов госбезопасности СССР и их представителей в ГДР в урегулировании этого конфликта.

Продолжая тему участия КГБ во внутренних коллизиях социалистического лагеря, и непосредственно в рамках венгерских событий 1956 г. необходимо обратить внимание на вышедшую в 2009 г. книгу с подборкой рассекреченных документов из архивов силовых ведомств (ФСБ, МВД России) и бывшего архива КПСС (Российский государственный архив новейшей истории)¹⁶. Фундаментальная вступительная статья авторов сборника о предыстории и хронике революционного мятежа в Венгрии, позволяющая в ином ракурсе судить о деятельности органов госбезопасности СССР по «наведению порядка в стране» и активному противодействию спецслужбам стран-членов НАТО. Опираясь на публикуемые документы, исследователи подчеркивают, что «венгерская революция 1956 года» имела не только внутренние причины экономического и политического характера, но активно «подогревалась» извне.

Научную основу для изменения взгляда на одну из самых неоднозначных фигур сталинского коммунистического руководства дал вышедший в свет в 1999 г. сборник документов, связанных с разоблачением «банды Берия»¹⁷. В книге не только собраны опубликованные в разное время в различных изданиях (Известия ЦК КПСС, Источник, Исторический архив) документы, характеризующие личность «маршала с Лубянки», но и вводятся в научный оборот совершенно новые архивные источники. Подборка материалов позволяет более объективно оценить роль «главного чекиста страны» и его ведомства в исторических событиях.

Промежуточный этап реформирования силовых структур, начавшийся после ареста Л. П. Берия, анализируется в предисловии к публикуемым документам из фондов Старой площади в журнале «Ис-

¹⁵ Христофоров. 2004. № 1.

¹⁶ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР...

¹⁷ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС...

торический архив»¹⁸. Авторы заостряют внимание читателей на процедуре принятия решения о выделении из МВД Комитета госбезопасности в марте 1954 г., о решающей роли Президиума ЦК КПСС в этом вопросе, еще раз подчеркивается подчиненность исполнительной и законодательной власти партийному аппарату в деле создания и функционирования отечественной спецслужбы. Со всей очевидностью понятна схема назначения председателя КГБ — генерала И. А. Серова, кандидатура которого была предложена Хрущевым по принципу личной преданности и обеспечивала серьезную поддержку последнему в предстоящей внутрипартийной борьбе.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. издательство международного фонда «Демократия» опубликовало ряд фундаментальных сборников с рассекреченными архивными документами ЦК КПСС, касающихся деятельности органов госбезопасности в середине XX века¹⁹. Новые документы дают более полное представление о взаимоотношении ЦК партии и органов безопасности, роли отечественных спецслужб в осуществлении внутренней и внешней политики советского государства, о структуре МГБ-КГБ, о руководителях чекистского ведомства и т.д.

Несколько последних публикаций фонда «Демократия» в 2007–2009 гг. — документы о Н. С. Хрущеве или из его личного фонда²⁰. Выступления Первого секретаря ЦК КПСС на совещаниях руководителей силовых структур помогают понять те цели и задачи, которые предстояло решить «филиалу партии» в деле ускоренного строительства коммунизма в СССР. Именно как разновидность партийных структур рассматривал Никита Сергеевич органы госбезопасности. Такой постановкой вопроса был обусловлен последующий строгий контроль за деятельностью КГБ со стороны ЦК КПСС, а также неуклонное стремление административного отдела ЦК следить за кадровым перемещением в отечественных спецслужбах, за «чистотой партийной линии» в их рядах. Документы и комментарии к материалам руководителя партии и правительства позволяют по

¹⁸ Афиани, Панина, Пожаров. 2002. № 3.

¹⁹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы...; Реабилитация: как это было. Т. 1-2; Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991...; Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953...

²⁰ Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы...; Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени...

новому взглянуть на роль КГБ в смещении Н. С. Хрущева с властного олимпа в октябре 1964 г., еще раз убедиться в том, что А. Н. Шелепин и В. Е. Семичастный (бывший и настоящий на тот период председатель КГБ) и ведомство, которое стояло за ними, сыграли решающую роль в заговоре против Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Расширение документальной основы истории спецслужб отразилось на содержании и формах научного сотрудничества, получивших развитие в последние годы. С участием органов МБ-ФСК-ФСБ России был проведен ряд конференций и круглых столов по вопросам работы структур безопасности в прошлом, настоящем и будущем. По их итогам опубликованы материалы, которые дают достаточно полное представление о работе правоохранительных органов в системе обеспечения безопасности государства не только в прошедшие годы, но и на современном этапе²¹.

Например, в «Белой книге российских спецслужб», вышедшей в двух изданиях 1995 г. и 1996 г., впервые собрана информация о проблемах и достижениях российских государственных органов специального назначения. Работа основана на материалах выступлений на конференции ученых и практиков из ФСБ, МВД, службы налоговой полиции, государственного таможенного комитета и других специализированных учреждений. В ней анализируются проблемы спецслужб современной России, их роль в становлении нового демократического государства, рассматриваются вопросы изменения российского законодательства и соответственно компетенции силовых структур. Анализируются также исторические аспекты деятельности КГБ. Исходя из того, что одним из важнейших условий в процессе формирования и развития органов безопасности России является учет исторического опыта, авторы «Белой книги...» проводят определенные параллели между прошлым и настоящим, сопоставляют яркие и трагические страницы истории советских и российских спецслужб, делают выводы, в которых сегодня нуждаются не только оперативные сотрудники, но и политические лидеры.

В новый историографический период наметилась тенденция к преодолению противоречий между «ведомственными» и «общегражданскими» учеными. В этом плане огромную роль сыграло «Общест-

²¹ См.: КГБ: вчера, сегодня, завтра...; Белая книга российских спецслужб.

во изучения истории отечественных спецслужб». В декабре 1997 г. руководство Центра общественных связей и Академия ФСБ России впервые провело международную конференцию по исторической тематике. Наряду с представителями российских спецслужб (ФСБ, СВР, ФПС) в ней участвовали историки академических ВУЗов России, гости из стран СНГ. Исторические чтения на Лубянке стали традицией²².

Преодоление ведомственной корпоративности и разобщенности позволили вывести исследования на новый уровень. С середины 1990-х гг. появились первые открытые публикации ученых-чекистов, посвященные истории МГБ-КГБ²³ и отдельным направлениям в послевоенной деятельности спецслужб²⁴, в том числе и на региональном уровне²⁵. Эти книги представили материал, позволяющий показать наиболее важные аспекты работы «острого инструмента» государственной власти, который обеспечивал советское политическое руководство информацией о существующих внутренних и внешних угрозах, стоял на страже границ и интересов своей страны. Однако эти работы написаны в учебно-методическом ключе, в них по-прежнему доминирует историко-правовой аспект деятельности органов госбезопасности. Разделы, которые касаются послевоенной истории МГБ-КГБ, освещены фрагментарно. Наиболее полно раскрыты опять же периоды довоенной и военной истории.

Некоторые проблемы деятельности органов госбезопасности СССР в 1953–1964 гг. рассматриваются в научной литературе, посвященной вопросам политической стратегии КПСС. Историки, анализирующие внутривнутриполитические отношения в СССР, закономерно касались взаимоотношений партии и органов КГБ, поскольку в последних лидерах КПСС видели «вооруженный отряд партии»²⁶.

Открытых научных трудов, посвященных истории отечественных спецслужб в годы «хрущевской оттепели», опубликованных профессиональными сотрудниками спецслужб существует совсем

²² См.: Исторические чтения на Лубянке. 1997 год...; Исторические чтения на Лубянке. 1998 год...

²³ Коровин. 1998.

²⁴ Боярский, Борискин., Бурдужук и др. 1998.

²⁵ Воронцов. 1998; Из истории спецслужб Бурятии...

²⁶ XX съезд КПСС и его исторические реальности...; Зубкова. 1993; Власть и оппозиция...; Пихоя. 1998; Он же. 2009; Козлов. 1999.

немного²⁷. Заметный след оставили некоторые коллективные работы, изданные в 1990–2000-е гг. и характеризующие с новых методологических позиций историю организации и деятельности органов безопасности в исследуемый период²⁸. Однако, на наш взгляд, контрразведывательная и разведывательная составляющие в деятельности органов МГБ-КГБ, глубинные процессы в отечественных спецслужбах, их профессиональная сущность и внутриведомственный инструментарий — по объективным причинам — будут предметом, прежде всего, закрытых исследований, имеющих гриф секретности.

Многие аспекты затрагивались в мемуарах и интервью бывших государственных и партийных деятелей Советского Союза, опубликованных в последние годы²⁹. Их воспоминания ценны, прежде всего, с точки зрения личного участия в судьбоносных событиях и в решении вопросов, связанных с органами госбезопасности. Высшее партийное и государственное руководство в зависимости от сложившихся внутриведомственных условий и ситуации на международной арене определяло облик и характер работы органов разведки и контрразведки. Так, например, воспоминания Л. М. Кагановича дают дополнительную информацию о действительной роли органов госбезопасности в критический для Н. С. Хрущева момент в июне 1957 г. Именно председатель КГБ генерал И. А. Серов вместе с министром обороны маршалом Г. К. Жуковым спасли Первого секретаря ЦК от неминуемого политического краха. Мемуары А. И. Микояна помогают глубже разобраться в кулуарных интригах ЦК партии, которые в итоге привели в декабре 1958 г. к смене руководства КГБ и к началу крупномасштабных преобразований в силовых структурах.

О работе КГБ в 1950–60-е гг. упоминали и политические лидеры Запада, находившиеся у власти во времена “холодной войны” (Д. Эйзенхауэр, Д. Кеннеди, В. Брандт), а также бывшие руководители и сотрудники спецорганов, как социалистического³⁰, так и капитали-

²⁷ Коровин. 1998; Хлобустов. 2005; Он же. 2009; Федосеев. 2002; Удилов. 1994; Разведчики и шпионы. ...

²⁸ Белая книга российских спецслужб. ...; Воронцов. 1999; Государственная безопасность России: история и современность...

²⁹ Чуев. 1991; Он же. 1992; Шелест. 1994; Мухитдинов. 1994; Байбаков. 1998; Хрущев. 1999; Микоян. 1999; Каганович. 2003.

³⁰ Семичастный. 2002; Крючков. 1997; Он же. 2004; Он же. 2006; Шебаршин. 1992; Он же. 1994; Алидин. 1997; Бобков. 1995; Он же. 2006; Вольф. 1998.

стического лагеря³¹, организаторы разведывательной и контрразведывательной деятельности на государственном уровне.

С исчезновением идеологической цензуры особо ценными трудами по истории МГБ-КГБ (и в то же время источниками) могут стать появившиеся в последние годы воспоминания сотрудников органов госбезопасности СССР, позволяющие из первых рук узнать о тех проблемах органов безопасности в условиях “холодной войны”. Многие годы ветераны разведки и контрразведки были немногословны и только в 1990-х они стали охотно делиться информацией о деликатных и строго засекреченных вопросах прошедшего времени³². Иногда такие воспоминания выходят в форме записей бесед с ветеранами КГБ, которые характеризуют события истории с точки зрения их непосредственных свидетелей и участников³³. Порой, в мемуарной литературе можно найти объяснение многим загадочным фактам, десятилетиями покрытым завесой тайны³⁴. Вместе с тем, по мнению историков спецслужб, в воспоминаниях руководителей разведывательных и контрразведывательных органов заметно стремление приукрасить свою биографию, а иногда и исказить отдельные эпизоды. Бывает также, что бывшие начальники пытаются приписать себе заслуги своих подчиненных³⁵.

Книги руководителей спецслужб Запада интересны для исследователей тем, что именно они воплощали в жизнь стратегические планы политиков, решали вопросы, связанные с направленностью деятельности разведки и контрразведки своих стран против СССР. Оценка деятельности КГБ со стороны тех, на кого эта деятельность

³¹ Гелен. 1999; Клайн. 1989; Даллес. 2000; Он же. 2004.

³² Алидин. 1997; Бобков. 1995; Он же. 2006; Брусницын. 2000; Гераскин. 2000; Николаев. 2005; Петкель. 2005; Редченко. 2008.

³³ Чуев. 1996; Долгополов. 1997.

³⁴ Например, в воспоминаниях генерал-майора М. С. Докучаева, долгое время работавшего в структурах 9-го Управления КГБ (охрана высокопоставленных должностных лиц партии и правительства), имеется интересное объяснение субъективной неприязни Н. С. Хрущева к Сталину. По мнению автора, это, в свою очередь, объясняет настойчивое стремление Хрущева сделать доклад о культе личности на XX съезде КПСС. В свое время Сталин не помог Хрущеву спасти от смертного приговора суда его сына — старшего лейтенанта, летчика Леонида Хрущева, который совершил уголовное преступление в годы Великой Отечественной войны. См.: Докучаев. 1995.

³⁵ Коваленко. 1997.

была направлена, дает важную информацию для исторического анализа и объективного освещения истории органов госбезопасности.

Определенный интерес представляет стремление некоторых энтузиастов на региональном уровне собрать по крупицам факты из истории становления и деятельности местных органов госбезопасности, систематизировать богатый опыт, накопленный предшествующими поколениями чекистов-профессионалов в отдельно взятых управлениях ФСБ. К сожалению, тираж таких книг очень мал³⁶.

Заслуживает отдельного рассмотрения историография внешней разведки Советского Союза. Противоречивость оценок деятельности Первого главного управления КГБ (внешнеполитическая разведка) и Главного разведывательного управления Генерального штаба (военная разведка) заключаются в том, что о достижениях советских разведчиков можно судить лишь по их провалам. Специфика предмета исследования еще многие десятилетия не позволит ученым воспользоваться архивами СВР и ГРУ. Полновесные и наиболее объективные выводы об успехах разведки в этот период еще предстоит сделать в будущем. Все прекрасно знают о достижениях людей, которые стали легендами советской разведки: Кима Филби, Джорджа Блейка, Конона Молодого, Рудольфа Абеля и др. Результаты их работы свидетельствуют о высоком профессионализме сотрудников спецслужбы СССР. Бывшие «рыцари плаща и кинжала» вносят определенную лепту в разработку исторических проблем разведки, ставшей неотъемлемой частью их жизни. Воспоминания советских агентов, действовавших за рубежом, позволяют приоткрыть завесу тайны над крупнейшими разведоперациями середины XX века, вводят читателя в духовный мир разведчика, мотивы его действий, нормы поведения³⁷.

Значительное место в историографии советской разведки занимают мемуары ветеранов Первого главного Управления КГБ СССР, тех людей, кто организовывал проникновение в тайные замыслы противника. Книги-воспоминания, как правило, написаны на основе обширной информации, которой в свое время располагали бывшие ру-

³⁶ *Алексеев*. 1997; На южном форпосте России...; Верой и правдой...; Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области...; Безопасность Родины — выбор, долг, призвание...; Служение Отечеству...; *Осипов, Харламов*. 2007; Доверено охранять Отечество...; В авангарде отечественных спецслужб...

³⁷ *Блейк*. 1991; Я шел своим путем...; *Колосов, Молодой*. Мертвый сезон...

ководители разведки СССР различных рангов, в них использованы весьма записи из авторских архивов³⁸. Однако источники такого рода иногда грешат субъективизмом и искажением фактов. Главное внимание здесь уделяется тем событиям, в которых авторы принимали непосредственное участие. Порой в печати можно найти и официальные опровержения представителей Службы внешней разведки России на те или иные сенсационные разоблачения бывших разведчиков³⁹.

Значительный вклад в историографию спецслужб внес коллектив авторов, профессиональных разведчиков из СВР, подготовивший 6-томное издание «Очерки истории российской внешней разведки». Первые 4 тома под редакцией Е. М. Примакова и В. И. Трубникова вышли в свет 1995–99 гг.⁴⁰. Периоду “холодной войны” посвящен 5-й том, вышедший в 2003 г. В нем раскрывается работа «легальных» и нелегальных резидентур КГБ и освещаются биографии известных советских разведчиков, действовавших в 1945–1965 гг. Однако, «Очерки...» не оправдали ожидания историков. Избранный авторами художественно-документальный жанр сделал возможным широкое использование важных документов без соответствующего научного аппарата, что серьезно снижает научную ценность издания.

В последнее время и на Западе появляются все новые работы, в которых авторы предпринимают попытки с современных позиций проанализировать сложные периоды истории советских спецслужб. Здесь стоит отметить энциклопедическую двухтомную историю разведки, вышедшую из под пера главного летописца спецслужб Роже Фалиго⁴¹. Автор более 30-ти капитальных трудов, посвященных разведке разных стран, в соавторстве с Р. Коффер, анализирует историю разведслужб мира, в том числе и советской разведки. Учитывая энциклопедические познания Фалиго в сфере шпионских реалий, его оценка достижений и неудач СССР на разведывательном поприще небезынтересна. По мнению французского историка, КГБ оказался на высоте в годы карибского кризиса, когда руководство советской раз-

³⁸ См.: Дроздов. 1994; Он же. 2005; Судоплатов. 1997; Он же. 1997; Кирпиченко. 1993; Он же. 1998; Модин. 1997; Любимов. 1998; Феклисов. 1994; Он же. 1999; Громушкин. 2002; Григорьев. 2004; Леонов. 2005; Черкашин, Файфер. 2008.

³⁹ Лесков. 1994.

⁴⁰ См.: Очерки истории российской внешней разведки...

⁴¹ См.: Фалиго Р., Коффер Р. 1997–1998.

ведки смогло точно спрогнозировать решения американской администрации и сделать верный анализ возникшей ситуации. Благодаря развединформации в конечном итоге удалось избежать термоядерной войны. На данном этапе внешнеполитическая разведка СССР оказалась на высоте, она объективно и качественно информировала свое правительство для принятия политически взвешенного, грамотного и оптимального решения. Что касается стратегических ошибок КГБ во внешнеполитических делах, то непростительной оплошностью, по мнению Фалиго, была неверная оценка обстановки в Китае в конце 1950-х гг., когда советские разведчики дали неправильный анализ положения дел в этой великой азиатской стране. Последствия просчетов известны: Китай надолго вышел из сферы влияния Советского Союза⁴². Справедливости ради стоит заметить, что вина ПГУ КГБ в этом случае минимальна, поскольку китайское государство после прихода к власти коммунистической партии стало ближайшим союзником СССР. Руководители советской разведки выполняли политические установки партийно-государственного руководства, принимая активное участие в создании и развитии китайских спецслужб. После того как достоянием китайцев стали расшифрованные методы работы и организационные принципы советской разведки, её силы и средства, говорить о получении разведывательных данных на другом этапе советско-китайских отношений уже не имело оперативного смысла. Стратегический провал внешней политики Советского государства на китайском направлении в 1960-е гг. был закономерен.

Труды западных историков, несмотря на их фундаментальность, по-прежнему грешат фактическими неточностями и искажениями. Так, например, Р. Фалиго и Р. Коффер во «Всемирной истории разведывательных служб» (Т. 2, ч. I, с. 11) перепутали инициалы руководителя советской спецслужбы (вместо И. А. Серов — И. И. Серов); кроме того, они утверждают, что он умер на своем посту в 1962 г. По Дж. Шектеру и П. Дерябину, И. А. Серов «запил и, судя по сообщениям, покончил жизнь самоубийством, застрелившись в одном из арбатских переулков после того, как его исключили из Коммунистической партии в 1965 г. вслед за смещением с поста Хрущева»⁴³. А вот версия К. Эндрю и О. Гордиевского: «После разоблачения Пеньковского в

⁴² Коваленко. Шпионы нужны, чтобы избежать войны...

⁴³ Шектер, Дерябин. 1993. С. 191.

опале оказался его собутыльник (!) — генерал Серов, бывший председатель КГБ. После того, как Пеньковский был арестован, Серова сняли с должности начальника ГРУ. Вскоре, после тяжелого запоя, он застрелился в одном из арбатских дворов. Единственным сообщением о его смерти была небольшая заметка, подписанная анонимной группой бывших товарищей⁴⁴. На самом деле первый председатель КГБ умер, будучи на пенсии и в преклонном возрасте в 1990 г.⁴⁵

Определенный интерес представляет новая работа ведущего специалиста библиотеки Конгресса США по истории СССР Эми Найт. Проанализировав ряд документов из бывших секретных архивов СССР, Найт предприняла попытку написать полномасштабную биографию одного из самых заметных деятелей сталинского окружения — Л. П. Берии⁴⁶. Раскрывая причины политического взлета Берии, феномен его восхождения к вершинам власти, автор анализирует роль и место органов госбезопасности не только в судьбе одного из членов высшего партийно-государственного руководства СССР, но и в политической системе всего Советского государства. В работе Найт нет и тени сомнения в том, что Берия был знаковой фигурой как в сталинское время, так и в первые месяцы после смерти «вождя всех народов». Автор доказывает, что Берия, являясь одним из организаторов массового террора в стране, фактически, стал впоследствии реформатором. Подобная точка зрения в последнее время находит определенную поддержку и у ряда российских исследователей. Это не первая работа Найт, в которой она касается проблем истории органов госбезопасности Советского Союза⁴⁷.

Как это ни парадоксально, но более скрупулезное изучение истории советских органов госбезопасности приводит к нарушению дисбаланса между гласностью и конспирацией и следовательно, приводит к нанесению ущерба национальным интересам государства. Поэтому анализ закрытой источниковой базы спецслужб имеет строго очерченные рамки, особенно если это касается работы в органах КГБ конкретной личности. В этой связи несколько слов нужно

⁴⁴ Эндрю, Гордиевский. 1992. С. 481.

⁴⁵ Об И. А. Серове см. подробнее: Конев. 2005. Т. 2.; Разведка и контрразведка в лицах...; История службы в лицах и биографиях... 1998. № 1-2. С. 32; Они руководили ГРУ...; Петров. 2005.

⁴⁶ Knight. 1993.

⁴⁷ Idem. 1988.

сказать о вышедших за последние два десятилетия книгах перебежчиков, посвященных послевоенной истории МГБ-КГБ. Эти книги активно используются в научном обороте, однако многое в них остается бездоказательным и субъективным.

Изданная в 1999 г. в Великобритании объемом в 1000 страниц книга перебежчика Митрохина стала сенсацией не только в истории советской разведки и контрразведки, но и информационным источником в деятельности западных спецслужб в поиске следов советской разведки⁴⁸. Откровения «летописца» пролили свет на многие мероприятия КГБ, позволили заглянуть в святая святых советской спецслужбы — сведения об агентурном аппарате, что не могло не сказаться на разоблачениях бывших агентов ПГУ КГБ на Западе. Около сотни людей, сотрудничавших с советской разведкой, оказались под колпаком спецслужб. Только в одной Германии «архивы Митрохина» дали материал по меньшей мере для пятидесяти расследований. Десятки важнейших, в том числе и приостановленных ранее дел вновь «закрутились» в Соединенных Штатах и Великобритании⁴⁹.

Немаловажное значение в плане формирования адекватного исторической действительности представления российского общества о деятельности органов госбезопасности имеют издания научно-популярного и справочного характера. В то же время они расширяют жанровое и познавательное историографическое поле. Так, в книгу-альбом «Лубянка» вошли очерки и архивные документы, а также иллюстративные материалы, значительная часть которых опубликована впервые. В разделе, посвященном послевоенной истории советских органов госбезопасности, рассказывается о наиболее известных операциях МГБ-КГБ, об оперативных играх нашей контрразведки с ведущими разведками стран Запада, которые привели к разоблачению крупных агентов западных спецслужб. Многочисленные фотографии придают этой работе дополнительный интерес⁵⁰. В 2008 г. на основе материалов Центрального архива ФСБ России впервые были опубликованы документальные очерки по истории военной контрразведки в контексте развития государства. Красочно иллюстриро-

⁴⁸ Andrew, Mitrokhin. 1999.

⁴⁹ Богомолов. 1999. № 3. С. 5; Самохоткин. 2005. 29 июня.

⁵⁰ В 2007 г. книга выдержала повторное издание. См.: Лубянка: из истории отечественной контрразведки...

ванное двухтомное издание во многом дополняет сведения исследователей в области истории становления и эволюции особых отделов ВЧК-КГБ, содержит интересные автобиографические сведения о руководителях чекистского ведомства со дня его основания⁵¹.

Определенную лепту в разработку исторической проблематики вносят и периодические издания. С 1992 г. под эгидой Центра общественных связей МБ РФ (ныне ЦОС ФСБ России) начал издаваться публицистический, историко-художественный журнал «Служба безопасности», в котором публиковались документальные материалы, статьи, воспоминания, касающиеся работы спецслужб России и других стран мира. Значительное место в этом издании уделялось истории разведки и контрразведки⁵². Кроме того, публикации по истории МГБ-КГБ можно найти на страницах международной независимой газеты «Новости разведки и контрразведки», в рубриках «Независимого военного обозрения» (приложение к «Независимой газете») и др.

Нужно сказать и о тенденции в исторической литературе, которая появилась на закате перестройки, в период нарастающей эйфории начала 1990-х гг., когда была предпринята мощная атака на КГБ, и стало модным связывать все беды государства с деятельностью его спецслужбы. Многие публицисты, писатели, журналисты не смогли устоять перед соблазном внести свою лепту в окончательное разрушение «монстра-КГБ»⁵³. Тенденция, в которой господствует идея о гипертрофированном репрессивном механизме КГБ, который как государство в государстве существовал сам по себе и наводил ужас по всей стране, существует и поныне. Безусловно, история КГБ изобилует трагическими страницами, однако, в ней не все так однозначно и просто, как кажется на первый взгляд. Каково было советское государство, таковы были и органы, обеспечивающие его безопасность и стабильность. Использовать только черные краски в исследо-

⁵¹ Военная контрразведка...

⁵² *Пауэрс*. 1993. № 3. С. 53-67; Тайны под вывеской «арбатчаса»...; 30 лет спустя (интервью с генералом В. Семичастным). 1997. № 3-4. С. 9-13; История службы в лицах и биографиях. 1998. № 1-2. С. 30-35; История спецслужб: мифы и реальность. 1998. № 3-4. С. 26-29. К сожалению, в начале 1999 г. журнал из-за финансовых трудностей прекратил свое существование.

⁵³ См., напр., красноречивые подзаголовки книги Е. Альбац: «Побудительная сила страха»; «Стукачи»; «Палачи и жертвы»; «Отрицательная селекция», и т.д. — *Альбац*. 1992.

вательской работе по истории советской спецслужбы — значит заведомо упрощать и уже на новый лад искажать историческую правду.

В целом следует отметить, что подготовка такого рода работ должна опираться на научный анализ фактического материала. Использование публицистической литературы, как и воспоминаний бывших диссидентов, которые в прошлом сами были объектом исследований со стороны органов госбезопасности по политическим мотивам (репрессиям подверглись нередко и родственники этих авторов)⁵⁴, должно быть критическим. Отдельные факты и оценки в названных работах, касающиеся организации и деятельности органов государственной безопасности СССР в 1953–1964 гг., представляют интерес для исследователя, способны обогатить и расширить наши представления о деятельности КГБ на конкретных участках работы. Вместе с тем, в этих трудах, как правило, весьма слаба источниковая база, в большой степени над авторами довлеет конъюнктура дня, сильный и вполне понятный эмоциональный накал ограничивает возможности непредвзятого подхода⁵⁵.

На современном этапе развития исторической науки анализ деятельности институтов партийно-государственного аппарата СССР просто необходим. Прежде всего, это касается истории КГБ. Без изучения проблем взаимодействия внутренних механизмов советской власти невозможно вскрыть все закономерности развития советского государства. Именно здесь находится один из главных ключей к разгадке причин длительного существования и стабильного функционирования однопартийной политической системы в СССР.

Таким образом, объективную историю органов государственной безопасности СССР в один из самых переломных и противоречивых периодов развития страны еще предстоит написать. При этом необходимо шире использовать и такой важный источник, как советская юридическая литература.

Послевоенная история советской спецслужбы разработана менее всего. Небольшие сроки давности событий затрудняют работу исследователей в этом направлении. Возможно, с течением времени тема развития и деятельности органов госбезопасности СССР в се-

⁵⁴ Алексеева. 1992; Геллер, Некрич. 1995; Григоренко. 1997; Новодворская. 2009.

⁵⁵ Млечин. Председатели КГБ...; Он же. История внешней разведки...

редине — второй половине XX века станет для историков более привлекательной. Представляются очень важными в этом плане научные изыскания «ведомственных» историков, знающих изнутри особенности работы своей спецслужбы, характер её деятельности, самое главное — владеющих нужной информацией.

В заключение хотелось бы отметить нарастающий поток информационных сведений о деятельности отечественных спецслужб. Прилавки магазинов буквально завалены книгами по этой тематике. Разобраться с таким валом литературы достаточно трудно и еще труднее найти достойные разработки по истории спецслужб. Путеводитель в этом бескрайнем море информации отсутствует, и назрела острая необходимость создания сводного библиографического справочника или тематического каталога книг по истории органов безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 30 лет спустя (интервью с генералом В. Семичастным) // Служба безопасности. 1997. № 3-4. С. 9-13.
- Алексеев Е. Е.* Признаю виновным... Служба безопасности республики Саха (Якутия). Исторический очерк. М.: Концерн «ЛР». 1996. 160 с.
- Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва: «Весть», 1992. 280 с.
- Алидин В. И.* Государственная безопасность и время (1951–1986). М.: «Ветеран МП», 1997. 400 с.
- Альбац Е. М.* Мина замедленного действия: Политический портрет КГБ. М.: РУССЛИТ, 1992. 416 с.
- Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3-х тт. / Под общ. ред. Л. Д. Рябова. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. Министерство по атомной энергии / Отв. сост. Г. А. Гончаров. Саров, РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
- Афиани В. Ю., Панина А. Л., Пожаров А. И.* «Честно служить партии». Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 1954 г. // Исторический архив. 2002. № 3. С. 3-28.
- Байбаков Н. К.* От Сталина до Ельцина. М.: ГазОйл пресс, 1998. 352 с.
- Безопасность Родины — выбор, долг, призвание: Из истории органов ВЧК — ФСБ по Кабардино-Балкарии / Автор-сост. А. В. Казаков. Нальчик: «Полиграфсервис и Т», 2003. 128 с.
- Белая книга российских спецслужб / Под ред. Ю. Д. Новикова. 2-е издан. доп. М.: Обозреватель, 1996. 272 с.
- Белая книга российских спецслужб / Под ред. А. И. Подберезкина. М.: Обозреватель, 1995. 272 с.
- Берия: конец карьеры / Сост. и общ. ред. В. Ф. Некрасова. М., Политиздат. 1991. 416 с.
- Блейк Дж.* Иного выбора нет / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1991. 320 с.

- Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М.: Ветеран-МП, 1995. 382 с.
- Бобков Ф. Д. Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки. М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006. 320 с.
- Богомолов П. Я работала ради будущего — социализма // Мир за неделю. 1999. № 3. С. 5.
- Боярский В. И., Борискин В. И., Бурдужук В. И. и др. На страже границ Отечества. История пограничной службы. М.: Граница. 1998. 607 с.
- Брусицын Н. А. Кто подслушивает президентов (От Сталина до Ельцина). М.: Вита-Пресс, 2000. 416 с.
- Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: «АИРО-XX». 1995. 322 с.
- В авангарде отечественных спецслужб. 90 лет Управлению ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области / Автор-сост. С. В. Чернов. М., Русь. 2008. 160 с.
- Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: Сб. документов / Глав. ред. Н. Ф. Самохвалов, ред. Ю. Н. Моруков, А. П. Аристов; сост.: А. А. Зданович, В. К. Былинин, В. К. Гасанов, В. И. Коротаев, В. Ф. Лашкул М.: Объединенная редакция МВД России, Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2009. 520 с.
- Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. (Управление ФСБ России по Ярославской области). Ярославль, НЮАНС, 2001, 528 с.
- Викторов Б. Л. Шпионы под маской туристов. М., Военное издательство МО СССР. 1963. 56 с.
- Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Под ред. В.В. Журавлева, О.В. Волобуева, С.В. Кулешова и др. М., РОССПЭН, 1995. 400 с.
- Военная контрразведка. История, события, люди / В. С. Христофоров, С. А. Коренков, А. Ю. Бондаренко и др. в 2-х кн. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. Кн. 1. 256 с. Кн. 2. 288 с.
- Вольф М. Игра на чужом поле. 30 лет во главе разведки / Пер. с нем. М.: Международные отношения. 1998. 392 с.
- Воронин Н. В соответствии с указанием ЦК ВКП (б)... // Служба безопасности. 1993. № 5-6. С. 2.
- Воронцов С. А. Спецслужбы России. Учебник. Ростов н/Д: «Феникс», 2008. 511 с.
- Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов н/Д.: Феникс. 1999. 704 с.
- Всесоюзное совещание руководящих работников органов государственной безопасности // Правда. 1959. 18 мая.
- Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971 / Пер. с нем. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. 427 с.
- Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. История Советского союза с 1917 года до наших дней. В 3-х кн. М.: Издательство «МИК», 1995. Кн. 2. 432 с.
- Гераскин Б. В. За семью печатями. М., Междунар. Отношения, 2000. 288 с.

- Государственная безопасность России: история и современность / Под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004. 815 с.
- Григоренко П. Г.* В подполье можно встретить только крыс. М.: Звенья, 1997. 640 с.
- Григорьев Б. Н.* Повседневная жизнь советского разведчика, или Скандинавия с черного хода. М.: Мол. Гвардия, 2004. 417 с.
- Громушкин П. Г.* Разведка: люди, портреты, судьбы. М.: «Добросвет-2000». 2002. 240 с.
- Даллес А.* Асы шпионажа / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2004. 445 с.
- Даллес А.* ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа / Пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2000. 427 с.
- Дело Берия. Пленум ЦК КПСС — 2-7 июля 1953 года (стенографический отчет) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 139-214. № 2. С. 141-208.
- Доверено охранять Отечество (Из истории органов безопасности в Вологодском крае) / Под ред. М. А. Безнина. Вологда: ВГПУ, 2008, 584 с.
- Докучаев М. С.* Москва. Кремль. Охрана. М., Бизнес-пресс, 1995. 240 с.
- Долгополов Н.* Правда полковника Абеля. Пенза: ТОО ИРА «Комсомолка ПЛЮС», 1997. 140 с.
- Дроздов Ю. И.* Вымысел исключен (записки начальника нелегальной разведки). М.: «Арстиль-Полиграфия». 2005. 608 с.
- Дроздов Ю. И.* Нужная работа (записки разведчика). М.: ВладДар, 1994. 196 с.
- Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Заложники вождей. Российские и советские прокуроры. XX век. 1954–1992 гг. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
- Земсков В. Н.* ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. 5. С. 3-18; № 6. С. 10-27; № 7. С. 3-17.
- Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964 гг. М.: Россия молодая, 1993. 200 с.
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.) (сборник документов) / Под ред. Г. А. Белова, А. Н. Куренкова, А. И. Логиновой и др. М.: Госполитиздат, 1958. 289 с.
- Из истории спецслужб Бурятии. Материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1997.
- Илизаров С. С., Пушкарева Л. И.* Берия и теория относительности // Исторический архив. 1994. № 3. С. 215-223.
- Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. Москва; Великий Новгород: ИПЦ НовГУ, 1999. 119 с.
- Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. Москва; Великий Новгород: ИПЦ НовГУ, 1999. 123 с.
- История службы в лицах и биографиях // Служба безопасности. 1998. № 1-2. С. 30-35.
- История спецслужб: мифы и реальность // Служба безопасности. 1998. № 3-4. С. 26-29.
- Каганович Л. М.* Памятные записки. М.: ВАГРИУС, 2003. 224 с.
- КГБ: вчера, сегодня / Автор-сост. Р. А. Кашапов. Казань: «Экополис», 1997. 96 с.

- КГБ: вчера, сегодня, завтра: III междунар. конф., 1-3 окт. 1993 г.: Докл. и дискуссии. М.: Знак-СП, 1994. 255 с.
- Кирпиченко В. А.* Из архива разведчика. М.: Международные отношения, 1993. 334 с.
- Кирпиченко В. А.* Разведка: лица и личности. М.: «Гея». 1998. 400 с.
- Клайн Р.* ЦРУ от Рузвельта до Рейгана / Пер. с англ. N.Y.: Liberty publishing house, 1989. 412 с.
- Коваленко Ю.* Шпионы нужны, чтобы избежать войны. (О закулисной жизни разведок «Новым Известиям» рассказывает летописец спецслужб Роже Фалиго) // Новые Известия. 1997. 11 декабря.
- Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск, Сибирский хронограф. 1999. 416 с.
- Кокурин А. И., Пожаров А. И.* «Новый курс» Л.П. Берия // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132-164.
- Колосов Л., Молодой Т.* Мертвый сезон: конец легенды. М.: Коллекция «Совершенно секретно». 1998, 224 с.
- Конев В. Н.* Герои без золотой звезды. Библиографический справочник / Под ред. М. В. Музалевского, О. Л. Деревянко, в 2-х тт. М.: РИЦ «Ковалеръ», 2005. Т. 1. 194 с. Т. 2. 196 с.
- Коровин В. В.* История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА — М., 1998. 256 с.
- Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадска. М.: Материк, 2005. 432 с.
- Красная книга ВЧК / Под ред. А. С. Велидова. В 2-х тт. М.: Политиздат, 1989.
- Крючков В. А.* Без срока давности. В 2-х кн. М.: Просвещение. 2006. Кн. 1. 447 с.
- Крючков В. А.* Личное дело. В 2-х кн. М.: Олимп-ТКО-АСТ. 1997. Кн. 1. 448 с. Кн. 2. 432 с.
- Крючков В. А.* Личность и власть. М., Просвещение, 2004. 383 с.
- Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
- Лаврентий Берия: через 2-3 года я крепко исправлюсь... // Источник. 1994. № 4.
- Леонов Н. С.* Лихолетье. М., Эксмо, Алгоритм. 2005. 480 с.
- Лесков С.* Роберт Оппенгеймер мог быть советским агентом, только если существовала никому не известная шпионская сеть // Известия. 1994. 30 апреля.
- Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1960. Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 1997. 352 с.
- Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917–1991. Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с.
- Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД: Материк, 2007. 656 с.

- Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. Изд. 3-е, доп. / В. С. Христофоров, Я. Ф. Погоний, В. К. Виноградов и др. М., Издательство Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография». 2007. 368 с.
- Любимов М. П.* Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М.: Олимп; «Издательство АСТ-ЛТД». 1998. 480 с.
- Международный терроризм и ЦРУ: Документы, свидетельства, факты. Минск: Беларусь. 1983. 240 с.
- Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. 640 с.
- Млечин Л. М.* История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М.: Центрполиграф, 2008. 510 с.
- Млечин Л. М.* Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М.: Центрполиграф, 2008. 861 с.
- Модин Ю. И.* Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 428 с.
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. Н. Ковалёва, А. Коротков, С. Мельчин и др. М.: МФД, 1998. 848 с.
- Мухитдинов Н. А.* Годы проведенные в Кремле: Воспоминания ветерана. Ташкент: Издательство народного наследия им. А. Кадыри, 1994. 320 с.
- На южном форпосте России (из истории Управления ФСБ РФ по Астраханской области. 1918–2000 гг. Документы. Материалы. Воспоминания) / Авторы-сост. Д. К. Батрашев, В. В. Волков, С. В. Виноградов и др. Астрахань: Издательство Астраханского государственного педагогического университета. 2000. 344 с.
- Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: В 2 томах / сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская, И.В. Казарина и др. М.: МФД, Материк. 2009. т. 1. 656 с., т.2. 880 с.
- Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы / сост. А. Н. Артизов, В. П. Наумов, М. Ю. Прозуменщиков и др. М.: МФД, Материк. 2007. 576 с.
- Николаев Ю. А.* Будни военного контрразведчика (1949–1991). М.: «Русь», 2005. 248 с.
- Новодворская В. И.* Прощание славянки. М.: «Захаров», 2009, 464 с.
- О подрывной деятельности США против Советского Союза (пресс-конференция советских и иностранных корреспондентов в Московском Центральном Доме журналиста) // Правда. 1957. 7 февраля.
- Они руководили ГРУ. Сборник биографических очерков. М.: Центр полиграфических услуг «Радуга», 2005, 288 с.
- Осипов А. В., Харламов В. В.* Органы государственной безопасности в Нижегородской области. Страницы истории, в 2-т. // История нижегородских органов безопасности 1917–2006 гг. Т. 2. Ниж. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2007, 384 с.

- Очерки истории российской внешней разведки / Гл. ред. Е. М. Примаков. В 6-ти тт. М.: Международные отношения, 1995–2003.
- Пауэрс Ф. Всё это было напрасно // Служба безопасности. 1993. № 3. С. 53–67.
- Петкель В. В. Антитеррор и контрразведка. В органах госбезопасности от Сталина до Горбачева. СПб.: «Гангут», 2005. 208 с.
- Петров Н. В. Первый председатель КГБ генерал Иван Серов. М.: Материк, 2005, 416 с.
- Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. 1945–2005. В 3-х тт. Т. 1. 1945–1964. М.: Новый хронограф. 2009. 456 с.
- Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М.: Изд-во РАГС. 1998. 736 с.
- Пойманы с поличным (сборник фактов о шпионаже и других подрывных действиях США против СССР). М.: Совинформбюро, 1960. 158 с.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2004. 1360 с.
- Приговор приведен в исполнение // Правда. 1963. 17 мая.
- Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь Российских спецслужб / Автор-сост. А. Диенко. М.: Русский мир, 2002, 608 с.
- Разведчики и шпионы / Сост. В. А. Ставицкий. М.: XXI век — Согласие, 2006. 286 с.
- Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956. Т. 1 / Сост. А. Артизов, Ю. Сигачёв, И. Шевчук и др. М.: МФД. 2000. 503 с.
- Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Февраль 1956 — начало 80-х годов. Т. 2 / Сост. А. Артизов, Ю. Сигачёв, И. Шевчук и др. М.: МФД, 2003. 960 с.
- Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Сб. сост. Н. В. Курилов, Н. Н. Михайлов, В. П. Наумов. М.: Политиздат, 1991. 462 с.
- Редченко В. Н. Признать утратившим силу. М.: «Альвис». 2008. 470 с.
- Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991 гг.) Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / Сост. Г. Штриккер. В 2-х кн. М.: Пропилей, 1995. Кн. 1. 400 с. Кн. 2. 464 с.
- Самохоткин А. Бабушка советской разведки // Время новостей. 2005. 29 июня.
- Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. 464 с.
- Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы 1917–2005 гг. в 2-х кн. (УФСБ РФ по Кемеровской области) / Автор-сост. В. В. Онищенко. Кемерово, Издательство «Летопись». 2005. Кн. 1. 784 с. Кн. 2. 896 с.
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. документов / Под ред. и сост. Г. Бордюгова, В. Мюллера, Н. Неймарка и др. М.: АИРО-XXI; СПб., «Дмитрий Буланин». 2006. 656 с.
- Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред. коллегия: В. Ю. Афиани, Б. Й. Желицки, Т. М. Исламов и др. М.: РОССПЭН, 1998. 863с.
- Старков Б. «Сто дней “Лубянского маршала”» // Источник. 1993. № 4. С. 82–90.

- Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950-е годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. 688 с.
- Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гея». 1997. 512 с.
- Тайны под вывеской “арбатчас” (интервью с полковником А. Петренко) // Служба безопасности. 1994. № 1-2. С. 27-30.
- Удилов В. Н.* Борьба СССР с подрывной деятельностью империалистических разведок в послевоенный период (1945–1971 гг.) / Дис. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1972. 246 с.
- Удилов В. Н.* Записки контрразведчика. Взгляд изнутри. М., Ягуар, 1994. 208 с.
- Удилов В. Н.* Назад к истине. М.: Ягуар, 1998. 272 с.
- Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области (1918–2003) / Авторы-сост. В. П. Дубровин, В. Л. Загайнова, О. В. Карнаев. Екатеринбург, ООО Изд-во «У-Фактория», 2003. 204 с.
- Фалиго Р., Коффер Р.* Всемирная история разведывательных служб / Пер. с фр. В 2-х тт. М.: «ТЕРРА — Книжный клуб». 1998. Т. 2. 304 с.
- Федосеев С. М.* «Короли» и «капуста» // Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства: историческая хроника событий. М.: ЗАО «Масс Информ Медиа». 2002. С. 146-157.
- Фелисов А. С.* За океаном и на острове. М.: Изд-во «ОЛМА-ПРЕСС», 1994. 436 с.
- Фелисов А. С.* Признание разведчика. М.: ЗАО «ЛГ Информэйшн Групп». Изд-во «ОЛМА-ПРЕСС», 1999. 480 с.
- Хлобустов О. М.* Госбезопасность от Александра I до Путина. М.: Ин-фолио, 2007. 640 с.
- Хлобустов О. М.* Неизвестный Андропов. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 640 с.
- Христофоров В. С.* Документы Центрального архива ФСБ России о событиях в Германии в июне 1953 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 73-124
- Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). М.: «Московские новости», 1999.
- Хрущев Н. С.* О культе личности и его последствиях (доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 98-178.
- XX съезд КПСС и его исторические реальности / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М.: Политиздат, 1991. 416 с.
- Цвигун С. К.* Тайный фронт (о подрывной деятельности империализма против СССР и бдительности советских людей). М.: Политиздат, 1973. 399 с.
- Черкашин В., Файфер Г.* В поисках агента. Записки разведчика. М.: Междунар. отношения, 2008. 304 с.
- Чуев Ф. И.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. 289 с.
- Чуев Ф. И.* Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992. 205 с.
- Чуев Ф. И.* Чекист. (Интервью с В. С. Рясным) // Молодая гвардия. 1996. № 2. С. 82-126.

- Шебаршин Л. В.* Из жизни начальника разведки. М.: Международные отношения, 1994. 192 с.
- Шебаршин Л. В.* Рука Москвы: записки начальника Советской разведки. М.: Центр-100, 1992. 351 с.
- Шектер Д., Дерябин П.* Шпион, который спас мир. В 2-х кн. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 1. 284 с. Кн. 2. 280 с.
- Шелест П. Е.* Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Квинтэссенция, 1994. 612 с.
- Шпионам нет дороги. Подрывная деятельность империалистической разведки против СССР. Киев: Юридическая литература, 1962. 68 с.
- Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: «Nota Bene», 1992. 768 с.
- Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и жизни // Сост. Ю. Г. Коболадзе. М.: Междунар. Отношения, 1997. 496 с.
- Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М.: Молодая гвардия, 1979. 289 с.
- Andrew C., Mitrokhin V.* The Mitrokhin Archive. The KGB in Europe and the West. London: Allen lane the Penguin press, 1999. 996 p.
- Barron J.* KGB. The secret work of Soviet secret agents. N.Y., 1976. 508 p.
- Dallin D.* Die Sowjetspionage. Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. 387 s.
- Gunzenhäuser M.* Geschichte des geheimen Nachrichtendienstes. Frankfurt a/M.: Bernard & Graefe, Verlag für Wehrwesen, 1968. 326 s.
- Knight, Amy.* Beria Stalin's First Lieutenant. Princeton University Press, 1993. 367 p.
- Knight, Amy.* The KGB: Police and Politics in the Soviet Union. Boston, 1990. 357 p.
- Lewytzkij B.* Die rote Inquisition. Die Geschichte der sowjetischen Sicherheitsdienste. Frankfurt a/M.: Societats-Verlag, 1967. 395 s.
- Lewytzkij B.* Vom Roten Terror zur sozialistischen Gesetzlichkeit. Der sowjetische Sicherheitsdienst. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1961. 302 s.
- Lucas N.* Die Sowjetspionage. Wien; München: ohne Verlag, 1965. 339 s.
- Scharndorf W.* Die Geschichte der KPDSU. München, 1961.

Пожаров Алексей Иванович, к.и.н., доцент, консультант Общества изучения истории отечественных спецслужб; info@chekist.ru.

А. И. БОРОЗНЯК

«ГРУЗ ВЫСТРАДАННОГО ПРОШЛОГО»

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ*

Задача статьи — анализ малоизвестного источника по истории Сталинградской битвы — книги ее участника, немецкого философа В.Р. Байера. Указанная публикация увидела свет в 1982 г., когда в ФРГ доминировала идея о Сталинграде как символе жертвенности. Раздавались громкие голоса о необходимости «выйти из тени третьего рейха». Байер раскрыл подлинный характер широко распространенных в Германии и за ее пределами т.н. «последних писем из Сталинграда», дал критическую оценку западногерманской историографии решающего сражения Второй мировой войны.

Ключевые слова: *Сталинградская битва; философия Гегеля; исторические источники; история повседневности.*

Изменение, которое есть гибель, есть
в то же время возникновение новой жизни.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель¹

Все великое есть явление на стадии перехода.
Карл Ясперс²

...Резервный батальон 76-й пехотной дивизии вермахта прибыл в боевые порядки своего воинского соединения 18 ноября 1942 г., накануне того дня, когда началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. В составе одной из маршевых рот, состоявшей в значительной степени из бывших штрафников и «неблагонадежных», был и немолодой юрист доктор Байер, познавший, что означает карательная политика гитлеровцев. Рота медленно двигалась по мосту через Дон. Ни солдаты, ни офицеры не догадывались, что шагают напрямиком в пекло, в кольцо окружения, которое вот-вот замкнется. До контрнаступления Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов оставались считанные часы. Байер и его командир взвода, не

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00138а.

¹ *Гегель*. 1993. С. 120.

² *Ясперс*. 1991. С. 251.

сговариваясь, произнесли: *Caesar Rubiconem transgressus dixit: alea est iacta*. И Рубикон был перейден, и жребий был брошен...

Профессор Вильгельм Раймунд Байер (1902–1990) широко известен в научных кругах Европы как талантливый исследователь истории философской мысли, написавший фундаментальные труды по проблемам диалектики Гегеля³, как поборник нового прочтения трудов великого немецкого ученого, как бессменный президент международного Гегелевского общества и организатор международных Гегелевских конгрессов⁴. В 1911 г. он стал прилежным учеником Нюрнбергской гуманитарной гимназии, ректором которой в 1806–1816 гг. был Гегель. После окончания гимназии Байер изучал право в университетах Эрлангена и Росток, а в 1924 г. защитил диссертацию. Далее последовала служба в юридических фирмах, а в 1942 г. призыв в вермахт и отправка на фронт.

* * *

В 1987 г. во франкфуртском издательстве «Athenäum» вышла его небольшая книга «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна»⁵ — неожиданный для читателей текст, который автор вынашивал больше четырех десятилетий.

Жанр публикации Байера едва ли поддается определению. Сгусток личных впечатлений солдата, оказавшегося в эпицентре мировой истории и пережившего трагедию окруженной армии? Эссе о научном творчестве Гегеля и проблемах современной философии — как же иначе назвать трактат, где соседствуют имена Сократа, Эразма, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса, Хайдеггера и Хабермаса? Суждения публициста о проблемах войны и мира в конце 80-х годов XX века? Профессиональный анализ источников по истории сражения на Волге? Беспощадный критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о Сталинградской битве? Очерк массовой психологии в пороговой ситуации между жизнью и смертью? Этюд о методологической значимости инструментариев истории повседневности? Разъять сложную амальгаму содержания книги на некие пласты вряд ли возможно.

³ Wilhelm Raimund Beyer. 1982.

⁴ Байер. 1974. С. 114-121.

⁵ Beyer. 1987. Выпуску книги предшествовала публикация большой статьи Байера, приуроченной к 40-летию окружения немецких войск под Сталинградом (Die Zeit. 19.XI.1982).

Духовная ситуация в ФРГ начала и середины 80-х гг. определялась тем, что вернувшиеся к власти христианские демократы поставили во главу угла необходимость «смены вех» и осуществления «неоконсервативного поворота» в политическом развитии страны. В своем первом заявлении в бундестаге канцлер Гельмут Коль заявил о необходимости «возвращения к германской истории», понимаемой исключительно в «позитивном смысле», дабы «снять с Германии вину», связанную с нацистской диктатурой⁶. Лидер Христианско-социального союза Франц Йозеф Штраус утверждал: «Вечное преодоление прошлого, длительное покаяние — все это парализует народ». Он требовал «выйти, наконец-то, из тени третьего рейха»⁷. Типичной была тирада, прозвучавшая в полувековую годовщину нацистского государственного переворота со страниц консервативного издания «Die Politische Meinung»: необходимо «преодолеть преодоление Гитлера, приведшее к студенческому мятежу 1968 г. и к фундаментальной переоценке ценностей»⁸.

Михаэль Штюмер (выступавший в роли политического советника Коля) именовал ФРГ «страной без истории». Будущее, с его точки зрения, «будет принадлежать тому, кто восполнит воспоминания, сформирует понятия и истолкует прошлое». Антифашизм был причислен Штюмером к сонму нежеланных «призраков прошлого»⁹.

Вновь и вновь раздавались призывы покончить с «неуважением к доблестным солдатам рейха», «обезвредить» самый зловещий период германской истории, сформировать картину прошлого, не отягощенную эксцессами национал-социализма, избавить соотечественников от чувств стыда и ответственности. Широкое распространение получили версии о том, что нацистские лагеря уничтожения были «результатом союзнической пропаганды». В прессе определенного сорта Гитлер выступал в амплуа строителя автобанов и ликвидатора безработицы. Такими были, цитируя Ганса Моммзена, «новые представления об истории, которые отвергали предостережения, связанные с нацистской эпохой»¹⁰.

⁶ Bulletin der Bundesregierung Nr. 93. 14.X.1982. S. 866.

⁷ Bayernkurier. 29.XI.1986.

⁸ Die Politische Meinung. 1983. Н. 209. S. 17.

⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 25.IV.1986.

¹⁰ Mommsen. 1986. S. 872.

«Порой мне казалось, — сокрушался в начале 80-х гг. Лев Копелев, — что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стерт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутом в руинах Сталинграда»¹¹. Зеркалом противоречивых тенденций общественного мнения ФРГ стали результаты исследования, проведенного институтом «INFAS» в январе 1985 г. 54% опрошенных заявили, что они не хотят больше ничего слышать, видеть и читать о «третьем рейхе» и второй мировой войне, и только 34% респондентов придерживались противоположного мнения. Но более 60% участников опроса, принадлежащих к возрастной группе от 18 до 25 лет, полагали, что средства массовой информации сообщают о нацистском периоде слишком мало¹².

Книга Байера явилась реальным вкладом в дискуссию, выплеснувшуюся в 1986–1987 гг. на страницы ведущих изданий ФРГ. Содержанием дебатов, получивших тогда же название «спор историков», стала болезненная проблема национальной вины и национальной ответственности немцев за преступления «третьего рейха»¹³. Байер указывал в этой связи на «нарастающую дискуссию, связанную с оценкой нацистского периода»¹⁴.

* * *

Давая своему труду подзаголовок «Внизу, где жизнь была конкретна», Байер воспроизвел, чуть видоизменив, формулу Гегеля из «Философии права»¹⁵. Содержание книги находится «на рубеже двух сознаний»¹⁶: сознания солдата — одного из многих, обреченных на гибель своим режимом и своими командирами, и сознания умудренного годами философа, ощутившего на склоне лет потребность в осмыслении роли, которую сыграла Сталинградская битва в его личной судьбе и в судьбе его поколения.

Байер, обладавший «чутким слухом, внимательным взглядом и хорошей памятью», свидетельствует: «Тема Сталинграда никогда не

¹¹ Eine Rede und ihre Wirkung... 1986. S. 43.

¹² Die Zeit. 15.II.1985.

¹³ Черкасов. 1990.; Herbert. 2003; Die Gegenwart der Vergangenheit...; Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik. 2008.

¹⁴ Beyer. Op. cit. S. 16-17.

¹⁵ Гегель. 1990. С. 331.

¹⁶ Бахтин. 1979. С. 285.

оставляла меня — и вчера, и сегодня. Он определила и перевернула мою жизнь»¹⁷. Со страниц его исповедальных воспоминаний предстает картина мучительных передвижений 76-й дивизии, теснимой войсками Красной армии: Большенабатовский, Вертячий, Котлубань, Большая Россошка, Гумрак, Питомник, Хлебозавод, Тракторный завод... В воспоминаниях Байера мы читаем о мыслях и поступках людей, которые находились в пограничной ситуации между жизнью и смертью, порождавшей страх физического небытия, апатию, глухое недовольство системой, смутное предвидение неизбежного краха нацистского режима.

В его памяти — каждодневная гибель однополчан, голод, болезни, вши, ощущение нарастающей безнадежности положения войск, брошенных командованием. В «котле» свирепствовала полевая жандармерия, не переставали работать военные трибуналы, вынесшие, по официальным данным, 364 смертных приговора. Байер считает эту цифру сильно заниженной¹⁸. В книгах, изданных в ФРГ, не говорится о массовом завшивлении солдат, а между тем, убежден Байер: тот, кто не упоминает о вшах, «не имеет права писать о Сталинграде»¹⁹.

Внимательного чтения заслуживает сцена празднования рождества теми, кто остался в живых в 76-й дивизии: «Вьюга. Жестокий мороз. Вши, которые, пока мы стоим по команде “смирно”, нахально гуляют не только по телу, но и по шинелям. Наш строй представляет собой каре». Рядом с генералом — дивизионный священник Йозеф Кайзер, который для солдат был примером милосердия и самоотверженности. «Я не так уж часто, — вспоминал Байер, — присутствовал на богослужениях. Но сейчас, в окружении под Сталинградом, это была настоящая служба — серьезная, человеческая, обращенная к нашей безвыходной ситуации»²⁰.

10 января 1943 года Байер был тяжело ранен и на следующий день эвакуирован с аэродрома Питомник — с последнего, могущего принять самолеты люфтваффе. Следы двух предыдущих самолетов с ранеными так и не были обнаружены... Дальше — лазареты в Люблине и в Варшаве, отпуск на родину, военные действия во Франции.

¹⁷ *Beyer*. Op. cit. S. 19, 59.

¹⁸ *Ibid.* S. 47.

¹⁹ *Ibid.* S. 29.

²⁰ *Ibid.* S. 49-50.

Байер рассматривает германскую историографию битвы на Волге с позиции «участника боев в Сталинграде, всю жизнь несущего на себе груз выстраданного прошлого, в котором он участвовал и которое он пережил». Он в полной мере ощущает, что на нем «в равной мере лежит ответственность как за историю, так и за образ истории»²¹. Ученый именует большую часть западногерманских работ о Сталинграде «оправдывающей литературой», «комбинацией недостоверных сведений, иллюзий и фактов». Авторы публикаций подобного рода, лишь «прикрываются именем исторической науки», нередко прямо повторяя «ложь, сфабрикованную министерством пропаганды», воспроизводя тезисы «приказной публицистики третьего рейха»²². Что же касается «сконструированных мемуаров» гитлеровских военачальников, то в них совершенно игнорируются, подчеркивал Байер, действия и мысли «тех, кто были внизу», тех, кто стал «жертвами стратегических планов»²³.

В книге Байера анализируется монография о Сталинградской битве, выпущенная в 1974 г. сотрудником Ведомства военно-исторических исследований Манфредом Керигом²⁴. На фоне других изданий книга Керига представляется достаточно объективной, но автор базировался преимущественно на тщательно-педантично использованных т.н. «журналов военных действий» (*Kriegstagebücher*), составленных высшими офицерами 6-й армии и хранящихся в фондах Военно-исторического архива ФРГ.

Реакция Байера на односторонние методы использования указанных источников являлась крайне резкой. «Все это были, — подчеркивал он, — доклады, которые одни “начальники” передавали по радио в Германию для сведения других “начальников”, — и ничего больше <...> То, что действительно происходило “внизу, где жизнь была конкретна”, не находило никакого отражения в приказах командования»²⁵. Для Байера, пережившего битву на Волге как главное событие своей жизни, односторонность подхода Керига (закол-

²¹ Ibid. S. 59. Н. А. Бердяев писал о ситуации «приобщения своего индивидуального духа к судьбам истории» (*Бердяев*. 1970. С. 17).

²² *Beyer*. Op. cit. S. 46, 26, 12, 46, 59.

²³ Ibid. S. 34, 59, 28. Байер имел в виду прежде всего мемуары Эриха фон Манштейна (*Manstein*. 1955. Русский перевод: *Манштейн*. 1999).

²⁴ *Kehrig*. 1974.

²⁵ *Beyer*. Op. cit. S. 26, 28.

дованный круг «рассказов о рассказах о Сталинграде»²⁶) была абсолютно неприемлема. «А где же человек?», — вопрошал философ. В стороне оставались рядовые солдаты, «жертвы планов и конструкций, то самое фронтовое быдло»²⁷.

Приговором, с точки зрения Байера, служит здесь как будто известное, но часто остающееся в забвении высказывание Гегеля:

«Мы должны рассматривать историю в том виде, как она существует: мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически; между прочим, мы не должны дать обмануть себя историкам-специалистам, потому что они, особенно пользующиеся значительным авторитетом немецкие историки, делают то, в чем они упрекают философов, а именно — допускают априорные вымыслы в истории»²⁸.

Освещение катастрофы вермахта с точки зрения простых солдат является, по глубокому убеждению ученого, неизменным условием «гуманистической трактовки исторических событий»²⁹. Выводы Байера гласят:

«Подлинный смысл событий в Сталинграде можно постигнуть только на основе того, что происходило “внизу”»; «История, заново формирующая человека и изменяющая его мировоззрение, может быть воспроизведена в нашем столетии, как это предвидел Гегель, только через знание (Wissen), основанное не сухом повествовании, но — на чувственном восприятии (Empfinden)»³⁰.

Байер вел скрытую полемику со специалистами, которые считали, что «история повседневности» («история снизу») являлась простым «дополнением» к изучению «структур» и «процессов»³¹. Он был солидарен с Мартином Брошатом, считавшим «историю повседневности» средством изучения «базисно-эмпирических реалий общественно-политического опыта»³². Различие в позициях двух авторов состояло в том, что для Байера, в отличие от Брошата, его установки были не исследовательской конструкцией, но — выстраданным опытом.

²⁶ Ibid. S. 33.

²⁷ Ibid. S. 25, 28.

²⁸ Гегель. 1993. С. 65.

²⁹ Beyer. Op. cit. S. 9.

³⁰ Ibid. S. 17, 12.

³¹ См.: Людтке. 1999. С. 86-87.

³² Broszat. 1988. S. 197. Цитируется опубликованная в указанном сборнике статья Брошата, написанная в 1982 г.

* * *

К числу несомненных заслуг Вильгельма Раймунда Байера принадлежит то, что он, продолжая традицию Лоренцо Валлы, раскрыл реальный характер широко распространенного корпуса (в ФРГ и за ее пределами) фальсифицированных текстов о Сталинграде.

В 1954 г. западногерманский издательский концерн *Bertelsmann* (перекупив права у небольшого издательства) выпустил на книжный рынок новинку, немедленно ставшую бестселлером: «Последние письма из Сталинграда»³³. В подборку вошло 39 фрагментов, многократно и обильно цитировавшихся историками и публицистами, у которых не возникало сомнений в подлинности текстов. На их основе были сняты кино- и телефильмы, написаны музыкальные сочинения. В предисловии к сборнику изложена следующая версия: из семи мешков с почтой, вывезенных из окружения «последним самолетом» и оказавшихся в Новочеркасске, по приказу командования были отобраны («в статистических целях») письма, характерные для настроений солдат и офицеров. В дальнейшем документы якобы хранились где-то на территории ГДР и были тайно переданы издателю.

Первым, кто усомнился в подлинности «последних писем» и осуществил их квалифицированный источниковедческий и археографический анализ, был Вильгельм Раймунд Байер. Его подозрения были вызваны уже нарочито запутанным происхождением «последних писем», а также отсутствием имени издателя и наименования архива. Ученого насторожили «театральность» писем, их «хвастливый, заносчивый» тон, темы, которые «никак не затрагивали простых солдат»³⁴.

Тексты относились к разным временным отрезкам и к отрезанным друг от друга районам боевых действий. Уже поэтому они не могли находиться в одной партии полевой почты. Кроме того, в январе 1943 г., когда исход сражения был предельно ясен, на самолетах, прорывавшихся сквозь систему советского зенитного огня, вывозили в немецкий тыл, разумеется, не почту, а раненых.

Письма весьма пространны, по несколько страниц. Но у солдат, свидетельствовал Байер, не было ни бумаги, ни карандашей, ни времени для сочинения длинных посланий. Нелепо выглядят церемонные

³³ Letzte Briefe aus Stalingrad...

³⁴ *Beyer*: Op. cit. S. 64-66.

обращения к адресатам: «ты полковник, дорогой отец», «ты жена немецкого офицера», «ты мой духовный пастырь» и т.п. В письмах не раз было сказано, что через какое-то время из окружения отойдет последний самолет. Но откуда можно было в той кошмарной обстановке всеобщей паники и неразберихи знать, какой самолет окажется последним? Один из предполагаемых авторов замечал, что он отправил домой 38 писем, что в условиях сжимавшегося кольца окружения было абсолютно невозможным. Явно вымышлена история о раненом музыканте, игравшем на пианино «на маленькой улице» в центре Сталинграда: в городе не осталось никаких «маленьких улиц» — только руины. Солдаты прекрасно знали, что каждое письмо внимательно прочитывается цензором, поэтому были невозможны то и дело встречающиеся высказывания типа «Гитлер нас предал», «Германия погибла», равно как сообщение о том, что «200 тысяч солдат сидят в дерьме» (о численности войск в котле стало известно позднее).

Авторами текстов, свидетельствовал Байер, могли быть люди, которые «находились в совсем ином мире»³⁵. Его заключение было категоричным: «последние письма» представляют собой «топорно сработанную» мистификацию — едва ли не по рецептам пресловутого Конрада Куяу — известного в ФРГ поставщика фальшивок (в том числе подложных «дневников Гитлера», публикация которых в 1974 г. вызвала шумный скандал)³⁶.

В чем же причина того, что вопрос об аутентичности «последних писем» не ставился в ФРГ в течение десятилетий? В том, очевидно, что форма и содержание псевдоисточника соответствовали стереотипам общественного сознания в годы «холодной войны». Сталинград повсеместно воспринимался только как символ страданий солдат и офицеров вермахта. Катастрофа вермахта на Волге позволяла большинству западных немцев ощущать себя неким «сообществом жертв»³⁷, а ужасающая правда о подлинных целях войны против СССР, о преступлениях вермахта вызывала аллергию у подавляющего большинства граждан Федеративной Республики. На лицо было невысказанное желание уйти от вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию

³⁵ Ibid. S. 64.

³⁶ Ibid. S. 68.

³⁷ Franzen. 2003. S. 49.

размежевания между вермахтом и Гитлером, что становилось особенно понятным в связи с вступлением ФРГ в НАТО.

Но в 1990 г. перевод апокрифа появился на страницах солидного московского журнала «Знамя»³⁸. Об аргументах Байера публикаторы наверняка не знали. Но трудно понять, почему они не сочли нужным учесть сомнения по поводу «последних писем», высказанные в 1971 г. К. Симоновым, которого покорила фальшиво-сентиментальная интонация большинства текстов. Симонов резонно предположил, что немецкими публикаторами произведена «селекция» материалов «с односторонним прицелом». И эту «односторонность» писатель почувствовал и суть ее охарактеризовал предельно точно: убедить читателя, что «существует только трагедия немецкой армии»³⁹.

* * *

Советская историография, отмечает Байер, «по праву рассматривает 19 ноября как переломный день, как памятный день Сталинградской битвы»⁴⁰. Байер пишет, что из всех авторов текстов о Сталинграде, наиболее близок ему Василий Гроссман, который «был свидетелем сражения с самого близкого расстояния»⁴¹. Наверное, Байер является единственным немецким автором, который ссылается на сборник сталинградских репортажей Гроссмана, немецкий перевод которых был опубликован в 1946 г. в Москве⁴².

Что притягивало Байера во фронтовых очерках Гроссмана? Не только «поэтический язык», но умение — вслед за Львом Толстым — дать убедительный коллективный портрет простого русского солдата — скромного, стойкого и самоотверженного. Героем писателя ста-

³⁸ Последние письма немцев из Сталинграда...

³⁹ Симонов. 1976. С. 369-370. Письмо Симонова по этому поводу было включено в сборник публицистики, неоднократно издававшийся массовыми тиражами. Однако иллюзия подлинности «сталинградских писем» оказалась на редкость прочной. На их основе сняты кинофильмы и написаны музыкальные сочинения. В школах Японии «письма» служат пособием для изучения немецкого национального характера. Участник Сталинградской битвы, авторитетный покойный историк и публицист Лев Безыменский рассматривал эти тексты в качестве аутентичного источника (*Безыменский*. 2004. С. 245-248).

⁴⁰ *Beyer*. Op. cit. S. 25.

⁴¹ *Ibid*. S. 15.

⁴² *Grossmann*. 1946. «Эта книга, — сетует Байер, — сегодня почти неизвестна, что подтверждают мои попытки разыскать ее в крупных библиотеках на Западе и на Востоке». *Beyer*. Op. cit. S. 15.

новится «простой мужик, пехотинец»⁴³. Это характерно, в первую очередь, для напечатанного в «Красной звезде» и в «Правде» очерка «Направление главного удара» о людях 308-й сибирской дивизии полковника Леонида Гуртьева (противостоявшей — в районе Тракторного завода — 76-й дивизии вермахта).

В репортажах Гроссмана с глубоким знанием дела сказано о ситуации в окруженных немецких частях. Перед нами корреспонденция от 19 декабря 1942 г. (обратим внимание на столь характерное для русской лексики военных лет обозначение немцев — «они!»):

«Для них нет здесь солнца, нет света дня, им выдают сейчас двадцать пять-тридцать патронов на день, им приказано вести огонь лишь по атакующим войскам, их рацион ограничен ста граммами хлеба и конины. Они сидят, как заросшие шерстью дикари в каменных пещерах, и гложут конину, сидят в дымном мираже, среди развалин уничтоженного ими прекрасного города, в мертвых печах заводов <...> И пришли для них страшные дни и ночи, когда им определено встретить возмездие здесь, среди холодных развалин, во тьме, без воды, гложая конину, прячась от солнца и дневного света под жестокими звездами русской декабрьской ночи»⁴⁴.

Байер явно отдает предпочтение публикациям Василия Гроссмана перед высоко ценным им документальным романом «Сталинград» Теодора Пливье — немецкого эмигранта-антифашиста, находившегося во время войны в СССР⁴⁵. Книга Пливье была написана по горячим следам после ликвидации Сталинградского котла на основе материалов, предоставленных автору политическими органами Красной армии. Писатель мог беседовать с пленными офицерами и генералами 6-й армии, изучать штабную корреспонденцию и письма, захваченные на поле боя. В 1945–1946 гг. книга Пливье приобрела широкую известность, была издана в Восточной и Западной Германии, в Австрии, переведена на английский язык. Но затем пути автора и коммунистов круто разошлись. Пливье перебрался на Запад, написал еще несколько книг, не принесших ему популярности, и скончался в Швейцарии в 1955 г.⁴⁶. После войны Байер неоднократно виделся и беседовал с Пливье в Веймаре и Нюрнберге. Они находили немало

⁴³ Ibid. S. 34.

⁴⁴ Гроссман. 1946. С. 77-78.

⁴⁵ Plivier. 1945. Ныне это имя в Германии практически забыто.

⁴⁶ Подробнее см.: Wilde. 1965.

общего, сопоставляя свои впечатления об одних и тех же людях и местах в окрестностях Сталинграда, но — увиденных с противоположных сторон фронта. Байер упрекал Пливье за то, что его действующими лицами являлись представители высшего и среднего командного звена вермахта, но не попавшие в окружение солдаты⁴⁷.

В книге Байера содержится высокая оценка романа Гроссмана «Жизнь и судьба», проникнутая сочувствием к трагической судьбе книги и ее автора⁴⁸. В сталинградских репортажах Гроссмана обстановка в стане врага дана как бы сквозь прорезь прицела — с преобладающими чувствами ненависти и справедливой мести. В творчестве «позднего» Гроссмана к неповторимой четкости зрения добавилось глубинное постижение всемирно-исторического смысла Сталинграда, в том числе для будущего Германии и немцев: «Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, окованных, зачарованных бесчеловечностью национального государства; они касались не только почвы, но и подпочвы человеческой жизни, и именно поэтому люди не понимали и не замечали их. Этот процесс ощутить было так же трудно, как трудно ощутить работу времени. В мучениях голода, в ночных страхах, в ощущении надвигающейся беды медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью <...> Кто из гибнущих и обреченных мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!»⁴⁹. Результат анализа долговременных изменений травматической памяти немецких солдат совпадает у Байера с вышеприведенными выводами Гроссмана:

«Мы не часто спрашивали в Сталинграде о смысле событий, — свидетельствует ученый, — мы не часто думали об этом. Все это пришло позднее». Но он убежден: пребывание в котле «сформировало нас и наше мировоззрение», «определило нашу жизнь, перевернуло ее». И далее: тот, кто был там, «стал другим человеком». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать»⁵⁰. В людях пробуждалось человеческое начало: «И у тех, кто послушно участвовал в преступных акциях, потому что они долж-

⁴⁷ *Beyer*. Op. cit. S. 33.

⁴⁸ В 1984 г. Байер опубликовал развернутую рецензию на немецкий перевод романа Гроссмана (*Nürnberger Nachrichten*. 1./2.XI.1984).

⁴⁹ *Гроссман*. 1989. С. 550, 551.

⁵⁰ *Beyer*. Op. cit. S. 10, 12, 23.

ны были участвовать, возникала мысль: а не является ли ошибкой этот общественный порядок, если им порождено все происходящее?»⁵¹.

«Победа жизни над нежизнью»... «Для простых солдат, для “фронтowego быдла”, для тех, кто молчал, маршируя во тьме, Сталинград означает неотступное требование мира»⁵² — таково глубокое убеждение философа. Существовал только один путь — «путь безусловного отказа от войны, от агрессии, от захвата чужих земель <...> Это была наша цель, даже тогда, когда мысль о ней скрывалась от самих себя. Но мысль возникала вновь и вновь»⁵³.

Германская литература о Сталинграде может составить немалую по размерам библиотеку. Но труд Байера, для которого характерен неповторимый ракурс видения и постижения всемирно-исторического события, занимает в этой библиотеке особое, отдельное место. «Эта книжка небольшая» (всего-то 85 страниц!), говоря строкой Афанасия Фета, оказывается «томов премногих тяжелей». Потому что о ней, продолжая слова поэта, можно сказать: «здесь духа мощного господство»⁵⁴.

Вольфрам Ветте констатировал: в 1980-е годы подспудно зрело понимание того, что «история простых солдат Второй мировой войны до сих пор остается *terra incognita*. Солдат существует, как правило, анонимно — в списке потерь или в информации о численном составе войск»⁵⁵. Книга Байера появилась именно тогда, когда в историографии ФРГ начался энергичный поиск новых научных подходов к освещению хода и уроков Второй мировой войны. По выражению Герда Юбершера, «была распахнута дверь для осознанного рассмотрения опыта и переживаний простых солдат», и «повседневная жизнь маленького человека на войне стала предметом исследований и публикаций»⁵⁶.

⁵¹ Ibid. Эти слова взяли эпиграфом к труду о Сталинграде выдающиеся современные историки Герд Юбершер и Вольфрам Ветте (Stalingrad... S. 5).

⁵² Beyer. Op. cit. S. 23.

⁵³ Ibid. S. 40. Немецкий писатель и публицист Александр Клюге назвал сталинградскую трагедию «процессом обучения со смертельным исходом» (Kluge. 1973).

⁵⁴ Dem. 1986. С. 331.

⁵⁵ Wette. 1992. S. 13.

⁵⁶ Ueberschär. 1992. S. 201.

Ныне в ФРГ резко изменились пропорции между опытом поколения современников «третьего рейха» и опытом генераций, выросших после окончания войны. Память о прошлом нередко замещается достаточно приблизительными коллективными представлениями. С одной стороны, в общественном мнении утвердился антинацистский консенсус, но, с другой стороны, в Германии активизировалось стремление «нормализовать историю», оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы. Мюнхенская газета «Süddeutsche Zeitung» с нескрываемой тревогой вопрошала: «Не прошла ли Федеративная Республика ту фазу извлечения уроков из собственного прошлого, которая, начиная с 80-х гг., находится под знаком немецкой вины?»⁵⁷. И все-таки вряд ли можно полагать исчерпанным «продуктивный ресурс формирования немецкой идентичности *ex negativo*»⁵⁸.

Книга Вильгельма Раймунда Байера есть духовное, политическое и научное завещание солдата и философа, приобретающее ныне особую значимость и многомерность, становясь сегодня не только напоминанием, но и предостережением.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Байер В. Р. Десять международных Гегелевских конгрессов // Вопросы философии. 1974. № 7. С. 114.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 285.
- Безыменский Л. Гитлер и германские генералы. М.: Вече, 2004. С. 245-248.
- Бердяев Н. Смысл истории. М.: Мысль, 1970. С. 17.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 331.
- Гроссман В. Сталинградская битва. М.: Воениздат, 1946. С. 77-78.
- Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 86-87.
- Маништейн Э. фон. Утраченные победы. М.: АСТ, 1999.
- Последние письма немцев из Сталинграда // Знамя. 1990. № 3.
- Симонов К. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М.: Советский писатель, 1976. С. 369-370.
- Фет А. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. С. 331.
- Черкасов Н. С. ФРГ: «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 251.

⁵⁷ Süddeutsche Zeitung. 29.X.2003.

⁵⁸ Kirsch. 2005. S. 67.

- Bayernkurier. 29.XI.1986.
- Beyer W. R.* Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a.M.: Athenäum, 1987.
- Broszat M.* Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. S. 197.
- Bulletin der Bundesregierung Nr. 93. 14.X.1982. S. 866.
- Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin: Röll, 1986. S. 43.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung. 25.IV.1986.
- Franzen E.* In der neuen Mitte der Erinnerung. Anmerkungen zur Funktion eines Opferdiskurses // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2003. H. 1. S. 49.
- Die Gegenwart der Vergangenheit. Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik. Wiesbaden: Verlag für sozialwissenschaftliche Literatur, 2008.
- Grossmann W.* Stalingrad. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1946.
- Herbert U.* Der Historikerstreit. Politische, wissenschaftliche, biographische Aspekte // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen nach 1945. München: Beck, 2003.
- Kehrig M.* Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1974.
- Kirsch J.-H.* «Befreiung» und/oder «Niederlage»? Zur Konfliktgeschichte des deutschen Gedenkens an Nationalsozialismus und Zweiten Weltkrieg // 1945 — Der Krieg und seine Folgen. Kriegsende und Erinnerungspolitik in Deutschland. Berlin: Kettler, 2005. S. 67.
- Kluge A.* Lernprozesse mit tödlichem Ausgang. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973).
- Letzte Briefe aus Stalingrad. Gütersloh: Bertelsmann, 1957.
- Manstein E. von.* Verlorene Siege. Frankfurt a.M.: Athenäum, 1955.
- Mommsen H.* Suche nach der «verlorenen Geschichte» // Merkur. 1986. H. 9/10. S. 872.
- Nürnberger Nachrichten. 1./2.XI.1984.
- Plivier Th.* Stalingrad. Roman. Berlin: Aufbau, 1945.
- Die Politische Meinung. 1983. H. 209. S. 17.
- Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a.M.: Fischer, 1992. S. 5.
- Süddeutsche Zeitung. 29.X. 2003.
- Ueberschär G.* Die Schlacht von Stalingrad in der deutschen Historiographie // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. S. 201.
- Wette W.* Militärgeschichte von unten. Die Perspektive des «kleinen Mannes» // Der Krieg des kleinen Mannes. Eine Militärgeschichte von unten. München: Piper, 1992. S. 13.
- Wilhelm Raimund Beyer. Eine Bibliographie. Wien: Europaverlag, 1982.
- Die Zeit. 15.II.1985.
- Die Zeit. 19.XI.1982.
- Борозняк Александр Иванович**, д.и.н., профессор Липецкого государственного педагогического университета; bor-33@mail.ru.

В. В. Носков

**ИЗОБРЕТАЯ
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ
К ВЫХОДУ В СВЕТ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА
ПОЛЬСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ
«ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»**

Статья имеет целью представить российскому читателю совместный труд польских и французских историков, посвященный общей истории стран Восточной Европы. Основное внимание уделяется критическому анализу концепта «Центрально-Восточная Европа», который рассматривается как идеологическая конструкция, оставшаяся в наследство современной историографии от времен «холодной войны», с одной стороны, и как попытка возрождения мифов о величии Речи Посполитой, с другой. Приходя к выводу о несостоятельности основного концепта, положенного в основу книги, автор статьи высоко оценивает тот вклад, который она внесла в разработку многих конкретных проблем истории Польши, Богемии/Чехии, Венгрии и других стран этого региона.

Ключевые слова: *Центрально-Восточная Европа, Польша, Богемия, Венгрия, историография.*

Предлагаемая на суд российского читателя книга представляет интерес во многих отношениях. Она не совсем обычна, поскольку в ней соединяются качества серьезного исторического исследования и развернутого политического манифеста, а эти жанры плохо сочетаются между собой. Совместный труд польских и французских историков — примечательный историографический феномен, заслуживающий самого пристального внимания со стороны всех, кто интересуется как историей наших недавних соседей, так и историей России и ее положением в современном мире. Авторы книги объединили свои усилия в стремлении дать максимально полное представление об истории стран и народов того региона, которому они дали условное название «Центрально-Восточная Европа». Строго формально, это история Польши, Чехии и Венгрии в их исторически менявшихся границах, которые в разное время включали в себя также территории современных Литвы, Белоруссии, Украины, Словакии и некоторых других стран. Главная трудность заключалась в поиске

общего названия для региона, границы которого постоянно менялись, а внутреннее единство было далеко не очевидным. Задача осложнялась также тем, что на протяжении веков менялось и относительное положение региона на исторической карте Европы, а также сами принципы ее регионального деления.

Понятие «Центрально-Восточная Европа» (далее — ЦВЕ) широко используется польской посткоммунистической историографией, а его появление представляет собой очередной шаг в поисках общего названия для государств этого региона, которые активизировались после 1989 года. Вырвавшись из «социалистического лагеря», эти страны встали перед проблемой выработки новой идентичности, определяющей их своеобразие относительно как Западной Европы, так и России. Таким образом, понятие ЦВЕ обозначает очередной вариант региональной идентичности, занимающей промежуточное положение между общеевропейской идентичностью и национальными идентичностями соответствующих стран. Наибольшую активность в процессе ее конструирования проявили польские историки, прежде всего Ежи Клочовский, по инициативе которого в 1991 г. был основан Институт Центрально-Восточной Европы в Люблине. Главным достижением Института и стала публикация в 2000 г. двухтомной «Истории Центрально-Восточной Европы».

Авторский коллектив книги объединил, за одним исключением, признанных мэтров исторической науки. Вдохновителем этого грандиозного предприятия стал профессор Католического университета в Люблине Е. Клочовский — личность, совершенно неординарная как по вкладу в исследование польской истории, так и по обстоятельствам своего жизненного пути. Он родился в 1924 г., в годы Второй мировой войны воевал в рядах Армии Крайовой, принимал участие в Варшавском восстании 1944 г. После войны Клочовский учился в университетах Познани и Торуня, в 1950 г. защитил диссертацию и начал работать в Католическом университете, где впоследствии возглавлял кафедры польской археологии и истории польской культуры. Главной сферой его интересов стала религиозная история Польши. Помимо того, Е. Клочовский проявил себя как активный сторонник политических преобразований. Уже в 1956 г. он стал одним из основателей польского Клуба католической интеллигенции, с 1981 г. работал в «Солидарности», а после ее прихода к власти был избран в сенат Польской республики. В 1991 г. Клочовский основал

Институт Армии Крайовой и занял пост директора Института Центрально-Восточной Европы. О международном признании его многогранной деятельности говорит членство в исполнительном совете ЮНЕСКО, а также многие другие почетные звания и должности. Как историк Клочовский дебютировал в 1956 г. монографией «Доминиканцы в Силезии в XIII–XIV веках». Среди других его работ следует отметить «Христианство в Польше» (1981), «Католическая церковь в мире и в Польше» (1986), «История польского христианства» (1987–1991), «Христианство и история» (1990), «Центрально-Восточная Европа в историографии стран этого региона» (1993), а также изданные под его редакцией коллективные труды «Церковь в Польше» (1968–1970) и «Религиозная история Польши» (1987).

Достойное место в современной польской историографии занимает также профессор Варшавского университета Хенрик Самсонович. Он родился в 1930 г., в переломные для Польши годы занимал важные посты в системе образования: в 1980–82 г. был ректором Варшавского университета, а в 1989–91 г. — министром народного образования в правительстве Т. Мазовецкого. Первая крупная работа Самсоновича — «Ганза — повелительница морей» (1958). В числе других его известных трудов: «Польские земли в X в. и их значение в формировании новой карты Европы» (2000), «История Польши до 1795 г.» (2000), «Золотая осень польского средневековья» (2001), «Долгий X век» (2002), «Жизнь средневекового города» (2006). О высоком авторитете двух первых авторов в современной Польше говорит оценка, прозвучавшая на конференции «Образ Польши на страницах “Культуры”», которая состоялась в 1999 г. в Париже: «Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек, Яцек Куронь, Лешек Бальцерович, Адам Михник, Ян Ольшевский, Веслав Хшановский, такие министры, как Кшиштоф Козловский или Хенрик Самсонович, такие фигуры, как Анджей Вайда или Ежи Клочовский, — это лишь некоторые, хотя далеко не первые попавшиеся представители целого спектра интеллигентских биографий, взглядов и позиций, коренным образом повлиявших на образ первого десятилетия свободы»¹.

Выпускница Варшавского университета Наталия Алексюн (род. в 1971 г.) попала в этот высококвалифицированный коллектив не столько за выдающиеся научные заслуги, сколько благодаря акту-

¹ См.: http://old.russ.ru/ist_sovr/other_lang/20001205.html

альности своей темы: «Холокост в историографии Центрально-Восточной Европы, 1945–1998». Написанная ею глава больше похожа на библиографическое введение к какой-то более крупной работе, чем на собственно историографическое исследование. В 2002 г. Алексюн опубликовала монографию «Куда дальше? Сионистское движение в Польше, 1944–1950», подготовленную на основе ее диссертации. В последующие годы она занималась в университете Нью-Йорка подготовкой второй диссертации, посвященной еврейским историкам в межвоенной Польше.

Особое место в авторском коллективе занимает американский историк польского происхождения, почетный профессор Йельского университета Петр С. Вандич. Он родился в 1923 г., покинул родину в трагическом сентябре 1939 г., до 1942 г. жил во Франции, откуда эмигрировал в Англию и вступил в польскую армию, оставаясь в ее рядах до окончания боевых действий. После войны он окончил Кембриджский университет, в 1951 г. защитил диссертацию в Лондонской школе экономики. Позднее Вандич переехал в США, преподавал в университете Индианы, а с 1966 г. обосновался в Йеле, где долгое время руководил программой Российских и Восточно-Европейских исследований, возглавляя в то же время Польский институт искусств и наук Америки. Вандич завоевал репутацию «одного из наиболее выдающихся исследователей Восточно-Центральной Европы в мире». Широкую известность получили такие его работы, как «Советско-польские отношения, 1917–1921» (1969), «Франция и ее восточные союзники, 1919–1925» (1974), «Земли разделенной Польши, 1795–1918 (История Восточно-Центральной Европы)» (1975), «Соединенные Штаты и Польша» (1980), «Сумерки восточных союзов Франции, 1926–1936» (1988), «Цена свободы: История Восточно-Центральной Европы от Средних веков до настоящего времени» (1993).

Французскую историографию представляют два не менее именитых исследователя: сотрудница Национального центра научных исследований Франции и Центра исторических исследований Школы высших исследований по социальным наукам в Париже Мари-Элизабет Дюкрё и профессор Университета Париж-I (Пантеон-Сорбонн) Даниэль Бовуа. Д. Бовуа родился в 1938 г., получил специальность преподавателя русского языка, изучал также польский и украинский языки. В 1969–72 г. он возглавлял Центр французской культуры в Варшавском университете, в 1973–77 г. работал в Националь-

ном центре научных исследований, затем в Центре изучения польской культуры университета Лилль-III и в Центре славянских исследований университета Париж-I, возглавлял Французскую ассоциацию украинских исследований. В 1977 г. Бовуа защитил диссертацию на тему «Просвещение и общество в Восточной Европе: Вильнюсский университет и польские школы Российской империи (1803–1832)» (пол. изд. 1991). В 1982 г. им были опубликованы документы Польского восстания 1830–31 г. и программа «Солидарности» в переводе на французский язык. Среди последующих трудов Бовуа — «Шляхтич, крепостной и ревизор: польская шляхта между царизмом и украинскими массами (1831–1863)» (1984), «Битва за землю на Украине, 1863–1914» (1994), «Границы старой Польши» (1995), «История Польши» (1995), «Российская власть и польская шляхта на Украине, 1793–1830» (2003), «Польша: история, общество, культура» (2004).

М.-Э. Дюкрё получила в 1970 г. диплом по русскому языку в Национальной школе живых восточных языков, два года спустя — магистерскую степень по чешскому языку, а также степень лиценциата по литературе нового времени в университете Париж-III (Сорбонн нувель). На протяжении 1973–81 гг. она работала над диссертацией, посвященной богемской гимнологии периода Контрреформации, преимущественно в чешских архивах и библиотеках (защита в 1982 г.). Основная исследовательская и преподавательская работа Дюкрё протекала в Национальном центре научных исследований и в Школе высших исследований по социальным наукам. В 1991 г. она стала основательницей, а затем — первым директором Французского центра исследований по социальным наукам в Праге, в последующие годы работала также в Венгрии и Словении. Совместно с Р. Шартье и другими известными французскими историками Дюкрё участвовала в подготовке сборника «Культура книжной печати» (1987), позднее — в подготовке многотомной «Истории христианства». Предметом ее особого интереса стали история Богемии под властью Габсбургов и проблемы формирования чешской национальной идентичности, чем и объясняется тематика написанных ею глав.

Тексты французских историков подготовлены на уровне современной мировой историографии, чего нельзя сказать о произведениях их польских коллег, в основном историков старшего поколения, которые придерживаются довольно архаичных подходов к изучению прошлого. Как отмечал П. Вандич, «тесная связь между историей и политикой (и экономикой) в Польше была более заметна, чем на За-

паде». «Польский историк, — продолжал он, — традиционно был не только ученым, но также и властителем дум, поскольку история как дисциплина и история как национальное сознание зачастую были неразделимы. Замечено, что поляки более чем другие нации, переживают исторические события дважды: когда они происходят и когда они становятся объектом обсуждений и споров». А в ходе этого процесса рождаются мифы, которые со временем приобретают даже более серьезное значение, чем подлинные свидетельства истории². Подмеченные Вандичем особенности польской историографии в полной мере проявились и в данном труде.

Понятие «Центрально-Восточная Европа» утверждается в острой конкуренции как с более привычным наименованием «Восточная Европа», так и с различными вариантами концепта «Центральная Европа». При обсуждении темы «Центральная Европа: единство и разнообразие» на XIX Международном конгрессе исторических наук в Осло стало ясно, что старые «центрально-европейцы» не спешат признать беженцев из соцлагеря своими соотечественниками. «На протяжении второй половины 20 века очень специфической чертой центрально-европейской идентичности являлся Железный занавес», отмечал известный германский историк, подчеркнув, что последствия этого разделения сказываются до сих пор и «в процессах трансформации бывших социалистических стран, и в сохраняющихся различиях между идентичностями к востоку и к западу от бывшей границы»³. В ходе этих дебатов, писал российский участник конгресса, «центральным был вопрос о меняющемся характере географических терминов в истории, о сдвигах в представлениях о границах региона и существовании его “идентичности”. Связанные с этим проблемы соотношения данного региона с историческим наследием Австро-Венгрии и о времени, с которого можно вести речь о его существовании, вызвали оживленную дискуссию. Характерно, что близкие по смыслу, но другие по содержанию вопросы были подняты на семинаре “Центрально-Восточная Европа: границы и изменения национальных территорий” (организатор — польский проф. Е. Клочовский), поскольку состав участников обоих заседаний в значительной степени совпадал, многими присутствующими было отмечено тождество историко-политических тенденций этих двух

² *Wandycz*. 1992. P. 1011.

³ *Lemberg*. 2000. P. 349.

концепций. Так, если в основе первой (Центральная Европа) лежали, условно говоря, постгабсбургские реминисценции, то в основе второй (Центрально-Восточная Европа) — пост-ягеллонские мотивы»⁴.

Обсуждение этих проблем продолжилось на следующем конгрессе, проходившем в 2005 г. в Сиднее. На этот раз особое внимание обращала на себя антироссийская направленность концепций, выдвинутых в странах, которые претендовали на вступление в Европейский союз. «Примером может служить активно развивающаяся польскими историками концепция “Центрально-Восточной Европы”, — отмечали российские участники дискуссии. — На конгрессе в Сиднее она обсуждалась на симпозиуме, организованном под эгидой ЮНЕСКО, под названием “Место Центрально-Восточной Европы между Востоком и Западом в течение тысячелетия 1000–2000 гг.” Эта концепция была выдвинута польскими историками во главе с Е. Клочовским. В основе концепции лежит идея об особом пути развития стран этого региона, который в трактовке польских историков совпадает в основном с границами Речи Посполитой в период ее наибольшего территориального расширения. Главная задача — постараться доказать, что развитие России в ее нынешних границах и региона Центрально-Восточной Европы проходило разными путями»⁵.

Несмотря на все старания, концепция «Центрально-Восточной Европы» остается спорной и не получила сколько-нибудь серьезного признания за пределами узкого круга ее сторонников, что можно объяснить очевидной искусственностью самого термина. Как известно, на заре европейской истории сложилось не меридиональное, а широтное разделение Европы на цивилизованный Юг и варварский Север. Это разделение пережило Средневековье, эпоху Возрождения и сохранялось вплоть до века Просвещения. В значительной степени, хотя и по иным причинам, оно сохраняет смысл даже в настоящее время. Историю Литвы и Польши, например, вполне можно рассматривать в контексте истории Северной Европы или истории Балтийского региона. Точно так же историю Богемии/Чехии можно рассматривать в контексте истории Священной Римской империи германской нации, империи Габсбургов или германской *Mittleuropa*, а историю Венгрии — в контексте истории Балкан или, шире, — истории Юго-Восточной Европы. «Центрально-Восточная

⁴ Тихвинский. 2001. № . С. 14.

⁵ Бибииков, Тишков, Волков. 2006. № 1. С. 10.

Европа» — модифицированный вариант концепта «Центральная Европа», но, как справедливо замечает современный исследователь, «можно описать региональное членение Европы, вообще не прибегая к понятию Центральная Европа». Очевидно лишь то, что «Центральная Европа существует как идеологический феномен»⁶. Действительно, положенное в основу авторского замысла региональное деление Европы — конструкция, скорее, идеологическая, чем историко-географическая. Использование концепта «Центрально-Восточная Европа» открывает широкие идеологические, политические, а главное — пропагандистские перспективы.

Необходимо также учитывать, что в различные исторические эпохи «Центрально-Восточная Европа» имела разные географические пределы, что само по себе не позволяет использовать это понятие для обозначения комплекса описываемых территорий на протяжении всей их истории. «Расплывчатость» понятия «Центрально-Восточная Европа» и «множественность» его значений признают сами авторы, особенно французские, которые нередко используют иные названия для обозначения этого региона: «Центральная Европа», «Восточная Европа», «Восточная и Центральная Европа», «Центральная и Восточная Европа», «Центральный восток Европы» и даже «Срединная Европа». Понятие же, предложенное польскими историками, мало соответствует канонам исторической географии, которая играет столь важную роль в профессиональной подготовке их французских коллег.

При описании любого региона Европы, для начала необходимо определить, что такое сама Европа, но уже с этим возникают большие трудности. «Европа стала понятием, подверженным множественным политическим интерпретациям и изменявшимся в дебатах и политических столкновениях», — отмечал известный французский географ М. Фуше. Эта Европа «является политической, а не географической категорией». Ее можно определить не как географическое явление, а как «исторический процесс, запечатленный в пространстве с меняющейся географией»⁷. Такая неопределенность базовой категории порождает неопределенность любых производных от нее. При этом далеко не все историко-географические идеи, выдвигаемые французами, с пониманием встречаются их коллегами из иссле-

⁶ Миллер. 2001. № 6 (52). С. 76.

⁷ Фуше. 1999. С. 34, 112, 134, 137.

дуемого региона. Венгерский историк Дж. Лукач, живущий в США, писал, в частности: «Идеи Европы, поддерживаемые такими людьми, как господа Делор или Аттали, являются продолжением способа мышления восемнадцатого века, руководствующегося экономикой и зачастую абстрактным рационализмом, картезианским *esprit de la géometrie*. Они (увы, подобно многим французам) не понимают, что в конце эпохи модерна картезианское видение реальности устарело и зачастую бесполезно для дела созидания новой Европы»⁸.

Для бывших социалистических стран характерно практически единодушное неприятие более привычного для нас понятия «Восточная Европа», которое также является порождением французской мысли. На примере «Восточной Европы» американский исследователь Л. Вульф показал, как вообще формируются концепты такого рода. Ключевая роль в изобретении «Восточной Европы» принадлежала французским просветителям, поскольку Просвещение с самого начала нуждалось в «другой Европе», сравнение с которой позволяло утверждать «превосходство собственной цивилизации»⁹. Именно Европа Западная изобрела Европу Восточную как «свою вспомогательную половину», а «интеллектуальные достижения эпохи Просвещения привели к появлению новой оси координат на континенте и к обособлению Западной Европы и Европы Восточной. В сознании современников Польша и Россия более не ассоциировались со Швецией и Данией, а взамен оказались связанными с Венгрией и Богемией, балканскими владениями Османской империи и даже с Крымом»¹⁰. А «“Железный занавес” опустился в XX веке как раз там, где эпоха Просвещения провела границу между Западной Европой и Восточной, натянув занавес культурный, сотканный не из железа, а из более тонких материй»¹¹. «Восточная Европа» предстает в книге Вульфа как сознательно конструируемый интеллектуальный объект, при этом автор подчеркивает неустойчивость этой конструкции и ее зависимость от перемен на международной арене¹². В 1989 г. эта «Восточная Европа» прекратила свое существование, а интеллектуалы Польши, Чехо-

⁸ Лукач. 2003. С. 150.

⁹ Вульф. 2003. С. 253.

¹⁰ Там же. С. 35-37.

¹¹ Там же. С. 416.

¹² Там же. С. 518-524.

словакии, Венгрии совместно со своими западноевропейскими коллегами принялись заново открывать «Центральную Европу»¹³.

«Венгры, поляки и чехи (а также словаки, словенцы и хорваты) утверждают, что они относятся не к Восточной, а к Центральной Европе», констатировал в начале 1990-х гг. Дж. Лукач, указав при этом на «зачастую нереальное и иллюзорное желание восточных европейцев принадлежать к “Европе”, что, кроме всего прочего, означает желание получить одобрение “Запада”»¹⁴. Для этих народов утверждение своей принадлежности к «Центральной Европе» становилось первым шагом к «возвращению в Европу» вообще. Заметным результатом на этом пути стала консолидация бывших восточно-европейских обществ вокруг «европейской идеи»¹⁵. Для М. Фуше Польша, Чехия, Словакия и Венгрия — это «государства в точном смысле слова Центральной Европы»¹⁶. Однако принятая в этих странах концепция «Центральной Европы» имеет то принципиальное отличие от прежних, что они, прежде всего, Польша и Венгрия, «намерены сохранить некоторую открытость своих восточных границ»¹⁷. Одно это обстоятельство требовало модификации прежних концепций «Центральной Европы» и придания им некоей «восточной» специфики. Поэтому новая польская «концепция Центральной Европы отодвигала восточную границу региона (а на самом деле, в понимании ее авторов, восточную границу Европы вообще) на новые западные границы России»¹⁸.

Идейная поддержка в деле обоснования этой специфики пришла из-за океана. С. П. Хантингтон обратил внимание на то, что после падением коммунизма вопросы о том, что такое Европа и где она заканчивается, приобрели новую актуальность. Если с трех сторон границы Европы четко определены самой географией, то вопрос о ее восточной границе по-прежнему остается открытым. Для Хантингтона ответ на этот вопрос очевиден: это «великая историческая линия, которая существует на протяжении столетий, отделяя западные христианские народы от мусульманских и православных народов». «Это — культурная граница Европы, а в мире после Холодной вой-

¹³ Там же. С. 49-50.

¹⁴ Лукач. Указ. соч. С. 122, 134

¹⁵ Глинкина. 2007. № 3. С. 60.

¹⁶ Фуше. Указ. соч. С. 104.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ Миллер. Указ. соч. С. 92.

ны — это также политическая и экономическая граница Европы и Запада», утверждает американский исследователь. Он призывает четко отделять Центральную Европу от Восточной, однозначно относя к Центральной, вслед за Фуше, четыре так называемых «Вышеградских государства»: Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию¹⁹. Хантингтон имеет в виду региональную группировку, создание которой было провозглашено в 1991 г. в венгерской крепости Вышеград, где еще в 1335 г. короли Венгрии, Богемии и Польши заключили первое соглашение о региональном сотрудничестве. По сути, понятие «Вышеградская четверка» вполне может служить эквивалентом понятию «Центрально-Восточная Европа».

Немного по-иному, но в том же духе трактует эти вопросы З. Бжезинский, соединяющий в себе качества американского политика и польского патриота. «Хотя на данном этапе окончательные восточные границы Европы не могут быть ни твердо определены, ни окончательно установлены, — писал он, — в широком смысле слова Европа представляет собой цивилизацию, ведущую свое происхождение от единых христианских традиций». А «существующая ныне Европа просто не является целиком и полностью Европой. Хуже того, это Европа, на территории которой находится нестабильная в плане безопасности зона между Европой и Россией». В его представлении государства Центральной Европы, «такие, как Республика Чехия, Польша, Венгрия и, возможно, также Словения, несомненно соответствуют европейским требованиям». К этой передовой группе Бжезинский был готов добавить также Украину, если она сама «более четко определится как страна Центральной Европы»²⁰. Примечательно, отмечал научный сотрудник Института европейских исследований НАН Украины, «что основная масса украинских историков стоит в стороне от дискуссий о Центральной Европе. В целом это наследие остается чужим и противопоставляется мифологизированному народническому образу казачества». Очевидна «невысказанность польских сюжетов даже создателями мифа о центрально-европейской принадлежности украинской Галичины»²¹. Сходная картина наблюдается также в Литве и Белоруссии, которых авторы

¹⁹ *Huntington*. 1997. P. 158-161.

²⁰ *Бжезинский*. 1998. С. 101-105.

²¹ *Портнов*. 2007. № 1. С. 49.

данной книги тоже причисляют к «Центрально-Восточной Европе» в качестве составных частей Речи Посполитой.

Основоположник чешского национального возрождения Ф. Палацкий определял интересующий нас регион как территорию расселения народов, живущих «вдоль границ Российской империи». Такое определение указывает на особую роль, которую играет Россия в сознании изобретателей «Центрально-Восточной Европы». Уже в XX в. другой известный чешский деятель, Т. Г. Масарик, указывая на «духовную противоположность России и Европы», писал, что при пересечении западной границы Российской империи путешественник попадал в «аннексированные части Европы, земли, населенные католическими и протестантскими народами со старой европейской цивилизацией, присоединение которых к православной России до сих пор остается чисто внешним»²². В наше время автор книги «Пределы Европы» Ф. Болкестайн заявил: «Мы не должны стесняться признать, что границы существуют». Он призвал не расширять пределы Евросоюза дальше границы Польши с Украиной, которая представляет собой «естественные границы Европы». А «причина, по которой Россия и Украина не должны входить в Евросоюз, очевидна: если их туда пустить, Европа превратится во что-то совершенно другое»²³. Не случайно, что в процессе создания нового мифа о «Центральной Европе» России была предназначена роль «конституирующего чужого». «Именно через описание отличия от России доказывается “западность” Центральной Европы»²⁴. Этим во многом объясняется особое отношение к России со стороны авторов данной книги. Фельетонист «Известий» обозначил такое отношение как «мадьярское и польское разочарование слабыми успехами вхождения в Европу, переадресуемое в глубь советских времен»²⁵. В связи с этим можно напомнить известные слова М. Кундеры: «Подлинная трагедия Центральной Европы — не Россия, а Европа».

Предлагаемая вниманию российского читателя книга имеет довольно сложную структуру. Первая ее часть включает серию очерков, в которых история всего региона рассматривается в хронологической последовательности — с древнейших времен до конца XX

²² Масарик. 2000. С. 6-7.

²³ Болкестайн. 2004.

²⁴ Миллер. Указ. соч. С. 83.

²⁵ Соколов. 2007.

века. Ранняя история стран и народов этого региона занимает здесь не меньше места, чем история последующих веков, что выгодно отличает эту книгу от обобщающих отечественных трудов на ту же тему. Во второй части собраны эссе по отдельным проблемам истории государств «Центрально-Восточной Европы» и региона в целом. В известном смысле вторая часть представляет даже бóльший интерес, поскольку в ней излагаются результаты специальных исследований авторов и более четко выражены их концептуальные позиции.

Части книги заметно отличаются друг от друга. В первой главе, посвященной ранней истории региона (Х. Самсонович), хорошо показаны различия в развитии Польши, Венгрии и Богемии, их место в межгосударственной системе средневековой Европы и в международной торговле того времени. Показано также большое значение территориальной экспансии и связанных с ней конфликтов в становлении этих государств. Их история представлена в широком историческом контексте с постоянным учетом общеевропейских факторов, влиявших на их развитие. Картина нарисована почти эпическая. Важнейшее значение придается процессу христианизации, которая расценивается как основополагающий фактор истории народов этого региона. Следует подчеркнуть, что история религии и церкви освещается всеми авторами с максимальной полнотой и обстоятельностью. Яркой особенностью всей книги является также повышенное внимание к проблемам развития национальных культур. Посвященные этому разделы относятся к числу лучших, позволяя российскому читателю значительно расширить свои познания о культурной жизни стран этого региона. При этом очень тщательно прослеживается зарождение и развитие исторической мысли, игравшей особую роль в формировании национального самосознания этих народов. Уже в первой главе появляется достаточно спорный и не обладающий должной определенностью термин «политическая нация», играющий принципиально важную роль в концепции, которая положена в основу всей книги.

Наиболее спорной представляется глава 2-я, посвященная истории XIV–XVII вв. (Е. Клочовский). В частности, автором нарисована настолько непривычная для российского читателя картина взаимоотношений Московской Руси с «центрально-европейскими» государствами, что она с трудом поддается комментарию. Разделы об «Обществе», особенно применительно к XIV–XVI вв., написаны в архаичной марксистско-анналистской традиции и могут служить хорошей иллюстрацией того, насколько непродуктивен социологи-

зирующий подход к истории. Параграф о демографических изменениях построен преимущественно на произвольных допущениях и весьма приблизительных оценках. Попытка написать обобщающий очерк на столь разнообразном материале и применительно к длительному периоду оказалась не очень удачной. Часто остается неясным, к какому историческому моменту и к какой территории относится та или иная констатация. Сам автор, возвращаясь к проблемам общественного развития в XVI–XVII вв., признает большое «разнообразие ситуаций» и «предельное разнообразие социальных отношений», требующих тщательного изучения. Серьезные вопросы порождают страницы, посвященные Реформации в Чехии. Гуситское движение представлено Ключовским как преимущественно разрушительный процесс, а между тем, это было самое значительное и оригинальное достижение католического востока в духовной сфере. Ф. Палацкий имел все основания утверждать: «В эту эпоху народ наш достиг вершины своей исторической значимости»²⁶. Умаление чешского опыта, очевидно, потребовалось автору для того, чтобы на этом фоне подчеркнуть достижения польской католической мысли. Отметим сразу, что гуситство полностью реабилитируется в главах, подготовленных французскими историками и П. Вандичем.

Для 2-й главы особенно характерна идеализация Речи Посполитой с ее «дворянской демократией». Одним из центральных тезисов Ключовского стало утверждение о том, что в Речи Посполитой было создано уникальное для средневековой Европы общество веротерпимости. Однако в свете этой концепции остаются совершенно необъяснимыми причины казацкого восстания на Украине, с самого начала характеризовавшегося чрезвычайным ожесточением сторон. Невероятная жестокость отличала польско-украинское противостояние на протяжении нескольких веков, вплоть до Волынской резни 1944 г. Но как зерна этой ненависти могли произрасти в столь «толерантном» обществе, которое преподносится чуть ли не как образец для всей Европы, совершенно непонятно. Таким образом, предложенная автором концепция не позволяет объяснить один из самых острых вопросов в истории Речи Посполитой. К пониманию этих событий подводит лишь признание Ключовского в том, «польская знать не понимала сути украинской проблемы».

²⁶ Палацкий. 1982. С. 271.

Для этой главы, в большей степени, чем для других, характерна модернизация исторической реальности, использование понятий, рожденных более поздним временем, для описания событий далекого прошлого, а также применение западной по происхождению терминологии для обозначения явлений польской истории. Наиболее показательным примером может служить отождествление шляхты и граждан, на основе чего сословное шляхетское сознание характеризуется как ранняя форма гражданского самосознания, представляемого с позиций либерализма XIX в. Подобная подмена терминов происходит постоянно, а концептуальное обоснование нередко сводится к терминологической игре, основным приемом в которой является систематическое искажение смыслов. Поэтому вполне можно согласиться с мнением о том, что в рассуждениях Ежи Клочовского «ремесло историка безжалостно приносится в жертву политической пропаганде»²⁷. Автор развивает свои взгляды в последующих главах, в которых исторический анализ нередко уступает место неприкрытой апологии Речи Посполитой, изображаемой как «самое самобытное, долговечное и добровольное объединение в Европе» и чуть ли не как пример для нынешнего Евросоюза.

Аббат Мабли в своем известном сочинении дал, как представляется, более убедительную оценку устройства Речи Посполитой: «В Польше гражданами являются одни только дворяне, и устройство сего государства столь порочно, что они, несмотря на необузданную свою любовь к свободе, — скорее деспоты, нежели граждане, и лишь терзают любезное им отечество, поскольку не способны быть свободными»²⁸. Уместно напомнить также предостережение С. Сташица своим соотечественникам, высказанное еще в 1790 г.: «если теперь, когда вам никто не препятствует, вы не сумеете укрепить свое государство надлежащим образом... то этим вы докажете, что вы не в состоянии управлять самими собою и что вы не понимаете политического положения Европы. Вы станете навеки в Европе посмешищем и подтвердите этим обвинения, которые бросали нам три монархии для того, чтобы оправдать свое насилие над польской нацией»²⁹.

К числу лучших страниц, написанных Е. Клочовским, относятся те, которые посвящены конкретному изложению религиозной исто-

²⁷ Миллер. Указ. соч. С. 93.

²⁸ Мабли. 1993. С. 66.

²⁹ Сташиц. 1956. С. 198.

рии Польши. Очень профессионально освещается, в частности, история развития и упадка протестантской Реформации, которая представлена как продолжение процесса христианизации «центрально-восточноевропейских» стран. Представленные польским историком материалы способствуют лучшему пониманию феноменов Контрреформации, «католической реформации» и «рекатолизации». В отличие от своих французских коллег, Ключовский призывает отказаться от антибарочных и антикатолических стереотипов эпохи Просвещения, с чем вполне можно согласиться. Большой интерес представляет также его очерк о Брестской унии, посвященный важнейшей и одной из самых спорных проблем церковной истории изучаемого региона. Униатство превратилось в национальную церковь для народов, проживающих в пограничной зоне между католичеством и православием, и легло в основу их национальной идентичности, отличающей их от иноверных соседей. Успехам «греко-католической веры» способствовала подчеркнутая автором «инструментализация религии», в результате чего униатство превратилось в важнейший фактор исторического развития восточных окраин Европы.

Глава 3-я («Пространство Польско-Литовской республики в XVIII в XIX веках») принадлежит перу Д. Бовуа. В других своих трудах он уже выступал против «историографической реабилитации Речи Посполитой» и подверг критике взгляды Е. Ключовского, считая некорректным ее изображение в качестве образца «гражданского общества»³⁰. И здесь он вступает порой в прямую полемику с польским коллегой, что придает книге дополнительный интерес. Бовуа отвергает «польский презентизм» и подчеркивает большую роль мифов в польском менталитете. Вместе с тем, он, наряду с польскими историками, широко использует концепт «политическая нация», отождествляя ее с польской «дворянской нацией». В связи с этим возникает вопрос, зачем вообще называть ее «нацией», если фактически речь идет о сословии, а не о «нации» в точном смысле этого слова. Тем более что впоследствии, согласно Бовуа, значительная часть польского дворянства, проживавшего на отошедших к России землях, превратилась в «интеллигенцию». Следует отметить, что Бовуа в большей степени, чем другие авторы, уделяет внимание «внешним факторам нациогенеза».

³⁰ См.: *Портнов*. Указ. соч. С. 51.

Говоря о населении современных Украины и Белоруссии, автор использует исключительно латинизированную «рутенскую» терминологию: «бело-рутенские области», «бело-рутенская идентичность», «Белая Рутения», «обе Рутении», «рутенский язык (белорусский или украинский)», «южные рутены». Красной нитью через весь его текст проходит противопоставление «рутенского» и «русского». Русские, по утверждению автора, намеренно переименовали «рутенков» в «малороссов», чтобы оправдать аннексию их территории. Зато Австрия, пишет Бовуа, поощряла своих «рутенков», благодаря чему там всего «за несколько десятилетий появились украинцы-западноевропейцы». Остается, правда, непонятным, как эти «западноевропейцы» смогли появиться на дальней периферии «Центрально-Восточной Европы». Злоупотребляя понятиями «рутенки» и «Рутении», автор, по сути, отказывает Украине и особенно Белоруссии в наличии у них собственной полноценной истории. Больше всего, как и в других частях книги, не повезло белорусам, у которых «было очень мало интеллектуалов». В изображении Бовуа, «бело-рутенки» — «самая неявно выраженная из национальностей» этого региона, которая в силу своей отсталости вообще не заслуживает упоминания.

Энергичная, даже напористая манера изложения позволила Бовуа создать компактный, насыщенный и очень содержательный текст. Однако подобная манера ведет порой к перехлестам. Уже в рецензии на исследование Бовуа о Вильнюсском университете отмечались «довольно частые неточности», допускаемые автором³¹. Эта неаккуратность особенно наглядно проявляется в новой работе при изложении фактов российской истории. В азарте полемики Бовуа порой не щадит и собственную родину. Во всяком случае, довольно трудно понять, какое отношение имели якобинцы к штурму Бастилии и к созданию французской конституции 1791 г. Подобные ошибки можно обнаружить и в других главах, написанных Бовуа, хотя в целом они подготовлены на более высоком уровне, чем первая. Наибольший интерес представляет эссе «Происхождение и знание: шляхта и польская интеллигенция в XVIII в XIX веках», в котором прослеживается процесс зарождения и эволюции польской интеллигенции в Российской империи, а также поднято немало важных проблем

³¹ См.: Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. Vol. 27. № 1. (Summer 1981) (http://www.lituanus.org/1981_2/81_2_07.htm).

более общего характера, прежде всего — проблема польского наследия на присоединенных к России и Австрии землях. Особое место в книге занимает написанная Бовуа глава об историографических дискуссиях вокруг Украины/Рутении. Глава написана увлекательно и во всех отношениях окажется полезной для любого заинтересованного читателя, хотя и здесь автор иногда излишне увлекается в стремлении обосновать свою точку зрения. Так, согласно его утверждению, одна-единственная статья М.И. Грушевского опровергла всю существовавшую на тот момент российскую историографию.

4-я глава, посвященная положению Богемии и Венгрии в составе монархии Габсбургов, написана М.-Э. Дюкрё. Несомненно высокопрофессиональный текст поначалу труден для восприятия и едва позволяет уследить за хитросплетениями административных преобразований в Габсбургской державе. Постепенно изложение приобретает более внятный характер, а после перехода к освещению проблем нациогенеза становится даже увлекательным. Однако историю разных стран, входивших в империю Габсбургов, оказалось трудно привести к общему знаменателю. В случае с Венгрией еще можно было использовать концепт «дворянской нации», подобной польской, но, как уточняет автор, это «полиэтническая венгерская дворянская нация». Проследившая дальнейшую историю Венгрии, Дюкрё показывает трансформацию ее сословного общества в современную нацию, а «традиционной политической нации» — в этническую «мадьярскую нацию». Хорошо показано, что гражданское развитие определяли процессы, «не сводимые к упрощенному противопоставлению либералов и консерваторов или к этническим антагонизмам».

Совершенно иная картина, в отличие от Польши и Венгрии, где в роли нации представлено дворянское сословие, складывалась в Богемии, история которой находится в фокусе исследовательских интересов Дюкрё. «В политико-юридическом смысле богемской нации не существовало», отмечает она и проследживает формирование этнической чешской нации, обретавшей свою идентичность в постоянном сопоставлении с германской, благодаря чему одним из определяющих факторов истории стран Богемской короны являлся «антагонизм двух “наций-этносов”». В конечном итоге, заключает автор, к концу XIX в. чешскую нацию, фактически лишенную собственного дворянства, «изобрели» в виде плебейского общества. Блестящим во всех отношениях является очерк Дюкрё, посвященный проблеме

формирования чешской национальной идентичности. Она подчеркивает, что термины, применяемые для описания такого рода феноменов, не являются бесспорными, и что не существует понятий, общих для всех наций Европы. Автор с полным основанием заключает, что «любой текст, посвященный национальному самосознанию, может, в свою очередь, превратиться в миф», а избранными для его характеристики «критериями также можно манипулировать». Она обращается также к популярной в современной историографии проблематике исторической памяти. Очень своевременно звучит предупреждение Дюкрё о том, что в связи со вступлением стран «Центрально-Восточной Европы» в Евросоюз им фактически «предлагается пересмотреть свое отношение к истории».

Глубокие познания Дюкрё о прошлом Богемии/Чехии наилучшим образом проявились при рассмотрении проблем культурной и интеллектуальной истории. Гораздо хуже обстоит дело с освещением международной ситуации, в которой развивались интересующие ее процессы, хотя Дюкрё признает большое влияние внешних факторов на внутреннюю историю Габсбургской монархии. Многочисленные ошибки и неточности, допущенные ею при обращении к проблемам истории международных отношений, создают в итоге искаженную картину того, в каких внешнеполитических условиях развивалось это своеобразное государство.

Цикл интересных и важных в концептуальном смысле очерков подготовлен П. С. Вандичем, чьи подходы отличаются от исследовательской манеры как собственно польских, так и французских историков. Прежде всего, это эссе «XX век», в котором автор демонстрирует более трезвый и взвешенный взгляд, чем его соотечественники. Вместе с тем, подчеркнутая объективность маскирует порой нежелание давать определенные оценки тем или иным событиям. В частности, сотрудничество украинцев с немцами в период Второй мировой войны, по его мнению, «подчинялось национальным интересам и требует нюансированной оценки». С этим утверждением вполне можно было бы согласиться, если бы оно стало общим правилом, а не применялось бы только при рассмотрении отдельных, весьма специфических ситуаций. Вандич отмечает характерный для интеллектуальной элиты «центрально-восточноевропейских» стран «комплекс неполноценности по отношению к Западу». Очень любопытно заключение к этой главе. К концу XX века, пишет Вандич, по уров-

ню экономического развития «Венгрия шла по пятам за Чехословакией и опережала Польшу, как почти всегда в своей истории». И далее: «Различия между странами региона не подверглись радикальным переменам». В этих словах обозначена долговременная историческая тенденция, действовавшая на протяжении многих столетий, вне зависимости от политических режимов, общественного строя или господствующей идеологии.

В 14-й главе («Национальные ренессансы и национализм в XIX и XX веках») Вандич обращается к «наиболее важной и в то же время наиболее спорной в истории Центрально-Восточной Европы проблематике». Автор совершенно обоснованно начинает с вопроса о терминологии, приходя к заключению, что не существует универсальных понятий, посредством которых можно описать национальные процессы в разных странах и регионах. Он подчеркивает, в частности, различие между «национализмами» народов Западной и Центрально-Восточной Европы. Вместе с тем, в главе можно обнаружить немало спорных утверждений, касающихся формирования литовского, украинского и, особенно, белорусского национального самосознания. Эта глава заставляет задуматься о многих проблемах нашего общего прошлого, как и следующая, посвященная «Национальным восстаниям XIX столетия и их отзвуку в XX веке». Эта тема рассматривается преимущественно в историографическом ракурсе. Среди поднятых автором проблем наибольший интерес вызывает интерпретация долгой череды восстаний, происходивших в Польше.

Особняком стоят две последние главы, написанные Вандичем. В главе 17-й («Между плюрализмом и тоталитаризмом. Вопрос о политических режимах») автор анализирует различные определения «авторитаризма» и «тоталитаризма», но представленный им обзор показывает лишь то, что не существует общепризнанных определений, которые можно было бы с успехом применять при анализе конкретных исторических ситуаций. Глава в целом разочаровывает, поскольку исторический нарратив подменяется политологической схоластикой. Не очень удачной как по замыслу, так и по исполнению представляется глава 18-я («Война и мир»). Здесь, прежде всего, удивляет апология Ю. Пилсудского, главным историческим достижением которого было создание изначально нежизнеспособного государства. Поражает также архаичность оценок, которые даются крупнейшим военно-политическим конфликтам XX века. Характе-

ристика Первой мировой войны, например, почти дословно повторяет примитивную пропаганду, которая велась в те годы в державах Антанты. «Холодной войне» даются на редкость упрощенные оценки. Очень характерна концовка этой главы: государства «Центрально-Восточной Европы», утверждает Вандич, «видят гарантию в структурах НАТО... и в Европейском Союзе, растущем за счет новых европейских демократических стран». В этих словах заключено резюме того политического послания, которое зашифровано в книге польских и французских историков.

Несомненно, история этого региона, как бы его ни называли, заслуживает самого серьезного изучения, особенно в России, учитывая тесные исторические связи наших народов. Книга польских и французских историков намного расширяет наши знания о странах этого региона, история которых была гораздо богаче и насыщеннее, чем можно было судить по отечественной историографии. Вместе с тем, следует признать, что синтез истории стран «Центрально-Восточной Европы» не получился. Книга представляет собой набор слабо связанных друг с другом текстов, написанных с различных методологических позиций. Положенной в ее основу концепции свойственна двойственность. С одной стороны, авторы стараются показать, что во всех этих странах все было, в общем, «как в Европе», но, с другой, они стараются выявить специфику «Центрально-Европейского» региона, не сводимую к общеевропейскому знаменателю. Свою роль сыграли и издержки жанра: сам замысел обобщающей коллективной монографии, основанной на некоей *idée-fixe*, диктует стратегию создания соответствующего нарратива, которая вынуждает авторов писать обо всем, а не только о том, что они хорошо знают.

Затрагивая сюжеты, касающиеся истории России, авторы обнаруживают недостаточное знание фактического материала и зависимость от сложившихся на Западе пропагандистских стереотипов. На страницах книги можно обнаружить откровения типа того, что уже на рубеже XV–XVI вв. Московская Русь вынашивала планы относительно Сибири и «всей Евразии» или что «без Петра Могилы не было бы Петра I» (Е. Клочовский). Как полагает Д. Бовуа, при построении своей Петербургской империи ее основоположник опирался на учение «Москва — Третий Рим». А касаясь судьбы несчастных польских учителей, он утверждает: «Беда тем наглицам, осмели-

вающимся ухаживать за девушками благородного происхождения, — их ожидала ссылка». Искушенный российский читатель воспримет открытия такого рода как забавное недоразумение, но просвещенный европеец вполне может воспринять эти утверждения всерьез. Несомненное достоинство книги заключается в том, что она дает хорошее представление о тех стереотипах и предрассудках, которые определяют отношение к России со стороны европейской «общественности», и помогает понять, почему «Европы» всех видов воспринимают события в России определенным образом и почему они не способны воспринимать их адекватно.

Замысел книги во многом объясняется трагическим опытом польской истории. Однако необходимо иметь в виду, что бедствия, пережитые Польшей, далеко не всегда объяснялись происками ее врагов. Во многом они были вызваны неадекватной самооценкой поляками самих себя и своего места во всемирной истории. Большую роль в формировании такого отношения сыграла польская национальная историография. В последние годы мы наблюдаем рецидив, почти буквальное повторение пройденного. Польшу уже не раз губил комплекс «великой державы», из-за которого она вступала в конфликты с действительно великими державами — с соответствующими результатами. И когда польская историография начинает снова лелеять застарелый комплекс национального величия — это верный признак того, что Польшу опять ждут большие разочарования. Здесь налицо типичный синдром «малой империи». В этом смысле польская историческая мысль следует по пути старой западной историографии, воспевавшей прелести колониализма и его достижения. Однако современный мир давно уже живет в атмосфере «постколониальных исследований», которые требуют совершенно иных подходов к изучению истории взаимоотношений между народами.

Само по себе стремление изобрести какую-то иную, небывалую прежде «Европу» равнозначно невольному признанию того факта, что это не совсем Европа, а если и Европа — то второго сорта. Это, если использовать появившиеся в литературе определения, некая «промежуточная Европа», «восточная окраина Центральной Европы», периферийный регион «между немцами и русскими». На протяжении веков страны этого региона служили для Европы и «восточным барьером», и «санитарным кордоном», всегда оставаясь чу-

жими для нее, чем-то внешним, не совсем европейским. Это противопоставление воплотилось в понятии «новая Европа», которое впервые появилось после Первой мировой войны и возродилось недавно в процессе расширения Евросоюза. «Новая Европа» противопоставила себя «старой», окончательно похоронив миф о единой Европе и в очередной раз показав неопределенность самого этого понятия. Это противопоставление наглядно проявилось и в формуле «Центрально-Восточная Европа», которая расширяет пределы традиционной Европы за счет территорий, не признаваемых европейскими ею самою. Основная отличительная черта концепции ЦВЕ — это ее принципиальная открытость на восток, в сторону «утерянных территорий». Однако при этом неопределенная граница на востоке ведет к размыванию «центрально-восточно-европейской» идентичности, делая невозможным ее конструирование на сколько-нибудь прочных основаниях. «Центрально-Восточная Европа» — плод воображения ныне живущего поколения идеологов, порожденного «холодной войной». Остается надеяться, что не столь отдаленное будущее породит новые идеи. В заключение хотелось бы привести слова П. Вандича: «Все вышеизложенное ждет обсуждения и требует более точного и нюансированного подхода». Лучше не скажешь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
- Бибиков М. В., Тишков В. А., Волков В. К.* XX Международный конгресс исторических наук // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 3-9.
- Болкестайн Ф.* «Соединенные Штаты Европы — это иллюзия» // Известия. 28 августа 2004.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с. (Historia Rossica).
- Глинкина С. П.* Центрально-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 46-65.
- История Центрально-Восточной Европы. СПб.: Евразия, 2009. 1120 с.
- Лукач Дж.* Конец двадцатого века и конец эпохи модерна / Пер. Н. М. Селиверстова. СПб.: Наука, 2003. 256 с.
- Мабли Г.-Б., де.* Об изучении истории. О том, как писать историю / Пер. С. Н. Искуля. М.: Наука, 1993. 414 с. (Памятники исторической мысли).

- Масарик Т. Г.* Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000. 448 с.
- Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 75-96.
- Палацкий Ф.* История народа чешского / Пер. М. И. Леньшиной // Антология чешской и словацкой философии. М.: Мысль, 1982. С. 265-273.
- Портнов А.* Изобретая Речь Посполитую? // Ab imperio. 2007. № 1.
- Соколов М.* Европа есть, а счастья нет // Известия. 16 мая 2007.
- Стаицц С.* Предостережение Польше, вытекающее из современных политических отношений в Европе и законов природы // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М.: Госполитиздат, 1956.
- Тихвинский С. Л.* Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 3-28.
- Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры / Пер. В. П. Серебренникова и Т. Н. Серебренниковой. М.: Международные отношения, 1999. 168 с.
- Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: A Touchstone Book, 1997. 368 p.
- Lemberg H.* Boundaries and Identities of Central Europe: Changing Concepts // Proceedings. Actes. Raports, abstracts, and round tables introductions. 19th International Congress of Historical Sciences. Oslo, 2000.
- Wandycz P. S.* Historiography of the Countries of Eastern Europe: Poland // American Historical Review. Vol. 97. № 4 (October 1992).
- Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. Vol. 27. № 1 (Summer 1981) (http://www.lituanus.org/1981_2/81_2_07.htm).

Носков Владимир Витальевич, д.и.н. профессор, зав. Отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории РАН; vnoskov@yahoo.com.

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ГОЛОД, ИЗОБИЛИЕ И КРИЗИСЫ В МИФОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

По поводу выхода в свет перевода книги известного итальянского историка Массимо Монтанари «Голод и изобилие. История питания в Европе» автор статьи размышляет о возможностях компаративного исторического исследования и полидисциплинарных подходов к истории средневекового общества. Книга представляет собой сочетание смелых исследовательских стратегий с элементами популяризации высокого уровня, детализацией и конкретизацией в различных исторических контекстах, существующих стереотипов изложения темы.

Ключевые слова: структуры повседневности, средневековье, история питания, историческая память, кризисы в истории.

Появление на русском языке книги Массимо Монтанари «Голод и изобилие. История питания в Европе»¹ служит хорошим поводом для размышлений об актуальности выбора тем историка, возможностях компаративного исследования и сочетании смелых исследовательских стратегий с элементами популяризации высокого уровня, детализацией и конкретизацией в различных исторических контекстах существующих стереотипов изложения темы.

Кроме того, это исследование показывает, насколько выигрывает анализ вопросов истории таких материальных основ общества, как культура питания, от того, что автор не ограничивается рамками истории хозяйства в узком смысле слова. Становится очевидной предпочтительная альтернатива: тема не может быть исчерпана вопросами развития агрикультуры и рынка продуктов питания, необходим учет контекстов риторики власти, мифологии статусных различий и трансформации исторической памяти.

Монтанари, историк с именем, автор огромного числа как детализированных региональных², так и фундаментальных работ на стыке истории повседневности, интеллектуальной истории и экономи-

¹ Монтанари М. 2009. Книга Монтанари, издание которой было осуществлено в России, входит в международную серию «Становление Европы», составленную под идейным руководством Жака Ле Гоффа.

² Из наиболее значимых см., например: L'alimentazione contadina nell'alto Medioevo. 1979; Campagne medievali... 1984.

ческой истории³ (которая испытывала длительный подъем в Италии, особенно после создания Института истории средневековой экономики и системы ежегодных международных конгрессов в Прато на базе архива Датини и указанного института).

Как справедливо указывает Монтанари, «идея соответствия между едой и обществом, иерархией продуктов и иерархией людей глубоко укоренилась в культуре, вошла в образную систему, созданную стоящими у власти. Ее неоднократно подкрепляли... мнение врачей и писателей». Немаловажно и то, отмеченное Монтанари обстоятельство, что «дополнительную поддержку оказали ей... научные теории, в которых постулировалось строгое соответствие между человеческим обществом и, так сказать, “сообществом” природным» (С. 111).

Среди различных интерпретаций и классификаций естественного порядка в мире большой популярностью пользовалась (хотя в XV–XVI вв. уже и не была передовой) «теория, описывающая все живые существа... как звенья уходящей вверх цепи или лестницы. ...Ценность каждого растения и каждого животного определялась его местом в цепи..., причем подразумевалось (исходя из неперменной символики верха и низа), что эта ценность возрастает по мере подъема и понижается по мере спуска. Относительно царства растений, среднего между царством минералов и царством животных, считалось, что клубни и корни, находясь в тесном контакте со стихией земли, занимают наиболее низкую позицию; за ними идут травы, кусты и затем, наконец, деревья, чьи плоды возносятся в небо»... (С. 111). «Этот образный ряд вкуса должен был играть свою роль в выборе тех, кто мог себе позволить выбирать» (С. 112).

Именно поэтому использование знаковых, говорящих за себя продуктов входит в интерактивный перформанс, тщательно устраиваемый представителями высших слоев общества для нижестоящих. Эти знаковые отличия становятся общим местом в сознании современников XIV–XV вв. и даже используются в развлекательной литературе, в сборниках новелл. Причем можно обнаружить и интересные нюансы гендерной дискриминации, проявляемой через пищу: в новелле Маттео Банделло, описывавшего нравы обеспеченных го-

³ См.: *Storia e cultura dei piaceri della tavola dall'antichità al Medioevo*. 1989; *Nuovo convivio...* 1991; *Convivio oggi...* 1992; *La fame e l'abbondanza...* 1993; *Il pentolino magico*. 1995; *Il cibo come cultura*. 2004; *Il formaggio con le pere...* 2008.

рожан, жена горько жалуется на поведение мужа: «Он уходил и ел где-то вкусных каплунов и куропадок, а я оставалась с кусочком говядины или баранины» (С. 113).

Таким образом, знаковое различие, сила символического значения легко перетекала в область повседневной жизни и пищевых привычек: высокопоставленным особам полагались «высокие» продукты — фрукты и мясо птиц, а простолюдинам — корни и мясо «низких» животных. Существовал и ряд поучительных сочинений о наказаниях и бедствиях, предназначенных для бедняков, посягнувших на неположенную им по статусу господскую пищу, то есть на фрукты, и не желавших довольствоваться луком и репой.

Интересно отметить, насколько быстро теряется в самой Италии это разделение «верха» и «низа» пищевого рациона. Как показывает Монтанари в одной из заключительных глав «Европа и мир» (см. особенно с. 139-141), знаковым являлось сочинение, которое опубликовал уроженец Модены, бежавший из Италии в Англию протестант Джакомо Кастельветро в 1614 г., — своеобразный справочник по итальянской гастрономии под говорящим названием «Краткий обзор всех корней, трав и плодов, которые едят в Италии сырыми или приготовленными». Речь шла в основном именно о корнях, клубнях и травах, употребление которых стало отличительной чертой высокой кухни в Италии, но еще не завоевало достаточного авторитета среди населения Британских островов. Кроме того, как только драгоценные специи, стали вместе с оливковым маслом доступны широким слоям населения, элита изобрела для себя новые «белые соусы» на основе масла и жира и стала использовать в высокой кухне лук и чеснок, как и другие корни и клубни.

Если же вернуться в переломным этапам развития питания и идеологии восприятия еды в эпоху Средневековья и Ренессанса, к вопросам, которыми наиболее компетентно владеет медиевист Монтанари, то, следует отметить прежде всего этап XIV–XVI вв., который описывается в подразделе «Стол, на который смотрят» следующим образом: «Элементарное противопоставление правящих подчиненным — вот что более всего демонстрируется, может быть не без благих намерений, в общественных ритуалах правящих классов. И потребление еды и рамки застолья, в которые оно заключается, служат главным образом для того, чтобы проявить и подчеркнуть

свою власть» (С. 114). «Стол уже не место, где все слои общества сплачиваются вокруг главы, он, скорее демонстрирует разрыв, исключительность: на банкет приглашены немногие, всем прочим остается только смотреть» (С. 115), — заключает Монтанари, продолжая мысль свидетелей и хронистов того времени, например, хрониста Керубино Гирардаччи, описавшего пир в Болонье в 1487 г. по случаю бракосочетания отпрысков двух могущественных семейств – сына Джованни Бентивольо Аннибальди с Лукрецией д'Эсте. По свидетельству хрониста, прежде чем подать блюда, их с большой торжественностью пронесли мимо толпы, собравшейся перед дворцом и остававшейся там на время длительного пира, примерно с восьми часов вечера до трех после полуночи.

Постепенно (примерно в течение четырех-пяти веков) сменился способ демонстрации силы и величия через потребляемую пищу: уже не возможность много и изобильно питаться, но способность красиво подать еду, устроить за столом нужных людей, поразить изысканно приготовленной и редкой пищей и избранное общество, и стоящий поодаль народ. При этом складывается новый образ сильной и «далекой» высокопоставленной власти, в то время как прежде стол и пир служили идее сплочения всех слоев общества, хотя бы по особому торжественным случаям. Думается, в этой новой идеологии «разделения» нашли свой выход переживания по поводу века социальной активности и демократизации, каким был период расцвета демократии коммун и высокой социальной мобильности, и даже реакция на переворот в восприятии моральных и материальных ценностей, который последовал в период эпидемий «Черной смерти» во всей Европе, и особенно в Италии.

После трагедии чумы «сочли, что от недостатка людей должно было бы наступить изобилие всех плодов, какие производит земля». Предсказание, мальтузианское в своей брутальности, не сбылось: Маттео Виллани, флорентийский хронист, зафиксировавший его, приписывает голод и новые неурожаи, следовавшие за эпидемией, скверне выживших, которые вместо того, чтобы возблагодарить Бога и покаяться в грехах, не нашли ничего лучшего, как предаваться безумному ликованию». Тем не менее, как подтверждают и свидетели эпохи, и исследования Монтанари, можно сделать вывод о том, что «положение заметно улучшилось, иначе и быть не могло после по-

добного бедствия». Если верить Джованни Муссису, который вел записи с 1388 г., город Пьяченца превратился в некую страну Бенгоди, страну изобилия: «С едою все творят сущие чудеса, особенно на свадебных банкетах» (С. 91).

При этом голодовки постоянно угрожали этому обществу, где жирность и тучность настолько служили позитивными маркерами, что дали название привилегированной категории граждан итальянских городских общин — это т.н. «пополо грассо», или «жирный народ», официально признанный термин источников и историографии эпохи итальянских коммун.

Отсюда можно перейти к теме народной мечты об изобилии, которая не только не реализовалась с приближением Нового времени, но и стала недостижимым и все более отдаляющимся от реального положения народных масс периодом индустриализации и интенсификации аграрного сектора. Именно поэтому, как пишет Монтанари в заключительной части главы под названием «Каждому свое», и рождается «самое действенное лекарство от страха и голода — мечта. Мечта о спокойной, сытой жизни, даже скорее об изобилии, обжорстве». Анализ таких произведений, как Фаблио о Кокани и другие подобные описания и народные фантазии о стране изобилия Куккани, распространившиеся по всей Европе, анализируется в сжатой форме, но информативно: в частности, отмечен дополнительный контекст рассмотрения проблемы сближения Куккани с идеей народного Карнавала, предложенного другим итальянским исследователем П. Кампронези. (С. 119).

И еще очень важный пассаж, размышление общего порядка, которое приводится Монтанари в конце этой главки, и на которое не может не обратить внимания любой специалист и рецензент. Монтанари признается, что не хотел бы вдаваться в спорную проблему историков культуры, а именно: может ли «ученая культура» выражать прямо или опосредованно чисто «народное» содержание. И все же между этими разноплановыми дискурсами имеется соответствие и взаимосвязь. Культуру расточительства и выставления напоказ нельзя понять вне культуры восприятия голода как реальности.

Труды Монтанари свидетельствуют о способности историков с традиционной академической подготовкой использовать эту базу для преодоления дисциплинарной косности, выявления сюжетных

линий развития типов потребления и вообще социального поведения в отношении пищи на большом временном и региональном охвате. Монтанари – классический итальянский медиевист, со вкусом работающий в архивах и анализирующий как монастырские уставы и проповеди блаженного Августина, так и хозяйственные описи и правовые свидетельства светского характера. При этом кругозор автора, его исследовательские горизонты поражают читателя.

Ассоциативные ряды, которые можно построить в дополнение к теме «еда в истории европейцев» – очень многочисленны, и автор сравнительно небольшого по объему исследования открывает для читателя многие из этих перспектив. Несомненно, следует сделать вывод, что некоторые представления, на первый взгляд, кажущиеся базовыми и неизменными, были исторически подвижными. Более того, даже такие категории как польза и вред, которые издавна использовались применительно к вопросам питания в квазинаучных и риторических рассуждениях, весьма необъективны. По большей части к понятиям пользы и вреда прибегали моралисты, принадлежавшие к элитарной части общества, желая внушить народу незыблемость некоторых спорных идеологем о необходимости различия в питании верхов и низов, о пользе дешевых и доступных продуктов, иногда – нововведенных культур.

Особого внимания требует анализ таких проблем, как исторический характер понятий «голод» и «изобилие», смена ролей и значения таких источников пропитания, как лес и пашня, взаимозависимость типа хозяйства и культура стола, регионы и традиции питания, выстраивание в социальном поле связи между пищевыми привычками и статусом. Есть в этой палитре вопросов и частные, но немаловажные оттенки, которые заслуживают дополнительного изучения, несмотря на имеющуюся традицию исследований: например, такие знаковые обозначения и символические для христианской культуры продукты, как пшеница, вино и елей (масло), исследуемые Монтанари в главах «Хлеб (и вино) для Бога» и «Обжорство и посты». Кроме того, любопытна и интерпретация взаимосвязи таких вопросов, как пост и карнавал в культуре европейцев, особенности диеты, предназначенной для мира и клира, для богатых и бедняков, для светской знати и просителей милостыни. Это и понятия, столь же исторически подвижные, в частности, представление о роскоши в еде. Возможности демонст-

рации социального статуса через выбор пищи, изобилие и качество блюд привлекают внимание живостью описания, при этом рассуждения автора отличает строгость и убедительность.

Особой темой, также затронутой в монографии Монтанари, но, безусловно, требующей более полного раскрытия, является проблема кризисов и трансформаций, отраженных не только в смене диеты и привычек питания, но и в идеологических обоснованиях необходимости и полезности нового положения вещей. Именно с историческими свидетельствами такого рода, прежде всего, и имеет дело историк.

Вызывает сожаление то, что Монтанари как историк не вполне адекватно представлен русскому читателю. Ранее была переведена работа филолога и публициста Альберто Каппати, написанная в соавторстве с Монтанари⁴, в которой первую скрипку играл отнюдь не историк: современность и остро актуальная борьба с фаст-фудом, если и не ставились во главу угла исследования, то выходили на первый план в рецензиях и обсуждениях. Восприятие авторского мира Монтанари осложняют несколько неудачных моментов, которые вполне можно было бы исправить при более тщательной подготовке издания. Отметим, что рецензируемая публикация – первый перевод на русский язык труда Монтанари (если не считать соавторства) знакомит читателя далеко не с самыми свежими исследованиями этого историка (оригинальное первое издание работы «Голод и изобилие» датируется 1993 годом). Сам запоздалый перевод, видимо, был осуществлен весьма поспешно. Идеи автора, безусловно, выигрывают в смысловом пересказе, а не в буквальном цитировании перевода. небрежности перевода, хотя и не искажают смысла бесповоротным образом, однако бросаются в глаза даже при выборочном цитировании.

Кроме того, несмотря на живописность представленной автором картины, и сжатый объем публикации, это исследование все же полезнее специалисту, чем самому заинтересованному и прилежному читателю-дилетанту, в силу отмеченного богатства контекстов, задействованных Монтанари. И все же это издание – важный шаг в освоении российским читателем пространства междисциплинарных исследований.

⁴ Каппати А., Монтанари М. 2006.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Монтанари М.* Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Alexandria 2009. 279 с.
- Каппати А., Монтанари М.* Итальянская кухня. История одной культуры. Серия «Культура повседневности». М.: НЛЮ, 2006. 480 с.
- Монтанари М.* L'alimentazione contadina nell'alto Medioevo. Liguori, 1979.
- Монтанари М.* Campagne medievali. Strutture produttive, rapporti di lavoro, sistemi alimentari. Einaudi, 1984.
- Монтанари М.* Storia e cultura dei piaceri della tavola dall'antichità al Medioevo. Laterza, 1989.
- Монтанари М.* Nuovo convivio. Storia e cultura dei piaceri della tavola nell'età moderna. Laterza, 1991.
- Монтанари М.* Convivio oggi. Storia e cultura dei piaceri della tavola nell'età contemporanea. Laterza, 1992.
- Монтанари М.* La fame e l'abbondanza. Storia dell'alimentazione in Europa. Laterza, 1993.
- Монтанари М.* Il pentolino magico. Laterza, 1995.
- Монтанари М.* Il cibo come cultura. Laterza, 2004.
- Монтанари М.* Il formaggio con le pere. La storia in un proverbio. Laterza, 2008.

Селунская Надежда Андреевна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; spesbona@mail.ru.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В. Б. ШЕПЕЛЕВА

НЕКЛАССИКА, ПОСТМОДЕРНИЗМ, ПОСТНЕКЛАССИКА И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА*

В статье предпринимается попытка определиться с параметрами постнеклассической познавательной парадигмы, её отличиями от неклассики и постмодернизма с учётом современной хаотизированной теоретико-методологической ситуации в социально-гуманитарном знании и в отечественной историографии.

Ключевые слова: неклассика, постмодернизм, постнеклассика, синергетика, нелинейность, вероятностность, историзм.

Нам уже доводилось упоминать о путанице или разноречиях в употреблении терминов «неклассика» и «постнеклассика»¹. Целый ряд вопросов обнаруживается по поводу разведения понятий «неклассика» и «постнеклассика» в тексте фундаментального труда известного философа-эпистемолога В. С. Стёпина «Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. Формулировки, увязывающие «современную науку», «современность» с неклассикой, скорее, не исключение здесь, а правило². Но в таком случае — где место постнеклассике, тем более, что в главе, посвященной неклассической науке, напрямую «работают» не просто синергетические аргументы, но и ученые-синергетики³? Некоторые авторские параметры неклассики, пожалуй, небесспорны ввиду своего, как представляется, постнеклассического содержания. Речь о «вероятностной причинности» как естественной вероятности в физическом мире, отказе от «методоло-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

¹ См. хотя бы: *Стенгерс*. 2000. С. 20, 96.

² *Стёпин*. 2003. С. 204, 229, 247, 392-401, 403, 613.

³ См.: Там же. Гл. V. С. 396-405.

гии элементаризма» (но см. позиции А. Эйнштейна, С. Хокинга и других, поныне поиски «скрытых переменных» среди атемпоралистов, «неклассиков» по В. С. Стёпину), о выборе в пользу холистского подхода (но см. резкий антихолизм «второго позитивизма», К. Поппера как социального философа, тем более П. Фейерабенда, и предположения самого автора относительно возможного «перехода на позиции абсолютного плюрализма и релятивизма «постпозитивистов» вообще); речь о представлениях относительно мира как об иерархии различных порядков (ср. синергетическое о целом как иерархии темпомиров), об элементарных частицах как динамических структурах, «энергетических пучках» и материи, «пребывающей в непрерывном танце и вибрации»; речь о сложных саморегулирующихся, самоорганизующихся системах, об открытом мире, открытой науке, и может быть особенно — об историзации и диалектизации науки и философии науки и т.д.⁴ В то же время в тексте иногда прочитываются постпозитивистские формулы, построения, в том числе прямо переходящие в постмодернистские (сюжеты о П. Фейерабенде, Ж. Бодрийяре и т.п.), как контекстно постнеклассические (ибо «новейшие») или как непосредственно таковые; порой характеристики существенных ситуаций, касающихся, скажем, картины мира, норм и оснований науки таковы, что непонятно, о неклассике или постнеклассике идет речь⁵.

Попробуем разобраться в соотношениях: постмодернизм, неклассика и постнеклассика, притом что смешение, отождествление сущностей постмодернистских и постнеклассических — распространенное сегодня явление в отечественной социально-гуманитарной литературе. Причем далеко не в качестве неких небрежностей. Убедительное свидетельство тому — тексты энциклопедического уровня. В частности, Н. Б. Маньковская в статье «Деконструкция» пишет «об органической связи (постмодернистской по контексту) постфилософии с постнеклассическим научным знанием» (С. 215), а раскрывая содержание понятия «постмодернизм», утверждает: «В “силовое поле” постмодернистской культуры попала постнеклассическая наука... Представители точных наук трактуют постмодернизм как стиль постнеклассического научного мышления»; хотя тут же подчеркивает, что «постмодернистская эстетика берет на вооружение неклассическую

⁴ См.: Там же. С. 391-402, 558, 576, 602-610 и др.

⁵ Там же. С. 612-613, 615-616, 624-625.

трактовку классических традиций», пишет о «работе» в пределах постмодернистской эстетики неклассической онтологии и противопоставляет в итоге «постмодернистскую» эстетику именно классике (С. 668-670), как-то не замечая, что отсюда следует одно: «постмодернистская эстетика», «постфилософия» соотносимы с неклассикой.

С другой стороны, в статье редактора упоминаемого философского энциклопедического словаря А. А. Ивина «Историзм» сообщается, что «в неисторических науках, подобных физике, химии... мир понимается как постоянное повторение... в их основе лежит временной ряд... исключаящий “настоящее” и “стрелу времени”...»⁶ и т.д. Словно бы синергетики нет и не было, и, по меньшей мере, будто бы «науки, подобные физике, химии», никакого отношения к ней не имеют. Добавим, в 1999 г. была опубликована статья В. П. Бранского «Социальная синергетика как постмодернистская философия истории». И эти примеры можно множить и множить⁷.

В этой связи есть необходимость детальнее остановиться на феномене «неклассики» — звене, этапе, эпохе между «классической» познавательной парадигмой и «постнеклассической», что вроде бы и признается сегодня (нередко вместо «постнеклассики» используют понятие «синергетика»), но, как показано выше, не без проблем. Упомянутая ранее фигура К. Р. Поппера представляется в данном отношении вполне репрезентативной и удачной в силу недогматичности, эвристической настроенности математика — философа широкой специализации — социолога, претендующего на «-изм» на базе собственного имени и фигурирующего в работах как В. С. Степина, так и пригожинцев в связи и с неклассикой, и с постнеклассикой.

Заметим сразу, что оценки, даваемые Попперу, весьма неоднозначны и в силу, как представляется, противоречивости, подвижности, порой смутности его позиций. Один из ведущих отечественных «попперианцев» В. Н. Садовский (дефиниция самого автора)⁸, откровенный поклонник предмета своих профессиональных изысканий, приводит взаимоисключающие одновременные оценки попперовской «Логика научного исследования» со стороны двух лидеров

⁶ Ивин. 2004. С. 338.

⁷ Бранский. 1999. № 6. С. 116-127.

⁸ Садовский. 2002. С. 16, 17 и др.

логического позитивизма⁹ и признает, что «отношение Поппера к неопозитивизму... сложно и противоречиво...». Однако, при всех отличиях, «с неопозитивизмом Поппера роднит круг рассматриваемых... проблем и общий рационалистически-сциентистский подход к их решению». Впрочем, в той же книге, но в другой главе В. Н. Садовский сообщает: «Логическая концепция Поппера решительно противостоит модному и широко исповедуемому (в 30-х — начале 60-х гг.) неопозитивизму, или логическому позитивизму, не только по целому ряду конкретных вопросов, но... также “по поводу всей концепции науки... всей концепции человеческого знания”». Отличие видится В. Н. Садовскому, солидаризирующемуся в данном случае с Г. Сколимовским, в динамической у Поппера, а не только статической, как у неопозитивистов, интерпретации науки¹⁰.

Любопытно, что это едва ли не противоположно представлению А. Л. Никифорова, фиксирующего концепцию Поппера как «одну из самых первых *некумулятивистских* концепций развития научного знания — концепций, отвергающих преемственность... постепенное увеличение и углубление научного знания», но о чьих работах ещё 80-х гг. В. Н. Садовский в том же издании говорит как о «выполненных в хороших академических традициях», и работы с участием которого он приводит в списке рекомендуемой литературы по Попперу. Более того, антикумулятивистскую позицию Поппера, на чем настаивает Никифоров, мимоходом фиксирует позднее и сам Садовский. Да и возможно ли иное при однозначном жестком «методе проб и ошибок», безжалостном «фальсификационизме» («убийце» теорий и концепций) — в качестве важнейших ориентиров и конструктов философа науки? Кстати, и «работающие» у Поппера понятия «история», «прогресс» науки при таком подходе вызывают сомнения по существу¹¹.

⁹ Там же. С. 10-11. Логический позитивизм или неопозитивизм, третье явление позитивизма.

¹⁰ Там же. С. 14, 132-133, 167.

¹¹ Там же. С. 147, 198; Никифоров. С. 667. Сравните «фальсификационистский» подход Поппера и соображения А. А. Любищева, цитируемыми солидарным с ним Р. Г. Баранцевым: «Прошлое науки — не кладбище с могильными плитами над навеки похороненными заблуждениями, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей, многие из которых были не закончены не по порочности замысла, а по несвоевременности или по чрезмерной самоуверенности строителей» (Баранцев. 2003. С. 49).

Нельзя не учитывать и того, что Поппер до последних дней своих пропагандировал «открытое общество» — в т.ч. в одноименном двухтомнике, где страстно отстаивается правота «методологического номинализма» (*позитивизма!*)¹² против платоновско-аристотелевского (а следом и гегельяно-марксо-бергсоновского) эссенциализма. И вместе с тем, то «критический рационалист» (т.е. Поппер) доказывает, что «стремление к достоверности знания (или даже к его высокой вероятности) ошибочно», что и научного знания-то по существу нет — есть только догадки, гипотезы, то тут же пишет: «...истины как образца... мы, впрочем, *можем и не достичь*», и далее: «мы можем жаждать истины и даже *способны обнаруживать её* (я верю, что *во многих случаях это нам удастся*)», но при этом все равно «*универсальный критерий истины невозможен*», а истина, тем не менее, не относительна. И все эти — до взаимоисключающих — соображения, по настоянию Поппера, следует рассматривать как «радикальное лечение болезни... главной болезни философии нашего времени — интеллектуального и морального релятивизма»¹³.

Несомненно важна для характеристики попперовского «критического рационализма» позиция категорического отрицания им попыток *онтологической* интерпретации его концепции «трех миров» (фактически его картины мира), вообще заявление: «Я не знаю, что означает “*онтологический*”»¹⁴. Но в связи с отношением к «онтологическому» напрашивается вопрос, чем собственно отличаются попперовские «предрасположенности» — «космологическая и метафизическая основа всего научного творчества Поппера»¹⁵ от Маховских «элементов», из «небольшого числа» которых состоит мир, и которые, напоминаем, «представляют собой соединение физического и психического» и вряд ли сами существенно отличаются от опровергаемых «махистами» гипостазированных «жизненной силы», теплорода, эфира и проч. «флогистонов» со всеми вытекающими

¹² В частности, Э. Ильенков подчеркивал, что номинализм от средневековья через Дж. Локка, Беркли, Д. С. Милля вел в неопозитивизм — «методологический солипсизм» Р. Карнапа, вел в итоге неизбежно к отождествлению конкретного с индивидуальным переживанием (Чуринов. 2006. С. 253-260).

¹³ Поппер. Указ. соч. Т. II. С. 441, 446-447, 449 и др.

¹⁴ При том, что физическую реальность он, судя по ряду текстов, вроде бы признает (см.: Садовский. Указ. соч. С. 24, 224).

¹⁵ Там же. С. 234.

отсюда следствиями¹⁶? После ни на миг не прекращавшейся непримиримой борьбы с аристотелевским «эссенциализмом» Поппер в конце концов (1990 г.) говорит о «предрасположенностях», которые есть не просто возможности, а *физические реальности*. «Они так же реальны, как силы или силовые поля». Заметим, если «как силы или силовые поля», значит они *не* силы и *не* силовые поля. И это вроде подтверждается тем, что «предрасположенности» «присутствуют и действуют во всех трех мирах Поппера» (правда, очень противоречиво) при том, что второй из них — мир «состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний», а третий — «мир объективного содержания мышления... содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства». Однако тут же выясняется, что «в свою очередь *силы* — это *предрасположенности* приводить тела в движение, предрасположенности ускорять». Но тогда однозначное — «они *не* силы и *не* силовые поля» — не верно (вернее в таком случае было бы, скажем, — «не сводимы только к силам и силовым полям»). Но что все-таки на деле представляют собой эти, как выяснилось, имеющие какое-то отношение к силам и силовым полям и представляющие «космологическую и метафизическую основу всего научного творчества Поппера» «предрасположенности»?

Поппер, по словам Садовского, «особо подчеркнул, что «предрасположенности» следует рассматривать не как свойства, внутренне присущие объекту... а как свойства, внутренне присущие ситуации»¹⁷. Но как же быть с «силами-предрасположенностями»? И затем: свойство — это «то, что присуще какому-либо предмету и характеризует его само по себе, а не говорит о его отношении с... другими объектами», или — это «сторона предмета, обуславливающая его отличие или сходство с др. предметами и *проявляющаяся во взаимодействии* с ними» (курсив мой — *В. Ш.*)¹⁸. Могут ли быть сами по себе — без взаимодействия объектов, как *физические* реальности, ситуации и их свойства? На самом деле в бесчисленных ситуациях проявляются тем или иным образом (в том числе совсем неожиданным) свойства объектов — и никакого «эфира», «флогистона» тут не наблюдается, а вот ещё одна связь «критического рационализма» с эмпириокрити-

¹⁶ См.: Никифоров. 2004. С. 484.

¹⁷ Садовский. Указ. соч. С. 165-166, 234-235.

¹⁸ Философия: Энциклопедический словарь... С. 756; Философский словарь... 1986. С. 421.

цизмом, пожалуй, факт, да и, видимо, с физикализмом¹⁹ тоже. И хотя Н. С. Юлина пишет об эмерджентном реализме" К. Поппера и полемике его с друзьями физикалистами²⁰, в пользу последнего предположения работают попперовские «предрасположенности, которые есть не просто возможности, а *физические реальности*», и действуют при этом во всех «трех мирах» Поппера. При этом мир второй («мир состояний сознания» или мир субъективного сознания) и мир третий («мир объективного содержания мышления... содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства») объективно должны проходить по разряду «идеального», «духовного»²¹.

Кстати, в начале 1980-х гг. Н. С. Юлина вносит поправку, и *эмерджентный реализм* Поппера становится *эмерджентным натурализмом*. Да и сам философ настаивает на «тесной аналогии между ростом знания и биологическим ростом»²². Вообще дарвинизм, правда, в «экстравагантной» трактовке²³, пронизывая не только первый и даже не только второй, но и — очень интенсивно — третий мир Поппера, плотно присутствует в его рассуждениях, решительно отсекая «неудачников» всех видов и родов по закону естественного отбора. Получается, «эпистемологический эволюционизм» Поппера, отсчитывающий «когногенез» — историю «предрасположенностей», «знаний» сначала от животных, потом от растений, затем от появления доклеточной жизни на Земле²⁴ и, наконец, от начала начал: «эти *тенденции и предрасположенности* привели к /самому/ возникновению жизни», — имеет основания быть проведенным и по руслу «биологизма», и по линии «антропоморфизма», и какого-то, в общем, «флогистона». Во всяком случае: «от амебы до Эйнштейна... один шаг», — по словам «*эмерджентного натуралиста*»²⁵. Сам Поппер, как выясняется, считал «полезный антропоморфизм» «революцион-

¹⁹ См.: Панченко. 1991. С. 193, 194, 195; Юлина. 2004. С. 551-552.

²⁰ Юлина. 1979. № 8. С. 96-107.

²¹ Садовский. Указ. соч. С. 225-226.

²² Там же. С. 122, 253.

²³ «Экстравагантной» — по определению историка биологии Ю. В. Чайковского и по самому факту «полного игнорирования дарвинистско-эволюционистских воззрений Поппера» со стороны «профессиональных биологов-эволюционистов» (Садовский. Указ. соч. С. 146-147).

²⁴ Там же. Гл. 8. §§ III-IV. С. 140-154.

²⁵ Там же. С. 151, 166.

ным преимуществом» своей теории и «совершенно необходимым для любой теории эволюции». Правда, совершенно непонятно, *что* это за и *откуда* взялись «эти тенденции», которые вместе с «*предрасположенностями*» привели к возникновению жизни», и что же все-таки такое «предрасположенности»? Принципиально антиаристотелевская теория знания, построенная Поппером, «начиная не с определения «*что* такое знание»... «*что* означает знание», а с анализа *конкретных примеров.../и/ утверждений* (? — В. Ш.) .../опирающихся на/ *теоретическое положение*, а именно *предположение* (? — В. Ш.)... что знания имеют характер генетически запрограммированных ожиданий», ничего здесь не проясняет²⁶. В частности, «предрасположенности» как «генетически запрограммированные ожидания» ещё до возникновения жизни — это как, кем, это что (при том, что «предрасположенности есть не просто возможности, а *физические реальности*»)?

Кроме того, как же быть, учитывая только что сказанное, с такими фундаментальными параметрами попперовской философии, как «новая гносеологическая парадигма — антифундаментализм», смысл которой «в отказе от поисков *начала познания*», когда автор *в ходе именно таких поисков* сначала пришел к убеждению, что «знания стары как сама жизнь», а затем — что они, пожалуй, и постарше, и вроде бы даже выходит, что они — «физическая реальность», но, правда, очень противоречиво (так что возможно — объективно напрашивается — это и некий неуловимый дух, но как в таком случае быть с «физическими реальностями»?). Как быть в обрисованной ситуации (исключая выведенное нами последнее следствие) с убежденностью Поппера в иррационализме («Я, — возражает мне Поппер, — рассматриваю реальность как иррациональную») плюс с его убежденностью в индетерминизме реальности («фундаментальный принцип попперовского мировоззрения — *индетерминизм*», «как хорошо известно, в основе попперовского мировоззрения лежит фундаментальный *индетерминизм*» — «ни наш физический мир, ни наши физические теории не являются детерминистскими» /К. Поппер/)²⁷ ? И все это при утверждении, что «*предрасположенности*» сначала привели к возникновению жизни, затем — разрыванию, эволюции её, что в свою очередь «привело к лучшим ус-

²⁶ Там же. С. 154-155.

²⁷ Там же. С. 24, 164, 194, 234.

ловиям жизни на Земле», поскольку «организмы (почему-то) искали лучший мир» и проч. и проч. И все это касается в конечном итоге и жизни общества: второго и третьего попперовских миров.

В общем, учитывая рассмотренные выше обстоятельства, видимо, можно признать, что противоречивые позиции Поппера чаще близки, пересекаются, порой совпадают с разными вариациями позитивизма (начиная, пожалуй, от исходных). И хотя в связи с эволюционистско-дарвинистскими поисками у философа появлялись термины, определения, образы («открытая Вселенная», «будущее открыто», «творческий мир — Вселенная», вероятности и т.д.), корреспондирующие к постнеклассике, сходство здесь, как представляется, главным образом номинальное. Отсутствует всякий раз, и в целом в теоретической конструкции Поппера, диалектика, нелинейность восприятия, как это ни странно для эволюциониста. Однако эволюция, дарвинизм интерпретируются автором (на наш взгляд) механистически, в частности, посредством «универсального» метода проб и ошибок, а диалектика оказывается «частным случаем» в рамках этого метода. И очень говоряще предстает работа одного из отечественных попперианцев, озаглавленная: «К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна»²⁸. Да и не без причин долгое время (ещё в 1979 г.) сам Поппер определял дарвинизм как «логический трюизм», т.е. воспринимал его вполне софистски. Не случайно с самого начала в космологии автора — борьба в основном «*взаимоисключающих* предрасположенностей», а затем — борьба «предрасположенностей» и «случайностей» вокруг «реализации *сингулярного* события»²⁹. Но, следовательно (учитывая все сказанное выше), «попперианизм» — это, скорее, неклассика в широком аспекте и разных уровнях её проявлений. И примечательно, что очень сочувственно трактуемая сегодня В. Н. Садовским монография 1988 г. З. А. Сокулер определяет К. Поппера, «вопреки устоявшимся оценкам», не как «антипода» Л. Витгенштейну (оказавшемуся, в частности, у истоков «логического позитивизма»), но как имеющего в своих «установках больше общего... /с ним/, чем это может показаться на первый взгляд». «Ход его /Витгенштейна/ мыслей во многих аспектах параллелен рассуждениям Поппера, — подчеркивает автор, — /поскольку/ их творческая эволюция имеет общие истоки... теорию Поппера можно понять как приложение идей гештальт-

²⁸ Там же. С. 77, 223; Смирнов. 1995. № 1. С. 148-151.

²⁹ Садовский. Указ. соч. С. 143, 165-167.

психологов к теории научного познания, а позднюю концепцию Витгенштейна — как приложение тех же идей к философии языка»; и оба они стоят у истоков «новой гносеологической парадигмы — антифундаментализма» и т.д. Кроме того, «они, как никто другой, — по словам автора, — определили облик и эволюцию западной философии второй половины XX века», притом что в целом западная философия XX века «предстает ...как разрушитель идей и заветов *классической философии, рационализма, Просвещения*». Наконец В. А. Смирнов прямо определяет логическую систему, которую построил Поппер, и с помощью которой можно «реализовать... важные идеи попперовской философии науки», *неклассической* логикой³⁰.

И все-таки, может быть, самое убедительное в определении места К. Поппера в череде типов научной рациональности — его принципиальная приверженность до конца своей ранней социально-философской работе «Открытое общество и его враги», тем более что среди достижений философа числится концепция единства социально-гуманитарных и естественных наук. В 1991 г. Поппер писал: «В настоящий момент я чувствую, что моя книга «Открытое общество и его враги» является более важной, чем мои статьи по проблемам науки... и я хотел бы издать её в русском переводе», и в предисловии — «Письме моим русским читателям» по существу расписался под всеми основными идеями этой работы³¹.

Между тем этот основательнейший и преисполненный страстями труд философа есть следование строго линейному восприятию реальности, ярко выраженному европоцентризму, при опоре на механистический, антидиалектический подход с плоско-рыночным видением человека (реально — индивида-атома) и общества (как договорно-правовой формализованной совокупности таких атомов), с отрицанием историософии и исторических закономерностей и, по большей части неявным, а в начале и в конце двухтомника — декларативно-заклинательным подведением читателя к выводу о западном обществе как лучшем из возможных за всю историю человечества, идеальном образце для остальных. При этом, по самопрезентации автора (на что мы уже обращали внимание), пронизывает все построения двухтомника, «методологический номинализм» (органиче-

³⁰ Там же. С. 194-197, 222.

³¹ *Поппер*. Указ. соч. Т. I. С. 7-16; *Садовский*. Указ соч. С. 203; *Пригожин, Стенгерс*. 2000. С. 26.

ски связанный с неопозитивизмом, по Э. Ильенкову); «вызовы» Аристотелю, Гегелю, Марксу, Ньютону и т.д. предстают как участие в сокрушении «классики». Подчеркивание же в последний период деятельности *иррациональности* и *индетерминизма* реальности (в том числе и особенно — исторической), действия закона *естественного отбора в мире идеальном — духовном* (человеческого общества), неких непонятной природы «*предрасположенностей*» и других загадок, вроде «*эпистемологии без познающего субъекта*» при категорическом отрицании «онтологического» и сосредоточенности на «*ситуативном*», — все это объективно воспринимается вполне комплиментарным (или предкомплиментарным) постмодернистским интенциям. И, наверное, есть связь между исчерпанием конструктива индустриализма — модернизма — экономической общественной формации — эпохи естественной необходимости³², с одной стороны, и позитивизма — неклассики во всех их превращениях, с другой. И в случае отсутствия самопреодоления — качественного прорыва на новый виток развития или к новой парадигме, исход: постмодернизм и как тип рациональности (в том числе научной), и как бытийственная эпоха (эпоха распада, деконструкции-деструкции, атомизации, виртуализации — тяжелейшего познавательного и онтологического социально-гуманитарного заболевания)³³.

Между тем, если вернуться к «неоклассической» линии развития науки, то в этом случае следует повторить и добавить, что и на физическом и на гносеологическом уровне возмущали и взрывали порядок

³² См. у В. И. Вернадского: «Настало время, когда мысль стала средством формирования действительности» (Баранцев. 2003. С. 118)

³³ Как отмечается в отечественной литературе, постмодернизм в целом не может оцениваться однозначно в силу хотя бы изначального его пафоса как тотальной критики Системы — буржуазного общества, фигуры веберовского буржуа-накопителя, репрессирующих, подавляющих личность. Отсюда противопоставление всесильной тотальной Системе, репрессирующему Целому «свободной чувственности молодежного бунта» и т.д. Однако, как пишет А. Лапшин, «не оказалась ли репрессивная система, которую "левые" принимали за мировое зло, лишь переходным этапом к чистому социал-дарвинизму? И не оказалось ли тогда разрушение сдерживающих механизмов невольной помощью самой Системе?». См., кроме того, соображения по постмодернизму «позднего» А. С. Панарина, доказывающего, что «подрыв *логоцентризма*» как раз и «превращает человека в легко управляемое существо» и т.д. (Лапшин. 2004. № 3(530). С. 3; Он же. 2004. № 15 (542). С. 4; Панарин. 2002. С. 68-69 и др.).

явления, связанные более всего с «парадоксом времени». Достаточно сослаться 1) на рассматриваемую авторами «Времени, хаоса и кванта» ситуацию принципиального, тотального отрицания *необратимости* крупнейшими представителями великой естественнонаучной революции, 2) на такое обстоятельство, как «наблюдатель», который в «неклассике» (видимо, отчасти и в «неоклассике» и каких-то промежуточных вариациях, а в общем, от начала XX в. до появления синергетики) оказывается ответственным за необратимость — «стрелу времени» — событие; и в то же время 3) на *экспериментальность* (вот он — реалистический феномен «наблюдателя») как условие становления «классической» физики, сквозное условие существования естествознания вообще, притом что любой акт измерения означает *необратимое* взаимодействие с миром и вместе с тем — необходимый этап, момент, условие в его познании. Следовательно, отрицание объективного статуса *необратимости*, если придерживаться точного смысла этого отрицания, отрицает саму возможность экспериментального познания — начала современного научного знания, науки. И не удивительно в этой связи (из-за отрицания необратимости) Эйнштейново изумление самим фактом познаваемости объективного мира. «Самое большое чудо, утверждал /он/, единственное, чему следует удивляться, заключается в том, что наука вообще существует», что познаваемость есть факт. И потому вполне оправданной оказывается неожиданная для не специалистов характеристика Пригожиным науки от Ньютона «и даже ныне» как «науки нового Моисея, которому *явлена* истина мира», «науки, постигающей по *наитию* тайны мироздания», во всяком случае, науки с демонами Лапласа, Максвелла, Богом детерминизма Рене Тома и Богом Эйнштейна. Как и оправданна его (Пригожина) едва ли не саркастическая реплика, гласящая: «... если эта познаваемость, столь высоко ценимая Эйнштейном, означает отрицание именно того /необратимости/, что делает её возможной ... то мы имеем дело не с чудом /как полагал Эйнштейн/, а с абсурдом!»³⁴.

Последующие открытия в области астрофизики, математики и квантовой физики предельно обострили проблему необратимости — «стрелы времени». Скажем, космологические фундаментальные уравнения Эйнштейна (теория относительности) выглядели, по его собст-

³⁴ Пригожин, Стенгерс. Указ. соч. С. 42-43; Они же. 2000. С. 76-77.

венной оценке, как «здание, одно крыло которого выстроено из мрамора», зато другое — «из дешевого дерева», к тому же, добавим, — с подпоркой — «граничным условием», требующим сведения уравнений Эйнштейна к уравнениям Ньютона. Статическая, атемпоральная эйнштейновская модель Вселенной в итоге нуждалась в так называемой *космологической постоянной*. Однако «корректирующее» Эйнштейна доказательство А. А. Фридмана (1922 г.), не требующее никаких «подпорок», привело к «рождению понятия “возраст” Вселенной» — пишет И. Пригожин, правда, с неистребимой классической обратимостью во времени, зафиксированной в теории относительности³⁵. Череда последующих открытий, и главное — открытие предсказанного почти за 20 лет до того знаменитого реликтового излучения в 1965 г. «поставило физику перед лицом величайшего кризиса», поскольку «идея рождения Вселенной перешла из области абстрактных математических умозаключений в область физической реальности»³⁶. И оказалось, что, несмотря на тончайшие ухищрения — описание истории Вселенной примерно через 10^{-35} секунд после Большого Взрыва (т.н. «инфляционная модель»), добраться с помощью атемпоральной неоклассики-неклассики к самому моменту рождения Вселенной и избавиться от «космологического парадокса» невозможно³⁷. Только синергетика с её «легализацией», включением во все уровни физического мира необратимости — «стрелы времени», через неустойчивость — хаос (а не Большой Взрыв), несводимость, нелинейность смогла предложить «самосогласованную» космологическую модель, снимающую эти проблемы, признающую за Вселенной и возраст, и «стрелу времени», включающую факт — процесс рождения материи и кривизны пространства-времени³⁸.

Причем синергетика оказалась мощным обобщением всех предыдущих этапов развития физики, общих проблем естествознания, разработок социально-гуманитарных наук, философии. И в частности, в синергетической космологии — вовсе не по дарвиновскому закону естественного отбора с «поеданием» — уничтожением — отбрасыванием «неудачников» (как у К. Поппера), но абсолютно в соответствии с давней отечественной системно-кооперационной

³⁵ Они же. 2001. С. 189,190-191; Стёпин. 2003. С. 646.

³⁶ Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 185-186.

³⁷ Там же. С. 194-195.

³⁸ Там же. С. 203-208, 220.

концепцией (Л. И. Мечникова, Н. Я. Данилевского, Н. Ф. Фёдорова, П. А. Кропоткина, В. И. Вернадского, А. А. Богданова, П. К. Анохина, Л. Н. Гумилева), «стационарная» и «стандартно-инфляционная» модели Вселенной, и «пустая Вселенная Минковского» нашли свои реалистические ниши: пределы, уровни применимости. Поскольку, повторим мечниковское: даже «в биологическом мире не всё можно объяснить из законов борьбы за существование». Более того, по Л. И. Мечникову, именно «способность образовывать союзы, общности есть двигатель биологического совершенствования, а не конкуренция». И как подчеркивает сегодня Г. А. Заварзин, «суть естественного отбора ... не в вытеснении путём конкуренции, а в соответствии элемента большой системе»³⁹.

Видимо, можно признать, что широкое эволюционистское увлечение в мире науки второй половины XX – начала XXI в. имеет свои издержки в виде «узкодарвинистской» трактовки эволюции. Не случайно И. Р. Пригожин оговаривает необходимость вычленения параметров «истинной эволюции», где, в частности, наличествует событие, способное изменять ход эволюции.

Возникает некоторый эффект отторжения, когда при определении постнеклассики внимание акцентируется на эволюционизме. Наверное, точнее все-таки акцентация на «стреле времени» — историзме. Тем не менее, проблему «стрелы времени» = историзма — центральную в становлении синергетики, а потому и постнеклассики, В. С. Стёпин как-то обходит, почти не фиксирует на протяжении шести глав, а в седьмой (собственно постнеклассической) обращается к ней где-то с середины главы. И потому «парадокс времени», «квантовый» и «космологический» парадоксы — проблемное поле, комплекс проблемных ситуаций, инициировавших становление синергетики, не обнаруживаются в книге сколько-нибудь рельефно. Изложение ситуации в квантовой физике в этой связи выглядит определенно иначе, нежели в интерпретации И. Пригожина и его коллег. А очень тщательный анализ поисков Нильсом Бором идеализированных способов «измеримости квантованного поля излучения» нацелен на доказательство того, что «идеализированные измерения, построенные в соответствии с реальными особенностями квантово-механических и квантово-релятивистских экспериментов, должны выявлять объективные

³⁹ Кроме того, см.: Чуринов. Указ. соч. С. 75, 81; Пустильник. 1990; Проблемы системности в истории 1994. С. 9-29, 38-45.

характеристики процессов в атомной области». В общем, создается полное впечатление решенности, снятия таким образом проблем-парадоксов в квантовой физике⁴⁰.

Однако в работе И. Пригожина и И. Стенгерс «Время, хаос, квант» не случайно целая глава названа: «О чем говорит и о чем умалчивает квантовая механика», и ещё две главы посвящены этой проблеме, а в целом — решению «парадокса времени». Пригожин пишет: «Так называемая копенгагенская интерпретация, существующая в многочисленных вариантах (при высочайшей её оценке — оценке позиции Н. Бора — В. С. Стёпиным), пыталась разрешить квантовый парадокс. Согласно этой интерпретации, квантовые системы обладают... свойствами, только когда эти свойства *измерены*»⁴¹. Собственно, уже здесь очевидна субъективизация подхода. Однако, Пригожин абсолютно корректен, и потому отмечает, что «копенгагенская интерпретация» просто «не имеет ответа» на данный вопрос. Специально бельгийские синергетики подчеркивают, что для Нильса Бора «измерительный прибор... должен быть промежуточным звеном между законами квантовой механики... и миром классической физики». Однако, как замечает Пригожин, «Бор умолчал... каким образом можно... получить динамическую систему, которая была бы определена в терминах квантовой теории, но выполняла бы посредническую миссию между микроскопическим и макроскопическим уровнями». «Нильсу Бору так и не удалось, — подчеркивает нобелевский лауреат, — точно указать связь, существующую между измерением и необратимостью. Для Бора *коллапс волновой функции* (т.е. неклассическая интерпретация — В. Ш.), был составной частью квантовой физики». Он не смог дать «реалистическую картину такого коллапса»⁴².

Только синергетики («пригожинцы» и отечественные «нелинейщики» из Института прикладной математики им. М. В. Келдыша, прежде всего С. П. Курдюмов) обеспечили объективистскую — реалистическую интерпретацию вероятностей. «Квантовый хаос, а не акт наблюдения, опосредует наш доступ к Природе» (пишут Пригожин и Стенгерс), и в итоге реальная «временная эволюция хаотической системы трансформирует волновые функции в ансамбли /вероятностей/» без всякого «коллапса волновой функции», требующего «наблюдате-

⁴⁰ См.: Стёпин. 2003. С. 432-502; 394-395.

⁴¹ Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 132-134; Стёпин. 2003. С. 460.

⁴² Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 183.

ля». Одновременно разработанный отечественными «нелинейщиками» аппарат математического описания «режимов с обострением в нелинейных средах» оказался продуктивным «в приложении к квантово-механическим задачам... и позволил дать объяснение квантованию как выражению /объективных/ свойств нелинейной среды»⁴³.

По выводам Пригожина-Стенгерс, «парадокс времени занимает центральное место в квантовой теории», притом что появление самой квантовой теории «было воспринято как триумф *обратимого* во времени описания, *исключающего события*». Эта атемпоральность ортодоксальной квантовой физики требовала «введения в теоретическую схему *субъективного* элемента, ориентированного на наблюдателя», что удалось исключить внутренне «темпорализованной» синергетике. «Научная объективность утрачивает смысл, если она в конечном счете объявляет нашу взаимосвязь с миром чем-то призрачным, низведя её до уровня “чисто субъективной”, “чисто технической” или “чисто инструментальной”... В нашем подходе, — отмечают авторы, — измерение не играет более никакой особой роли... мир следует одним и тем же законам с измерениями или без измерений... события происходили бы, даже если никакого наблюдателя не было бы»⁴⁴.

«С позиций возникновения порядка из хаоса, — признает В. С. Стёпин, — принципиальная статистичность предсказаний квантовой механики предстает уже не как результат активности наблюдателя..., а как выражение существенных характеристик самой природы». Одновременно переход на позиции реализма — признание «существования непрекращающихся взаимодействий... существенных большинству физически важных реалистических ситуаций... является основным условием альтернативной, оперирующей непосредственно с вероятностями, формулировки /и/ классической.../и/ квантовой механики... позволяет слить в единое целое динамику, статистическую механику и термодинамику»⁴⁵. Неустойчивость — хаос, нелиней-

⁴³ Как сообщается в коллективном труде «Синергетика и прогнозы будущего», речь идет о разработках в рамках «научной школы академика А. А. Самарского в ИПМ АН СССР и на ВМК МГУ новых парадоксальных представлений синергетики, связанных с изучением... развития в нелинейных средах режимов с обострением» (Капица, Курдюмов, Малинецкий. 2001. С. 43), — в итоге речь о теории нелинейных сред с положительной обратной связью.

⁴⁴ Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 14, 43, 99-100, 134-135, 184.

⁴⁵ Стёпин. 2003. С. 404; Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 152, 165.

ность — «ансамблевый» подход — несводимость — вероятностность, открытость — положительные обратные связи — взаимодействия, становление — событийность — необратимость (историзм), обнаруживаются синергетикой у самых истоков, корней физической — вообще объективной реальности через соединение интерпретаций микромира с космологическими представлениями. Всё это — параметры, свойства сложноорганизованных систем с их внутренними тенденциями самоупорядочения и саморазвития, притом что наиболее сложные из них, способные к самопреодолению, самовозрастанию, — человеческие системы, социумы, человечество. Последнее же давно предчувствовалось, фиксировалось в восточно-христианской, позднее русской религиозно-философской и художественной (да и научной) мысли (ср. с идеями продолжающегося миротворения и антропогенеза, ноосферы и движения через эпоху осознанной необходимости к «царству Свободы») представлениями о всемирно-историческом процессе как предельно существенной, единственной возможности самореализации человека — народа — человечества, как единственно возможного пути теодицеи через антроподицею, притом что «жизнь каждого человека на Земле есть момент абсолютного Бытия»⁴⁶ (одновременно см. западные оценки марксизма, советской идеи как идеи спасения посредством истории) и т.д.⁴⁷

В целом же можно сказать: последовательная диалектичность — «объективная диалектика» — прямая связующая, выводящая на постнеклассику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранцев П. Г.* Синергетика в современном естествознании. М., 2003. 144 с.
Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. 383 с.
Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность.* 1999. № 6. С. 116-127.
Бранский В. П. Теоретические основания социальной синергетики // *Петербургская социология.* 1997. № 1. С. 148-179.
Ивин А. А. Историзм // *Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина.* М., 2004. С. 338-340.
Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. 288 с.

⁴⁶ *Бердяев.* 1989. С. 24, 128, 141, 173.

⁴⁷ *Тойнби.* 1992. С. 566; *Он же.* 2003. С. 231,51

- Латишин А.* Исчерпанный дискурс // ЗАВТРА. 2004. № 3(530). С. 3.
- Латишин А.* Пирамида и круг // ЗАВТРА. 2004. № 15 (542). С. 4.
- Маньковская Н. Б.* Деконструкция // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 214-216.
- Маньковская Н. Б.* Постмодернизм // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 668-670.
- Никифоров А. Л.* Мах (Mach) Эрнст (1838–1916) // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 483-484.
- Никифоров А. Л.* Поппер Карл Раймунд // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 666-667.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.
- Панченко А. И.* Научный материализм // *Современная западная философия: Словарь*. М., 1991. С. 193-195.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М., 1992. Т. I. 448 с., Т. II. 528 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2000. 312 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / Пер. с англ. / Под ред. В. И. Аршинова. 3-е изд. М., 2001. 240 с.
- Проблемы системности в истории отечественной науки и философии: научно-аналитический обзор / д-р филос. наук Л. Э. Венцовский и др. М.: ИНИОН РАН, 1994. 67 с.
- Пустильник С. Н.* Истоки системной мысли А. Богданова / Ин-т истории естествознания и техники АН СССР. Препринт. М., 1990. 30 с.
- Садовский В. Н.* Карл Поппер и Россия. М., 2002. 280 с.
- Смирнов В. А.* К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна // *Вопросы философии* 1995. № 1. С. 148-151.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. 744 с.
- Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. 590 с.
- Чуринов Н. М.* Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск, 2006. 709 с.
- Юлина Н. С.* Научный материализм // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 551-552.
- Юлина Н. С.* «Эмерджентный реализм» К. Поппера против редукционистского материализма // *Вопросы философии*. 1979. № 8. С. 96-107.

Шепелева Валентина Борисовна, к.и.н., доцент кафедры Современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; VShepel@rambler.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

М. С. ПЕТРОВА

БИОГРАФИИ АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ В РАКУРСЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В настоящей публикации изложена расширенная программа спецкурса «Специальные исторические дисциплины: просопография», разработанного для студентов высших гуманитарных учебных заведений, специально занимающихся изучением истории (включая социальную, политическую, интеллектуальную и т.д.) и истории философии Античности и Средних веков, прослушавших общие курсы исторической и историко-философской направленности, знакомых со специальными историческими дисциплинами, методикой построения исследования и имеющих навыки работы с древними языками.

Ключевые слова: просопография, источник, интерпретация, личность, эпоха, реконструкция.

Спецкурс «Специальные исторические дисциплины: просопография», посвященный реконструкции биографий позднеантичных авторов, о жизни которых прямых свидетельств не сохранилось, читается студентам старших курсов Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва) на протяжении ряда лет. Материалы спецкурса были опубликованы в 2004 г.¹ Благоприятные отзывы коллег², а также вопросы и пожелания заинтересованных студентов побудили нас расширить лекции за счет введения новых персоналий. По этой причине мы дополнили спецкурс разделами, посвященными реконструкции биографий и интеллектуального окружения римского грамматиста Доната (IV в.), латинского философа-платоника Калкидия (кон. V – нач. VI вв.) и историка эпохи Каролингов Эйнхарда (ок.

¹ См.: *Петрова М. С.* Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла / Спецкурс для студентов государственных ВУЗов. СПб.: Алетейя, 2004. 230 с.

² См., напр., рецензию В. П. Будановой в журнале Диалог со временем 14 (2005). С. 380-383.

770–840 гг.). Кроме того, мы посчитали необходимым включить в лекционный курс ряд материалов из опубликованных в последнее время монографий и статей³, так или иначе основанных на просопографических исследованиях и относящихся к двум Оригенам (христианину [ок. 185 – ок. 253 гг.] и платонику [сер. III в.]), Ямвлиху (240/45–325 гг.), Марию Викторину (IV в.), Иерониму (331/47 – 419/20 гг.) и Эриугене (IX в.). В итоге, в сфере наших обсуждений оказались яркие представители как языческой, так и христианской культуры.

Ниже мы публикуем программу расширенного спецкурса, с перечнем источников и основной литературы на русском языке, сопровождая ее необходимой информацией о цели и задачах курса.

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА

ПРОСОПОГРАФИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

(НА ПРИМЕРЕ АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕРСОНАЛИЙ)

Программа спецкурса⁴ разработана для студентов высших гуманитарных учебных заведений, специально занимающихся изучением истории (включая социальную, политическую, интеллектуальную и т.д.), культуры, литературы и истории философии, прослушавших общие курсы по истории Древней Греции и Рима, истории античной и средневековой философии и литературы, знакомых со специальными историческими дисциплинами (ономастикой, генеалогией, нумизматикой, палеографией, эпиграфикой и др.), методикой построения исследования и имеющих навыки работы с древними языками (латинским и древнегреческим).

Спецкурс разъясняет, как строится просопографическое исследование, реконструирующее биографии исторических личностей. В частности, говорится о том, 1) как подобрать и систематизировать сведения, полученные из сочинений рассматриваемых авторов; 2) как привлечь к исследованию, сопоставить и проанализировать «внешний», весьма разнообразный и обширный, просопографический материал, включая использование электронных текстовых баз данных.

Курс носит практический характер. Его цель — научить на конкретных примерах, каким образом при помощи анализа самых разнообразных источников (письменных, вещественных и пр.) можно

³ Библиографический перечень работ см. в конце Программы.

⁴ Курс может читаться как полностью, так и отдельными разделами, по выбору преподавателя и учащихся. Полный курс рассчитан на 32 акад. часа.

определить время жизни, род занятий, мировоззрение и интеллектуальный круг античных и средневековых авторов⁵. Задача спецкурса — вовлечь учащегося в процесс просопографического исследования, ориентируя его не на пассивное восприятие предлагаемой информации, а, напротив, — на активную работу с рассматриваемым материалом. По этой причине слушателю предоставляется возможность самостоятельно анализировать и извлекать нужные сведения из рассматриваемых источников⁶.

* * *

ВВЕДЕНИЕ К КУРСУ

Понятие и термин «просопография». Что такое просопографический материал. Тематика просопографических исследований. Важность просопографии. Методы просопографического исследования. Предмет, характер, цель и задачи курса.

Тема I

ОРИГЕН-ХРИСТИАНИН и ОРИГЕН-ПЛАТОНИК

Проблема личности. Два Оригена: Ориген-христианин и Ориген-платоник (дуализм и унитаризм). Источники (тексты Порфирия, Евсевия Кесарийского, Евнапия, Фотия), идентификация личности. Хронологические обстоятельства и трудности в отождествлении. Сопоставление датировок написания трактата Оригена-платоника «О том, что только Царь — Творец» с датой смерти Оригена-христианина. Две трактовки фразы *ἐπὶ Γαλιῆρον* (*Porph. Vita Plot.* 3). Годы жизни Оригена-христианина. Ориген и Плотин. Сочинения Оригена, упомянутые в «Жизни Плотина» Порфирия как довод в пользу дуализма. «Ошибка» Порфирия.

⁵ Примерные темы итоговой аттестации: 1. Что такое просопография и просопографический материал; чем занимается просопография. 2. Просопография и специальные исторические дисциплины. 3. Тематика и методы просопографических исследований. 4. Верхняя и нижняя временные границы. Способы их установления. 5. Идентификация, место рождения, имена, титулы, время жизни античного автора (на примере Макробия). 6. Реконструкция биографии социальной и биографии творческой (на примере Макробия). 7. Сочинения Макробия и реконструкция его интеллектуальной биографии.

⁶ В качестве практических занятий может быть предложена тема, направленная на воссоздание интеллектуальной биографии Августина, его мировоззрения и морали. Например, ее составляющие могут быть такими: «Реконструкция натурфилософских представлений Августина на примере трактата “О книге бытия” (Кн. III, гл. 1-24)» и «Становление моральной личности Августина на примере “Исповеди” (Кн. IV и XIII)».

Ориген-христианин [Александрийский]. Время жизни. Место рождения. Род занятий и интеллектуальное окружение. Преподавательская деятельность. Смерть. Сочинения. Основные темы. Учение.

Ориген-платоник. Время жизни. Сочинения. Реконструкция взглядов (теологическая доктрина; отношение к Гомеру; демонология).

Тема II

ЯМВЛИХ

Биография

Источники (основные и второстепенные), их прочтение и интерпретация. Элемент «чудесного» (у Евнапия), применительно к Ямвлиху.

Место рождения и происхождения. Предки Ямвлиха (миф и реальность).

Время жизни. Доводы в пользу ранней и поздней датировки времени рождения Ямвлиха. Terminus post quem и terminus ante quem. Места творческой активности. Определение места и даты смерти.

Образование. Место ученичества. Учителя (Анатолий, его идентификация; Порфирий). Отношения между учителем и учеником.

Деятельность и интеллектуальное окружение. Школа Ямвлиха. Методы и способы обучения (традиции и новации). Ученики (Сопатр Апамейский, Дексипп, Гиерий).

Почитание. Прославление и авторитет.

Реконструкция биографии.

Сочинения

Три периода творчества (попытки хронологизации сочинений). I. Пифагорейско-герметический. II. Порфириево-платонический. III. «Халдейский». «**О Пифагоровой жизни**». Краткое содержание трактата, его структура. Особенности и жанр произведения. Основная тема: биография как систематическое изложение пифагорейского образа жизни и учения. «**О египетских мистериях**». Содержание трактата, его основные темы. Метафизические и натурфилософские особенности сочинения.

Тема III

МАРИЙ ВИКТОРИН

Биография. Основные источники. Даты жизни. Происхождение. Образование. Преподавательская деятельность (в Северной Африке, Италии). Род занятий. Приверженность язычеству. Принятие христианства. Свидетельства о смерти. Реконструкция биографии.

Сочинения. Тематическое и жанровое разнообразие сочинений (переводы, комментарии, трактаты, гимны). Их хронологическое (языческие и христианские) и тематическое (грамматико-риторические, логико-философские, богословские) деления.

Тема IV
ДОНАТ

Биография. Косвенные источники. Время жизни и творческой активности. Даты рождения и смерти. Место рождения. Происхождение, имя, прозвище, титулы. Род занятий и положение в обществе. Интеллектуальное окружение (Марий Викторин). Образ Доната в Средние века. Реконструкция биографии.

Сочинение. «Наука грамматики». Проблема титула (Ars grammatica: Ars minor и Ars maior). Краткое содержание. Заключение (востребованность сочинения и влияние Доната на средневековых авторов).

Тема V
ИЕРОНИМ

Биография

Источники (сочинения самого Иеронима, свидетельства и письма современников, поздние тексты [«Жития»]): способы их прочтения и интерпретации. Происхождение, детство, образование. Монашество. Интеллектуальное окружение. Физический и «интеллектуальный аскетизм». Вифлеем и Рим (научная деятельность, занятия, окружение). Взаимоотношения с учениками. Оригенистские споры. Последние годы жизни.

Сочинения

Библейские переводы и толкования. Догматико-полемические трактаты. Исторические и агиографические сочинения. Гомилии. Письма. Заключение (основные положения учения Иеронима).

Тема VI
МАКРОБИЙ ФЕОДОСИЙ

Биография

Имя. Определение имени писателя. Ранние средневековые манускрипты «Комментария». Подпись Симмаха: «чтение» и анализ текста. Определение места рождения Макробия. Доказательства принадлежности автора к латинянам. Анализ источников. Образование Макробия. Анализ имен автора, объяснение их порядка. Прозвища, включаемые в перечень имен. Рассмотрение имени «Макробий» как возможного прозвища. Другие «Макробии». Поздние записи имен писателя. Выводы в отношении имени и прозвища автора. Употребление имен автора в современной историографии.

Титулы. Рассмотрение титулов автора. Идентификация автора: Codex Theodosianus. Анализ записей «Кодекса Феодосия» с именами «Макробий» и «Феодосий».

Время жизни. Определение времени жизни писателя. Порядок написания автором своих сочинений. Работа «О различиях и сходствах

греческого и латинского глаголов»; «Сатурналии»; «Комментарий на 'Сон Сципиона'». Возможные потомки писателя. Время творческого расцвета Макробия.

Принадлежность Макробия к аристократическому кругу. Персонажи «Сатурналий» и Макробий. Анахронизм мизансцены в «Сатурналиях». Определение времени событий, описываемых в «Сатурналиях». Рассмотрение аналогичных, построенных в виде диалога сочинений, содержащих описание праздника (трактаты Афиней «Пирующие мудрецы»; Цицерона «О природе богов» и «О государстве»). Реконструкция даты событий в «Сатурналиях». Кружок Претекстата и принадлежность к нему Макробия. *Terminus post quem* для «Сатурналий». Баснописец Авиен — действующее лицо «Сатурналий». Авиен и Макробий Феодосий. Рассмотрение написания имени баснописца. Авиен — переводчик «Явлений» Арата. Обзор и анализ сохранившихся источников. *Terminus post quem* для «Басен» Авиена. Посвящение Авиена Феодосию.

Реконструкция биографии.

Сочинения

«Комментарий на 'Сон Сципиона'». Основные темы сочинения, метод составления, стиль и жанр «Комментария». Особенность произведения. Философское содержание «Комментария». Основное учение, изложенное Макробием: теория об индивидуальной (или отдельной душе), об универсуме. Метод цитирования Макробием латинских текстов. **«Сатурналии».** Краткое содержание трактата. Особенности и жанр произведения. Основные темы *Сатурналий*: поэзия Вергилия и солнечный монотеизм. **«О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов».** Характеристика работы.

Заключение (принадлежность Макробия к позднеримским неоплатоникам; влияние Макробия на средневековых авторов).

Тема VII

МАРЦИАН КАПЕЛЛА

Биография

Имя. Полный перечень имен автора. Происхождение Марциана.

Место рождения. Определение места рождения и продолжительности жизни Марциана. Традиция посвящения сочинений сыновьям.

Время написания *De nuptiis*. Критика первоначального вывода о времени написания *De nuptiis*, на основании анализа текста. Выбор методики установления и уточнения временных рамок для появления *De nuptiis*. Способы определения *terminus ante quem* для *De nuptiis*: повторный анализ фраз текста Марциана, их объяснение; рассмотрение подписи к *De nuptiis*, ее анализ; отождествление персонажей подписи с реаль-

ными историческими лицами (Девтерий, Феликс); установление самой ранней ссылки на *De nuptiis*. Способы определения *terminus post quem* для *De nuptiis*: рассмотрение принципа текстуального заимствования; установление канона «семи свободных наук» (Августин, Марциан Капелла). Уточнение времени появления *De nuptiis*: выявление текстуальных параллелей (Драконтий — Марциан — Репосиан); порядок написания Драконтием стихов, вошедших в *Romulea*. Определение времени написания Марцианом *De nuptiis*.

Род занятий. Определение рода занятий Марциана на основании различных интерпретаций его текста. Автобиографическое стихотворение Марциана.

Реконструкция биографии.

Сочинение

«О свадьбе Филологии и Меркурия». Краткое содержание двух вступительных (аллегорических) книг и семи остальных, посвященных изложению свободных искусств. Язык. Стиль и его особенности. Источники. Заключение (неоплатонизм Марциана и его влияние на средневековых авторов).

Тема VIII КАЛКИДИЙ

Биография. Имя. Происхождение. Время жизни. Окружение. Критика ранней датировки. Язык, стиль. Реконструированная биография.

Сочинения. Перевод «Тимея» Платона и «Комментарий на 'Тимей'». Краткое содержание «Комментария». Основные темы (рассуждение о материи, учения о судьбе и об индивидуальной душе, демонология). Заключение (влияние на Средневековых авторов).

Тема IX ЭЙНХАРД

Биография

Источники. Место, имя, дата рождения; образование и занятия в монастыре. Физический облик и прозвища. Умения и занятия. Интеллектуальное окружение. Деятельность при дворе Карла и Людовика. Черты характера. Эйнхард и Имма. Последние годы жизни. Реконструкция биографии.

Сочинения

«Жизнь Карла Великого». Краткое содержание. Жанр и особенности сочинения. Язык, стиль, источники. Явная и скрытая цели. **«О перенесении мощей Марцеллина и Петра».** Краткое содержание. Цель написания. Степень личного участия в событиях. Реальное и вымышленное. Стиль. **«Письма».** Способы их прочтения. Заключение.

Тема X
ЭРИУГЕНА

Биография. Время жизни. Возможные места творческой активности (Лан, дворцовая школа). Интеллектуальное окружение (Пардул, Фергус, Мартин Скотт, Седулий Скотт, Пруденций). Деятельность: учитель и ученый (тематика исследований, переводы сочинений Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника; комментарии). Богословские споры с современниками.

Сочинения. Корпус сочинений Эриугены и время их появления. «Примечания к Марциану». Краткое содержание, основные положения, метод построения. «О предопределении». «О разделении природы (Перифюсеон)». Содержание, основные темы. Проблема авторского текста. *Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна* (назначение сочинения; стиль, язык, особенности). Заключение (влияние на Средневековых авторов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место просопографии в гуманитарном знании.

Основные источники

- Донат.* Краткая наука о частях речи / Пер. с лат., коммент. М. С. Петровой // Диалог со временем 1 (1999). С. 306-334.
- Иероним.* О сохранении девственности / Пер. В. С. Дурова. СПб.: РХГИ, 1997.
- Иероним.* Письма 1. 57, 125. О знаменитых мужах (фрагменты) / Пер. О. Е. Нестеровой, И. П. Стрельниковой. // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. М.: Наследие. 1998. С. 97-146.
- Иероним Стридонский.* Книга о знаменитых мужах / Пер. и комм. М. Ф. Высокого // Церковные историки IV–V веков. М.: Росспэн. 2007. С. 11-57; С. 299-372 (примеч.).
- Иероним Стридонский.* Еврейские вопросы на Книгу Бытия / Пер. С. Жукова. М.: Отчий Дом, 2009. 272 с.
- Иоанн Скотт Эриугена.* Гомилия на Евангелие от Иоанна / Вступит. ст., пер. с лат., коммент. В. В. Петрова. М.: ГЛК, 1995. 352 с.
- Иоанн Скотт.* Перифюсеон. Кн. I (фр. 446A – 474B; 500C – 524B) / Пер. с лат. и примеч. В. В. Петрова // Историко-философский ежегодник 2000 (М.: Наука, 2002). С. 65-134; Кн. II (фр. 523D – 545B) / Пер. с лат. и примеч. В. В. Петрова // Историко-философский ежегодник 2003 (М.: Наука, 2002). С. 91-121; Кн. II (фр. 545B – 562B) / Пер. с лат. и примеч. В. В. Петрова // Историко-философский ежегодник 2004 (М.: Наука, 2005). С. 40-68; Кн. II (фр. 562C – 590D) / Пер. с лат. и примеч. В. В. Петрова // Точки / Puncta 1-2 [6]. М.: Институт св. Фомы, 2006. С. 23-77.
- Макробий Аверосий Феодосий.* Комментарий на ‘Сон Сципиона’. Кн. I, гл. 1–4, 8–14 и 17; Кн. II, гл. 12–13 и 17 / Пер. с лат., коммент. М. С. Петровой //

- Петрова М. С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007.
- Ориген. О началах. Казань, 1899.
- Ориген. Против Цельса. Книги I–IV / Пер. с др.-греч. Л. Писарева. М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996.
- Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Вступит. ст., перевод с лат., примеч. М. С. Петровой. М.: Институт св. Фомы, 2005. 304 с. Или см. Историки эпохи Каролингов. М.: Росспэн, 1999. С. 7-34, 223-228; Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. М.: Наука, 2006. С. 178-202.
- Эйнхард. Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра. Кн. I // Средние века 65 (2004). С. 295-310. Или см.: Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. М.: Наука, 2006. С. 202-219.
- Ямвлих. О египетских мистериях / Пер. и вступит. ст. Л. Ю. Лукомского. Комментар. Р. В. Светлова, Л. Ю. Лукомского. М., 1995.
- Ямвлих. О Пифагоровой жизни / Вступит. ст. и пер. И. Ю. Мельниковой. М.: Алетейя, 2002.
- Ямвлих. О египетских мистериях / Пер., коммент. и предисл. И. Ю. Мельниковой. М.: Алетейя, 2004.

Основная литература

- Месяц С. В. Божественный Ямвлих: веки земного пути // Диалог со временем 22 (2008). С. 65-79.
- Месяц С. В. Ямвлих // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 837-848.
- Петров В. В. Accessus Ioannis Scotti // Иоанн Скотт Эриугена. Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна. М.: ГЛК, 1995. С. 1-161.
- Петрова М. С. Грамматическая наука в поздней античности и в средние века: *Ars minor* Доната // Диалог со временем 1 (1999). С. 295-305.
- Петрова М. С. Марциан Капелла: просопографический очерк // Диалог со временем 2 (2000). С. 110-141.
- Петрова М. С. Эйнхард — биограф Карла Великого // Карл Великий. Реалии и мифы. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 57-74.
- Петрова М. С. Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла / Спецкурс для студентов государственных ВУЗов. СПб.: Алетейя, 2004. 230 с.
- Петрова М. С. Эйнхард и его святые мертвецы // Средние века 65 (2004). С. 289-295.
- Петрова М. С. Эйнхард: историк в истории // Жизнь Карла Великого / Вступит. ст., перевод с лат., примеч. М. С. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 7-45.
- Петрова М. С. Репрезентация прошлого средневековым историком (Эйнхард и его сочинения) // История и Память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 242-276.

- Петрова М. С.* Эйнхард // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. М.: Наука, 2006. С. 176-178.
- Петрова М. С.* Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007. 464 с.
- Петрова М. С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем 22 (2008). С. 80-92.
- Петрова М. С.* История частной жизни: Эйнхард и Имма // Диалог со временем 23 (2008). С. 24-31.
- Петрова М. С.* Калкидий. Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 403-407.
- Петрова М. С.* Марциан Капелла // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 471-475.
- Петрова М. С.* Эйнхард и власть: жизнь при дворе // Адам и Ева. Альманах гендерной истории 17 (2009). С. 40-51.
- Серегин А. В.* Ориген Александрийский // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 531-535.
- Он же.* Ориген Платоник // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 535-536.
- Он же.* К вопросу о двух Оригенах // Богословские труды 42 (2009). С. 44-86.
- Фокин А. Р.* Христианский платонизм Мария Викторина. М., 2007. 256 с.
- Фокин А. Р.* Блаженный Иероним Стридонский: библеист, экзегет, теолог. М.: Центр библейско-патрол. исслед.; Аlara, 2010. 224 с.

Дополнительная литература

- Лосев А. Ф.* Калкидий // История античной эстетики. Том VIII: Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992. Кн. 1. С. 102-140.
- Лосев А. Ф.* Марциан Капелла // История античной эстетики. Том VIII: Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992. Кн. 2. С. 153-161.
- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Макробий и Марциан Капелла — философствующие писатели поздней античности // Античность в контексте современности. М.: МГУ, 1990. С. 5-33.
- Уколова В. И.* «Комментарий на 'Сон Сципиона'» Макробия и средневековая философия // Из истории философского наследия древнего средиземноморья. М.: ИФ РАН, 1989. Часть II.
- Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Уколова В. И.* Поздний Рим. Пять портретов. М.: Наука, 1992. 160 с.

Петрова Майя Станиславовна, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; beio-pyt@mail.ru.

РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы XIX–XX вв. Казань: Изд-во КГУ, 2008. 252 с.

Образ города можно творить не только на основании официальных архивных документов и источников личного происхождения, а дополнить легендами, мифами, анекдотами, городским фольклором, частушками, поговорками, устными воспоминаниями. Будучи «переплавлен» мастерскими «руками» историков повседневности этот разнородный массив источников превращается в действительно объемное, почти голографическое изображение прошлого Казани.

В рецензируемой книге новый образ города собран из таких сюжетов повседневной жизни казанцев, которые ранее не «заслуживали» внимания краеведов, писателей, летописцев. У российских обывателей и иностранных путешественников сложилось стереотипное представление о Казани как восточном городе. Авторы книги вынуждены констатировать, что в XIX в. восточной экзотики в облике города и укладе жизни казанцев почти не осталось. Так, приехавший в город в 1805 г. 19-летний Ф. Ф. Вигель не обнаружил в Казани какого-то своеобразия. Напротив, он отмечал, что этот город сильно напоминал ему Москву. Разочарование испытала и французская аристократка — принцесса Таренская, которая отмечала, что «здесь, как и повсюду, нет ничего азиатского, а все европейское».

Провинциализм Казани проявлялся и в неразвитой инфраструктуре, и в самих нравах ее обитателей, «живших эгоизмом, наветами и повседневными дрязгами». Тяга к образованию и высокой культуре в начале XIX в. была очень низкой. Авторы связывают это с тем, что Казань еще не испытала мощного воздействия гимназии и университета, И. Ф. Яковкин не сумел установить прочные социальные связи, для того чтобы закрепить в местном сообществе значимость вверенных ему учебных заведений. В 1807 г. губернатор Б. А. Мансуров сообщал в вышестоящие инстанции: «Упущения в воспитании детей произвели ропот в публике, некоторые берут обратно детей своих, а многие удерживаются отдавать их для обучения... Негодование публики умножилось еще более отрешением от должностей профессоров и учителей университетов, заслуживших одобрения ее».

В книге можно обнаружить много интересных подробностей и наблюдений за стилем жизни казанцев. Детальное описание картины

казанского быта авторы умело сочетают с переосмыслением как известных, так и ранее неизвестных фактов. В книге показано, что Казань соединяла несколько микромиров, существовавших параллельно. Авторы отмечают противостояние центра (города) и окраин, слободок, городского и полусельского быта, разных социальных групп (аристократии, купцов, простолюдинов и маргиналов). «“Высокая” и “низкая” городская субкультуры Казани мало общались между собой. ...Из-за активных миграционных потоков “сельскость” буквально захлестывала городскую повседневность и проявляла себя в негативном, подозрительном отношении неопитов к городскому укладу жизни. Прибывшие в Казань сельчане, в отличие от прибывших в столицу, не стремились изживать свой провинциализм».

Когда читаешь эти строки, невольно припоминаешь до боли знакомые звуки, запахи полусельского быта в центральных районах Казани. Свидетельства поразительной приспособляемости сельского образа жизни к городской среде еще раз подтверждают консерватизм этих культурных форм и отражают медленную смену привычного уклада жизни бывших мигрантов из глубинки. Сохранение садиководничества имело практическое значение: собранный урожай помогал пережить трудные времена. Огородники давали их владельцам чувство защищенности и независимости в нестабильной городской жизни.

Книга пробуждает не только идиллические настроения, но и вызывает грустные размышления об утраченных традициях. Например, пересекавшие город речушки и озера приносили казанцам не только беды, но и радости: их берега и водные просторы были любимым местом проведения досуга. В летнее время Кабан превращался в место купания и катания на лодках. Если бы эта форма досуга была возрождена в наши дни, то наверняка, пользовалась бы у горожан не меньшей популярностью, чем полтора столетия назад.

Другая, быть может, более значимая для города проблема, затронутая авторами книги, — стирание национального своеобразия в архитектуре Казани. Попытки достичь баланса между национальными и интернациональными традициями в архитектуре, предпринятые в 1930-е гг. оказались единичными. Из архитектуры 1950–60-х в памяти всплывает только панно «Советская Татария» (1967), украшающее здание Казанского вокзала (С. М. Бубенкова и В. К. Федорова). Новаторские подходы использования этнических мотивов в архитектуре полиэтничного города не получили продолжения и развития. Сегодня,

когда ландшафт и облик древней Казани стремительно обновляется, элементы восточного, татарского колорита утрачиваются.

Главная заслуга авторов состоит в том, что им впервые удалось проследить каналы взаимодействия между этническими культурами городского населения. Они утверждают, что пограничная полоса взаимодействия между русской и татарской культурой проходила в среде городских низов (кулачные бои, катание на «татарах», татарские офени, ямщики и т.д.), а полоса диалога между русской и немецкой культурами располагалась в основном, в среде местных интеллектуалов. И вывод убедителен: «Разреженное коммуникативное пространство города, слабый диалог культур, отсутствие властных стратегий, действующих в этом направлении, создавали ситуацию, при которой повседневность частного человека не была унифицирована. Она допускала существование в одном времени разных повседневностей».

В первые годы советской власти смена повседневного уклада казанцев была связана с политикой муниципализации жилья. Нашим современникам может показаться парадоксальным, что в те годы простые казанцы не стремились переезжать в центр города, в экспропрированный жилищный фонд. Авторы книги показывают, что и потомственные горожане, и бывшие мигранты из деревни не хотели переезжать в центр, в городскую квартиру. Гораздо престижнее для них было иметь свой дом. «Переезд в центр был для них чреват потерей традиционных жизненных устоев и стиля жизни, в частности, невозможность вести приусадебное хозяйство, осуществлять традиционное вне рабочее времяпровождение, посещать привычные места проведения досуга. Театры, музеи были для большинства трудящихся чем-то непривычным, чужим, а потому — и ненужным... Наконец, место жительства у рабочих традиционно было привязано к месту работы. Несовершенство транспортной системы делало маятниковые поездки в черте города практически неосуществимыми». Вывод исследователей категоричен: «первые попытки превратить центр Казани в среду обитания рабочих путем их механического переселения попросту провалились. Дихотомия «центр — окраины» была очевидной: в обиходе люди окраин называли центр «городом». Сравнивая эти факты с реалиями сегодняшнего дня, мы наблюдаем обратный процесс: центр, планомерно заселенный и освоенный в течении XX в. коренными жителями Казани, представлявшими разные социальные группы, вновь оказался привлекательным для новой элиты.

Очевидно, именно эти процессы, а не хронологические даты, обозначают рубежи и циклы городской истории, начало летописи его нового тысячелетия. Последствия изменений социальной карты города, происходящие на наших глазах, еще не могут быть до конца осмысленны и поняты. Эти процессы — своеобразные тектонические разломы в системе ценностей и обыденных представлений — по масштабности сопоставимы с событиями первых послереволюционных десятилетий. Во внешнем облике города изменения произошли эпохальные: «Образ старинной Казани — города аристократических особняков, классических учебных и присутственных зданий, тенистых садов и парков, шумных татарских базаров — постепенно тускнел и размывался. На смену шла Казань социалистическая — город коммуналок и новых рабочих районов, крупных промышленных предприятий и вузов, студентов-рабфаковцев и молодых производственников. Ни той, ни другой Казани практически уже нет, лишь мимолетные отблески ее иногда промелькнут перед нами». Вероятно, события последних лет еще воспринимаются слишком эмоционально, дни еще не стали временем, а обобщение механическое и беспристрастное еще ожидает нового поколения краеведов.

Книга изобилует увлекательными сюжетами, посвященными истории казанского транспорта, театров, образования, культуре потребления, городским праздникам. Многие факты получили новую оценку благодаря привлечению воспоминаний и устных рассказов старожилов. Книга не может оставить равнодушными казанцев, которые вместе с городом пережили трудные и яркие страницы его истории в XX в. Повседневное пространство города — это наше недавнее общее прошлое, которое определило формирование нашего мировоззрения, культуры, неповторимой казанской ментальности. От этого прошлого мы еще не смогли оторваться, еще пребываем в XX веке, «упираемся» в него личными переживаниями, воспоминаниями о 50-х, 60-х, 70-х и 80-х, 90-х годах. Казань XX века — это уже уходящая натура, многие черты внешнего абриса города и уклада жизни его обитателей утрачены безвозвратно. Почти каждый казанец может добавить детали личной биографии в коллективную панораму истории повседневности. Процесс уточнения может быть бесконечным, поскольку многогранна сама история Казани. Но для того, чтобы эта картина не представляла собой утомительный калейдоскоп событий и частных историй, авторам книги необходимо было

продемонстрировать «высший пилотаж» профессионального мастерства — умения отбирать и интерпретировать источники.

Книга помогает читателю «погрузиться» в атмосферу неповторимого ритма, стиля и колорита казанской повседневной жизни, что пробуждает полузабытое воспоминание о возможности общения через книгу с умными и понимающими собеседниками. Книгу хочется обсуждать с друзьями, знакомыми, людьми разных поколений, выходцами из разных социальных групп. С книгой хочется спорить и дополнять собственными воспоминаниями, чтобы образ стал еще более достоверным, максимально приближенным к правде жизни.

Авторам книги удалось осуществить свой замысел: представить «процесс постепенного превращения старой губернской Казани в новый социалистический город — город коммуналок и новых рабочих районов, рабочих ликбезов. Проследить процесс трансформации жизни советского человека в новых условиях и адаптации жизни провинциальных горожан». Можно только согласиться с оценкой значимости этого труда для культурной истории современного города, данной в эпилоге к книге главой администрации Казани И. Метшиным: «На протяжении XIX–XX веков Казань прошла долгий и непростой путь. В истории города были периоды застоя и кризиса и периоды стремительного продвижения вперед. Казанцы делили с городом его успехи и трудности, его неудачи и достижения, Вместе с изменениями города менялся и сам стиль и качество жизни, их самооценка, формировался своеобразный городской патриотизм». Книга обращена не только к мыслям, но и к чувствам горожан, ее содержание пробуждает в памяти у каждого свой собственный образ города. Знаю, что особые микромиры были почти на всех улицах и во дворах Казани: на Булаке и в Закабанье, в казанских слободках. Это — совсем другая Казань, история которой еще не написана. Как обращение к казанским старожилам звучат слова авторов книги: «...Но пока эти уходящие образы живы в нашей памяти, мы можем повернуть время вспять».

Текст сопровождает прекрасный визуальный ряд, состоящий из 250 фотографий из семейных альбомов, рисунков, гравюр, плакатов, сатирических портретов, иллюстраций из старинных журналов.

Сыченкова Лидия Алексеевна, д.и.н., доцент кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета; slid60@mail.ru.

Рец.: Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: материалы научной конференции молодых ученых / Под ред. Ю. В. Селезнева. Воронеж: Научная книга, 2009. 220 с.

Ныне остро стоит проблема вхождения юных исследователей в историческую науку. Многие из них уже со студенческой скамьи претендуют на то, чтобы предлагать результаты своих штудий «взрослой» историографии. «Омоложение» исторической науки привело к тому, что уже при поступлении в аспирантуру становится привычным представление перечня авторских публикаций, число которых в былые годы удовлетворяло требованиям представления кандидатской диссертации на защиту. Вместе с тем, неотъемлемым для вузовской науки стало желание ввести эти новации в формальную плоскость. Последнее привело к тому, что научные успехи воспитанников становятся критерием профессиональной состоятельности их научных руководителей, которые все чаще добиваются выхода сборников работ студентов лишь для ответа на этот вызов времени. Большое число таких сборников, являющихся атрибутом, как правило, провинциальных истфаков, отличаются разношерстным и разноуровневым составом. Действительно качественные разработки «растворяются» в массе заурядных школярских опусов, которые не всегда дотягивают до планки курсовых работ... Подобные сборники быстро забываются и не становятся достоянием даже провинциальной исторической среды.

Новый сборник, составленный по итогам конференции «молодых ученых» «Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция», многих болезней роста исторической науки молодых избежал, что и подтолкнуло нас к написанию данной рецензии, дабы сборник не затерялся в массе изданий материалов юных исследователей.

Выгодно отличает сборник участие уже сформировавшихся профессиональных историков, известных в научном сообществе России (статьи Ю. В. Селезнева, Д. А. Ляпина, Р. С. Чалого). В обсуждениях принимали участие также А. П. Медведев, Н. В. Рыбалко (Волгоградский госуниверситет), О. В. Скобелкин, А. В. Кузьмин (Москва). Ни в статьях, ни в выступлениях, ни в вопросах старших коллег не заметно усталой снисходительности оторванных от решения важных проблем специалистов, желания осадить на учебное место зарвавшегося студента. Более того, они предлагают такой тон, который настраивает на поиск истины и доброжелательность к изысканиям коллег, решающих общие вопросы в разных сферах исторического знания. В определен-

ном смысле организаторы конференции обеспечили диалог времен, выраженный в общении двух поколений историков — входящих в науку и уже в ней активно работающих.

Удачным приемом именно в контексте решаемых задач представляется публикация стенограмм обсуждений. Из них видно, как молодые ученые настраиваются на волну научного обсуждения, как примеряют одежды полемистов... Вначале это смотрится несколько наивно, но затем голоса молодых крепнут, формулировки вопросов и ответов становится более четкими и точными.

Опубликованные в сборнике статьи Ю. В. Селезнева, Д. А. Ляпина, Р. С. Чалого, А. В. Медведева носят отнюдь не дежурный характер. Проблемная статья Ю. В. Селезнева ставит перед молодыми учеными философский вопрос: зачем и кому нужны их исследования в обществе, которое не может осознать функции исторической науки? Каждому из начинающих коллег предстоит решить этот вопрос, на который автор не дает ответа, однако уже сам факт конференции и сборника показывают студентам-участникам, что их штудии ценятся, ими интересуются. В статье Р. С. Чалого представлена актуальная методологическая проблема взаимодействия постмодернизма и исторической науки. Не секрет, что многие начинающие исследователи ориентируются на лучшие образцы историографии второй половины XIX – XX вв., будучи не в курсе современных методологических экспериментов. Р. С. Чалый вводит слушателей и читателей в проблемное поле новых подходов, которые могут оказаться весьма продуктивными в решении вопросов реконструкции исторического прошлого. Д. А. Ляпин и А. В. Медведев своими выступлениями и статьями дали образцы решения конкретных исторических проблем из прошлого России XVII в. и саксонской Англии.

Удачно сформированы тематические блоки. Из них особенно выделяются археологические материалы и исследования по истории России XVII века, что естественно, поскольку историки Воронежского университета известны в России и за ее пределами, прежде всего, этими школами. К школе исследований истории России XVII века, возглавляемой ныне В. Н. Глазьевым, органично примкнули штудии нижегородских студентов и аспирантов О. В. Бабаниной и М. И. Балькиной. Проявились нижегородцы и в «миниблоке», посвященном проблемам историографии и источниковедения XVIII–XIX вв. (С. В. Сигунова, Н. П. Ершова). Показательно, что в докла-

дах А. В. Влазневой (Волгоград) и А. Р. Минегуловой (Казань) прозвучала тема русско-ордынских отношений и истории Золотой Орды, связанная с научными интересами Ю. В. Селезнева, который известен в современной отечественной историографии как специалист по изучению восприятия ордынского ига в русской средневековой мысли. Данный факт свидетельствует, что профессиональный интерес к этой проблематике распространяется из столичных центров России в провинциальную науку. Сложился на конференции и блок, связанный с исследованием отражения тех или иных идей, реминисценций античных и средневековых сюжетов в европейской культуре (доклады С. М. Фадеева, М. С. Поповой, Е. А. Каниболоцкой, И. К. Решетовой, Н. Ю. Знаменской). Проблематике новейшей истории в идеологическом аспекте также посвящен комплекс докладов.

Такая пестрая, на первый взгляд, проблематика конференции оказалась оправданной в смысле ее воспитательно-образовательной функции. Студенты-историки, занимающиеся наукой, остаются потребителями исторического знания в ходе обучения. Поэтому самые разные во временном и локальном смысле проблемы востребованы ими. Об этом свидетельствуют материалы обсуждений докладов.

К сожалению, в сборнике отсутствуют сведения об авторах статей и участниках обсуждения, от чего неосведомленному читателю останется неясным, в каких же вузах складываются, развиваются те или иные направления научного поиска.

В целом же, начинание воронежских историков по организации интеллектуального пространства провинциальной исторической науки России надо только приветствовать. Будем ждать продолжения этой конференции в Воронежском государственном университете и создания подобных научных форумов в других городах России. Еще раз подчеркнем важную пионерскую роль историков Воронежского университета в создании сообщества будущих исследователей.

Григорьева Екатерина Алексеевна, к.и.н., доцент кафедры истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; pps74@list.ru.

Кузнецов Андрей Александрович, к.и.н., доцент, зав. кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru.

SUMMARIES

SAVELIEVA, IRINA M., POLETAYEV, ANDREI V. **Russian Historians in Foreign Journals**

Article contains analysis of all publications of Russian historians in foreign historical journals, included in the database Web of Science in 1993–2008. The novelty of approach lays in combination of quantitative measures (number of articles and their citation indices) with qualitative analysis of publications. The latter includes distribution of articles by type of journals and by research topics. Authors also trace changes in quantity and content of articles over the period under consideration.

Keywords: *foreign historical journals, Russian historians, scientific articles, number of citations, Web of Science (WoS).*

SEREGINA, ANNA YU. **English translations of Catholic texts in the late 16th – early 17th centuries**

The author analyses the translations of Catholic texts made in the 16–17th cc. and intended for the use of the English Catholics. The study is focused on the corpus of translated texts as well as translators and literary patrons. The choice of books suitable for translation demonstrates that the English Catholic community represented an early example of the success of the principles of post-Tridentine reformed Catholicism among the English Catholic clergy and lay elite.

Keywords: *Catholic Reform, religious controversy, history of theology, religious education, church history, history of England.*

SIROTINSKAIA, MARIA M. **The City as viewed by the ‘Young America’ (mid-19th century)**

The article deals with attitudes towards political and social problems of the “great city” in the mid-19th century shown by the “Young America”, and in particular with views of its journal, the “Democratic Review”, and works of Cornelius Mathews who expressed faith in the triumph of civilization over the wilderness. In Perry Miller’s view, Mathews tried to capture the impersonality of the metropolis. But this modern theme would be more expedient to associate with Herman Melville. “Young Americans” tended to see the city as the representation of American life, emphasized the cultural and political influence of New York, claiming its “Manifest Destiny”.

Keywords: *Young America, Herman Melville, Cornelius Mathews, History of New York City.*

FEDIN, ANDREY V. **The idea of ‘noble savage’ in the 17th century ‘Jesuit relations’**

The author addresses the problem of formation and development of a major philosophical concepts of Modern time — idea of ‘natural man’ and its ethnologic basis — idea of ‘noble savage’. This concept is to be found in ‘Jesuit relations’ from Canada published in France during the 17th c. Caused by particular missionary problems, these reports became the major source information on life and customs of aboriginal peoples of the North America, both for contemporaries and subsequent generations of thinkers of the epoch of Enlightenment; the latter tended to interpret these sources in terms of ‘natural state’, ‘natural rights’ and ‘natural religion’.

Keywords: *Jesuits, New France, missionary, relations, savage, Jansenism, accommodation.*

ZAICHENKO, OLGA V. “Biedermeier” and “Vormärz”: Russia as constituting ‘other’ at Restoration period (diaries of German travellers)

The paper analyses the stages in shaping the image of Russia consecutive formation of Russia’s image in Germany during the Restoration period (1815–1848) in the context of social and political debates between the conservators and the liberal democrats. The research is based on the analysis of a voluminous array of essays (mainly represented by travel notes) on Russia written by German authors in the early 19th century. The materials were retrieved from the “Rossika” collection in the Russian National Library of St. Petersburg. The contradictory image of Russia described by these documents is considered as an intellectual responses of the conservators and the liberal democrats to the shifts in social and political situation in Germany during the restoration period.

Keywords: *Russia; Germany; political struggle; liberal russophobia; conservative russophilia.*

SHNEYDER, KONSTANTIN I. Historical views of early Russian liberals

The article presents an analysis of historical views of early Russian liberals of the mid-19th century on the basis of methodological concepts of the sociology of knowledge. The author tries to interpret the originality of liberals’ conceptual approaches to the national past and specific perception of achievements of the European civilization. Besides, the author tries to prove relevance of considering early Russian liberalism as an independent intellectual phenomenon in the history of Russian social thought.

Keywords: *Russian history, Early Russian Liberalism, Europeanism, Westernisation, “Protective Liberalism”.*

KRYUCHKOV, IGOR V. Karl Menger in Austrian intellectual space (1860s – early 20th c.)

The article presents a biography of Karl Menger. An outstanding Austrian thinker has influenced further development of European liberalism and the methodology of social sciences. While K. Menger was exploring the theory of subjective value, he realized the necessity of more detailed macro-level research in humanities and economic sciences. Historical and political contexts of Austria of the last third of the 19th – early 20th cc., which influenced on Menger’s activity and formation of his point of view, are shown. A great deal of attention is paid to the “dispute about method” between K. Menger and the representatives of German historical school.

Keywords: *Austria, liberalism, historicism, political-economy, psychology, empire, method.*

ARTAMOSHIN, SERGEY V. A ‘theologian of law’: K. Schmitt’s Catholic conservatism in search for spiritual continuity

The problem of the political power created a basis for public activity of Karl Schmitt. His conservatism was born of the idea that power was an instrument for making a society orderly and secure. Thus the Weimar political system as a system of political parties was seen as chaotic, as a period of parties’ fight for the total power which was to be followed by an authoritarian rule of one leader.

Keywords: *concept of the political power; “friend”-“enemy” distinction; Weimar system; political theology.*

NIKOLAEVA, IRINA YU., KHARITONOVA, NAILYA G. Ways of methodological synthesis: the image of Luther and the historical dynamics of Medieval Europe

The paper considers the Luther phenomenon as a symbol of historical dynamics in Western Europe. The authors trace two major trends in world historiography of Luther. The first is focused on idea that this peculiarity was determined by mental atmosphere of increased feelings of helplessness and fear of God and rejected the idea that Luther's thought were based on humanistic tradition. Another trend is centered on this content. The authors attempt to examine this contradictory traditions using original interdisciplinary technology; its focus is the sphere of subconscious.

Keywords: *Reformation, Luther, mentality, identity, valuable purpose, habitus, unconsciousness.*

DUBINA, VERA S. 'History of everyday life' in pluralism of cultural turns: Russian and German experience

The variety of historical methods could be a result not only of academic impact, but also political and social circumstances. Thus, the establishment of history of everyday life in Russia and Germany derived from different perspectives in spite of the direct influence of German scholarship on the Russian academic community. Political, social and other stereotypes dominated in both societies. Furthermore, the different intentions in writing a history of everyday life defined the role of this method in the scholarship of both countries.

Keywords: *History of everyday life, methods of historical investigation, scholarship in Russia and Germany.*

ALIMOVA, DILOROM A. Are there any gender constructions in the historiography of Central Asia of the three epochs (colonial, Soviet and contemporary)?

The article deals with social, political and cultural influences that shaped academic literature about women of Central Asia. The author analyses historiography of three epochs — colonial, Soviet and contemporary — in the context of dominant ideologies.

Keywords: *historiography of Central Asia; images of women in academic literature; gender ideology.*

GOLIKOVA, SVETLANA V. Hysterical women (klikushi): documents from the Ural region, 18th – early 20th centuries

The article analyzes the social and cultural phenomenon of hysteria, its origins and historical transformation and its changing interpretations in secular, religious and medical discourses, using the sources from the Ural region of Russia. A good deal of attention is paid to female bodies and the discipline of body.

Keywords: *history of Ural region, history of medicine, hysteria and exorcism.*

NOVIKOV, IGOR' A. 'Variability' of history: national and local approaches or historical myth-making?

The article analyses various aspects of the development of metallurgical districts of the Russian Empire and the Soviet Union. The author suggests that local or national and local approaches enable one not only to overcome myth-making in construing

history of post-Soviet states but also to make effective decisions in contemporary practice of national and local government, and would not let politics and ideology prevail over scholarly concerns.

Keywords: *metallurgical works, region, national and local approach, national history, myth-making.*

KHUDOLEEV, ALEKSEY N. *Studies of the theory of revolution by Piotr Tkachev in the Soviet historiography of the 1960–70s.*

The article aims at reconsideration of the interpretations and estimations of the revolutionary theory of P. N. Tkachev present in the Soviet historiography of the late 1960s – 1970s. The author analyzes various approaches to key positions of the theory of Tkachev. Attention is paid to the problems of overcoming biased views of the role and place of Narodnichestvo in the history of Russian revolutionary movement. The author concludes that all interpretations were one-sided and superficial since in the absence of methodological pluralism they were dominated by Marxist concepts.

Keywords: *P. N. Tkachev, revolutionary theory, Soviet historiography, Narodnichestvo.*

POZHAROV, ALEXEI I. *Debates in the historiography of the Soviet state security services of 1953–1964*

The author tried to analyze main trends in historiography that refers to the history of MGB KGB of the USSR in the mid-20th century and paid particular attention to different judgments and consequences of the Soviet state security services activity. These judgments were expressed at different points within the later 20th century and the first decade of the 21st century. One of the main tasks of the author is to show the difficulties and controversies in learning the history of domestic secret services in the past and what factors still make the work of the investigators in this sphere difficult.

Keywords: *state security services history, MGB-KGB, declassified documents, historic investigations, “Khrushchev’s thaw”, “The Cold War”.*

BOROZNYAK, ALEXANDER I. *A burden of the past lived through: the battle of Stalingrad in the context of philosophical history*

In the article a little known source on the history of the battle of Stalingrad is analysed. The book in question was written by the former soldier, a German philosopher B. R. Bayer and was published in 1982 when in Germany it was generally viewed as a symbol of sacrifice. At the time some scholars spoke of the need to ‘get away from the shadow of the Third Reich’. Bayer demonstrated the true meaning of the so-called ‘last letters from Stalingrad’ and presented his analysis of Western German historiography of the decisive battle of the Second World War.

Keywords: *battle of Stalingrad, Hegel’s philosophy, historical sources, history of everyday life.*

NOSKOV, VLADIMIR V. *Inventing Central and Eastern Europe (a collective monograph of Polish and French historians ‘History of Central and Eastern Europe’)*

The article presents a collective work of the Polish and French historians which deals with the common history of Eastern European countries to Russian audience. Atten-

tion is paid mainly to the critical analysis of the “Central-Eastern Europe” concept which is considered as an ideological pattern inherited by the modern historiography from the Cold War times as well as an attempt to revive some *Rzeczpospolita grandeur*’ myths. Regarding the main concept on which the book founded as invalid, this reviewer highly estimates the valuable contribution of his Polish and French colleagues to the investigation of many particular problems of Polish, Czech, Hungarian, and other countries’ history.

Keywords: *Central-Eastern Europe, Poland, Bohemia, Hungary, historiography.*

SELOUNSKAYA, NADEZHDA A. *Famine, abundance and crisis in the mythology of historical memory*

Massimo Montanari has demonstrated the comparative history approach towards the food history as well as the perspectives of the multidisciplinary research in the medieval studies. The monograph combines the elaborated research strategies (with the elements of popularization) with detailed contextualization of various stereotypes of historical descriptions. Dealing with the study of the material structures Montanari investigates contexts of the rhetoric of power as well as differences of social status together with myths of their origins. Montanari has also puts the focus of research on the moments of historical crises and transformation of society, with reflections of these transformations in historical memory.

Keywords: *Every-day life structures, food history, history and memory, crisis in history.*

SHEPELEVA, VALRNTINA V. *Non-classics, postmodernism and post non-classics and cognitive practice in Russia*

In this article there is an attempt to determine the parameters of post non-classic paradigm, including its differences from non-classics, postmodernism in terms of modern chaotic theoretical-methodological situation in social humanities, and in Russian historiography based on the works of I. R. Prigozhin and his colleagues, synergy — non-linearity analysts, V. S. Stepin and other Russian philosophers.

Keywords: *non-classics, post-modernism, post non-classics, nonlinearity, probability, historicism; historical method.*

PETROVA, MAYA S. *Biographies of Ancient and Medieval Authors in the context of Humanities*

The article presents an enlarged programme of a course ‘Auxiliary historical disciplines: prosopography’ for the students of humanities specialized in historical studies (including social, political intellectual history etc.) and the history of Ancient and Medieval philosophy. It is suggested that students are to have taken general courses in history and history of philosophy and auxiliary historical disciplines previously and to be familiar with research methods and classical languages.

Keywords: *prosopography, source, interpretation, person, epoch, reconstruction.*

СОДЕРЖАНИЕ

Историки России в пространстве мировой науки

- И. М. Савельева, А. В. Полетаев*
Российские историки в зарубежных журналах..... 5

История, религия, культура

- А. Ю. Серегина*
Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI – первой половины XVII вв..... 22
- М. М. Сиротинская*
Город в восприятии «Молодой Америки» (середина XIX в.)..... 45

Образы Другого

- А. В. Федин*
Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в..... 65
- О. В. Заиченко*
“Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «другой» в период Реставрации (на основе путевых дневников немецких путешественников)..... 94

Из истории идей и понятий

- К. И. Шнейдер*
Исторические взгляды ранних русских либералов..... 123
- И. В. Крючков*
Карл Менгер в интеллектуальном пространстве Австрии (60-е гг. XIX – начало XX вв.)..... 142
- С. В. Артамошин*
«Теолог юриспруденции»: католический консерватизм К. Шмитта в поисках духовной преемственности..... 158

Перспективы интердисциплинарности

- И. Ю. Николаева, Н. Г. Харитонова*
На путях методологического синтеза: образ Лютера как символ специфики исторической динамики средневекового Запада..... 174
- В. С. Дубина*
«История повседневности» в плюрализме культурных поворотов: русский и немецкий опыт..... 203

Гендер в истории и историографии

- Д. А. Алимova*
Существуют ли гендерные конструкции в историографии Центральной Азии трех эпох (колониальной, советской и современной)?..... 212
- С. В. Голикова*
Кликуши: по материалам Урала XVIII – начала XX вв..... 224

Отечественная историография вчера и сегодня

<i>И. А. Новиков</i> «Вариативность» истории: национально-региональный подход или историческое мифотворчество?.....	242
<i>А. Н. Худолеев</i> Изучение революционной теории П. Н. Ткачева в отечественной историографии второй половины 1960-х – 1970-х гг.....	257
<i>А. И. Пожаров</i> Противоречия и споры в историографии деятельности советских органов госбезопасности в период 1953–1964 гг.....	279

Читая книги

<i>А. И. Борозняк</i> «Груз выстраданного прошлого»: Сталинградская битва сквозь призму философской истории.....	308
<i>В. В. Носков</i> Изобретая Центрально-Восточную Европу (к выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы»).....	323
<i>Н. А. Селунская</i> Голод, изобилие и кризисы в мифологии исторической памяти	347

Приглашение к дискуссии

<i>В. Б. Шепелева</i> Неклассика, постмодернизм, постнеклассика и отечественная познавательная практика.....	355
---	-----

Проблемы преподавания

<i>М. С. Петрова</i> Биографии античных и средневековых авторов в ракурсе гуманитарного знания.....	373
--	-----

Рецензии

Рец. на кн.: Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы XIX–XX вв. Казань, 2008.....	383
Рец. на кн.: Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: материалы научной конференции молодых ученых. Воронеж, 2009.....	388
Summaries.....	391
Содержание.....	396
Contents.....	398

CONTENTS

Russian Historians in the world context

- Savelieva, Irina M., Poletayev, Andrei V.*
Russian Historians in Foreign Journals..... 5

History, religion, culture

- Seregina, Anna Yu.*
English translations of Catholic texts in the late 16th – early 17th centuries.. 22
Sirovinskaia, Maria M.
The City as viewed by the ‘Young America’ (mid-19th century)..... 45

The Image of the Other

- Fedin, Andrey V.*
The idea of ‘noble savage’ in the 17th century Jesuit relations..... 65
Zaichenko, Olga V.
“Biedermeier” and “Vormärz”: Russia as constituting ‘other’ in Restoration
period (diaries of German travellers)..... 94

History of ideas and concepts

- Shneyder, Konstantin I.*
Historical views of early Russian liberals..... 123
Kryuchkov, Igor V.
Karl Menger in Austrian intellectual space (1860s – early 20th c.)..... 142
Artamoshin, Sergey V.
A ‘theologian of law’: K. Schmitt’s Catholic conservatism in search for
spiritual continuity..... 158

Perspectives of interdisciplinarity

- Nikolaeva, Irina Yu., Kharitonova, Nailya G.*
Ways of methodological synthesis: image of Luther and historical dynamics
of Medieval Europe..... 174
Dubina, Vera S.
‘History of everyday life’ in pluralism of cultural turns: Russian and
German experience..... 203

Gender in history and historiography

- Alimova, Dilorom A.*
Are there any gender constructions in the historiography of Central Asia of
the three epochs (colonial, Soviet and contemporary)?..... 212
Golikova, Svetlana V.
Hysterical women (klikushi): documents from the Ural region, 18th – early
20th centuries..... 224

Russian historiography: past and present

<i>Novikov, Igor' A.</i> 'Variability' of history: national and local approaches or historical myth-making?.....	242
<i>Khudoleev, Aleksey N.</i> Studies of the theory of revolution by Piotr Tkachev in the Soviet historiography of the 1960–70s.....	257
<i>Pozharov, Alexei I.</i> Debates in the historiography of the Soviet state security services of 1953–1964.....	279

Reading books

<i>Boroznyak, Alexander I.</i> A burden of the past lived through: the battle of Stalingrad in the context of philosophical history.....	308
<i>Noskov, Vladimir V.</i> Inventing Central and Eastern Europe (a collective monograph of Polish and French historians 'History of Central and Eastern Europe').....	323
<i>Selounskaya, Nadezhda A.</i> Famine, abundance and crisis in the mythology of historical memory.....	347

Debates

<i>Shepeleva, Valentina V.</i> Non-classics, post-modernism and post non-classics and cognitive practice in Russia.....	355
---	-----

Teaching history

<i>Petrova, Maya S.</i> Biographies of Ancient and Medieval Authors in the context of Humanities...	373
--	-----

Reviews

Review: Vishlenkova E. A., Malysheva S. Yu., Sal'nikova A. A. Culture of everyday life in a provincial city: Kazan' and Kazanians in the 19–20 th cc. Kazan', 2008	383
Review: Image of the past: historical consciousness and its evolution. Young scholars' conference. Voronezh, 2009.....	388
Summaries.....	391
Содержание.....	396
Contents.....	398